

СОДЕРЖАНИЕ

МГОУ – 80 лет: поздравления с юбилеем 7

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Болотова Ю.С.</i> Аксиологический аспект дискурса моды	16
<i>Володина К.А.</i> Лингвистическая оценка текстинга и его основных функций	22
<i>Герасименко Д.В.</i> Проблемы гендерной дифференциации в современном английском языке	27
<i>Ершов М.В.</i> Функциональное развитие драматургической авторской речи во внесюжетном времени	31
<i>Киосе М.И.</i> Когнитивно-функциональная типологизация аллюзивных метатекстов	35
<i>Маликов И.Г.</i> Концептуальная метафора в концептуальной системе и культуре европейского права	41
<i>Мышкова И.Б.</i> Контекст и потенциальная коннотативная оценка в тексте художественного произведения	49
<i>Намычкина Е.В.</i> Развязка англоязычных волшебных и новеллистических сказок	55
<i>Новак И.П.</i> Альтернатива согласных в системе именного словоизменения карельского языка	59
<i>Овсянникова М.А.</i> Ценностные доминанты в интернет-форуме как жанре спортивного дискурса (на материале английского языка)	65
<i>Савицкий В.М.</i> Фиксация наивно-психологических представлений в лингвокультуре	69
<i>Сергеева Ю.М., Самохвалова Е.В.</i> К вопросу о проспективной референции в тексте и дискурсе	73
<i>Сухая Е.В.</i> Структурно-функциональная характеристика парентетических внесений (на материале популярной естественнонаучной монографии)	78
<i>Федосеева М.Ю.</i> Терминология профессионально ориентированных текстов по экономике (на примере текстов журнала "The Economist")	83

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

<i>Брунов А.В.</i> Астротопонимы в сфере языкового состава современного английского языка	89
<i>Зимин С.В.</i> Грамматические трансформации глагольных форм с <i>-ing</i> -окончанием	93
<i>Казюлина М.А.</i> Функционирование лексики <i>power</i> как политического термина в печатном медиадискурсе	98
<i>Кожемякина Л.В.</i> Особенности классификации античных и раннехристианских реалий на материале исторического романа Лью Уоллиса «Бен-Гур»	102
<i>Пичугина А.А.</i> Символика цветообозначений в кельтском элементе мифологической культуры Британских островов	107
<i>Юдина И.Ю.</i> Метафорическое переосмысление значения в английской пословице	110

РАЗДЕЛ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Антипов А.А.</i> Перевод аббревиаций и сокращений как объект лингвистического исследования (на материале космической специальной лексики)	115
<i>Закирова Ю.А.</i> Мужская картина мира в паремиях (на материале русского, английского, немецкого и итальянского языков)	121

Зарудняя Е.В. Лексикографическая интерпретация понятия «потусторонность» в английской и русской лингвокультурах	129
Зубарева Г.С. К вопросу о взаимосвязи языка и культуры (на материале русского, немецкого и английского языков)	135
Ковригина И.А. Лексика, обозначающая национально-культурную специфику жизни США и её перевод на русский язык (на материале романа Теодора Драйзера «Американская трагедия»)	138
Кондракова Ю.Н. Отрицательные частицы с причастиями в современном иврите в контексте истории семитских и индоевропейских языков	144
Коробкова М.А. Особенности семантического поля «курение» в молодежном сленге (на материале немецкого, английского и русского языков)	149
Лиходкина И.А. Особенности синтаксиса простого предложения во французской и русской разговорной речи	156
Люльчева Е.М. Варьирование семантико-синтаксических средств выражения отрицания в диалогической речи в британском и американском вариантах английского языка	161
Острик Н.Н. Художественный перевод в музыкальной интерпретации в метапоэтике Норы Галь ...	167
Редкозубова А.Н. Проблема передачи квазитета в стихотворениях Льюиса Кэрролла с английского языка на русский (на материале «Алисы в Стране чудес»)	173
Сухина Е.В. Спортивная и игровая метафоры в тексте американского юридического триллера и особенности их передачи на русский язык	178
Усманов Ф.М. Функциональный анализ двусоставных безглагольных предложений (на материале английского и узбекского языков)	183
Федулова А.Н. Консонантный характер текста. Сопоставительное исследование на материале русского, немецкого и английского языков	188

РАЗДЕЛ IV. РОМАНО-ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Васильева Н.М. Лексико-грамматические признаки подлежащего тематической и рематической позициях (на материале придаточных предложений во французском языке)	193
Полякова Н.В. Функционально-прагматические особенности французских повествовательных сложноподчинённых предложений с гипотетическим придаточным	199
Руденко Е.С. Понятийная составляющая концепта «прекрасное» в немецкой лингвокультуре на материале имён прилагательных	204
Шамраева К.В. Сложноструктурированный институциональный экономический дискурс как лингвокогнитивный феномен	209

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ханс Цетмайер , председатель Фонда им. Ханнса Зайделя, министр в отставке, почётный доктор наук, профессор. Научная политика Германии в эпоху глобализации (лекция в Московском государственном областном университете 20 октября 2010)	216
IV международный симпозиум по лингвистике. Бухарест (Румыния) 5-6 ноября 2010 года	223

НАШИ АВТОРЫ	225
--------------------------	-----

CONTENTS

Congratulations to Moscow State Regional University (MSRU) on the 80th Jubilee 7

SECTION I. THEORETICAL QUESTIONS OF A GENERAL LINGUISTICS

<i>Y. Bolotova.</i> The axiological aspect of the fashion discourse	16
<i>K. Volodina.</i> Linguistic estimate of texting and its functions	22
<i>D. Gerasimenko.</i> Gender differentiation issues in modern English	27
<i>M. Ershov.</i> The functional development of the author's speech which goes beyond the body text of the play	31
<i>M. Kiose.</i> Cognitive-functional typological research of metatextual allusions	35
<i>I. Malikov.</i> Conceptual metaphor in conceptual system and culture of European law	41
<i>I. Myshkovaya.</i> Context and potential connotative evaluation in the text of a fictional work of art	49
<i>E. Namychkina.</i> Ending of English fairy and realistic tales	55
<i>I. Novak.</i> Alternation of consonants in the system of nominal inflection in the Karelian language	59
<i>M. Ovsyannikova.</i> Value dominants in internet-forum as a sport discourse genre (English language)	65
<i>V. Savitsky.</i> The reflection of common knowledge about human psychology in language and culture	69
<i>Y. Sergeeva, E. Samokhvalova.</i> Prospective cumulation in text and discourse	73
<i>E. Sukhaya.</i> Structural and functional description of parentheticals (as illustrated by a popular science monograph)	78
<i>M. Fedoseeva.</i> Terminology of special texts on economics (based on the materials of "The Economist")	83

SECTION II. LANGUAGE UNITS OF LANGUAGE SYSTEM

<i>A. Brunov.</i> Astrotoponyms in word-stock of contemporary English	89
<i>S. Zimin.</i> Grammatical transformations of verb forms with <i>-ing</i> ending	93
<i>M. Kazyulina.</i> Functioning features of the word <i>power</i> as a political term used in a newspaper mediatext ...	98
<i>L. Kozhemyakina.</i> The peculiarities of classification of antique and early Christian realias in the historical novel "Ben-Hur" by Lew Wallace	102
<i>A. Pichugina.</i> Symbolism of color designation in the Celtic element of mythological culture of the British Isles	107
<i>I. Yudina.</i> Metaphorical change of meaning in English proverbs	110

SECTION III. COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>A. Antipov.</i> Translation of abbreviations and abridgments as an object of linguistic research (on the basis of special space lexis)	115
<i>Y. Zakirova.</i> Male world image in proverbs (based on the material of Russian, English, German and Italian languages)	121
<i>E. Zarudnyaya.</i> Lexicographical interpretation of the concept "the other world" in the English and Russian linguocultures	129
<i>G. Zubareva.</i> The problem of interconnection of language and culture (based on the Russian, German and English languages)	135
<i>I. Kovrigina.</i> Culture-specific vocabulary which reflects life in the USA and its translations into Russian (based on the novel "An American tragedy" by Theodore Dreiser)	138
<i>Yu. Kondrakova.</i> Negation with participles in modern Hebrew (in the context of the history of the Semitic and Indo-European languages)	144

M. Korobkova. Features of the semantic field “smoking” in youth slang of the German, English and Russian languages	149
I. Likhodkina. Peculiarities of syntax of a simple sentence in the French and Russian colloquial language ..	156
E. Lyulcheva. Variety of semantic and syntactic means of expressing negation in dialogical speech in British and American English	161
N. Ostrik. Literary translation in musical interpretation in metapoetics of Nora Gal	167
A. Redkozubova. The problem of quasitext translation in poems by Lewis Carroll from English into Russian (on the material of «Alice in Wonderland»)	173
E. Sukhina. Sports and game metaphors in the text of American legal thriller and peculiarities of translation of these metaphors into Russian	178
F. Usmanov. Functional analysis of the two-member nonverbal sentences (in the English and Uzbek languages)	183
A. Fedulova. The consonant nature of the text. Contrastive research on the material the of the Russian, German and English languages	188

SECTION IV. ROMANO-GERMAN LINGUISTICS

N. Vasilieva. Lexico-garmmmatical features of the subject in thematic and rhematic positions (on the material of subordinate clauses in the French language)	193
N. Polyakova. Functional and pragmatic peculiarities of French declarative compound sentences with a hypothetical subordinate clause	199
E. Rudenko. The notional component of the concept „beauty” in the German linguoculture illustrated by adjectives	204
K. Shamraeva. Complex-structural institutional economic discourse as a lingvocognitive phenomenon	209

SCIENTIFIC LIFE

Tsietmeyer Hans, The Chairman of Hans Zaitel Fund, Professor, Minister in Retirement, Doctor Emeritus. Scientific Policy of Germany in the era of Globalization. (Lecture delivered in Moscow State Regional University, October, 20th, 2010)	223
The IVth International Symposium in Linguistics. Bucharest (Rumania), November, 5 - 6, 2010	225

МГОУ – 80 ЛЕТ: ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ЮБИЛЕЕМ

**Уважаемые преподаватели, студенты, выпускники
областного университета! Дорогие друзья!**

Сердечно поздравляю Московский государственный областной университет с замечательным юбилеем – 80-летием!

Путь от МОПИ им. Н.К. Крупской до МГОУ – это 80 лет упорной работы, творческого поиска, заслуженного признания. Созданный в 1931 году институт, а теперь университет, был и остаётся флагманом системы подготовки высококвалифицированных специалистов в Московской области.

Сегодня в университете обучается более 12 тысяч студентов, и в вашем вузе к каждому находят индивидуальный подход

Показателен тот факт, что известные ученые, руководители, общественные деятели и, конечно же, педагоги получили образование именно в МОПИ – МПУ – МГОУ. Вклад выпускников вуза трудно переоценить – он поистине колоссальный!

Сегодня университет является крупнейшим вузом Московского региона, дающим современное качественное, востребованное обществом образование. Синтез учебного процесса с научными исследованиями, интенсивное использование инновационных технологий, широкий спектр

реализуемых образовательных программ, а также активное участие в общественной жизни страны позволяют вашим выпускникам достигать больших высот в различных сферах и областях деятельности и плодотворно работать на благо национального процветания.

Коллектив университета по праву гордится своей славной биографией, уникальными научными школами, именами преподавателей и выпускников, среди которых – заслуженные деятели науки Российской Федерации, лауреаты Госпремии СССР, России и премии Президента РФ, академики и члены-корреспонденты российских и международных академий, профессора, доктора и кандидаты наук, известные ученые, общественные деятели, руководители, известные педагоги, члены профессиональных союзов, олимпийские чемпионы.

Правительство Московской области высоко ценит вклад Московского государственного областного университета в развитие инновационного, интеллектуального, трудового и экономического потенциала нашего региона.

Деятельность преподавателей и сотрудников университета является ярким примером преданного служения благородному делу образования, высокой компетентности и профессионализма.

Желаю университету долгой истории и крепких традиций, коллективу преподавателей, сотрудников, студентов и аспирантов – доброго здоровья, новых творческих свершений на благо высшей школы и российского образования, удачи и успехов!

Губернатор Московской области

Б.В. Громов

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Сердечно поздравляю весь коллектив Московского государственного областного университета со знаменательной датой – 80-летним юбилеем! Примите мои поздравления и глубокую благодарность за неоценимый вклад, внесенный вами в дело просвещения и науки! Позвольте пожелать исполнения самых заветных желаний, успехов в реализации самых смелых замыслов, счастья и радости, пытливых, талантливых студентов, аспирантов, докторантов.

Особенно приятно это сделать еще и потому, что старейший вуз Московской области мне очень близок. Я сама окончила МОПИ им. Н.К. Крупской, и некоторое время преподавала здесь, всегда помню прекрасных людей, с которыми мне посчастливилось встретиться в стенах вуза и у которых я удостоилась чести учиться. Их отличал и отличает высокий профессионализм и лучшие человеческие качества. Уверена, что своими научными и практическими успехами я в значительной степени обязана тому прочному профессиональному фундаменту, который был заложен моими Учителями – учеными и педагогами МГОУ (МОПИ).

Сегодня Московский государственный областной университет – крупнейший университет региона. Пройденный его коллективом славный путь от МОПИ – МПУ до МГОУ являет собой поистине яркий пример верности и преданности избранному делу и долгу.

В учительском корпусе Подмосковья большинство составляют выпускники университета. Это элита работников народного образования. Среди выпускников вуза – заслуженные учителя России, отличники образования, победители профессиональных конкурсов различного уровня.

МГОУ по праву является научно-педагогическим центром Московского региона. Университет обрел и удерживает это право благодаря высокому профессионализму и творческому потенциалу преподавателей, эффективной работе советов по защите докторских и кандидатских диссертаций, активной научно-исследовательской работе по приоритетным направлениям науки, в том числе по нанотехнологиям, широким международным связям в области образования и науки.

Мы гордимся лидерами научных школ МГОУ, продолжающими научный поиск и демонстрирующими новые достижения в области подготовки высококвалифицированных кадров для Подмосковья, а также высокими результатами нашей совместной деятельности, связанной с реализацией различных проектов, направленных на развитие и углубление образовательных процессов в регионе.

Традиционно много внимания в университете уделяется воспитанию студентов, культурно-массовой, спортивно-оздоровительной работе с молодежью, что, бесспорно, является очень важным с учетом современных тенденций, наблюдающихся в общественной жизни. В настоящее время вузы страны должны вести постоянный поиск новых форм и методов работы, современных образовательных технологий, базирующихся на новейших открытиях, нестандартных подходах к воспитанию студенческой молодежи. МГОУ – одно из тех образовательных учреждений, на которое следует равняться в процессе поиска путей достижения целей, связанных с молодежной политикой.

Как отметил Президент Д.А. Медведев, «модернизация и инновационное развитие – единственный путь, который позволит России стать конкурентным обществом в мире 21-го века, обеспечить достойную жизнь всем нашим гражданам. В условиях решения этих стратегических задач важнейшими качествами личности становятся инициативность, способность творчески мыслить и находить нестандартные решения, умение выбирать профессиональный путь, готовность обучаться в течение всей жизни...». Именно эти качества вы, дорогие коллеги, преподаватели и сотрудники университета, формируете и развиваете у ваших студентов.

Уверена, что решение этих и других важных задач по плечу вашему дружному, работоспособному коллективу.

Сегодняшний юбилей – это праздник всех, кто в разные годы получил путевку в жизнь из МОПИ – МПУ – МГОУ. Сердечно поздравляю преподавателей, сотрудников, аспирантов, студентов, выпускников разных поколений с 80-летием Московского государственного областного университета! Высокая оценка профессиональных, деловых и личностных качеств, ваш богатый опыт, обширные знания снискали вам заслуженный авторитет и уважение у представителей всего образовательного сообщества. Большого вам человеческого счастья, крепкого здоровья, успехов в труде и процветания!

Желаю любимому вузу сохранения и преумножения традиций отечественного образования, новых свершений на общее благо Московского региона и нашей страны!

Министр образования Правительства Московской области
член-корреспондент РАО, д.п.н., профессор

Л.Н. Антонова

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Уважаемый Павел Николаевич!

Поздравляю Вас, в Вашем лице – ветеранов профессорско-преподавательский состав, студентов, аспирантов и всех сотрудников со знаменательной датой – 80-летием со дня образования Московского государственного областного университета!

Все эти годы вуз пользуется заслуженным авторитетом как крупный образовательный центр, подготовивший тысячи высококвалифицированных педагогических кадров, славится своими богатыми традициями, сильным профессорско-преподавательским коллективом.

Выпускники МГОУ, обладающие глубокими знаниями и практическими навыками, внесли значимый вклад в развитие российской науки и образования.

Среди них также есть известные телеведущие, спортсмены, поэты и писатели, государственные и общественные деятели.

Уверен, что плодотворная научная, образовательная, культурно-воспитательная работа и впредь будет служить визитной карточкой университета.

Желаю всем крепкого здоровья, успехов во всех начинаниях, благодарных студентов, силы духа и веры в Россию!

Депутат Государственной думы
Федерального собрания РФ

В.А. Малашенко

Уважаемый Павел Николаевич!

От имени издательства «Просвещение» искренне поздравляю коллектив Московского государственного областного университета.

Юбилей – это радостный праздник, время подведения итогов, строительства планов на будущее. Вы по праву можете гордиться достигнутыми результатами. Со дня основания Университет – это проводник в мире образования и воспитания для всех педагогов нашей большой страны.

Велика значимость колоссальной работы, которую ведут преподаватели Вашего университета по подготовке молодых учителей, по внедрению в жизнь новых эффективных научных и образовательных концепций и технологий, по повышению престижа профессии педагога.

Примите искренние слова благодарности за преданность, честное и благородное служение делу образования и просвещения.

Желаю Вам дальнейшего процветания и развития!

С уважением,
Управляющий директор
ОАО Издательство «Просвещение»

А.М. Кондаков

Дорогие друзья!

Руководство и профессорско-преподавательский состав Академии Федеральной службы безопасности Российской Федерации сердечно поздравляют Вас со знаменательным событием в жизни вашего учебного заведения — 80-летием!

За время своего существования вы воспитали и подготовили тысячи высококвалифицированных педагогов, преданных делу воспитания и обучения подрастающего поколения, способного к прогрессивному развитию и созиданию.

Среди ваших выпускников — педагоги-практики и педагоги-ученые, известные научно-педагогической общественности России и зарубежных стран, внесшие значительный вклад в развитие методической мысли России. Уже много лет подряд Московский государственный областной университет (первоначально – МОПИ имени Н.К. Крупской) отвечает вызовам времени.

Ваш университет — это более, чем просто вуз подготовки преподавателей школы и вуза, а ныне — и специалистов других профессий, соответствующих требованиям времени, — это институт формирования крепкого нравственного стержня профессионала.

Вы воспитываете у студентов лучшие качества российской интеллигенции: любовь к Родине, высочайший профессионализм, преданность делу, трудолюбие, справедливость и честность.

Труд коллектива университета и вклад в науку его ученых снискали глубочайшее уважение и почтительное отношение к вашему учебному заведению в обществе.

Желаем коллективу университета дальнейших творческих успехов, здоровья, благополучия и процветания!

Руководство Академии ФСБ России

Дорогие друзья!

Коллектив Института микробиологии Национальной академии наук Азербайджана шлёт руководству и всему профессорско-преподавательскому составу Московского государственного областного университета свои самые искренние поздравления с 80-летием образования университета.

Авторитет университета неизменно высок и в России, и далеко за ее пределами, а его диплом – свидетельство фундаментальных и прикладных знаний, широкого кругозора, основательной профессиональной подготовки. Важно, что вы стремитесь следовать лучшим традициям, заложенным несколькими поколениями выдающихся ученых и наставников, и развиваетесь как высшее учебное заведение современного, инновационного типа.

Желаем вашему университету дальнейшего процветания и стабильности, а всем вашим коллегам – доброго здоровья, сил и упорства в работе на благо университета. Пусть реализация ваших планов приносит стабильный доход и новые перспективы!

Директор Института микробиологии
НАН Азербайджана, д.б.н., проф.,
действительный член НАНА

Салманов М.А.

Дорогие друзья!

Ректорат, профессорско-преподавательский состав и студенты Хмельницкого национального университета поздравляют коллектив Московского государственного областного университета со славным 80-летним юбилеем!

Желаем успешно развиваться, уверенно идти по избранному вами пути, крепкого здоровья, благополучия, счастья и новых творческих побед!

Надеемся на плодотворное сотрудничество в сфере образования и науки!

Проректор по международным связям
Хмельницкого национального университета,
к.т.н., профессор

Н.А. Иохна

Уважаемый Павел Николаевич!

Коллектив Пятигорского государственного лингвистического университета рад присоединиться к многочисленным поздравлениям, звучащим в адрес Московского государственного областного университета в связи со знаменательной датой – 80-летием со дня основания!

За долгие годы своего славного существования университет подготовил сотни тысяч выпускников, которые успешно трудятся во всех без исключения регионах России и за рубежом. Университет заслуженно пользуется авторитетом не только на Родине, но и далеко за ее пределами благодаря высокому профессионализму профессорско-преподавательского состава, его опыту и огромному творческому потенциалу, верности богатейшим традициям, заложенным десятилетиями, и умению идти в ногу со временем.

Поздравляя Вас и ваш коллектив с юбилеем, мы от всей души желаем всем, чья жизнь связана с МГОУ, сохранять и приумножать высокий научный потенциал своей Alma Mater, поддерживать славные традиции, заложенные многими поколениями преподавателей и студентов. Крепкого всем здоровья, счастья, мира и благополучия!

Ректор Пятигорского государственного
лингвистического университета, профессор,
академик АПСН, председатель
Общественного Совета г. Пятигорска

А.П. Горбунов

Уважаемые коллеги!

Сердечно поздравляем Вас с замечательным юбилеем!!!

Ваш творческий путь – путь могучей кузнецы кадров – широко известен не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами!!!

Вы являетесь флагманом для сотен высших учебных заведений и путеводной звездой для тысяч молодых сердец!!!

От души желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, новых достижений и успехов в труде на благо нашей Родины!!!

Коллектив Калужского государственного университета

Первый проректор

В.Б. Королев

Уважаемые коллеги!

Коллектив Курского государственного университета сердечно поздравляет преподавателей и студентов Московского государственного областного университета с юбилеем зрелости и мудрости – 80-летием со дня основания!

Научно-педагогические традиции и достижения Московского государственного областного университета, заложенные в далекие тридцатые годы XX века и творчески развиваемые современным поколением сотрудников, позволяют говорить об университете как о современном научном, научно-методическом и научно-организационном центре подготовки кадров специалистов-профессионалов высшей квалификации.

Желаем коллективу Московского государственного областного университета творческих успехов и достижения новых высот в научной деятельности и в деле подготовки новых поколений специалистов на благо России.

Проректор по научной работе
Курского государственного университета,
доктор педагогических наук, профессор

В.А. Кудинов

Уважаемые коллеги!

Ректорат и профессорско-преподавательский состав Поволжской государственной социально-гуманитарной академии шлют руководству и всему коллективу Московского государственного областного университета сердечные поздравления со славным 80-летним юбилеем вуза, глубоко ценя его огромные заслуги в подготовке высококвалифицированных кадров для разных областей народного хозяйства, образования, науки и культуры; среди выпускников факультетов и аспирантуры МГОУ есть и сотрудники нашего вуза.

Неоценимый вклад, внесенный коллективом МГОУ в дело просвещения и науки, делает ваш вуз весомой частью драгоценного культурного достояния страны.

В этот знаменательный день примите самые теплые пожелания дальнейших успехов в вашем благородном труде на ниве возрождения величия нашего Отечества.

Ректор Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, доктор филол. наук, проф.

Вершинин И.В.

Дорогие коллеги!

80-летний юбилей вашего учебного заведения – значимое и радостное событие для всего российского образования! Позвольте присоединить к блестящему каскаду поздравлений наши теплые и искренние слова.

От Московского областного педагогического института образца 1931 года до современного университета XXI века пролегли долгие 80 лет. Этот путь – целая эпоха, вместившая в себя массу разномасш-

табных событий, находок, достижений, а иногда – трудностей и потрясений. Многое преодолено, многое достигнуто. И главное достижение – это целое созвездие блистательных выпускников, среди которых известные поэты, писатели, драматурги, редакторы известных изданий, народные артисты, политики, заслуженные учителя Российской Федерации, работники министерств, лауреаты различных премий. 80 лет вашими выпускниками формируется и укрепляется интеллектуальная элита России!

Ваш коллектив – дружное сообщество мастеров своего дела самой высокой пробы, которые всю свою профессиональную жизнь ищут, совершают, стремятся, открывают, познают, и все это – с самым высоким градусом напряжения интеллектуальных, душевных, физических сил, невзирая на уже приобретенный солидный возраст и авторитет.

В истории нашего молодого сибирского вуза и в благодарной памяти его сотрудников навсегда останутся имена заведующего кафедрой педагогики Василия Ивановича Журавлева, декана факультета повышения квалификации Валентина Петровича Симонова, начальника отдела аспирантуры Галины Александровны Белинской. Их помощь в формировании высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава нашего учебного заведения неоценима.

За свою насыщенную событиями 80-летнюю историю ваше учебное заведение трижды меняло свое название. Но неизменной оставалась его уникальная академическая атмосфера, сформированная подвижнической деятельностью многих талантливых ученых и педагогов, сумевших объединить лучшее из педагогического и классического университетского образования – Заслуженный деятель науки РФ, профессор, доктор филологических наук Наталья Михайловна Васильева, профессор, доктор филологических наук Людмила Петровна Пицкова, воспитавшие и продолжающие воспитывать вот уже несколько поколений романистов, преподавателей, учителей, исследователей, в духе высокопрофессиональной научной лингвистической школы, созданной в вашем вузе много лет назад под руководством профессора, доктора филологических наук Нины Алексеевны Катагощиной, память о которой останется в наших сердцах, а научных дух её исследований – в трудах всех последователей.

Ваш коллектив всегда достойно преодолевал соблазн искушения «новомодными инновациями». Вы мудро определили для себя курс: модернизация, но с опорой на традицию. Ваш вуз внес неизмеримо значительный вклад в подготовку педагогических кадров нашей большой страны. Вспоминая слова известной песни, можно с полным правом сказать, что ваш адрес – «не дом и не улица», ваш адрес – Советский Союз!

Меняется облик российской высшей школы, все более успешно решаются задачи модернизации отечественной системы образования, и в этом есть огромный вклад коллектива Московского государственного областного университета.

Уверены – мудрость, талант, творческая энергия и повседневный кропотливый труд вашего коллектива всегда позволят вам достигать тех высоких целей, которые вы ставите перед собой.

Примите от нашего молодого Сургутского государственного педагогического университета самые сердечные поздравления с юбилеем! Пусть и впредь авторские находки и профессиональные поиски, преданность делу и вдохновенное творчество будут главными в деятельности вашего учебного заведения. Пусть легко покоряются самые высокие вершины, а любые замыслы находят успешное воплощение. Пусть каждый ваш день будет светлым, каждое начинание – успешным! Крепкого вам здоровья, стабильности, удачи, профессионального и творческого долголетия всему вашему творческому коллективу преподавателей и сотрудников!

Коллектив Сургутского государственного педагогического университета

Дорогие коллеги!

Сердечно поздравляем Московский государственный областной университет с 80-летием! Вы по праву можете гордиться богатой историей вуза и тем, что в настоящее время он по-прежнему остается одним из ведущих образовательных учреждений страны.

В этом большая заслуга администрации и коллектива Университета, всех его подразделений, журнала «Вестник МГОУ», который издается в стенах Московского государственного областного университета уже более 10 лет!

В эти праздничные дни, пожалуйста, примите пожелания дальнейшего процветания Университета! Желаем Вам новых научных достижений, успехов в образовательной деятельности, а также надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество!

От имени коллектива Института
Экологических проблем Севера УрО РАН
директор, д.х.н., проф.

К.Г. Боголицын

Уважаемый Павел Николаевич!

Поздравляем Вас и возглавляемый Вами коллектив Московского государственного областного университета, как одного из членов Ассоциации Московских вузов, со знаменательной датой – 80-летием со дня основания.

За прошедшие годы Вашему коллективу удалось достичь заметных успехов в подготовке высококвалифицированных научно-педагогических кадров для российского образования. На сегодняшний день в этой области вы являетесь одним из ведущих вузов.

Желаем Вам успехов в сложной и ответственной работе, реализации всех намеченных планов.

Желаем коллективу здоровья, счастья и новых творческих свершений.

Ректор
Московского физико-технического института

Н.Н. Кудрявцев

Дорогие коллеги!

Примите искренние поздравления в связи со знаменательным событием – 80-летним юбилеем вашего славного университета. Для меня он не чужой: я окончил аспирантуру при факультете английского языка МОПИ им. Н.К.Крупской, а позже защитил докторскую диссертацию в совете при МПУ.

На всю жизнь запомнил я замечательных людей, с которыми мне посчастливилось встретиться в стенах этого вуза и у которых я удостоился чести учиться. Их отличал и отличает высокий исследовательский профессионализм, дидактическое мастерство и лучшие человеческие качества.

Своими дальнейшими научными и практическими успехами я в огромной мере обязан тому прочному профессиональному фундаменту, который был заложен во мне моими Учителями – учеными и педагогами МОПИ-МПУ-МГОУ.

Позвольте пожелать вам, дорогие коллеги, исполнения самых заветных желаний, реализации самых смелых замыслов, счастья и радости.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии
Поволжской гос. социально-гуманитарной академии

В.М. Савицкий

**Уважаемый Лев Львович,
уважаемые члены Диссертационного совета
по филологическим наукам
примите мои поздравления с 80⁻летием вашего вуза!**

Рейтинг вуза, его репутация, качество подготовленных в вузе специалистов во многом определяются наличием Диссертационных советов. Ваш Диссертационный совет имеет высокий рейтинг, поскольку отличается большой работоспособностью и активностью – практически каждые две недели проходят защиты как кандидатских, так и докторских диссертаций; здесь работают блестящие ученые с мировым именем.

Я имела честь защищать в вашем Диссертационном совете докторскую диссертацию и благодарю судьбу за предоставленную мне возможность. С большим уважением, приятными чувствами я вспоминаю требовательный и благожелательный совет: Льва Львовича Нелюбина, Георгия Теймуразовича Хухуни, Викторию Владимировну Ощепкову, Инну Георгиевну Кошевую, Евгения Владимировича Сидорова и всех, всех остальных членов Диссертационного совета! Особую благодарность хотелось бы выразить Виктории Владимировне Ощепковой за длительное научное общение и поддержку. Вы являетесь примером для нас, для нашего Диссертационного совета.

Радуюсь вашему юбилею и успехам вместе с вами!

Заслуженный деятель науки,
доктор филологических наук, профессор кафедры
лингвистики и межкультурной коммуникации
Школы региональных и международных исследований
Дальневосточного федерального университета

М.Г. Лебедько

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.112.2

Болотова Ю.С.

Московский государственный лингвистический университет

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДИСКУРСА МОДЫ

Y. Bolotova

Moscow State Linguistic University

THE AXIOLOGICAL ASPECT OF THE FASHION DISCOURSE

Аннотация. В статье исследуется ценностный потенциал дискурса моды. Определяется сущность данного дискурса, выделяются и описываются его основные подвиды (информирующий, инструктирующий, имидж-определяющий, маркетинг-ориентированный/рекламный). Дается определение понятия «ценность» и выделяются ценностные уровни исследуемого дискурса (внутренние ценности, внешние ценности). Выявляются как доминирующие ценностные характеристики (современность, универсальность, демонстративность и игра), присущие всему дискурсу моды в целом, так и специфические, характерные для отдельных его подвидов. Аксиологический аспект различных подвидов дискурса моды выявляется на уровне содержания, а также определяются его лексические маркеры.

Ключевые слова: дискурс моды, подвиды дискурса моды, внутренние ценности, внешние ценности, антиценности.

Abstract. This article examines the value potential of fashion discourse. The author defines the essence of the fashion discourse, singles out and describes its main subtypes (the informing, the instructing, the image-defining, the marketing-oriented/advertising subtype). The article contains a definition of the notion of „value“, with two value levels of the fashion discourse being singled out: the internal values and the external values. The research includes the study of the dominant value characteristics of the fashion discourse (modernity, universality, demonstrativeness and play) as well as special characteristics of its subtypes. The axiological aspect reveals itself in different subtypes of the fashion discourse at the level of content. The article also contains lexical markers of the discourse.

Key words: fashion discourse, subtypes of fashion discourse, internal values, external values, anti-values.

В настоящее время в лингвистике интенсивно исследуются различные виды дискурса, такие, как политический, экономический, дипломатический, спортивный, медицинский, медийный, религиозный, деловой дискурс и др. Значительный интерес представляет, на наш

взгляд, дискурс моды, который до сих пор не был предметом лингвистического исследования. Как известно, мода является важной составной частью жизни современного человека. Она охватывает все сферы деятельности – так, модные течения, стили, направления и модные вещи влияют на поведение человека, помогают ему в социализации и самореализации.

Под **дискурсом моды** в широком смысле мы понимаем *сложное коммуникативное событие, происходящее между производителями и потребителями моды в определённый отрезок времени в сфере СМИ, маркетинга и рекламы*. В узком смысле *дискурс моды* мы определяем как *совокупность тематически связанных текстов, посвящённых моде, в их взаимосвязи с неязыковой действительностью*. мода как общественный феномен является неким «сгустком» ценностных представлений, норм, идей и идеалов индивида, группы лиц или общества.

В настоящее время существуют различные определения понятия «ценность». Приведём некоторые из них, актуальные для настоящего исследования.

Так, «Большой Российский энциклопедический словарь» толкует *ценность* как «положительную или отрицательную значимость объектов и явлений окружающего мира для человека, определяемую их вовлечённостью в сферу человеческой жизнедеятельности» [1, 1740]. «Критерии и способы оценки этой значимости получают выражение в нормативных представлениях, идеалах, установках, целях» [1, 1740].

В «Новом словаре русского языка» под редакцией Ефремова Т.Ф. ценность трактуется как: «1) а) Стоимость чего-л., выраженная в деньгах; цена. б) Высокая стоимость чего-л. в) разг. Соотношение по курсу; достоинство (о деньгах, ценных бумагах). 2) То, что имеет высокую стоимость; ценный предмет. 3) перен. Важность, значение» [3].

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова даёт следующее определение: «Ценность, и, ж. 1. *только ед.* Выраженная в деньгах стоимость чего-н.,

цена. *Определить ц. Вещь высокой ценности. 2. только ед.* Важность, значение. *Его мысль имеет большую ц.* 3. То, что имеет высокую стоимость, ценный предмет. *Хранение ценностей. Перевозка золота и других ценностей. 4. перен.* Явление, предмет, имеющий то или иное значение, важный, существенный в каком-н. отношении. *Духовные ценности. Культурные ценности»* [4, 1011].

Семантическим ядром данных определений понятия «ценность» является, таким образом, *некий объект, имеющий ту или иную значимость и представляющий интерес для общества, социальной группы или отдельно-го человека*.

А.Б. Гофман в своей книге «Мода и люди» составляет теоретическую модель моды и выделяет её компоненты. Первым компонентом моды являются *модные стандарты* – «это разновидность культурных образцов, т. е. некие способы и правила поведения или действия, зафиксированные в культуре особыми средствами, отличными от самого этого поведения и его биопсихологических элементов. К этим средствам относятся все существующие в культуре методы и формы фиксации, хранения и передачи информации: от одежды и танца до печатного текста и магнитной записи» [2, 24]. Вторым компонентом моды – *модные объекты*, с их помощью реализуются модные стандарты. Модными объектами являются: «вещи, идеи, слова, художественные произведения и т. п., а также свойства объектов, например формы или размеры. Модные объекты – это любые объекты, которые оказываются «в моде» [2, 24]. Модные стандарты и модные объекты являются модными, если они обладают *модными значениями* (т. е. имеют ценность для индивида или для группы лиц). Ещё один компонент моды – «*поведение участников моды*, т. е. такое поведение, которое ориентировано на отмеченные другие компоненты: стандарты, объекты и ценности моды» [2, 25]. В соответствии с моделью моды Гофман А.Б. выделяет три ценностных уровня моды: 1) ценностный аспект стандартов и объектов; 2) уровень атрибутивных (внутренних) цен-

ностей (современность, универсальность, демонстративность и игра); 3) уровень денотативных (внешних) ценностей [2, 29].

Вслед за Гофманом А.Б., под *внутренними ценностями* мы будем понимать некие характеристики, которые присущи моде, всем её стандартам и объектам. Под *внешними ценностями* мы будем понимать индивидуальное понимание и интерпретацию ценностей личностью, а также мотивы, которые определяют её поведение.

Дискурс моды не является однородным, он представляет собой чрезвычайно разнообразное явление. По нашему мнению, в нём могут быть выделены следующие основные подвиды: информирующий, инструктирующий, имидж-определяющий, маркетинг-ориентированный/рекламный.

Каждому из подвидов дискурса моды присущи внутренние ценности (современность, универсальность, демонстративность и игра (по Гофману)), характерные для дискурса моды в целом. Вместе с тем мы считаем, что ценностный потенциал дискурса моды может быть значительно расширен. Так, уровень внутренних ценностей открыт и пополняется со временем новыми, актуальными именно для данного периода развития общества или личности. По нашему мнению, в каждом подвиде дискурса моды могут быть определены доминирующие внутренние ценности, которые выделяются на уровне содержания и маркируются лексическими средствами.

Информирующий дискурс моды

Его целью является сообщить широкому кругу лиц, интересующихся модой, об истории возникновения какой-либо вещи, марки, течения, о знаменитостях и их модных предпочтениях, о событиях в мире моды. К нему относятся следующие типы текстов: историческая статья (о развитии моды и т. д.), статья-описание, автобиографическая статья (о модельерах, об основателях домов мод и др.), репортаж (с показа мод, из автосалона и т. д.). Как показал наш анализ, для информирующего подвида дискурса моды наиболее характерными являются следующие внутренние ценности: успех, личные

достижения, популярность личности/марки, приверженность определённой марке, субъективная культивизация и ряд других.

Успех и личные достижения какой-либо знаменитости (в области моды или каком-либо другом виде деятельности) притягивают внимание потребителей (не только к марке, но и к личности). Приведём в качестве примера историю становления популярного в настоящее время итальянского дизайнера:

„Valentino Garavani wurde am 11. Mai 1932 im italienischen Voghera, nördlich von Mailand, geboren. Valentino Garavani absolvierte das Gymnasium. Bereits nach seinem Schulabschluss beschäftigte er sich ausführlich mit Mode, indem er in Mailand Kurse in Modezeichnen besuchte. Als Siebzehnjähriger gewann er 1949 ein Stipendium der Pariser Haute Couture Gewerkschaft. Garavani ließ sich 1950 zum Modedesigner ausbilden. Danach war er für fünf Jahre im Atelier von Jean Desses beschäftigt. Seine Modeschöpfungen wurden bald *bekannt*, sie wurden *mit vielen Preisen ausgezeichnet*. Neben der Mode-Kreation beschäftigt sich Valentino mit dem Design exquisiter Damen-Parfums und dem Entwurf anderer Accessoires. Im Jahr 2001 *rutschte* die Modemarke Valentino *in die roten Zahlen*. Bereits 1998 kaufte sich der italienischen Gemischtwarenkonzern HdP *mit einer Summe von 270 Millionen Euro* groß in das Mode-Unternehmen ein. Die Edelmarke sollte an den italienischen Modekonzern Marzotto, dem auch Hugo Boss angehörte, weiterverkauft werden, *um ihr Überleben auf dem Weltmarkt zu sichern*“ [15].

Популярность личности/марки выражается в том, что личность автора может переноситься не только на создаваемые знаменитостью вещи, но и на смежные с модой области. Так, итальянский автомобильный концерн „Alfa Romeo“ назвал одну из своих моделей в честь дизайнера Valentino Garavani и подарил покупателям этой модели подарки от Valentino Garavani: „1980 wurde ein Wagen des italienischen Kraftfahrzeugherstellers Alfa Romeo, der Alfasud, *mit dem Namen des Modeschöpfers ausgestattet*: Alfasud Valentino. Wer ihn kaufte, bekam eine Handtasche und Brieftasche von Valentino gratis dazu“ [15].

Приверженность определенной марке можно объяснить тем, что расширение фирмой «модной линии» заставляет индивида привязываться к одной марке одежды, аксессуаров и т. д.: „Boxfresh ist eine Marke, die *sich mittlerweile weltweit etabliert hat*. In der Produktpalette des britischen Herstellers finden sich neben T-Shirts, Sweat shirts, Denim Hosen und Polo Shirts auch Schuhe wieder, die somit zum einen *den größten Produktbereich ausmachen* und zum anderen auch *die bekanntesten Produkte der Marke sind*” [9].

Субъективная культивизация, т. е. идеализация и подражание успешным и известным людям, выпускающим свои марки одежды или работающим консультантами известных производителей моды, и, как следствие, приобретение продукции этих марок: „Viele Damen aus dem Showgeschäft gelten als *absolute Stilikonnen*. Aus diesem Grund ist es nicht verwunderlich, dass sich die *prominenten Damen* irgendwann selbst als Designer versuchen. Ganz egal, ob sie *als Berater für einen Label arbeiten*, wie z.B. Sarah Jessica Parker für Halston oder Kate Moss für die britische Kaufhauskette TopShop oder eigene Kollektionen unter dem Dach von H&M veröffentlichen – *der Erfolg ist ihnen sicher*” [13].

Любовь к природе и бережное отношение к ней – эта ценность обусловлена требованием, предъявляемым к современной промышленности, в связи с необходимостью защиты окружающей среды, что поддерживается и пропагандируется производителями и потребителями дискурса моды: „Natalie Portman sah bei einer Party von VANITY FAIR in einem Kleid der H&M Conscious Collection nicht nur bezaubernd aus. Das weiße Mini-Dress ist *aus recyceltem Polyester* und somit auch noch *umweltfreundlich*” [7].

Инструктирующий подвид дискурса моды

Данный подвид дискурса моды информирует о способе изготовления и использования того или иного модного изделия, даёт индивиду возможность раскрыть свой творческий потенциал, реализовать свои замыслы и идеи. К данному подвиду относятся

следующие типы текстов: статья-инструкция (рекомендации о предпочтениях в моде), выкройка (для профессионалов и профанов), статья «Сделай сам» (для широкого круга читателей).

Инструктирующий подвид дискурса моды характеризуют такие внутренние ценности, как творчество, гармония, эксклюзивность и т. д.

Доминирующей ценностью данного подвида является **творчество**. Например, в интернет-инструкции по созданию своими руками модной футболки: „Im Internet gibt es diverse Websites wie Shirtcity.de, wo man sein ganz *individuell gestaltetes* T-Shirt bedrucken lassen kann. Sämtliche Schritte laufen dabei am PC ab, und so ist es *angenehm unkompliziert und absolut relaxt*. Binnen *weniger Minuten* hat man sein Shirt designt und kann dann die Bestellung aufgeben” [11].

Гармония – ценность, обусловленная необходимостью сочетания цветов и оттенков, единства фасона и стиля, разных предметов одежды и аксессуаров друг с другом и уместность их применения. Например, правильно подобранные аксессуары повышают самооценку, придают уверенность и создают законченный образ: „Für eine Frau *gehört es auch heute ganz klar noch zum guten Ton* immer eine Handtasche zu tragen, die *der Kleidung farblich angepasst ist*” [6].

Эксклюзивность (неповторимость) – данная ценность даёт возможность самовыражения, создания или использования чего-либо индивидуального и неповторимого для производителей и потребителей моды. Так, например, в статье-инструкции «Сделай сам» по шитью модной одежды предлагается: „*Entwerfen und nähen Sie Ihre eigene Kleidung selbst*. Nähen Sie mit ihren Lieblingsfarben. Nähen Sie Kleidung *die nirgends zu kaufen ist und machen Sie Ihre Mode selbst*” [14].

Имидж-определяющий подвид дискурса моды

Данный подвид дискурса моды имеет своей целью информировать читателя о новинках и последних тенденциях в мире моды. К данному подвиду относятся следующие типы

текста: статья «Тенденция», интервью с законодателями моды, телепередачи, телешоу и др. Имидж-определяющий подвид дискурса моды пропагандирует свои, типичные для него, внутренние ценности: инновации, быстроту выбора, экономию времени, регулирование поведения и др.

Основной ценностью данного подвида дискурса моды является **инновация** в мире моды. Например, появление новой формы купальника: „Der Tankini zählt hierbei zu den besonders populären Stücken – in Oberteil und Hose unterteilt, bedeckt letzteres jedoch einen Großteil des Bauches mit. Dies ist reizvoll sowohl für den Betrachter als auch die Trägerin, die sich hierin eventuell wohler fühlt als in einem besonders knapp geschnittenen BH“ [12].

Не менее важным для данного подвида дискурса моды являются такие ценности, как **экономию времени и быстрота выбора**. Эти ценности обусловлены динамичностью современной жизни. Например, в статье «Тенденции» даются советы по быстрому совершению шопинга, описывающие последние тенденции в мире моды: „Die coolsten Trends für diesen Sommer? Hier sind unsere besten Shopping-Tipps, damit Sie nicht lange suchen müssen“ [8].

Регулирование поведения является сегодня одной из ценностей, сущность которой заключается в предоставлении индивиду готовых образцов (не только модной одежды и аксессуаров, их сочетаемости, но и модного поведения): „Style-Regeln 2011.5 Fashion-Trends für wärmere Tage. Mit blauem Hemd, kurzen Hosen, cooler Mütze und Super-Sandalen sind hier vier von fünf Trends des kommenden Sommers zu sehen“ [8].

Маркетинг-ориентированный и рекламный подвид дискурса моды

Данный подвид дискурса моды ставит целью проанализировать потребности, сформировать оптимальное предложение и способствовать продвижению модных товаров и услуг. К данному подвиду относятся следующие типы текста: каталог мод, статья «Интернет-магазин», билборд и др.

Данный подвид дискурса моды демонс-

трирует, прежде всего, такие внутренние ценности, как: качество, комфорт, семейный шоппинг, удобство выбора, современные информационные технологии и т. д.

Качество и комфорт предлагаемой продукции являются определяющими для индивида при выборе товара/услуги. Приведём в качестве примера рекламу британского производителя обуви:

„Die Schuhe des britischen Herstellers sind etwas ganz Besonderes. Sie vereinen drei für Schuhe sehr wichtige Eigenschaften miteinander: Sie sind zugleich *bequem*, *stilvoll* und *innovativ*. *Bequem*, weil bei dieser Marke ganz besonders auf die verwendeten Materialien geachtet wird. So werden fast alle Schuhe aus Leder gefertigt, welches die höchsten Qualitätsstandards erfüllt. Die Innenfüterung besteht aus *unterschiedlichen Stoffen, die sehr angenehm sind und für ein gutes Fußklima sorgen*. Zwar kann das Leder sich beim ersten Tragen noch eher unbiegsam anfühlen, aber Schuhe sind eben zum Laufen da, und schon nach einer halben Stunde macht das Gehen und Laufen in diesen Schuhen einfach nur noch *Spaß*“ [9].

Важным для современного потребителя дискурса моды является **удобство выбора** товара и его примерка дома. Существует большое количество фирм посылочной торговли, примером может служить известная фирма „Neckermann“, предлагающая свою продукцию:

„Wer lieber seiner Linie treu bleibt, kann ebenfalls auf Versandhäuser wie Neckermann setzen. Die große Auswahl wird durch Tipps zu Passformen und Tragevarianten ergänzt. Mit dem Kauf geht niemand ein Risiko ein, denn Liefer- sowie Zahlungsprozess sind transparent. *Das Anprobieren findet anschließend ganz bequem bei normalem Licht zuhause statt, sodass man sich in Ruhe für oder gegen die bestellten Posten entscheiden kann*. Mit einem Neckermann Gutschein *macht* man auch denjenigen *eine Freude*, die ungern in Modegeschäften *nach neuer Mode suchen*, um das Frühjahr gut gekleidet zu bestreiten“ [10].

Ценность **семейного шопинга** является чрезвычайно важной в условиях современ-

ной жизни. Как известно, семейные ценности были и остаются незыблемыми. Всё больше фирм ориентируются на выпуск одежды одной марки для всей семьи, так, например, фирма «Esprit» выпускает модную одежду для всех членов семьи: „Es dürfte wenige Personen geben, die den Namen der Modefirma Esprit nicht schon einmal gehört haben und er spricht für sich: Frischen Wind und den freien Geist der damaligen Zeit wollten Susie und Doug Tompkins mit ihrer *Kleidungsline für Mann und Frau, Jung und Alt* in die Modebranche bringen“ [12].

Благодаря своей многофункциональности, ценность «**современные информационные технологии**» позволяет обслуживать большое количество людей 24 часа в сутки, она заключается в удобстве использования и широкой доступности для современного общества. Почти все модные марки имеют свои интернет-сайты. Так, фирма «Bench» предлагает потребителям ознакомиться со своей продукцией на сайте компании, при этом маркером этой ценности может служить указание на электронный адрес фирмы: „Die Marke Bench steht für trendige, urbane Streetwear aus England. Angesprochen sind vor allem junge und sehr junge Kunden. Unter der Marke ist coole Lässig-Mode für Damen, Herren und Kinder erhältlich. Wer sich für preisgünstige Kleidung von Bench interessiert, findet tolle Angebote auf <http://yalook.com/angebote/Marken-Outlet/>“ [5].

Все вышеперечисленные внутренние ценности дискурса моды и его подвидов могут быть дополнены и другими ценностями в зависимости от индивидуальных особенностей, устремлений определённой социальной группы или индивида. В том случае, когда индивид испытывает неприятие к какому-либо дизайнеру, знаменитости, модному направлению и т. д., не исключена возможность перехода этих ценностей в разряд антиценностей.

Изучение аксиологического аспекта дискурса моды, на наш взгляд, позволяет глубже понять ценностные ориентации, приоритеты и вкусы как современного общества в целом, так и отдельных социальных групп и инди-

видов. Его исследование представляет интерес для дискурсологии, аксиологии, типологии текстов, а также в прикладном аспекте для маркетинга и рекламы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой Российский энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 1888 с.
2. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. 4-е издание, исправленное и дополненное. М.: КДУ, 2010. 228 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (онлайн-версия) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения: 27.03.2011).
4. Толковый словарь русского языка: под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2010. 1054 с.
5. Bench Mode im Outlet, Fabrikverkauf und Lagerverkauf billiger [Электронный ресурс]. URL: <http://www.factory-outlets.org/www/pages/de/outlet/bench.html/> (дата обращения: 02.03.2011).
6. Damen-Kleidung - Mode, Fashion und Damenbekleidung für Frauen. Das Portal über Mode, Fashion, Lifestyle und Damenkleidung [Электронный ресурс]. URL: <http://www.damen-kleidung.com/artikel/handtaschen.php> (дата обращения: 10.12.2010).
7. Glamour. Stars tragen H&M, Zara, Asos & Co (онлайн-версия). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.glamour.de/mode/star-style-mode/stars-tragen-h-m-zara-asos-co/%28image%29/69600> (дата обращения: 15.03.2011).
8. Meanshealth (онлайн-версия) [Электронный ресурс] URL: <http://www.menshealth.de/style/trends/5-fashion-trends-fuer-warme-tage.180800.htm> (дата обращения: 09.04.2011).
9. Mode und Lifestyle. Boxfresh Schuhe: Bequem, stilvoll, innovativ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mode-monster.de/boxfresh-schuhe-bequem-stilvoll-innovativ/> (дата обращения: 07.03.2011).
10. Mode und Lifestyle. Der Winterschlaf ist vorbei – Die Frühjahrsmode ist unterwegs [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mode-monster.de/der-winterschlaf-ist-vorbei-die-fruhjahrsmode-ist-unterwegs/> (дата обращения: 18.03.2011).
11. Mode und Lifestyle. Mit individuellen Shirts in den Sommer [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mode-monster.de/mit-individuellen-shirts-in-den-sommer/> (дата обращения: 07.03.2011).
12. Mode und Lifestyle. Vielmehr als einfach Kleidung: Esprit [Электронный ресурс]. URL: <http://www.>

- mode-monster.de/vielmehr-als-einfach-kleidung-esprit/ (дата обращения: 07.03.2011).
13. Mode und Lifestyle. Wenn Stars zu Stardesignern werden [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mode-monster.de/wenn-stars-zu-stardesignern-werden/> (дата обращения: 07.03.2011).
14. Verflixt und Zugenäht. Bekleidung selber nähen [Электронный ресурс]. URL: <http://www.naehenschneidern.de/bekleidung-naehen> (дата обращения: 10.03.2011).
15. WHO'S WHO! Valentino [Электронный ресурс]. URL: http://www.whoswho.de/templ/te_bio.php?PID=1460&RID=1 (дата обращения: 03.03.2011).

УДК 811.11'42

Володина К.А.

Московский государственный областной университет

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ТЕКСТИНГА И ЕГО ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЙ

K. Volodina

Moscow State Regional University

LINGUISTIC ESTIMATE OF TEXTING AND ITS FUNCTIONS

Аннотация. В условиях популярной для современного мира виртуальной коммуникации посредством Интернета и мобильной связи текстинг представляет особый интерес ввиду характерных особенностей и заложенного потенциала. В настоящей статье рассматривается текстинг как языковое явление компьютерного языка и обосновывается интерес к данному виду дистанционной коммуникации. Автор сопоставляет существующие в лингвистике точки зрения ученых относительно такого явления современной действительности, как текстинг, и рассматривает его основные функции и значение в повседневной жизни пользователей.

Ключевые слова: текстинг, SMS-сообщение, текстовая мобильная коммуникация, функции текстинга.

Abstract. Texting tends to be of special interest in the modern world of total virtual communication via the Internet and mobile phones due to distinctive features and its great potentiality. The article views texting as a linguistic phenomenon of computer language and as a type of distance communication. The author analyses various scientific points of view concerning such a phenomenon of our modern world as texting and investigates its basic functions focusing on the importance of this technology in everyday life of texters.

Key words: texting, text message, SMS-communication, functions of texting.

Мобильные технологии играют всё возрастающую роль в жизни современного общества. Объединяя в себе возможности передачи текста, звука, изображения и даже видео, мобильные телефоны становятся мощным инструментом в руках любого пользователя, расширяя коммуникационное пространство [9, 28]. Сегодня мы становимся свидетелями того, как всё большую популярность приобретает услуга отправки и получения коротких текстовых сообщений, в процессе которой реализуется текстовая мобильная коммуникация или, коротко, текстинг.

Текстинг распространяется по всему миру. Сегодня SMS-технология способствует персонализации коммуникации, а также порождает новый канал распространения информации,

который не привязан к определённому месту и не зависит от временных факторов, то есть это возможность межличностного общения в любом месте и в любое время.

Среди лингвистов не существует единого мнения касательно такого явления нашей современной действительности, как текстинг. Мнения исследователей достаточно противоречивы: некоторые из них склонны считать, что язык SMS-коммуникации несёт в себе “разрушительную” функцию, негативно влияет на традиционный литературный язык и ведёт не только к снижению грамотности, но даже к дислексии, к снижению качества и скорости протекания мыслительного процесса, “интеллектуальной лени” (*mental laziness*) [15].

Один из социологов назвал современную коммуникацию «общением с использованием высокой технологии, но низкой грамотности» [4].

Более того, некоторые учёные придерживаются мнения, что текстинг, наряду с электронной почтой, которая считается высшим достижением в области систем коммуникаций, грозит гибелью грамотной письменной речи [11, 34].

В любом случае, в то время как так называемые “наивные говорящие” активно эксплуатируют новый способ коммуникации, преподаватели, лингвисты, деятели культуры, журналисты бьют тревогу в ужасе перед наступлением *SMS-мышления* [17].

Звучат, в то же время, голоса и в защиту SMS-языка, призывы относиться к нему более взвешенно [6; 16; 19]. В любом случае очевидно, что воздействие новой формы коммуникации на сознание молодого поколения нельзя игнорировать. В обиход вошёл термин *generation txt* “поколение txt” [14; 18; 20]. Учёные боятся перспективы проникновения текстинга в иные сферы коммуникации и отмечают, что SMS-языку уже стало тесно в рамках исходно обслуживавшихся им жанров. В Интернете англоязычного и франкоязычного мира, например, можно скачать перевод Библии на *SMS-английский* и перевод Европейской Конститутции на *SMS-французский* [2].

Автор книги “*Txtng: the gr8 db8*” профессор лингвистики Дэвид Кристал [7] подчёркива-

ет, что ещё рано давать оценку тому, насколько сильным окажется влияние текстинга на речь. Он признаёт, что подростки употребляют в устной речи текстовые аббревиатуры типа *lol* ‘laughing out loud’ (“умираю от смеха”) или *omg* ‘oh my God’ (“О, Господи!”), произнося их двояко, либо как акроним (как одно слово), либо как аббревиатуру (по буквам). Как утверждает Д. Кристал, молодёжь нашла новый способ самовыражения и по праву может именоваться “поколением акронимов” или *Short Generation*, ведь во многих странах именно подростки рассматриваются как “законодатели телефонной моды” [12], как особое поколение, выросшее в новой технологической культуре “большого пальца” [8]. При этом автор обращает внимание на то, что такого рода инновации отражают не “деградацию языка”, а скорее тенденцию к упрощению и стремление к рационализации языка за счёт экономии языковых средств и времени [6, 33].

Основные черты SMS-сообщения как жанра – краткость, сиюминутность и частный (непубличный) характер содержания. При этом нельзя забывать о зависимости коммуниканта от средства передачи информации – мобильного телефона, ограничивающего объём сообщения и имеющего небольшой набор клавиш, на каждой из которых не одна, а несколько букв. Все эти черты, бесспорно, влияют на языковой облик текстовых сообщений, но это всё же не приводит к засорению языка как такового. Текстинг – не причина неграмотности современной молодёжи, а, скорее, зеркало языковой реальности. Необходимо признать, что в текстах электронных писем и коротких SMS-сообщениях отражаются негативные процессы, произошедшие с культурой нашего общества за последнее время, а именно падение интереса к чтению, снижение общей языковой культуры в СМИ, проникновение сленга, жаргона и даже ненормативной лексики на страницы газет [3]. Вместе с тем современной письменной речи присущи догадка, фантазия, выдумка, находчивость, творчество, изобретательность. В этих “фрагментарных, зачастую нарушающих правила языка высказываниях больше речевого творчества, чем бездумнос-

ти, больше выражения позитивных эмоций, чем ненормативной лексики» [3].

Текстинг – это не только элемент молодёжной субкультуры, но, прежде всего, популярный инструмент общения, позволяющий снять проблему существования индивида в языковом пространстве и служащий своеобразным источником пополнения лексики языка. Редакторы Оксфордского словаря [Concise Oxford English Dictionary] решили включить в особый раздел его лексической базы самые распространённые *текстизмы* SMS-языка, то есть сокращения, акронимы и аббревиатуры, использующиеся в текстинге. Создатели этого раздела посчитали, что пора узаконить в языке явление, получившее за последние годы широкое распространение.

В связи с вышеизложенным мы понимаем, что SMS-язык – часть массовой культуры и требует теоретического осмысления со стороны лингвистов, социологов и психологов для того, чтобы исключить его негативное влияние на традиционный язык и на формирование личности подростка.

В связи с лимитированным количеством печатных знаков в сообщении и с тем обстоятельством, что средняя длина сообщения составляет всего лишь 6 слов [12, 91], можно прийти к выводу, что содержание общепринятых стандартных SMS-сообщений и их повседневная значимость ограничены. Однако, несмотря на ограниченный характер сообщений, они осуществляют широкий спектр социальных и информационных функций, на которых мы остановимся более подробно далее.

Общественные взаимодействия людей, их взаимоотношения могут быть в равной мере как налажены, так и испорчены посредством текстинга. Люди посылают друг другу сообщения «дружеской поддержки, симпатии, всевозможные вариации типа “скучаю по тебе” или “выздоровливай скорее”, просьбы перезвонить или примирительные сообщения с извинениями, а также обмениваются новостями, сплетнями, поздравляют друг друга со всевозможными праздниками, днями рождения и юбилеями» [6, 105-106]. Вместе с тем встречаются ситуации негатив-

ного воздействия текстинга на взаимоотношения пользователей в обществе. Многие филиппинские информанты признавались, что неоднократно ссорились, обмениваясь SMS-сообщениями. Имеют место оскорбления, унижения, обвинения и клевета. Были зафиксированы случаи ‘буллинга’ (“bullying”) или запугивания в детской и молодёжной среде, другими словами, травли в отношении ребёнка со стороны группы одноклассников [10, 197]. Подобные ситуации возникают крайне редко, и их возникновение провоцируется не только при помощи текстинга, но и через Интернет, электронную почту или голосовую связь мобильного телефона.

Поэтому важнейшей чертой SMS-коммуникации был и остаётся её общий позитивный, дружелюбный характер. Текстовые сообщения передают не только информацию, запрос об информации или побуждение к действию, но и то, что Э. Берн называет “похлопываниями”, необходимыми каждому человеку для хорошего эмоционального состояния [1, 67-74]. Типичные “похлопывания”, или даже “поглаживания”, состоят из пожеланий доброго утра, удачного дня или доброй ночи. Такие сообщения являются своеобразными знаками внимания, сигнализируют о том, что тебя помнят, любят, думают о тебе.

Ещё одна функциональная разновидность текстовых сообщений, о которой нельзя не упомянуть, – это SMS-юмор – шутки, розыгрыши, цитаты и загадки. Многие веб-сайты посвящены такого рода развлечениям, где шутки разделены на десятки категорий, таких, как свадьба, политика, животные, дружба, любовь и многие другие. Являясь неотъемлемой частью текстинга, именно языковая игра находит своё отражение и играет решающую роль в таких посланиях.

Особенно хочется отметить, что одна из самых значимых функций SMS-коммуникации – помощь людям в планировании жизни, согласовании времени, назначении или отмене встреч, проверке текущего состояния дел, или выяснении местонахождения нужного человека или вещи. В Гваделупе, например, разговорное выражение, обозначающее мобильный телефон, звучит как *le tès ouï* (“where are you?” – “где ты?”).

Значительное число привычных, ежедневных событий, мероприятий и повседневной совместной деятельности, особенно путешествий и всевозможного перемещения людей в пространстве и времени, организуется при помощи текстинга. Но, к сожалению, подобного рода согласование и координирование не всегда закономерно: SMS-переписка может быть использована в «подготовке, планировании и организации мошенничества, террористических актов или другой противозаконной деятельности» [6, 112].

Текстеры, как правило, отправляют сообщения либо для того, чтобы передать информацию, либо чтобы получить её, поэтому информационная функция находит здесь непосредственное применение и реализацию. В связи с увеличением количества телевизионных каналов, побуждающих телезрителей проголосовать или выразить своё мнение о каком-либо транслируемом событии, мероприятии или программе, возрастают масштабы интерактивного текстинга, в частности так называемого SMS-телевизионного чата (*'SMS-to-TV chat'*), который, по всей вероятности, впервые зародился в Финляндии в 2001 г. [6, 116]. Телезрители отправляют сообщения на некий телефонный номер, и после проверки модератором содержания SMS-сообщения они появляются на телевизионном экране «бегущей строкой».

С течением времени, когда люди всё больше начинают осознавать коммуникативный потенциал текстинга, увеличивается и диапазон его функций и сфер применения. В политике, например, текстинг был признан эффективным средством, позволяющим в кратчайшие сроки с минимальными затратами донести до сведения членов партии, активистов или даже большим по численности группам населения определённую информацию. В 2007 г. Министерство внутренних дел Великобритании воспользовалось SMS-услугами мобильной технологии, чтобы найти иностранцев, у которых в скором времени истекал срок действия виз. В Нигерии в том же году текстинг использовался для контроля и отслеживания ситуации на избирательных участках во время президентских выборов. Весьма популярными в мире становятся

‘флэшмобы’ (*flashmobs*), в процессе которых большие группы людей, синхронизированные при помощи SMS-рассылок, участвуют в неких совместных акциях, организуют митинги и тематические собрания. Ярким примером подобного использования текстинга стали события в г. Мадриде, когда во время волнений 2004 г., вызванных взрывами в поездах, огромное число демонстрантов собралось в первую очередь благодаря текстингу, а именно массовому распространению сообщений, заканчивающихся словами *'pasalo'* (*“передай дальше”*) [6, 117].

Все вышеперечисленные примеры, представленные в данной статье, наглядно иллюстрируют и подтверждают тот факт, что текстеры по всему миру, независимо от страны проживания и родного языка, отправляя сообщения, руководствуются сходными мотивами и целями.

Всё это убедительно свидетельствует о том, что текстинг, будучи явлением нашей современной действительности, присущим всему миру, осуществляет сходные информационные и социальные функции во всех странах, заключающиеся в организации повседневной деятельности, координировании, согласовании времени и передаче некой информации.

В заключение хочется отметить, что сопоставление и анализ точек зрения учёных относительно такого явления, как текстинг, позволяет прийти к выводу, что среди лингвистов не существует единого мнения по этой проблеме. Некоторые из них высказываются довольно категорично, осуждая язык текстинга и называя его «цифровым вирусом, новым языком “хай-тек”, гибридной стенографией», в некоторых источниках появились новые термины, относящиеся к языку SMS с оттенком пренебрежения и неодобрения (*“textese”, “slanguage”, “outlandish”*) [13]. Другие исследователи полагают, что текстинг можно рассматривать как новый этап в развитии языка, как свидетельство его динамического развития, отражение тенденции к рационализации языка и экономии языковых усилий [5, 115].

Тем не менее, подводя итоги вышесказанному, нельзя не согласиться с тем, что, не-

смотря на противоречивость точек зрения и расхождение лингвистов в оценке такого явления XXI в., как текстинг, он является ярчайшим олицетворением лингвистической креативности человечества и его способности не только самому приспособляться к техническим изменениям, происходящим в обществе, но и адаптировать язык в поисках идеального “коммуникативного инструмента”, удовлетворяющего потребностям современной жизни. В текстинге, хоть и в небольшом масштабе, можно проследить эволюцию языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. М.: Харвест, 2005. 224 с.
2. Интернет и связь [Электронный ресурс]. URL: <http://net.compulenta.ru/231984/> (дата обращения: 02/11/2010).
3. Сидорова М.Ю. Засоряют ли СМС-сообщения русский язык?, или На зеркало неча пенять... [Электронный ресурс]. URL: <http://marinadoma.narod.ru/inet/sms.html> (дата обращения: 15/11/2010).
4. Торчилин В. Гибель письменной речи [Электронный источник]. URL: http://science.ng.ru/human/2000-05-24/4_speech_death.html (дата обращения: 15/11/2010).
5. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: CUP, 2006. 315 p.
6. Crystal D. Txtng: the gr8 db8. Oxford University Press, 2008. 241 p.
7. David Crystal [Электронный источник]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/David_Crystal (дата обращения: 07/10/2010).
8. Glotz P., Bertschi S., Locke C. (eds.). Thumb Culture: The Meaning of Mobile Phones for Society. Bielefeld: Transcript Verlag, 2005. 296 p.
9. Groebel Jo, Noam Eli M., Feldman Valerie. Mobile Media: Content and Services for Wireless Communications. London: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. 256 p.
10. Harper R., Palen L., Taylor A. (eds.). The Inside Text: Social, Cultural and Design Perspectives on SMS. Dordrecht, The Netherlands: Springer, 2005. 331 p.
11. Lengel L., Tomic A. Computer Mediated Communication. London, 2004. 272 p.
12. Ling R. and Pederson P. The socio-linguistics of SMS: An analysis of SMS use by a random sample of Norwegians, in Mobile Communication: Renegotiation of the Social Sphere. London: Springer, 2005. 412 p.
13. New outlandish phenomenon [Электронный источник]. URL: http://www.dailymail.co.uk/pages/live/articles/news/news.html?in_article_id=483511&in_page_id=1770 (дата обращения: 11/09/2010).
14. SP!KED-IT [Электронный источник]. URL: <http://www.spiked-online.com/Printable/0000000054DF.htm> (дата обращения: 28/11/2010).
15. Sutherland J. Cn u txt? Guardian Unlimited, 11 November 2002 [Электронный источник]. URL: <http://www.guardian.co.uk/mobile/article/0,2763,837709,00.html> (дата обращения: 15/11/2010).
16. The Hindu [Электронный источник]. URL: <http://www.hinduonnet.com/thehindu/mp/2003/03/17/stories/2003031701810200.htm> (дата обращения: 02/11/2010).
17. The Times Educational Supplement [Электронный источник]. URL: <http://www.tes.co.uk/forums.aspx> (дата обращения: 02/11/2010).
18. Thurlow C. Generation Txt. The sociolinguistics of young people's text-messaging [Электронный источник]. URL: <http://extra.shu.ac.uk/daol/articles/v1/n1/a3/thurlow2002003-paper.html> (дата обращения: 15/11/2010).
19. WirelessInnovator [Электронный источник]. URL: <http://www.wirelessinnovator.com/index.php?articleID=1269&sectionID=3> (дата обращения: 02/11/2010).
20. Youth and Mobile Telephones: More Than a Fashion. [Электронный источник]. URL: http://www.itu.int/osg/spu/ni/ubiquitous/Papers/Youth_and_mobile_2002.pdf (дата обращения: 28/11/2010).

УДК 81'272

Герасименко Д.В.

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

D. Gerasimenko

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

GENDER DIFFERENTIATION ISSUES IN MODERN ENGLISH

Аннотация. Политическая корректность играет важную роль в современном англоязычном обществе. Значительное место в изменениях словарного состава английского языка, вызванных влиянием политкорректности, занимают гендерные вариации. Исследователи обращают внимание на традиционно подчинённое положение женщины в обществе, что отражается в языке. Примером здесь может служить преобладание словоформ мужского рода. Лингвисты предлагают различные способы преодоления языкового неравенства. Среди них – использование нейтральных или введение новых лексем для обозначения обоих полов, лексические и грамматические вариации, изменения форм вежливого обращения к женщине. Политкорректные языковые единицы становятся частью современного английского языка и активно используются его носителями.

Ключевые слова: политическая корректность, гендер, языковая дискриминация, лингвистическое равноправие, языковая единица, словоформа.

Abstract. Political correctness plays an important role in the modern English-speaking society. Gender variations are an integral part of linguistic changes, caused by the politically correct movement. Researchers pay attention to women's traditionally inferior position in society, which manifests itself in speech. The prevailing masculine forms may serve as an example. Linguists suggest several ways of coping with such an inequality. Among them is the use of neutral vocabulary or the invention of new word forms to refer to both genders, lexical and grammatical variations, changes in polite address to women. Politically correct linguistic units are becoming an integral part of the English language and are actively used by its speakers.

Key words: political correctness, gender, linguistic discrimination, linguistic equality, linguistic unit, word form.

В современных англоязычных странах значительную роль играет социальное, культурное и лингвистическое движение, получившее название политической корректности. Политическая корректность стремится избежать отношений, действий и, прежде всего, форм языкового выражения, которые заключают в себе предубеждение и могут вызвать чувство обиды у людей в зависимости от их пола, возраста, цвета кожи, расовой принадлежности или физического состояния [9, 367]. Языковые единицы, являющиеся стереотипными или содержащие негативную коннотацию, заменяются на соответствующие нейтральные или положительные эвфемизмы.

На развитие политической корректности значительное воздействие оказал феминизм. Влиятельное движение за права женщин в политической и общественной сфере со своим развитием стало включать экономические, этнические и культурные аспекты [3, 93]. Его сторонники активно поддержали принципы и идеологию политкорректности, заключающиеся в уважении чувств и достоинства всех групп граждан, вне зависимости от их пола, возраста,

расовой или этнической принадлежности, социального положения.

Не остался вне сферы внимания активистов феминистского движения и язык. Традиционно подчинённое положение женщины в обществе отражалось и в словесной форме, что также явилось предметом пристального внимания и критического подхода сторонников движения. Они стремились к искоренению признаков «сексизма» в английском языке и выступали за введение языковых единиц, подчёркивающих равноправное положение женщин в современном обществе [5, 82].

Значительное место в феминистской критике языка занимают работы Р. Лакофф. Исследователь анализирует речь женщин и выделяет её характерные признаки. К ним можно отнести: более точные цветообозначения; употребление таких прилагательных, как *charming, sweet, lovely, adorable, divine*, для передачи эмоциональной реакции; разделительные вопросы, указывающие на неуверенность женщины при выражении собственного мнения; большее, по сравнению с речью мужчин, количество вводных слов, таких, как *kind of..., sort of..., you know..., well...*, снижающих категоричность высказывания [7, 174]. Женская речь отличается большей эмоциональностью по сравнению с мужской, а также меньшей уверенностью и категоричностью. Такое речевое поведение, по мнению автора, создаёт впечатление неуверенности в себе и некомпетентности, что может привести к коммуникативным неудачам, а также отражает подчинённое положение женщин в традиционном обществе.

Как считает Д. Спендер, мужчины, являясь доминирующей группой, создали язык, мышление и действительность. Исторически это были структуры, категории и значения, созданные мужчинами, которые впоследствии распространились на всё общество. Женщины играли в этом процессе незначительную роль или вообще в нём не участвовали. В качестве примера автор приводит укоренившуюся в языке практику ставить на первое место в словосочетаниях, обозначающих пару мужчина/женщина, лицо мужско-

го пола – «муж и жена», «сын и дочь», «брат и сестра». Таким образом, когда одна группа имеет монополию в словообразовании, её предубеждение может отразиться в семантике создаваемых имён, что, в свою очередь, помогает сохранить и закрепить первоначальное предубеждение [10, 147].

Похожей точки зрения придерживается Л. Иригарэ – по мнению исследователя, традиционный язык, представляющий себя как универсальный и нейтральный, теряет эти характеристики, если мы зададимся вопросами: кто говорит, для кого и с какой целью. Обычно говорят мужчины – женщинам: мужчины-учёные, мужчины-философы, мужчины-писатели. Женщины же остаются объектами восприятия и интерпретации, источником метафор и образов, необходимых для производства дискурса, они не являются производящими субъектами [1, 176].

Согласно исследованиям М. Хеллингер, существует несколько проявлений сексистских тенденций и, соответственно, способов дискриминации в языке [2, 92]. Одной из них является игнорирование – практика использования словоформ одного рода, как правило, мужского, для обозначения человека вообще или по отношению к объекту, чья гендерная идентичность неизвестна. В качестве примера здесь можно привести употребление слова «мужчина» в значении «человек», а также использование лексем мужского рода в неопределённо-личных предложениях, например «Каждый должен исполнять свои обязанности».

Стереотипизация является ещё одной формой языковой дискриминации по гендерному признаку. Одно из её проявлений – представление мужских реалий и, соответственно, словоформ в качестве основных и первичных, а женских – производных от них и вторичных, что закрепляет гендерные стереотипы в общественном сознании. Примерами здесь могут служить названия профессий – писатель/писательница, поэт/поэтесса, актёр/актриса. Стереотипизация также может проявляться в традиционном лингвистическом контексте, в котором, как

правило, употребляются слова семантического поля «женщина». Примерами здесь могут служить такие клишированные выражения, как «семья, женщина, ребёнок», «женщины, дети, инвалиды и пенсионеры». В подобных ассоциативных рядах восприятие обществом женщины ограничивается контекстом семьи и материнства, что ограничивает социальные функции женщины и нивелирует её личностный аспект.

Формой стереотипизации также является недооценивание женщины. Оно может проявляться в стереотипном восприятии женщины, когда та, пусть и в ласкательно-уменьшительной форме, сравнивается с животным (птичка, рыбка, зайка), чем-то съедобным (сладкая, конфетка), отождествляется со своим внешним видом (красотка, милашка).

Сторонники феминистской идеологии стремились избежать дискриминации женщин во всех сферах жизни общества, в том числе и в языке. Их приоритетом стала не только критика существующих сексистских словоформ, но и стремление искоренить их из повседневного обихода, предложив взамен аналоги, подчёркивающие равные права женщин с мужчинами. Такие устремления созвучны идеологии политкорректности, ставящей во главу угла индивида, его чувства и достоинство вне зависимости от пола, возраста, расовой принадлежности и социального статуса.

По мнению приверженцев феминистской идеологии, в английском языке существует несколько языковых единиц «сексистской» окрашенности, подлежащих критике и замене на нейтральные аналоги. Одной из них является существительное *man*, совмещающее в себе понятия «человек» и «мужчина». Таким образом, женщина является своего рода исключённой из понятия «человек». С целью избежать такого вида дискриминации, в современном языке слово *man* в значении «человек» заменяется на *human being* или *human*, а вместо *mankind* употребляется *humankind* или *humanity*. Лингвисты также предлагали заменить *man* на латинское *Homo Sapiens* в тех случаях, когда имеется в виду человек во-

обще [8, 45-47], однако данное предложение успеха не имело.

Иначе обстоят дела с многочисленными производными от слова *man*, в основном, названиями профессий – *postman*, *fireman*, *policeman*, *chairman*, etc. Эти слова вызвали недовольство сторонников феминистского движения, поскольку содержащийся в них суффикс *-man* указывает лишь на мужчину, владеющего данной профессией. Женщина же вновь оказывается исключённой в лингвистическом смысле из этой сферы деятельности, хотя в современном обществе женщины работают и занимают ответственные должности наравне с мужчинами.

Существуют три основные тенденции преобразования слов этого типа. В первом случае суффикс *-man* меняется на *-woman*, когда речь идёт о женщине, например *chairman* – *chairwoman*. Формой множественного числа при обозначении совокупности людей обоих полов здесь остаётся вариант мужского рода – *chairmen*, что не совсем корректно. Поэтому более распространена вторая тенденция – заменять суффикс *-man* на *-person* для обозначения как мужчин, так и женщин. Суффиксом множественного числа здесь выступает *-people*: *chairman* – *chairperson/ chairpeople*. Среди лексем, претерпевших изменения согласно данной структуре, можно выделить [4]: *businessman* – *business person/ business people*, *chairman* – *chairperson/ chairpeople*, *congressman* – *congressperson/ congresspeople*, *policeman* – *policeperson/ policepeople*, *salesman* – *salesperson/ salespeople*, *spokesman* – *spokesperson/ spokespeople*.

Ещё одним способом избежать нежелательных сексистских коннотаций является замена суффикса *-man* на новое слово, не содержащее гендерной маркировки, или же введение нового слова целиком: *businessman* – *executive*, *cameraman* – *camera operator*, *doorman* – *access controller*, *fireman* – *firefighter*, *foreman* – *supervisor*, *freshman* – *novice/ newcomer/ greenhorn*, *manhole* – *utility hole*, *man-made* – *artificial/ synthetic*, *manpower* – *human resources/ workforce/ personnel*, *mankind* – *humankind/ humanity*, *milkman* – *milk carrier*, *policeman*

– *police officer, postman – mail carrier, salesman – shop assistant.*

Определённые возражения вызывает суффикс женского рода *-ess*, преимущественно в названиях профессий – *actress, stewardess*. Слова, образованные с помощью этого суффикса, являются производными от слов мужского рода (*poet – poetess*) и, следовательно, подчёркивают зависимость и второстепенную роль женщины. В данном случае с целью преодоления дискриминации слово женского рода с суффиксом *-ess* исключается из оборота, а слово мужского рода обозначает представителей обоих полов: *actress – actor, poetess – poet, sculptress – sculptor*. Также может вводиться новая словоформа для обозначения профессии: *headmistress – headteacher, stewardess – flight attendant*.

Изменения коснулись и грамматики английского языка, а именно – исторически сложившейся традиции использовать личное местоимение мужского рода *he* и притяжательное местоимение мужского рода *his* в тех случаях, когда род существительного неизвестен или не имеет значения, как, например, *Everyone should do his duty* или *If a person wants to succeed, he should work hard*. Таким образом, хотя в данных случаях могут подразумеваться лица обоих полов, женщина лингвистически никак не выражена, что является определённой формой языковой дискриминации [6, 224-225].

Наиболее употребительными на данный момент в современном английском языке являются словосочетание *he or she* вместо личного местоимения *he* (*If a person wants to succeed, he or she should work hard*), притяжательное местоимение множественного числа *their* и словосочетание *his or her* вместо притяжательного местоимения мужского рода *his* (*Everyone should do their / his or her duty*).

Под влиянием гендерного направления политкорректности претерпели изменения и формы вежливого обращения к женщине. Традиционно в английском языке существовали две лексемы – *Mrs* для обращения к замужней даме и *Miss* для обращения к незамужней. Однако они вызвали недовольство

сторонников феминистского движения, поскольку дискриминировали женщину, определяя её семейное положение – то есть некий аспект её частной жизни, который, возможно, она не хотела бы делать достоянием общественности. Здесь стоит отметить, что традиционное обращение к мужчине *Mr* не является дискриминирующим по своей сути, поскольку никак не отсылает к семейному положению носителя. Корректным аналогом в данной ситуации является новая лексема *Ms* – она употребляется по отношению как к замужним, так и к незамужним женщинам, полностью нейтральна и отвечает всем современным стандартам и требованиям.

Движение за равные права женщин с мужчинами оказало значительное влияние как на жизнь современного общества, так и на язык. Наравне с изменениями в социальной и культурной областях претерпел существенные преобразования английский язык. Слова и словосочетания, тем или иным образом дискриминирующие женщин или не отражающие ту важную роль, которую они играют сегодня во всех аспектах жизни общества, постепенно вытесняются из повседневного обихода. На смену им приходят новые, корректные аналоги – названия профессий и реплик, синтаксические вариации, формы вежливого обращения. Они становятся частью современного английского языка и активно используются его носителями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Иригарэ Л. Генеалогия женщин // «Прочти моё желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М., 2000. С. 175-177.
2. Хеллинггер М. Контрастивная феминистская лингвистика // Феминизм и гендерные исследования. Тверь, 1999. С. 91-98.
3. Эллиот П., Менделл Н. Теории феминизма // Введение в гендерные исследования. СПб., 2001. С. 93-126.
4. Beard H., Cerf C. The Official Politically Correct Dictionary and Handbook. New York, 1993. 194 p.
5. Frank F., Anshen F. Language and the Sexes. N.Y., 1983. 130 p.
6. Freeman R., McElhinny B. Language and Gender // Sociolinguistics and Language Teaching. Cambridge University Press, 1996. P. 218-280.

7. Lakoff R. Language and woman's place. N.Y., 1975. 310 p.
8. Miller C., Swift K. Words and Women. N.Y., 1977. 197 p.
9. Oxford guide to British and American culture. Oxford, 2005. 536 p.
10. Spender D. Man Made Language. London, 1980. 272 p.

УДК: 81'42

Ершов М.В.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ДРАМАТУРГИЧЕСКОЙ АВТОРСКОЙ РЕЧИ ВО ВНЕСЮЖЕТНОМ ВРЕМЕНИ

M. Ershov

Moscow State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov

THE FUNCTIONAL DEVELOPMENT OF THE AUTHOR'S SPEECH WHICH GOES BEYOND THE BODY TEXT OF THE PLAY

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования, проведённого на материале пьесы английского драматурга Б. Шоу «Пигмалион», отображающие ту роль, которую играет авторская речь при передаче основной мысли, высказываемой автором в своём произведении. Раскрывается сущность драматургической авторской речи, которую зачастую приравнивают к ремарке, выступающей в роли уточняющей подсказки. В работе показано, что ремарка является всего лишь одной из составляющих частей драматургической авторской речи, которая подчас может выходить и за пределы основного текста пьесы.

Ключевые слова: авторская речь, внетекстовая ремарка, внутритекстовая ремарка.

Abstract. The article describes the results of the research which reflects the role of the author's words in the play. The work reveals the very essence of the author's dramatic speech concentrated in Preface and Sequel of "Pygmalion" by B. Shaw which overpasses and constitutes the single unit of textology. It has been shown that the conventional remarque in drama is only one of the elements constituting the author's speech.

Key words: the author's words, extra-text remarque, in-text remarque.

Тема авторской речи в драме давно является причиной многих дискуссий в лингвистике. Так, к примеру, Ю.А. Гущина говорит об особом статусе драматургической авторской речи, суть которой не может быть сведена ни к одному из имеющихся классических определений, в «прокрустово ложе» которых её пытаются безрезультатно втиснуть, так как не отвечает перечисленным в них признакам [1, 6].

Как правило, под *авторской речью* в драме понимают ремарку, которая в литературоведческих источниках обычно толкуется как «указание автора в тексте пьесы (обычно в скобках) на поступки героев, их жесты, мимику, интонацию, на психологический смысл их высказываний, на темп речи и паузы, на обстановку действия» [2].

Традиционно ремарка в драме считается уточняющей подсказкой как для режиссёра, так и для актёров, помогая им понять, как лучше вести себя на сцене. При этом ремарки представляют собой преимущественно нейтральный вид лексики, описывая движения и жесты героев или окружающую их обстановку. Учитывая данный факт, возникает вопрос: покрывает ли ремарка авторскую речь драматургического вида полностью, то есть являются ли эти два термина тождественными [1, 6]?

Ответ на данный вопрос, на наш взгляд, наиболее полно раскрывается в пьесе Б. Шоу «Пигмалион», где автор отходит от принятых канонов классической драмы, значительно расширяя функциональную роль авторской речи в этом жанре. В первую очередь стоит отметить, что в тексте пьесы, помимо персонажей, выделяется также фигура повествователя, причём она не олицетворена кем-то из героев, а как бы отстранена от них, но вместе с тем присутствует рядом с каждым из них и обладает абсолютным знанием о разворачивающихся в пьесе событиях:

He [Higgins] is of the energetic, scientific type, heartily, even violently interested in everything that can be studied as a scientific subject, and careless about himself and other people, including their feelings. He is, in fact, but for his years and size, rather like a very impetuous baby "taking notice" eagerly and loudly, and requiring almost as much watching to keep him out of unintended mischief. His manner varies from genial bullying when he is in a good humor to stormy petulance when anything goes wrong; but he is so entirely frank and void of malice that he remains likeable even in his least reasonable moments [7, 27].

Эти весьма обширные данные об одном из главных героев пьесы – выдающемся фонетисте профессоре Генри Хиггинсе – читатель узнает не из реплики кого-либо из персонажей, а именно от повествователя, который прекрасно знает каждого из героев «Пигмалиона».

Кроме того, в пьесе можно найти и прямое обращение к читателям, которое идёт не через посредство речевых характеристик

выводимых персонажей, а непосредственно от автора, то есть процесс коммуникации не включает посредника, а идёт по непрерывающейся линии автор – читатель [1, 13]. Например:

Let us follow the taxi to the entrance to Angel Court, a narrow little archway between two shops, one of them the Meiklejohn's oil shop. When it stops there, Eliza gets out, dragging her basket with her [7, 24].

Эти факты уже сами по себе указывают на особую роль авторской речи в пьесе «Пигмалион» и не позволяют поставить знак равенства между ней и традиционной авторской ремаркой в драматургическом произведении.

Однако главным аспектом, на который здесь необходимо обратить внимание, является то, что часть своих слов сам автор выделяет как отдельную часть произведения во внесюжетное время, которое выходит за рамки основного текста пьесы и описывает действия, предваряющие или следующие после основных событий. Эти части получили у нас название внетекстовых вставок или ремарок. Сам автор обозначил их как *Preface* и *Sequel*. Это само по себе выделяет «Пигмалион» из ряда драматургических произведений, поскольку пьеса, как правило, не содержит ни вступления, ни заключения, так как эти элементы более характерны для прозы. Такой симбиоз разных жанров в рамках одного художественного произведения содействует более точному раскрытию мировоззренческой позиции автора в тексте, передаче читателю драматургом своего видения мира и своего взгляда на окружающую его действительность.

Мы полагаем, что совокупность всех указанных элементов образует в пьесе Б. Шоу авторскую речь как сложную и многогранную систему, способную доносить до реципиента основную идею произведения, идею возрождения личности, которая раскрывается не только в прямой речи действующих лиц, как в классической драме, но и через их личности, наиболее ярко отражающиеся в пьесе через слова автора. Для подтверждения данной точки зрения рассмотрим одного из главных

персонажей пьесы «Пигмалион», профессора Хиггинса. Выбор данного персонажа обусловлен тем, что обычно тема возрождения личности в пьесе Б. Шоу ассоциируется у читателя (зрителя) с образом Элизы Дулиттл, которая за пять актов проходит путь от безграмотной продавщицы цветов к герцогине. Что касается профессора Хиггинса, то с данным персонажем изменения происходят не так явно и активно. Именно поэтому раскрытие личности данного персонажа, а также отражение через него главной авторской мысли в произведении и представляет для нас наибольший интерес.

Именно этому действующему лицу практически полностью посвящена вступительная часть пьесы, *Preface*, где фигура профессора Хиггинса отражается через описание его реальных прообразов.

He and Tito Pagliardini, another phonetic veteran, were men whom it was impossible to dislike. Henry Sweet, then a young man, lacked their sweetness of character: he was about as conciliatory to conventional mortals as Ibsen or Samuel Butler. His great ability as a phonetician (he was, I think, the best of them all at his job) would have entitled him to high official recognition, and perhaps enabled him to popularize his subject, but for his Satanic contempt for all academic dignitaries and persons in general who thought more of Greek than of phonetics... When I met him afterwards, for the first time for many years, I found to my astonishment that he, who had been a quite tolerably presentable young man, had actually managed by sheer scorn to alter his personal appearance until he had become a sort of walking repudiation of Oxford and all its traditions [7, 6].

Здесь автор рисует перед зрителем образ человека, безусловно, талантливого, однако весьма сложного по своей натуре. При этом стоит отметить, что драматург прибегает к использованию таких художественных средств, как описание и повествование, а также вводит в эту часть себя самого как непосредственного участника событий. Все эти признаки свойственны произведениям прозаического жанра и указывают на неприни-

тельность *Preface* к драме. Автор не вводит его в основной текст пьесы, что и позволяет нам говорить об этой вступительной части как внетекстовой авторской ремарке.

Все упомянутые автором в *Preface* мысли по поводу своего персонажа находят своё подтверждение во внетекстовых вставках – авторских ремарках, которые сопровождают высказывания данного действующего лица, например, *rising abruptly and walking about, jingling his money and his keys in his trouser pockets [7, 66].*

При этом стоит обратить внимание, что характерные черты персонажа выражаются не через весь текст ремарки, а через отдельные слова. Анализ фактического материала показал, что наибольшей семантической окрашенностью обладает наречие. Слова, принадлежащие данной части речи, нередко используются в художественных произведениях для обозначения качества деятеля. Как правило, этот признак проявляется во время протекающего процесса, который имплицитно представляется как процесс говорения или действия. С помощью наречия можно дать хотя и незаконченную, но всё же довольно яркую характеристику того или иного персонажа. Так, если взять высказывания профессора Хиггинса в совокупности с сопровождающими их ремарками и сопоставить встречающиеся в данных ремарках наречия, то можно разделить их на следующие подгруппы: 1) уверенность в поведении; 2) быстрота действий; 3) громкая речь; 4) ораторские качества; 5) поведение; 6) отношение к тому, что не касается фонетики.

Сопоставив все эти качества, можно чётко представить себе портрет профессора Хиггинса как решительного человека, для которого характерна быстрота как в движении, так и в принятии решений. Это очень шумный и нетерпеливый человек, способный своим интеллектом и ораторским искусством поразить каждого вокруг себя, но который, однако, безразличен ко всему, что не касается его любимой науки – фонетики.

Данная точка зрения подтверждается словами самих персонажей пьесы, что является

особенно важным для сценической постановки пьесы, где не представляется возможным в полной мере отразить те идеи, которые Б. Шоу передаёт читателям посредством внетекстовых ремарок (*Preface* и *Sequel*).

Стоит уделить внимание ремаркам, которые относятся к другой части речи – именам существительным. В силу ограниченности объёма данной работы мы считаем необходимым обратить внимание лишь на тот факт, что посредством существительных в ремарках отражаются не только характерные черты главного персонажа пьесы, но также и главная идея произведения – возрождение личности, которая также находит своё развитие в лице профессора Хиггинса. Например, очень часто в ремарках, сопровождающих речь данного действующего лица, встречается существительное *surprise*, которое говорит вполне о многом. Профессора Хиггинса, человека, который уже многое видел за свою жизнь, удивила простая неграмотная девушка. Своим поведением она пробудила в нём интерес, который в дальнейшем полностью изменил судьбу не только Элизы, но и самого Хиггинса. Эти изменения как раз и позволяют сделать вывод, что основная идея пьесы проявляется в тексте через обоих главных персонажей пьесы.

Что касается ремарок, относящихся к другим частям речи (прилагательное и глагол), то они, как правило, только дублируют, а значит – подтверждают, мысли, выраженные во внутритекстовых ремарках посредством наречий и существительных.

Завершается же пьеса авторским заключением, *Sequel*, в котором Б. Шоу повествует о дальнейшей судьбе своих героев, а также высказывает свои идеи по поводу их взаимоотношений. Нас здесь интересует преобразование Хиггинса как личности, что также подтверждается автором.

Сравните: *That is all. That is how it has turned out. It is astonishing how much Eliza still manages to meddle in the housekeeping at Wimpole Street on spite of the shop and her own family. And it is notable that though she never nags her husband, and frankly loves the Colonel as if she were his fa-*

vorite daughter, she has never got out of the habit of nagging Higgins that was established on the fatal night when she won his bet for him. She snaps his head off on the faintest provocation, or on none. He no longer dares to tease her by assuming an abysmal inferiority of Freddy's mind to his own. He storms and bullies and derides, but she stands up to him so ruthlessly that the Colonel has to ask her from time to time to be kinder to Higgins; and it is the only request of his that brings a mulish expression into her face. Nothing but some emergency or calamity great enough to break down all likes and dislikes, and throw them both back on their common humanity - and may they be spared any such trial! - will ever alter this [7, 146].

Таким образом, в *Sequel* через описание поведения профессора Хиггинса напрямую подтверждается факт произошедших с ним изменений, позволяющих нам говорить и его возрождении как личности. В результате становится ясно, что посредством авторской речи драматург отображает ту главную идею своего произведения, которая открывает двери в его творческую лабораторию, давая возможность реципиентам познакомиться с его философско-мировоззренческой позицией. В пьесе «Пигмалион» Б. Шоу использует комбинацию сразу двух типов авторской речи: драматургической, отображённой через внутритекстовые ремарки, характеризующие персонажей пьесы, и прозаической, к которой относятся *Preface* и *Sequel*, где автор прибегает к таким художественным средствам, как рассуждение, повествование и описание. Данный приём позволяет автору наиболее полно отобразить главную идею пьесы, которую он не только кодирует в репликах персонажей, но и своим собственным «голосом» передаёт через описание их характерных черт, причём местами делает это от своего собственного имени, утверждая себя как одного из действующих лиц собственной пьесы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гущина Ю.А. Драматургический вид авторской речи как композиционный и структурно-семантический компонент текстологии: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 188 с.

2. Кошевая И.Г. Текстологические структуры языка и речи. М.: МПШ им. В.И. Ленина, 1983. 169 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
4. Луговская Е.Ю. Речевая структура сонета (на материале сонетов В. Шекспира): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М.: МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2005. 150 с.
5. Макарова В.А. Авторский ракурс как основа построения поэтического текста: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М.: МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2007. 169 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987. 455 с.
7. Bernard Shaw. Pygmalion, Caesar and Cleopatra, English classical literature. СПб.: КАРО, 2008. 289 с.

УДК 81-114.4

Киосе М.И.

Международный институт менеджмента ЛИНК

КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ АЛЛЮЗИВНЫХ МЕТАТЕКСТОВ

M. Kiose

International Institute of Management LINK

COGNITIVE-FUNCTIONAL TYPOLOGICAL RESEARCH OF METATEXTUAL ALLUSIONS

Аннотация. В статье последовательно выявляются когнитивные и коммуникативные особенности реализации аллюзивных заголовков на материале текстов публицистического характера. Аллюзивные заголовки рассмотрены как нарративно-ментативные структуры, представляющие собой средства сложной референции. Механизм вторичной номинации аллюзивной единицы описан автором в рамках когнитивных теорий. Выявив семантические компоненты, лежащие в основе вторичной номинации текста-источника, и основные типы его семантических модификаций, автор исследует коммуникативные стратегии создания вторичных аллюзивных метатекстов на их основе.

Ключевые слова: аллюзивные метатексты, когнитивное моделирование, коммуникативные стратегии, нарративно-ментативная структура, семантические модификации.

Abstract. The article presents a consistent analysis of cognitive and communicative aspects of allusive headings. The research has been carried out on the material of publicist texts. Allusive headings present a specific narrative-mentative structure functioning as a means of complex reference. The mechanism of allusion secondary nomination is investigated by means of cognitive methods. Having revealed the types of semantic components underlying secondary text formation and the basic types of initial text (allusion source) semantic modifications, the author considers communicative strategies of creating secondary allusive metatexts on the base of these modifications.

Key words: allusive metatexts, cognitive modeling, communicative strategies, narrative and mentative structure, semantic modifications.

Данное исследование выполнено в рамках когнитивной семантики и нацелено на разработку когнитивно-функциональной типологии аллюзивных единиц в метатексте.

Выявление когнитивно-функциональных свойств аллюзивных метатекстов представляет собой актуальную задачу при описании онтологических свойств аллюзивных единиц как лингвокогнитивных феноменов. По мнению Е.В. Рахилиной и В.А. Плунгяна, лексико-семантическая типология языков является нерешённой проблемой, предполагающей значительно более пристальное изучение семантики отдельных лексических единиц в языках мира и их семантических противопоставлений – ориентированной на поиск параметров вариативности языков в самых разных лексических зонах [10, 13].

Когнитивно-функциональный подход к анализу аллюзивных заголовков как особого вида прецедентных метатекстов позволяет по-новому взглянуть на когнитивную и коммуникативную природу аллюзивной единицы, выявить типы семантических модификаций при построении аллюзивных заголовков как “свернутых ситуаций” (по М.М. Бахтину) и сделать определённые выводы о наборе универсальных лексико-семантических элементов, реализующих эти семантические модификации во вторичном тексте, и коммуникативных стратегиях, нацеленных на достижение определённого прагматического эффекта с помощью использования аллюзивных единиц. Когнитивно-функциональный анализ, нацеленный на сопоставительное изучение чужой и своей позиций, реализуемых в аллюзивных заголовках, связан с «выявлением доминант интенциональной установки (коммуникативной позиции), способов её реконструкции в первичном тексте, и доминант коммуникативных структур вторичного текста, способов их интерпретации и воплощения коммуникативной стратегии говорящего, создателя вторичного текста» [12, 28].

Рассмотрим когнитивные и коммуникативные особенности моделирования аллюзивной единицы и акта её создания.

Среди основных характеристик аллюзии особое внимание в данной работе мы склонны уделять её способности служить средством вторичной номинации (понимаемой

в данной работе, вслед за В.Г. Гаком, как использование одной формы для обозначения новых денотатов), средством непрямого говорения и “чужой речи” (понимаемой, вслед за М.М. Бахтиным, как слово с установкой на чужое слово – *двуголосое слово*) в контексте функционального описания метатекстовых конструкций (заголовков) как прецедентного феномена, представляющего собой прежде всего процесс и результат особого языкового действия, особой коммуникативной стратегии. Гогтишвили Л.А., рассматривая «феноменологию непрямого говорения», указывает на то, что в нём “всегда наличествуют не один, а как минимум несколько актов «...», что и влияет на формирование не-прямых форм смысла”; “частные источники смысла в высказывании взаимно чередуются, сменяются, взаимоналагаются и вступают в коалиции со своими оппозиционными источниками смысла «...», создавая тем самым эффекты непрямого смысла”; “непрямое говорение «...» образуется совмещениями процессов, происходящих в этих «...» зонах” [2, 16]. Это положение является ключевым для понимания роли аллюзии в создании вторичного текста, где её значение представлено сложной семантической моделью, в основе которой – наложение и модификация смыслов текста-источника (первичного текста) и текста, реализующего аллюзию (вторичного текста).

Аллюзивные заголовки представляют собой вторичные моделирующие системы (по выражению Ю.М. Лотмана), при этом они моделируют вторичную ситуацию через первичную, осуществляя, таким образом, “референцию непосредственно к миру с его реалиями” [6]. Понятно, что аллюзивные заголовки не могут выполнять собственно текстовые функции, однако, являясь метатекстовыми включениями, могут быть определены как особый тип позиции в коммуникации не только по отношению к “чужому” высказыванию, являющемуся первичным, но и по отношению к самой ситуации.

Когнитивная структура аллюзивных метатекстовых доминантных включений поз-

воляет представить данный феномен как особую категорию, которая, несмотря на свой метатекстовый характер, выполняет как нарративную, так и ментативную функции. Утверждая это, мы основываемся на понимании нарратива и ментатива, отражённом в дискурсивных исследованиях (В.И. Тюпа (2001), Е.В. Падучева (1999), Н.В. Максимова (2007) и др.). Так, Н.В. Максимова, рассматривая функционирование “чужой речи”, отмечает существование процесса “контаминации” нарратива и ментатива в её реализации. Аллюзивные метатекстовые включения, на наш взгляд, помимо референции к хромотопической ситуации (характерной для текстов-нарративов), осуществляют референцию к ментальной ситуации, выполняют диалогическую функцию. Таким образом, хромотопическими являются сигнификативные компоненты значения аллюзивного заголовка первичного и вторичного текстов, а ментативными – логико-смысловые, на основе которых осуществляется связность своего и чужого, те имплицитные семантические компоненты, которые “привносятся” во вторичный текст из первичного посредством использования аллюзивной единицы. В основе номинации аллюзии лежит наложение двух ментальных пространств, создаваемых источником аллюзии и контекстуальным индикатором вторичного текста, создание нового концепта с использованием концепта источника. Этот механизм, как и механизм метафоры, представляет собой трёхчленную структуру, состоящую из исходного слова, результирующего слова и концептуального признака (ассоциативного смысла), лежащего в основе переименования. Рассмотрение когнитивного механизма вторичной номинации аллюзии предполагает рассмотрение семантических концептов текста аллюзии в качестве вводящих новое значение во вторичный текст. Такой перенос концепта значения подобен метонимическому ассоциативному переименованию. Описанная сложная когнитивная модель аллюзивной единицы объясняет наше понимание её как нарративно-ментативной структуры.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет именно когнитивная интерпретация нарративно-ментативной структуры аллюзивной единицы как особой когнитивной модели и выявление типов семантических компонентов, в которых реализуется аллюзивная когнитивная модель. Здесь мы, прежде всего, опираемся на работы в области лингвистической семантики, когнитивной семантики и семантического метаязыка (Wierzbicka (1999, 2003), Апресян (2000), Кобозева (2007), Рахилина (2000), Cruse (1986), Кубрякова (2004, 2008, 2009), др.).

Аллюзивные единицы структурно (не обязательно) и семантически (обязательно) модифицируют текст-источник. Структурные критерии оказываются недостаточными для отграничения аллюзии от других типов интекста (цитаты, ссылки). Можно выделить два варианта использования первичного текста: в неизменном виде, т. е. представляющем собой устойчивое, неизменное выражение (устойчивое с морфологической, синтаксической, фонетической, фонологической, супрасегментной точек зрения) и трансформированный интекст-первоисточник (с точки зрения морфологии, синтаксиса, фонетики, фонологии, супрасегментной стороны), созданный с претензией на оригинальность, обладающий некоторой структурной изюминкой. И тот и другой тип оказываются способными создать аллюзивный текст. Поэтому именно семантические критерии играют ведущую роль в создании аллюзивной единицы. Представляется интересным выявить, какие семантические компоненты лежат в основе метафорического переноса (объединяют оба текста, текст-источник и текст, реализующий аллюзию), а также какие типы значения метонимического переноса вторичного текста модифицируют концептуальную структуру аллюзивной единицы. Рассмотрим эти типы семантических компонентов более подробно на материале публицистических текстов, изобилующих аллюзивными метатекстами.

Изучение семантических метафорических (общих для сближаемых текстов) компонен-

тов, реализующих аллюзивные метатексты публицистического характера, показало, что доминирующую роль в модификации семантической структуры текста источника несут, в первую очередь, семантические компоненты (семантические примитивы в терминологии А. Вежбицкой) атрибутивно-го характера: “хороший”, “плохой”, “маленький”, “большой”. Это мы склонны объяснять тем, что создание аллюзивных заголовков в публицистических текстах преследует цели повышения экспрессивности, внесения коннотативных компонентов оценочности, а не денотативно-сигнификативного характера. Например: *О времена! О вестии!* (в основе сближения двух образов-схем источника и вторичного текста атрибутивный компонент значения “плохой”), *Lionel's share* (в основе сближения двух образов-схем – атрибутивный компонент “большой”), *Кинопробы некуда ставить* (с использованием атрибутивного компонента значения “плохой”) и др. При этом было замечено, что, модифицируя содержание текста-источника посредством аддитивных семантических компонентов, автор вторичного текста очень часто использует приём семантического рассогласования концептуальной структуры текста-источника и аддитива. Таким способом создаётся иронический эффект аллюзивного метатекста.

Изучение метонимических (привносимых из вторичного текста) компонентов, реализующих аллюзивные заголовки текстов публицистического характера, показало, что доминирующую роль в модификации семантической структуры текста источника играют семантические компоненты субстантивного характера, в большинстве случаев относящиеся к тематической категории “что-то” (около 40% всех номинаций). Подкрепим данное утверждение примерами заголовков на материале английского и русского языков (публицистические тексты): *И дольше века длится Бег, Запретная плоть, Мир во время чумы, По секрету всему Интернету, Карты не пахнут, По главной улице с авоськой, Служба с препятствиями, Военно-полевой*

обман; Playing with politics, Forbidden Foods, Whose Cause is it (аллюзия на название популярной передачи *Whose Line is it*), *The Trouble starts at home* (аллюзия на выражение *Charity starts at home*), *Old Pastimes die hard* (аллюзия на выражение *Old habits die hard*), *Too many spooks* и др.

Около 15% всех аддитивных семантических компонентов аллюзивных заголовков мы отнесли к субстантивным, принадлежащим тематической категории “кто-то, люди”. Например: *Последний день Пальмиро, Шпионы подполья, Одна жизнь Филиппа Денисовича* (включая дополнительный модифицирующий семантический признак времени – “долго”); *Lionel's Share* (по имени политического деятеля), *A Tale of Two Brothers, Consultant, heal thyself, Much Ado about Ginger, Beat around the Bush, Comrades-in-arms*, др.

Около 10% аддитивных семантических компонентов аллюзивных заголовков относим к семантической категории действия “делать, двигаться”: *Приказано выжать, Списание утопающих; Агрессия двойного назначения* (в ходе развития аллюзивного заголовка в теле статьи под агрессией понимаются действия агрессивного характера; также аллюзия реализует дополнительный модифицирующий атрибутивный признак “плохой”), *Вылетая из гнезда кукушки, Они сидели за родину; Paradise found, Sticking their ore in, Whoduzzit* (аллюзия с модифицированной морфологической формой источника – разговорного названия романов детективного жанра *Whodunnit*), *To spend or not to spend*.

Следующую большую группу (около 5%) аддитивных компонентов составляют семантические компоненты категории логической связности (прежде всего отрицания): *Невечная мерзлота, No farewell to arms, No room at the top, Not so happy returns* (понятно, что данный способ семантической модификации превалирует в английском языке, т. к. позволяет сохранить морфолого-синтаксическую структуру источника).

Оставшиеся типы аддитивных семантических компонентов все вместе составляют около 10%: *Вылетая из гнезда кукушки*

(аддитив – семантическая категория времени “до”), *In the Heart of Darkness* (аддитив – семантическая категория места “внутри”), *Manna from heaven?* (аддитив – логическая категория), др.

Около 20% аддитивов носят комплексный характер, объединяя несколько типов семантических компонентов. В данном случае автор аллюзивного макротекста стремится к сохранению ритмико-мелодической структуры текста-источника в целях обеспечения узнавания аллюзии. Например, *The day that changed the world* – аллюзия на роман Майна Рида “Ten days that shook the world” (аддитивами служат квантификатор и семантическая категория действия); *Игры датского столяра* – аллюзия на строку Б. Окуджавы “Капли датского короля” (аддитивами служат субстантивы); *But will he give a damn?* – аллюзия на фразу из произведения М. Митчел “Унесенные ветром”: *Frankly, my dear, I don't give a damn* (аддитивы – субстантив “кто-то” и логический предикат).

Выявление типов семантической модификации источника аллюзивного метатекста способствует более глубокому пониманию особенностей человеческого мышления, а также является яркой иллюстрацией типологических особенностей языков, на материале которых выполнено исследование.

Изучение когнитивных особенностей структуры аллюзивных заголовков даёт возможность сделать определённые выводы о её функциональных характеристиках и коммуникативных стратегиях, используемых автором вторичного аллюзивного текста.

Рассмотрение самих коммуникативных стратегий при создании аллюзивных заголовков представляет отдельную задачу исследования. Изучение этих стратегий оказывается возможным на основе типологии семантических модификаций, имеющих место быть в образовании новой метатекстовой единицы сложного порядка – единицы, объединяющей и модифицирующей семантические компоненты значения первичного текста (текста-источника) и вторичного текста, реализующего аллюзию. Аллюзивные заголовки

представляют собой особые метатекстовые элементы доминантного характера, выражающие отношение свое-чужое, «связывающие инициальное-чужое и финальное свое» [7, 131]. Аллюзивные заголовки мы склонны рассматривать как ответ на предшествующее высказывание данной сферы, занимающее какую-то определённую позицию в данной сфере общения, по данному вопросу. Аллюзия служит средством определения своей позиции посредством «соотнесения её с другими позициями» [1, 271]. Позиция автора первичного текста, позиция автора вторичного текста, реализующего аллюзию, могут быть описаны в рамках теории коммуникативных стратегий и когнитивных способов их реализации.

При рассмотрении коммуникативных стратегий использования аллюзивных метатекстовых доминантных включений мы опираемся на работы, посвящённые типам позиции в коммуникации и вербальным способам представления этой позиции (Арутюнова (2000), Иссерс (1999), Янко (1994), Максимова (2005), Добжиньская (1990), Бергельсон (1998), др.).

В своей монографии, посвящённой проблемам чужой речи, Н.В. Максимова подробно описывает восемь коммуникативных стратегий, реализующих чужую речь. В случае с метатекстами на первый план выходят лишь некоторые из перечисленных ею стратегий. На основе анализа когнитивной составляющей аллюзивной доминантной модели представляется возможным сделать выводы о доминирующих коммуникативных стратегиях. Среди коммуникативных стратегий, используемых автором для создания аллюзивных заголовков, назовем следующие: **развитие** (“согласование, синтезирование” (термины Н.В. Максимовой) концептуальных структур текста-источника и вторичного текста, где семантические компоненты субстантивного, детерминативного, квантификаторного, атрибутивного, др. характера выступают в роли аддитивов); **отрицание** (в случаях, когда используются логические аддитивы отрицания); **оценивание** (в описан-

ных выше случаях соположения объективных и субъективных оценок).

Данное исследование позволяет различать мышление и коммуникацию как особые сферы, обладающие своими задачами, устройством и собственным набором средств реализации, однако рассматривать их во взаимосвязи как особую когнитивно-функциональную модель порождения аллюзивного высказывания. Исследование позволяет, с одной стороны, акцентировать внимание на когнитивных основах процесса создания аллюзивных метатекстов и на семантических компонентах, реализующих особенности мышления и их индивидуальное языковое воплощение, с другой стороны, на коммуникативных стратегиях, скрывающихся за употреблением «пересказывательных» (термины, принятые в работах А.Л. Штайман (1997) и Н.А. Козинцева (1994)) частиц в языке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. 167 с.
2. Гогтишвили Л.А. Непрямое говорение. М.: Языки славянской культуры, 2006. 720 с.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. ЛКИ, 2008. 288 с.
4. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2007. 350 с.
5. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: URSS, 2009. 269 с.
6. Лотман Ю.М. Проблема текста // Ю.М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 201-214.
7. Максимова Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М.: РГГУ, 2005. 317 с.
8. Медиатекст: стратегии-функции-стиль: коллективная монография / Л.И. Гришаева, А.Г. Пастухов, Т.В. Чернышова. Орел: Горизонт, 2010. 226 с.
9. Падучева Е.В. О модернистской технике в нарративе с лингвистической точки зрения // Структура и семантика художественного текста. М., 1999. С. 279-295.
10. Рахилина Е.В., Плунгян В.А. О лексико-семантической типологии // Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007. С. 9-26.
11. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» Чехова). Тверь: ТвГУ, 2001. 58 с.
12. Янко Т.Е. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии // Вопросы языкознания, 1999. № 4. С. 28-55.
13. Wierzbicka A. A Semantic Basis for Linguistic Typology // Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 26-35.
14. Wierzbicka A. Meaning and Culture. N.Y.: OUP, 2006. 352 p.

УДК 81.373

Маликов И.Г.

Московский государственный педагогический университет

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ И КУЛЬТУРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА

I. Malikov

Moscow State Pedagogical University

CONCEPTUAL METAPHOR IN CONCEPTUAL SYSTEM AND CULTURE OF EUROPEAN LAW

Аннотация. Статья посвящена концептуальной метафоре, её функционированию в концептуальной системе и культуре права Европейского союза. В основе исследования лежит когнитивный анализ метафор в различных слоях юридического языка, главным образом в текстах европейской судебной практики. Проведённое исследование позволило выявить и охарактеризовать в рамках культурологической классификации такие базовые концептуальные метафоры языка европейского права, как: «конкуренция – это война», «право ЕС – это живая сущность», «Европейский союз – это здание», и некоторые другие. Статья представляет особый интерес для юрислингвистов, поскольку язык европейского права малоизучен и ранее не исследовался с позиций когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: концептуальная метафора, концептуальная система европейского права, гипотеза инвариантности, судебная практика ЕС, язык европейского права.

Abstract. The article deals with the issues of conceptual metaphor and its functioning in conceptual system and culture of European law. The author carries out a cognitive analysis of metaphors in different layers of European legal language, mainly in the texts of EU case law. The research reveals and characterizes within the framework of culturological classification such basic conceptual metaphors of European legal language as: “competition is war”, “EU law is a living entity”, “European Union is a building” and some others. The article can be of special interest to jurilinguists, since the language of European law has so far been poorly explored and has not been studied before from the perspective of cognitive linguistics.

Key words: conceptual metaphor, conceptual system of European law, Invariance Hypothesis, European case law, European legal language.

Со времён Платона и вплоть до конца 60-х гг. двадцатого века в философии и лингвистике доминировал подход к метафоре как к фигуре речи, выполняющей лишь орнаментальную и риторическую функцию.

Теория концептуальной метафоры, предложенная в конце 70-х гг. американским лингвистом Дж. Лакоффом и философом М. Джонсоном, перевернула устоявшиеся представления лингвистических теорий метафоры, поскольку стала исследовать её как когнитивное явление, один из центральных процессов в концептуализации мира, часть мыслительной системы и языка [6; 7; 20].

Как утверждают авторы теории, метафоры по сути своей являются феноменами, обеспечивающими понимание, и могут «столь же правдиво отражать реальность, как и неметафорические, буквальное выражения» [19, 164]. Метафорам свойственно не исчезать, но оставаться в человеческом сознании, так что логические следствия их действия проявляются в особенностях понимания мира [19, 137; 19, 166-168].

© Маликов И.Г., 2011.

Тот факт, что заложенная в понятийной системе человека метафора проникает в повседневную жизнь, влияет на структурирование восприятия и мышления человека, был косвенно подтверждён в конце XX в. крупномасштабным исследованием феномена гениальности под руководством одного из разработчиков нейролингвистического программирования Роберта Дилтса, которое показало, что использование метафор является одним из свойств гениев [3].

В качестве собственного эмпирического доказательства когнитивной роли метафоры Дж. Лакофф приводит ярко выраженную системность, которую демонстрирует этот феномен. Сила и мощь концептуальных метафор состоит в их регулярном подсознательном использовании: «всё, на чём мы основываемся постоянно, неосознанно и автоматически, настолько сжилось с нами, стало частью нас самих, что мы не можем этому противостоять, часто просто потому, что это проходит незамеченным» [20, 45]. Особенно наглядно «власть» метафор и их когнитивная сущность проявляются в англоязычном юридическом дискурсе, где их употребление, казалось бы, официально не приветствуется.

Действительно, уже в XVIII в. выдающийся английский юрист и инициатор отмены рабства в Великобритании Верховный Судья лорд Мэнсфилд пишет: «Ничто в праве не способно так сильно вводить в заблуждение, как метафора» (Mansfield, цит. по: [16, 97]). Спустя полтора века один из основоположников американского юридического реализма, судья Верховного Суда США Бенджамин Кардозо поддерживает эту мысль: «за метафорами в праве нужно следить с осторожностью, используемые изначально как средства освобождения мысли, они часто заканчивают тем, что поработают её» (Cardozo, цит. по: [17, 424]). Однако, как уже было сказано выше, метафоры – неотъемлемая часть человеческого мышления в целом, а потому ни доктринальные, ни законодательные запреты не в состоянии избавить от них язык права. Как точно (и метафорично) подмечает доктор права Адам Армз, « юриди-

ческий дискурс беременен метафорами» [13, 257]. Именно поэтому мы «боремся с преступностью», «выигрываем» или «проигрываем» дело, приводим «веские» доказательства и используем «убойные аргументы».

Особый интерес при исследовании концептуальных метафор в рамках юридического дискурса представляет язык европейского права – уникальной наднациональной правовой системы, зародившейся в середине XX в. и регулирующей функционирование Европейского союза. По сути, ЕС представляет собой «новый международный правовой порядок, в пользу которого государства ограничили, хотя и в определённых областях, свои суверенные права» [10, 2]. Уникальность европейского права состоит в том, что оно «обладает верховенством по отношению к национальным правовым системам, имеет прямое действие, а его нормы автоматически интегрируются в национальное право всех государств-членов ЕС» [10, 8].

Исторически национальным законодательствам стран ЕС были присущи значительные концептуальные различия. Англосаксонская правовая семья государств (Великобритания), основой которой является судебный прецедент, традиционно противопоставляется основанной на законе романо-германской (континентальной) правовой семье. Последняя возникла на основе рецепции римского права и формально объединяет правовые системы континентальной Европы, которые также весьма разнородны: романское (наиболее сильно отражено в праве Франции), германское (сформировалось под влиянием немецкой правовой науки), а также скандинавское право.

Интеграционные процессы середины XX в. поставили перед европейским правом трудновыполнимую задачу: не только создать общую, наднациональную систему правовых концептов, но и донести до многоязычного и мультикультурного населения Европы суть правовых явлений, которые либо никогда ранее не существовали, либо приобрели в контексте ЕС специфические характеристики. На протяжении более чем полувековой ис-

тории европейской интеграции эта проблема успешно решалась именно за счёт интенсивного применения концептуальных метафор в различных «слоях» европейского юридического языка. Основными компонентами его внутренней структуры, согласно традиционной классификации В. Отто, можно считать язык нормативно-правовых актов, язык судебных прецедентов, язык юридической науки и экспертиз, язык ведомственного письменного общения и административный жаргон [22, 44-57].

Несмотря на то, что вышеуказанные «языковые слои» весьма отличаются друг от друга мерой необходимости точного, подробного и краткого выражения понятий в языке, по нашему глубокому убеждению, язык европейского права в целом существенно превосходит любую другую правовую систему по критериям частотности и органичности употребления концептуальных метафор. Далее в статье, на материале перечисленных выше компонентов мы продемонстрируем функционирование таких концептуальных метафор европейской правовой культуры, как: **конкуренция – это война, Евросоюз – это здание, европейское право – это живая сущность** и др. Подобные концептуальные метафоры облегчают процесс мышления, предоставляя нам эмпирические рамки, внутри которых мы можем осваивать новоприобретённые абстрактные концепты (concept; Konzept) [21, 34] – «единицы ментальных или психических ресурсов нашего сознания и информационной структуры, отражающей знание и опыт человека» [4, 90].

Поскольку концептуальная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути, наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обусловлены метафорой. Концептуальная система права ЕС представляет собой определённые схемы, которые можно выявить посредством наблюдения за функционированием языка европейского права. Последний выступает как важный источник данных о том, что эта система понятий собой представляет, он «характеризуется

символическими моделями, то есть моделями, которые соотносят языковую информацию с моделями в концептуальной системе» [6, 209]. В метафорических представлениях происходит перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему определённой языковой общности [4, 55].

Учитывая тот факт, что ЕС изначально создавался как экономический (не политический) союз, а основной целью европейской интеграции было повышение конкурентоспособности региона в мире, одним из ключевых понятий в концептуальной системе европейского права является конкуренция. Данный экономический феномен осмысливается с помощью различных метафорических проекций, рассмотрим лишь основную из них – ключевую метафору антимонопольного права ЕС **«конкуренция – это война»**: ... *In the letter the TACA Chairman informed Han-jin that a price war would be likely to “destroy the foundation upon which the TACA was built...”* [23, §1296] / «... В письме председатель СТАК (Соглашение Трансатлантической конференции) проинформировал компанию Ханьжин, что **ценовая война скорее всего “разрушит те основы, на которых создавалось СТАК”**...».

Приведённый пример относится к наиболее сложному и интересному типу концептуальных метафор – структурным (structural) метафорам. Их сущность состоит в том, что они «концептуализируют отдельные сферы опыта и деятельности путём переноса на них структуризации другой области» [4, 56]. Ценовая конкуренция в данном случае напрямую сравнивается с войной, которая может привести к разрушениям и жертвам. Рынок выступает для конкурентов территорией боя, части которой можно захватить: ... *PET is not likely to capture new market shares in UHT milk...* [33, §252] («...маловероятно, что **полиэтилентерефталат захватит новые доли рынка ультрапастеризованного молока**...»).

Объекты инфраструктуры этой территории (аналогично заводам и городам) могут

быть уничтожены: ... *any independence may totally destroy this part of the market, so carefully built by the group throughout the years ...* [23, §1352] («... любая форма независимости может **полностью уничтожить эту часть рынка**, столь бережно выстроенную группой компаний на протяжении долгих лет...»).

В приведённых примерах процесс метафоризации базируется на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры «источника» (source domain, война) и когнитивной структуры «цели» (target domain, конкуренция). В результате такого взаимодействия клиенты предприятия воспринимаются как ценный ресурс, который можно завоевать в ходе боевых действий и дефицит которого может угрожать существованию компании: *Thus, the announcement ... has made it very difficult for traffic telematics systems suppliers currently on the market to win new customers and poses a threat to their continued economic existence* [32, §252] / «Таким образом, объявление ... сделало затруднительным для уже существующих на рынке поставщиков телематических систем **завоевание новых клиентов и представляет угрозу для их длительного экономического существования**».

При метафоризации отдельные сферы цели (конкуренция) структурируются по образцу источника (война), другими словами, производится «метафорическая проекция» (metaphorical mapping) или «когнитивное отображение» (cognitive mapping). Так, цены компании являются когнитивным отображением боевых позиций, военных укреплений, которые могут пасть, обрушиться в ходе сражения. При наличии такой угрозы компания может попытаться заключить с противником (конкурентом) обоюдовыгодный пакт о ненападении (картельный договор): *Accordingly, Interbrew's interest in concluding, prior to May 1994, a non-aggression pact is shown by its concern that prices would tumble on the Belgian marke* [30, §252] / «Соответственно, интерес Интербрю, вплоть до мая 1994 года, к подписанию **пакта о ненападении** продемонстрирован беспокойством компании о том, что **цены обрушатся на бельгийском рынке**».

Однако в случае картельного сговора в сражение может вступить третья сила (государство), атакуя картель с целью защиты конкуренции: *It is true that the Spanish Government has not mounted any robust attack on that premiss...* [25, §60] / «**Действительно, испанское правительство не предприняло энергичных атак на предпосылки картельного сговора...**».

Из перечисленных примеров видно, что когнитивная структура войны переносится на когнитивную структуру конкуренции лишь частично, за кадром остаются концептуальные различия структур источника и цели. Очевидно, что конкуренция является для общества экономическим благом, в то время как война носит в целом деструктивный характер; в структуре конкуренции неуместны такие понятия, как призывной возраст и дезертирство, в войне отсутствует упомянутый выше внешний регулятор в лице государства, законодательно регламентирующего весь процесс. Принцип частичного воспроизведения структуры источника в структуре цели получил название «гипотезы инвариантности» (Invariance Hypothesis) [20, 54]. Таким образом, метафоризация «является средством формирования параморфной модели, позволяющей представить данную систему с помощью системы, принадлежащей иной сфере опыта, где данный элемент представлен более очевидно» (Molino, цит. по: [2, 13]).

Важно понимать, что особенности и частотность использования метафор обусловлены культурой, которая играет центральную роль как в процессе понимания, так и при выборе той или иной метафоры. Концептуальная метафора способствует более полному уяснению сущности культурной модели, приводит к появлению логических следований и сложных умозаключений [23, 57; 23, 65].

Особенно важны метафоры при изучении культуры языкового социума, так как способны передавать наиболее существенную культурную информацию [9, 13]. При этом реализуемые в языке при помощи метафор

структуры концептуального уровня могут иметь универсальный или национально-специфический характер [8, 4].

Согласно культурологической классификации, предложенной отечественным философом и лингвистом О.А. Свирепю [9], концептуальные метафоры могут быть условно подразделены на следующие типы: *метафоры эпохи, этнокультурные и локальные метафоры*.

1. Метафоры эпохи составляют «тезаурус культуры» и очерчивают пространство информационного взаимодействия членов отдельного сообщества. Характерным представителем данной группы является концептуальная метафора **«право – это живая сущность»**: *... the rules on State aid constitute a 'living law' and ... the concept of aid changes over time... [29, §119] («... правила господдержки составляют «живое право» и ... концепция господдержки меняется с течением времени...»).*

Концепция «живого права» была разработана на рубеже XIX и XX вв. австрийским социологом и правоведом Е. Эрлихом, который обозначал этим понятием непосредственно-практические формы социально-правовой реальности, более динамичные, чем позитивное право, и обгоняющие его в своём развитии. Наличие практически-духовных и социокультурных оснований у «живого права» позволяет вести речь о таких феноменах, как «дух права» и «дух закона»: *... the Court held that 'the spirit of the Treaty as expressed in Article [220 EC]' and its 'system' give rise to the principle of a community based on the rule of law... [31, §34] / «... Суд решил, что «дух Договора о ЕС», как сказано в ст. 220, и его «система» создают принцип сообщества, основанного на верховенстве закона...».*

В свою очередь, материальная реализация права в виде различных его источников (нормативно-правовых актов, судебных прецедентов и пр.) развивает концептуальную метафору, наделяя «живое право» собственным телом (так называемый *корпус права*): *... taking the whole body of domestic law into consideration ... [26, §55] («... принимая во вни-*

вание весь корпус (букв. «все тело») местного права...»).

Необходимо отметить, что в процессе эволюции *метафоры эпохи* видоизменяются и обрастают контекстом [9, 76-79]. В исходной концепции Эрлиха правовая реальность предстаёт как дитя двух родителей – материнского начала в виде гражданского общества и отцовского начала в форме государства. Однако в процессе исторического становления Евросоюза возмужавшее *дитя* – «живое право», – одухотворённое и воплощённое в своих источниках, может создать собственную семью (семью директив ЕС) и даже обзавестись дочерними «отпрысками»: *Since the 1990s the harmonisation at Community level of the taxation of mineral oils has been regulated by a family of directives... The specific (or, to continue the family metaphor, daughter) directive for mineral oils were originally Directive 92/81... [4, §5; 4, §34] («С 90-х годов гармонизация налогообложения минеральных масел на уровне Сообщества регулировалась семьей директив... Специальной (или, если продолжить «семейную» метафору, дочерней) директивой для минеральных масел изначала была директива 92/81...»).*

Регулярное сравнение европейского права с живым организмом, постоянно и динамично развивающимся, видоизменяющимся и проникающим во все сферы жизни, свидетельствует о том, что данная метафора эпохи трансформировалась в общекультурный символ и, зафиксировав важное для европейского языкового сообщества явление, в дальнейшем не исчезла, но продолжает эволюционировать и обретать новый контекст. В процессе исторического развития такие метафоры могут распространиться на большую группу языковых сообществ, превратившись в своеобразный «мотив эпохи» [9, 76-79].

2. Этнокультурные метафоры отражают принятый в языковом сообществе способ категоризации и систему ценностей. В качестве примера данного типа можно привести метафору **«Европейский союз – это здание»**.

Метафорическое представление государства как здания, состоящего из таких «кирпичиков», как его законы, граждане и пр., явля-

ется довольно избитым приёмом, известным ещё со времён библейской притчи о вавилонской башне. Являясь «государственноподобным» образованием, ЕС, в частности, имеет мощный фундамент в виде Договора, его учреждающего, а также декларируемых этим договором базовых принципов: *The general principle of equality ... forms part of the foundations of the Community* [24, §76] («Общий принцип равенства... составляет часть основ Европейского сообщества»).

В соответствии с Маастрихтским договором о Европейском союзе, который вступил в силу с 1 ноября 1993 г., были выделены три опоры ЕС (европейские экономические сообщества, общая внешняя политика и политика в области безопасности, а также общая политика в области внутренних дел и правосудия). В данном случае концептуальная метафора проходит стадию дальнейшей детализации, в ходе которой Европейский союз мыслится как здание, опирающееся на три опоры (колонны): *Finally, the Council has fraudulently exploited the division into three pillars of European Union activities...* [28, §2] («В заключение, Совет обманным образом использует разделение компетенции Европейского союза на три опоры...»).

Политический союз является дальнейшим, более продвинутым, этапом экономической интеграции стран-участниц ЕС. Все без исключения страны формируют единый внутренний рынок и общее таможенное пространство, однако степень политической интеграции каждой отдельно взятой страны различна. Так, лишь часть стран ЕС участвует в Шенгенском соглашении и НАТО, не все страны входят в зону евро. Для того чтобы подчеркнуть важность политической интеграции, в европейском праве рассматриваемую этнокультурную метафору иногда модифицируют, говоря о Политическом союзе как о «доме» в «саду» Экономического союза: *From this perspective, the Political Union would resemble a house in the garden of Economic Union...* [14].

Видоизменение исходной метафоры призвано когнитивно отобразить различную степень целостности и единства составных

частей Экономического и Политического союзов, представить последний в качестве ядерного центра первого по аналогии с домом, расположенным в центре большого сада. Однако в целом такая модификация не носит принципиального характера, поскольку этнокультурные метафоры лишь в малой степени подвержены изменениям и представляют собой «комплекс специфических черт культуры» [9, 108-125].

3. Локальные метафоры являются «унифицированной и/или объясняющей моделью» в конкретной ситуации и способствуют решению конкретных задач [9, 146-147]; они зачастую употребляются в терминологии, способствуют пониманию неизвестного и ещё *неословленного* на базе образного переноса и помогают формированию новых, непрогнозируемых изначально «ассоциативных рядов, обладающих большой эвристической силой» [1, 77].

Ярким примером данного типа метафор может служить такая, на первый взгляд парадоксальная, метафорическая проекция, как «**финансово самостоятельные неработающие люди – это плейбои**», появившаяся более 20 лет назад благодаря принятию Директивы ЕС 90/364, предоставившей право гражданам ЕС, не принадлежащим ни к одной из утверждённых ранее категорий (рабочие, студенты и пр.), свободно проживать в любой стране Европейского союза.

Здесь важно понимать, что значение исконно английского слова «playboy» в английском языке (в отличие от русского) не имеет негативных сексуальных коннотаций и определяется как «мужчина, который богат и наслаждается жизнью вместо того, чтобы работать» (Macmillan English Dictionary). В соответствии с гипотезой инвариантности (см. выше), лишь значимая в данном контексте часть структуры источника (финансовая обеспеченность и отсутствие постоянной занятости у плейбоя) была спроецирована на когнитивную структуру цели, при этом половая принадлежность и праздный образ жизни лица остались за рамками рассмотрения: *The first Directive, applied in respect of any persons who*

could support themselves whilst in the host state, has been termed the “playboy Directive” to suggest that only the financially self-sufficient would be able to take advantage of it. [15, 254] («Первая директива, применяемая к любым лицам, которые в состоянии обеспечить себя, находясь в принимающей стране, получила название «директивы для плейбоев», поскольку только экономически самостоятельные лица будут пользоваться правом, предоставленным ею»).

Как видно из последнего примера, с помощью концептуальной метафоры была выделена принципиально новая, ранее не существовавшая в европейском праве категория граждан ЕС («плейбоев»), объединённых общими признаками (богатые наследники и домохозяйки, рантье и др.).

Таким образом, концептуальные метафоры не только способны концептуализировать окружающую нас действительность, но и генерировать новый смысл, создавать новую реальность, поскольку “новое может быть высказано только метафорой, а в любой метафоре непременно присутствует нечто новое” [5, 80].

Преодолевая косность и консерватизм научной методологии, вклиниваясь в язык права, научная метафора своим появлением приводит к “парадигматизации” нового знания, и для этого она должна, в отличие от поэтической метафоры, иметь «свойства, обеспечивающие её “безболезненную” трансформацию в понятие» [5, 101].

Лишь только при этом условии научная метафора сможет стать полноправной частью юридического языка и так органично вписаться в его структуру, как это описывает известный американский философ и романист Роберт Уилсон: «какие бы категории мы не использовали, организуя наш опыт в слова или мысли, в них есть метафоры; а рассуждения о процессе создания метафор неизбежно приводят к созданию новых метафор и метафор о метафорах» [12, 17].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Базылев В.Н. Новая метафора языка (семиотико-синергетический аспект): Дисс. ... д-ра филолог. наук. М., 1999. 419 с.
2. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 11-26.
3. Дилтс Р. Стратегии гениев. Том 1. Аристотель. Шерлок Холмс. Уолт Дисней. Вольфганг Амадей Моцарт. Пер. с англ. В.П. Чурсина. М.: Независимая фирма “Класс”, 1998. 241 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / Под. общ. ред. Е.С. Кубряковой. Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 90 с.
5. Кулиев Г.Г. Метафора и научное познание. Баку, 1987. 80 с.
6. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят о нашем мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. Изд-е 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 208 с.
8. Липилина Л.А. Когнитивные аспекты семантики метафорических инноваций: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 24 с.
9. Свирипо О.А. Метафора как код культуры: Дисс. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 162 с.
10. Суд Европейских сообществ. Избранные решения / Редкол.: Аكوпова И.Г., Водолагин С.В., Толстопятенко Г.П., Энтин Л.М. (отв. ред.). М.: Норма, 2001. 400 с.
11. Телия Н.В. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 26-52.
12. Уилсон Р.А. Новая инквизиция. Перев. с англ. К. «Янус». М.: Пересвет, 2001. 304 с.
13. Arms A. Metaphor, Women and Law // 10 Hastings Women’s L.J. 1999. P. 257-263.
14. Collignon S. Democracy and Europe’s Crisis of Legitimacy Intervention // European Journal of Economics and Economic Policies, 2006. Vol. 3, issue 1. P. 75-85.
15. Foster Nigel. From persons to citizens and beyond: the evolution of personal free movement in the European Union // THE ANNUAL OF GERMAN & EUROPEAN LAW. Berghahn Books, 2003. 254 p.
16. John Norton Pomeroy. A treatise on equity jurisprudence as administered in the United States of America. Vol. 4. General Books, 2010. 750 p.
17. Kaufman Andrew L. Cardozo. Harvard University Press, 1998. 731 p.
18. Kovecses Zoltan. The scope of metaphor // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective / ed. By Antonio Barcelona. Mouton de Gruyter. Berlin; New York, 2000. P. 79-92.

19. Lakoff G. and Johnson M. *Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought*. N.Y: Basic Books, 1999. 624 p.
20. Lakoff G. *The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-Schemas?* // *Cognitive Linguistics*. 1990. № 1. P. 39-74.
21. Manerko L.A. *New categorization investigation strategy in linguistics // New methodology of categorization research in linguistics // Moscow State University Bulletin*. M., 2000. № 2. P. 29-42.
22. Otto Walter. *Die Paradoxie einer Fachsprache // Der öffentliche Sprachgebrauch*. Band. II, Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. S. 44-57.
23. Quinn N. *The Cultural Basis of Metaphor // Beyond Metaphor. The theory of tropes in anthropology* / James W. Fernandez (ed.). Stanford University Press, California, 1991. P. 56-93.
24. *Судебная практика Суда Справедливости ЕС (цитируются по электронной версии официального журнала Европейского союза, доступной по адресу URL: <http://eur-lex.europa.eu>):*
25. *Atlantic Container Line v Commission*. № T-191/98; 30.09.2003.
26. *Audiolux and Others*. № C-101/08; 30.06.2009.
27. *Commission v Spain*. № C-400/08; 07.10.2010.
28. *Deutsche Lufthansa*. № C-109/09; 10.03.2011.
29. *Fendt Italiana*. № C-146/06; 19.04.2007.
30. *Gestoras Pro Amnistía and Others v Council*. № C-354/04; 27.02.2007.
31. *Government of Gibraltar v Commission*. № T-195/01; 30.04.2002.
32. *Groupe Danone v Commission*. № T-38/02; 25.10.2005.
33. *Poland v Council*. № C-273/04; 21.06.2007.
34. *Qualcomm v Commission*. № T-48/04; 19.06.2009.
35. *Tetra Laval v Commission*. № T-5/02; 25.10.2002.

УДК 81.373

Мышкова И.Б.

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

КОНТЕКСТ И ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ КОННОТАТИВНАЯ ОЦЕНКА В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

I. Myshkova

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

CONTEXT AND POTENTIAL CONNOTATIVE EVALUATION IN THE TEXT OF A FICTIONAL WORK OF ART

Аннотация. Статья посвящена окказиональной репрезентации коннотативной оценки на лексическом уровне немецкого языка в тексте художественного романа и роли контекста в этом процессе. Гипотеза о проявлении потенциальной или вероятностной оценки любого узуального изначально нейтрального слова при определённом авторском использовании и взаимном влиянии таких потенциально оценочных слов и контекста подтверждена данными эксперимента. Направленный ассоциативный эксперимент, проведённый с носителями немецкого языка, был нацелен на выявление вероятностной оценки нейтральных слов. В результате анализа текста художественного произведения и данных эксперимента были сделаны выводы о трёх способах авторской реализации вероятностной оценки в контексте. Эксперимент был подготовлен на материале романа Гюнтера Грасса «Жестяной барабан» («Die Blechtrommel»).

Ключевые слова: потенциальная оценка, окказионализм, контекст, адгерентная коннотация, ингерентная коннотация.

Abstract. The article is devoted to occasional representation of a connotative evaluation at the lexical level of the German language in the text of the novel and a context role in this process. The hypothesis about the display of a potential or likelihood evaluation of any usual initially neutral word by a certain author's use and mutual influence of such potentially evaluative words and context is confirmed by the experimental data. The directed associative experiment carried out with the help of German native speakers has been aimed at revealing likelihood evaluation of neutral words. As a result of the analysis of the novel and the experimental data some conclusions have been drawn on the three ways of the author's realization of likelihood evaluation in a context. The experiment has been conducted on the basis of the novel of Günter Grass «Tin Drum» («Die Blechtrommel»).

Key words: potential evaluation, a nonce word, context, adherent connotation, inherent connotation.

На протяжении многих лет в лингвистике исследовалась и продолжает исследоваться смыслообразующая роль контекста и его влияние на семантику слова. Представители структурального направления в языкознании П. Вегенер, Г. Штербер, А. Норейн, А. Гардинер, Л. Блумфилд, Л. Ельмслев, С.К. Шаумян придерживались мнения об абсолютном главенстве контекста, вне которого слово лишено значения. Отечественные лингвисты В.В. Виноградов, В.А. Звегинцев, А.А. Потебня признают как существенность роли контекста, так и определённую независимость значения слова от контекста. Так, В.А. Звегинцев, критикуя точку зрения, согласно которой определяющая роль принадлежит контексту, пишет: «Из этого явствует, что слово не обладает никакой смысловой самостоятельностью (его значение определяется контекстом употребления) и любое употребление есть уже и значение

слова (сколько обособленных контекстов употреблений слова, столько и его значений)». Это, собственно, развитие известной мысли А.А. Потемби: «В слове все зависит от употребления. Употребление включает в себя и создание слова, так как создание есть лишь первый случай употребления» [1, 224]. С другой стороны, он отмечает, что «в плане чисто лингвистическом значение слова определяется его потенциально возможными сочетаниями с другими словами, которые составляют так называемую лексическую валентность слова» [1, 224].

Закономерным представляется вывод о справедливости данного подхода не только для значения слова в целом, но и для отдельных сем лексического значения слова, что подтверждается как данными лингвистической науки, так и положениями философии. Если рассматривать с этой позиции коннотативные семы и, в частности, оценочные семы слова, можно говорить об их окказиональной реализации в контексте авторского употребления. Так, К. Фосслер справедливо замечает: «... Даже самые тривиальные обороты в соответствующих контекстах могут звучать в высшей степени впечатляюще и своеобразно. Подобные контексты – это, прежде всего, произведения художественной литературы, в которых автор наравне с привычными узуальными лексемами, репрезентирующими категорию оценочности, использует индивидуальные приёмы, выражающиеся как в полностью новом, окказиональном слове, так и в окказиональном значении узуального слова» [4, 329].

Представитель аксиологического направления философии А.А. Ивин говорит о том, что «при своем употреблении любое слово, сопряженное с каким-либо устоявшимся стандартом, способно вводить неявную оценку» [2, 53]. Таким образом, категория оценочности может быть выражена узуально – с помощью оценочных слов – или окказионально – с помощью авторского употребления слов с нулевой оценкой в таком контексте, в котором они становятся оценочными.

Что касается узуальной репрезентации

категории оценочности, она может быть представлена как денотативными, так и коннотативными семами. В случае денотативной оценочности называется само неодобрительное или одобрительное отношение к предмету: *подлец, негодяй*. В эту же группу можно отнести слова-оценки, своеобразные индикаторы оценки: *плохой – хороший, правильный – неправильный*. А в случае коннотативной оценки называется предмет с добавлением его оценки: *непогода, паника*. Зачастую коннотативная оценка неявная. З.Е. Фомина называет данную группу лексики *словами с потенциальной или вероятностной оценкой* и относит к ней «ассоциативно-эмоциональные слова, нейтральные лексические единицы, в значение которых имплицирована ассоциативно-эмоциональная оценка, закреплённая в сознании носителей языка» [3, 19].

Резюмируя приведённые выше подходы и теории, можно говорить о вероятностной оценке, которая репрезентирует отношение субъекта к действительности и на основе ассоциативно-эмоциональной информации делает возможной её репрезентацию в семантике слов с изначально нулевой оценкой. Таким образом, данный тип оценки будет окказиональным, авторским. Потенциальным коннотативным оценочным компонентом значения может обладать любое слово, так как любое слово может получить дополнительное содержание и смысл. Так как по своему типу коннотация может быть общей и индивидуальной (адгерентной и ингерентной), в данном случае необходимо говорить об индивидуальной коннотации. Однако любая окказиональная единица так или иначе опирается на языковой опыт носителей данного языка, иначе она не была бы понята. Даже наиболее индивидуализированные речевые проявления опираются на общезыковое сознание. Это касается как культурно маркированной лексики, так и нейтральной лексики, любая единица которой, учитывая вышесказанное, может нести в себе потенциальную коннотативную оценку. В этой связи контекст будет играть роль катализатора этой потенциальной оценки, так как ав-

торский неологизм будет понят и правильно воспринят только в рамках контекста.

В подтверждение гипотезы о потенциальной оценочности узуальных слов с нулевой оценкой был подготовлен направленный ассоциативный эксперимент, призванный выявить их возможные оценочные семы. В подтверждение мнения об особой смыслообразующей роли контекста данные эксперимента были в дальнейшем проанализированы с учётом контекста в тексте самого романа. Анкета эксперимента составлялась на основе лексики романа Гюнтера Грасса «Жестяной барабан» (Günter Grass, «Die Blechtrommel»). Из текста оригинала романа были выбраны тридцать слов, занимающих в повествовании центральное положение или являющихся наиболее частотными. Направленный ассоциативный эксперимент предполагает ответ в атрибутивной форме на вопрос «... ist wie?», заданный к каждому слову анкеты.

Было опрошено сто четырнадцать человек из числа слушателей и студентов университета Duisburg-Essen. Возраст респондентов варьируется от 20 до 40 лет. Были учтены только ответы носителей немецкого языка, так как в ходе эксперимента проводился анализ той национально-культурной экстралингвистической информации, которая характеризует языковую картину мира немцев. При подсчёте ассоциативных атрибутов в первую группу были отсортированы наиболее частотные прилагательные, наречия и причастия с указанием числа ответов, во вторую – единичные варианты атрибутов и в третью – прочие части речи (существительные, глаголы, междометия), словосочетания и устойчивые выражения. На втором этапе в данных группах были выделены оценочные ассоциативы, прежде всего, среди наиболее частотных атрибутов.

Особенностью авторской репрезентации ценностных категорий является семантическая окказионализация лексем, придание нетипичного смысла словам с устоявшимся значением. Такие слова в романе выделяются за счёт частотности употребления или центрального положения в повествовании. Ил-

люстрацией первого способа выдвижения таких лексем служит следующий пример. В первой главе романа «Der weite Rock» лексема *Kartoffel* встречается двадцать шесть раз, что влияет на восприятие текста и добавляет всему контексту ассоциативный ряд, связанный с лексемой *Kartoffel*. В словарной дефиниции данной лексемы отсутствует указание на оценочность:

Kartoffel, die; -, -n: krautige Pflanze mit gefiederten Blättern u. weißen, rosa od. violetten Blüten, die wegen der essbaren Knollen, die sich an unterirdischen Sprossen befinden, angebaut wird [5, 881].

Однако в результате эксперимента были выявлены следующие атрибуты к данному слову, содержащие потенциальную оценочность: *erdig, deutsch, heimlich, hiesig, wichtig, einfach, deftig, vielseitig einsetzbar, alltäglich*.

Эта потенциальная оценочность реализуется в контексте, в который «вписаны» лексемы, содержащие компонент *Kartoffel* или само это слово (*Kartoffeln, Kartoffelkörbe, Kartoffelmiete, Kartoffelkrautfeuer, Kartoffelfarbe, Kartoffelacker*). В данном случае можно говорить о влиянии лексемы на контекст, а не наоборот. Но этот процесс имеет продолжение: лексема влияет на контекст, а изменённый под таким влиянием контекст, в свою очередь, влияет на встречающиеся в нём слова с изначально нулевой оценкой. То есть ассоциации к слову *Kartoffel* за счёт равномерного и частотного употребления данного слова в тексте распространяются на весь контекст, перенося на прочие слова с нулевой оценкой реализованную потенциальную оценку лексемы *Kartoffel*. В результате описанные в данной главе романа («Der weite Rock») характер и образ жизни бабушки главного героя Оскара Мацерата, эпизод её знакомства с дедушкой, рождение матери Оскара носят отпечаток потенциальных атрибутов и показывают усреднённую сельскую жизнь и ничем не выдающихся сельских жителей через призму лексемы *Kartoffel*. При этом новым и авторским, то есть окказиональным в этой репрезентации будет то обстоятельство, что сами герои и жизненные ситуации описыва-

ются автором без оценивания. Оценка появляется за счёт взаимодействия такого контекста с лексемой *Kartoffel*.

Таким образом, можно говорить об образовании в рамках контекста определённого оценочного поля. С одной стороны, на него влияют лексемы, рождающие определённые ассоциации. С другой – поле с определённым знаком оценки влияет на прочие лексемы. Такие взаимодействия возможны в силу многозначности и многофункциональности слова. Если в слове в рамках определённой языковой картины мира данного общества заложена потенциальная оценка (как со знаком «+», так и со знаком «-»), определённый контекст может спровоцировать её выявление. В этом случае слово становится оценочным в рамках его окказионального авторского использования. Так, в лексеме *Feuer*, согласно данным эксперимента, заложена как положительная коннотация (*warm, gemütlich, ruhig*), так и отрицательная (*gefährlich, gefräßig*). При описании пожара и поджигательства любое упоминание огня будет выдвигать на передний план отрицательную коннотацию, что повлияет на весь контекст.

Особую роль в художественном тексте, формой которого является повествование от первого лица, играет личность рассказчика, главного героя. Именно его интерпретация действительности и языковая картина мира лежат в основе формирования определённого оценочного поля произведения. Так, главным героем романа *Die Blechtrommel* выступает переставший расти ребёнок Оскар, записывающий свои воспоминания в стенах клиники, куда он помещён в конце своей жизни и романа. Определённое влияние оказывают на читателя первые главы и первые страницы произведения, настраивая его на восприятие последующего текста. Знакомство с главным героем происходит в клинике для душевнобольных, сам герой представляется пациентом, весь мир которого ограничен решёткой больничной койки. Каким бы ни было дальнейшее повествование, сформированное этими первыми сведениями впечатление влияет на читателя и вызывает

определённые ассоциации. В оригинальном тексте романа это следующие строки:

Zugegeben: ich bin Insasse einer Heil- und Pflegeanstalt...mein weißlackiertes metallenes Anstaltsbett ist also ein Maßstab. Mir ist es sogar mehr: Mein Bett ist das endlich erreichte Ziel, mein Trost ist es und könnte mein Glaube werden... [6, 67].

Таким образом, главный герой, названный пациентом клиники, чья жизнь (достигнутая цель, мера, критерий и вера) становится тождественной больничной койке, формирует у читателя представление, соотносимое с тем ассоциативным рядом, который порождается данными понятиями. Это представление окрашивает и весь роман, в центре которого находится подобный персонаж.

Обе выделенные лексемы связаны в сознании носителей языка со многими оценочными атрибутами. Так, лексема *Insasse* вызвала следующие ассоциации: *gefährlich* – 17, *gefangen* – 11, *kriminell* – 8, *böse* – 8, *schuldig* – 5, *eingesperrt* – 4, *einsam* – 3, *krank* – 3, *bestraft* – 3, *brutal* – 3, *aggressiv* – 2, *nervig* – 2, *traurig* – 2, *allein* – 2, *inhaftiert* – 2, *gestört* – 2, *fremdlich, gesprächsbereit, hilfsbereit, fest, alt, verhaftet, rau, verzweifelt, individuell, unangenehm, irre, gefickt, passiv, bequem, bemitleidenswert, gefährdet, unbekannt, freundlich, schlecht gelaunt, unglücklich, warm, unfrei, abhängig, durcheinander, ungepflegt, unrasiert, ausgeliefert, strafbar, tattoouiert, eingeschlossen, verbrecherisch, verrückt, schön, verdient, gebrochen, hasserfüllt, unschuldig, erwischt, unehrlich, gewalttätig, beängstigend.*

Что касается лексемы *Anstaltsbett*, результаты были следующими: *unbequem* – 32, *ungemütlich* – 25, *hart* – 14, *kalt* – 11, *weiß* – 9, *klein* – 8, *steril* – 5, *dreckig* – 4, *schmal* – 3, *krank* – 3, *einfach* – 2, *gemütlich* – 2, *groß* – 2, *warm* – 2, *traurig* – 2, *quitschig* – 2, *hässlich* – 2, *spartanisch* – 2, *mettalisches* – 2, *fremd, beengend, unangenehm, eng, gefangen, unheimlich, stinkig, gefährlich, alt, kränklich, gruselig, verstellbar, informativ, verrückt, erholsam, ruhig, kahl, heiß, schrecklich, angstvoll, karg, schlicht, heruntergekommen, kühl, grau, abschreckend, gestört, physisch, verwirrt, rostig, leer, abgesichert, weich, kuschelig, komfortlos, einsam.*

Как видно из ассоциативных рядов к данным лексемам, большую часть составляют слова с пейоративной оценочной коннотацией (64%). Подсчёт атрибутов к данным двум лексемам показывает следующие результаты: 13 положительных атрибутов, 181 отрицательный атрибут и 90 нейтральных атрибутов.

Таким образом, контекст, в котором в центре повествования находятся данные слова, неизбежно приобретёт в сознании читателя их отрицательную оценку, которая, в свою очередь, повлияет на вписанные в контекст слова с нулевой оценкой.

Наравне с влиянием коннотации отдельных лексем на окраску всего текста, в романе встречается следующая модель репрезентации оценки: автор использует лексему с прочно закрепившейся положительной оценочностью в однозначно негативном контексте. Данный контраст придаёт большую выразительность и экспрессивность. Такой эффект хорошо виден на примере лексемы *Mama*. Автор избегает других наименований своей матери (*Mutter, Mütterchen, Mutti*) и на протяжении большей части романа называет её самым мягким и нежным для немцев словом.

Результаты эксперимента выявили следующие атрибуты к данной лексеме: *lieb* – 60, *hilfsbereit* – 22, *fürsorglich* – 19, *nett* – 19, *liebervoll* – 17, *besorgt* – 6, *freundlich* – 6, *vertraulich* – 4, *toll* – 4, *warm* – 4, *herzlich* – 4, *schön* – 3, *geborgen* – 3, *zuverlässig* – 3, *großzügig* – 3, *versorgend* – 2, *wichtig* – 2, *weiblich* – 2, *kontrollierend*, *einmalig*, *supertoll*, *zickig*, *sicher*, *bemutternd*, *bekümmert*, *neugierig*, *erziehend*, *verwöhnend*, *warmherzig*, *verantwortungsvoll*, *zuvorkommend*, *selbstlos*, *sorgsam*, *liebenswert*, *tolerant*, *klasse*, *mütterlich*, *persönlich*, *ansprechbar*, *zärtlich*, *verständnisvoll*, *gutriechend*, *fürsorglich*, *nervig*, *nah*, *wunderbar*, *unegoistisch*, *gönnnerhaft*, *heimlich*, *streng*, *fair*, *vorhanden*, *zart*, *sanft*, *schützend*, *immer anwesend*, *aufmerksam*, *vorbildlich*, *treu*, *beistehend*, *älter*.

Подавляющее большинство ассоциируемых слов окрашены положительно (94%). Атрибуты к данному слову распределились по

знаку оценки в следующих количествах: 213 положительных атрибутов, 5 отрицательных и 8 нейтральных атрибутов.

Контраст достигается за счёт несоответствия действий персонажа ассоциациям, сопряжённым с называющей его лексемой: мама главного героя ведёт распутный образ жизни, описывается как человек со сниженными моральными и ценностными установками. В этой связи можно предположить, что контраст с лексемой *Mutter*, являющейся более нейтральной, был бы менее резок.

Ещё одним способом выражения оценочного суждения в романе является приём, коррелирующий с первым описанным приёмом: за счёт выделения одной из коннотативных сем слово с потенциальной оценочностью становится оценочной лексемой. Так происходит, например, с лексемой *Zehnnagel*. Наряду с нейтральными в плане оценочности ассоциациями (такими, как *schneiden, Nagellack, lang, kurz*) ассоциативный эксперимент выявил и оценочные атрибуты: *ekelig* – 21, *lang* – 15, *kurz* – 11, *hart* – 11, *ekelhaft* – 4, *lakiert* – 3, *schmerzhaft* – 2, *fest* – 2, *eingewachsen* – 2, *weiß* – 2, *gelb* – 2, *rot* – 2, *wachsend* – 2, *verwachsen* – 2, *bunt*, *kaputt*, *dreckig*, *krumm*, *fies*, *brüchig*, *unerotisch*, *dekorativ*, *schützend*, *empfindlich*, *wichtig*, *gepflegt*, *hässlich*, *nicht schön*, *hornig*, *sauber*, *lecker*, *klein*, *abwertend*, *schmutzig*, *dick*, *nervig*, *schön*.

Помещая данную лексему в центр повествования, где ноготь на ноге персонажа становится символом и залогом любви, а динамика отношений между людьми связывается с динамикой отслоения большого ногтя, на первый план выходят семы, несущие отрицательную коннотативную оценку. Таким образом, слово, ставшее из нейтрального оценочным, относит всё повествование и тождественное ему в рамках контекста понятие *Liebe* в область оценки со знаком «минус».

Резюмируя теоретические положения и полученные в ходе эксперимента практические результаты, можно выделить три выявленных типа авторской репрезентации категории оценочности на лексическом уровне.

1. Высокая частотность употребления лексем в тексте порождает в сознании читателя особое внимание к ней и, как следствие, обуславливает ассоциативные атрибуты, влияющие впоследствии на весь контекст. Ассоциирующиеся с лексемой оценочные атрибуты придают контексту знак своей оценки. Они могут быть не явными, а потенциальными, реализующимися в рамках контекста.

2. Вторым способом можно назвать использование потенциально-оценочных лексем применительно к центральным персонажам и предметам повествования. Это использование может опираться на ассоциации носителей языка и подтверждать закреплённую в языковом сознании коннотацию или основываться на контрасте общепринятой оценки и её авторской репрезентации в контрастном контексте.

3. Третий способ является обратным первым. Тогда как в первом пункте отражено влияние лексем на контекст, в данном случае следует отметить использование слова с изначально нейтральной оценкой во влияю-

щем на её интерпретацию в контексте. В связи с этим потенциальная оценочность слова становится явной.

Данные положения применимы к авторскому решению в целом, но получены на материале романа Гюнтера Грасса и отражают, прежде всего, его идиостилистические и идиолектные особенности и характерные приёмы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Звегинцев В.А. Семасиология. М.: Изд. МГУ, 1957. 324 с.
2. Ивин А.А. Аксиология. М.: Высш. шк., 2006. 390 с.
3. Фомина З.Е. Эмоционально-оценочная лексика современного немецкого языка: Дис. ... д-ра филол. наук. М.: 1995. 399 с.
4. Фосслер К. Позитивизм и идеализм в языкознании // Ч. 1: История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях / В.А. Звегинцев. М.: Просвещение, 1964. С. 324-333.
5. Duden Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich. Dudenverlag, 2003. 1892 S.
6. Grass G. Die Blechtrommel. Frankfurt am Main u. Hamburg: Fischer Bücherei KG, 1960. 281 S.

УДК 82. 0

Намычкина Е.В.

Московский педагогический государственный университет

РАЗВЯЗКА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВОЛШЕБНЫХ И НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИХ СКАЗОК

E. Namychkina

Moscow Pedagogical State University

ENDING OF ENGLISH FAIRY AND REALISTIC TALES

Аннотация. Статья посвящена композиционно-стилистическому анализу концовок британских и американских сказок. Рассмотрению подверглись фольклорные и авторские произведения. Анализ соотношения напряжённости в кульминации и развязке сказки позволил выделить два вида абсолютной развязки и относительную развязку. К абсолютной развязке мы отнесли стандартную концовку типа «жили долго и счастливо» и развязки, в которых даётся ответ на вопрос, поставленный в заглавии. В относительной развязке описывается только исход конкретного конфликта, происходящего в сказке. В результате наблюдения за изменениями в образе жизни персонажей в завязке и концовке сказки были определены структуры равенства (никаких значимых изменений в жизни персонажа не происходит) и неравенства (герой приобретает различные блага, меняющие его образ жизни).

Ключевые слова: волшебная сказка, новеллистическая сказка, развязка, абсолютная, относительная, равенство, неравенство.

Abstract. The article deals with structural stylistic analysis of endings in British and American fairy tales. Folklore and literature works are scrutinized. The analysis of tensivity in culmination and ending of a fairy tale let work out two types of absolute ending and a relative ending. The absolute ending is a standard phrase like "lived happily ever after" and the ending giving answer to the question set in the title. The relative ending describes only the results of a definite conflict, shown in the fairy tale. Analysing changes in the characters' lifestyles at the beginning and in the ending of a fairy tale the author determined the structure of equality (no considerable changes) and inequality (the character gets a just reward, which changes their life-style).

Key words: fairy tale, realistic tale, ending, absolute, relative, equality, inequality.

Сказку можно без преувеличения назвать самым популярным жанром детской литературы во всём мире. Сказочные мотивы приходят к нам в самом раннем детстве и остаются на всю жизнь, оказывая влияние на наше мировоззрение. Однако, как справедливо пишет Роджер Сейл, взрослые любят читать детские книги, но не спешат писать о них [8, 7]. В то же время сказка заслуживает подробного рассмотрения не только с точки зрения литературоведения (такой анализ сказок проводили в своих работах В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский, В.М. Жирмунский, А.Н. Веселовский), но и с точки зрения стилистики и композиции текста. В настоящей статье рассмотрим различные виды концовок англоязычных волшебных и новеллистических сказок с точки зрения разрешения напряжённости, заключённой в кульминации.

Объединение волшебных и новеллистических (бытовых, реалистических) сказок возможно на основе их структурного сходства. В.Я. Пропп отмечает непохожесть этих сказок [3, 283-284], однако его заключение основано на анализе сюжетов и мотивов. Исходя же из

композиции этих типов сказок, мы считаем возможным говорить об их идентичности: их основу составляет непрерывная модель общей разрешённой кульминации. Ю.А. Разоренова характеризует эту модель как схему с «низким, или нулевым, уровнем напряжённости в экспозиции, который начинает расти по ходу развития событий» [4, 251]. «Первый подъём наблюдается в завязке, в которой описывается конфликтная ситуация, постепенно выходит на более высокий уровень, достигает наивысшей точки в кульминации и ослабевает, возвращаясь на нулевой уровень в развязке» [4, 251].

Проведя анализ англоязычных волшебных и новеллистических сказок по признаку степени разрядки напряжённости, мы выделили абсолютную и относительную развязку.

К **абсолютной** развязке отнесём те случаи, когда герои успешно преодолевают препятствия, достигают поставленных целей и «живут долго и счастливо». Благодаря формуле *«lived happily ever after»*, завершающей сказку, напряжённость в таких произведениях снижается до нулевого уровня и остаётся неизменной до конца жизни героев. Таким образом, эти сказки становятся завершёнными с точки зрения сюжета, читатель не ждёт их продолжения.

Злые, жадные и глупые персонажи обрекаются в таких развязках на несчастливую жизнь (дочка садовника в народной сказке *“Nix! Naught! Nothing!”*, главный герой и его глупая жена в *“The Three Sillies”*, сводная сестра героини в *“The Three Heads of the Well”* и др.).

В сказках *“Tattercoats”*, *“The Laidly Worm”*, *“The Rose Tree”* и др. абсолютная развязка связывает описанные события с настоящим:

Now when the spring came and the rose tree blossomed, the flowers were no longer white. They were edged with rose colour like the little boy's shoes, and in the centre of each blossom there was a beautiful tuft of golden silk like the little girl's hair.

And if you look in a wild rose you will find these things there still [6, 255-256].

Ещё один тип произведений с абсолютной развязкой – сказки о животных, объясняющие особенности их внешности, характера и поведения. Часто кульминацией в таких сказках является ответ на вопрос, поставленный в заглавии: *“How The Whale Got His Throat”*, *“How The Camel Got His Hump”*, *“How The Rhinoceros Got His Skin”* и др. В ряде сказок этой группы кульминация является завершающим элементом произведения, в иных случаях после кульминационной диктемы следуют слова автора, в которых подводятся общий итог всей сказки:

And from that day to this the Camel always wears a hump (we call it 'hump' now, not to hurt his feelings); but he has never yet caught up with the three days that he missed at the beginning of the world, and he has never yet learned how to behave [7].

В любом случае, ответ на вопрос сказки, объясняющий особенности внешности, поведения или характера животного, делает сюжет сказки логически завершённым, в результате чего напряжённость также снижается до нулевого уровня.

Развязку второго типа мы назвали **относительной**. В сказках с такой концовкой описывается ограниченный определёнными временными и обстоятельственными рамками эпизод жизни персонажей. Развязка представляет собой разрешение конфликта, описанного в сказке, однако информации о дальнейшей жизни героев нет. Так, народная английская сказка *“The Two Sisters”* заканчивается сценой наказания ленивой сестры:

Then the witch-woman went after her, caught her, gave her a thorough good beating, took the bag of money away from her, and sent her home without a penny payment for all her dusting, and sweeping, and brushing, and cleaning [6, 93].

К этой группе относятся, преимущественно, литературные сказки, часто они объединены в сборники, рассказывающие о приключениях отдельных персонажей: *“Winnie-the-Pooh”*, *“Uncle Remus, His Songs and His Sayings”* и др.

По степени преобразования персонажа в результате пройденных им испытаний ис-

следуемые произведения можно разделить на сказки со структурой равенства и неравенства.

Структура неравенства соответствует схеме композиционного строения, предложенной Т.В. Лияскиной [2, 21]. Вся композиция произведения в этой схеме представляется как значительный подъём, венчающийся кульминацией. Развязка представляет собой лишь небольшой по сравнению с подъёмом спад, необходимый для уменьшения напряжённости, сосредоточенной в кульминации.

В произведениях исследуемого жанра такая структура типична для народных сказок. В результате преодоления всех испытаний, описанных в сказке, герой преобразуется, получает более высокий статус, богатство, хорошую жену и т. д. В этих сказках преобладает абсолютная развязка первого типа, которая содержит описание благополучной жизни героя после кульминационного события, наказание злодеев, мораль сказки. Размер развязки, как правило, не превышает двухтрёх диктем (диктема – элементарная тематическая единица связной речи [1, 178]).

Зачин и концовка сказок этой группы могут образовывать рамку, внутри которой развивается сюжет, основанный на трёхчастном нарастании.

В английском фольклоре популярен сюжет, в котором в зачинной части сказки отец/дед изгоняет дочь/внучку из своего сословия. В результате преодоления испытаний девушка всё равно становится членом этого социального слоя, став женой знатного человека. В таких сказках взаимоотношения дочери/внучки и отца/деда описываются только в завязке и кульминации, образуя, таким образом, рамку. Испытания девушки, которые приводят к её благополучию, всегда представляют собой трёхчастное нарастание.

Основой завязки сказки “*Caporushes*” стал резкий спад:

Now one day he wanted to find out if they loved him in return, so he said to the eldest, ‘How much do you love me, my dear?’

And she answered as pat as may be, ‘As I love my life.’

‘Very good, my dear,’ said he, and gave her a kiss. Then he said to the second girl, ‘How much do you love me, my dear?’

And she answered as swift as thought, ‘Better than all the world beside.’

‘Good,’ he replied and patted her on the cheek. Then he turned to the youngest, who was also the prettiest.

‘And how much do you love me, my dearest?’

Now the youngest daughter was not only pretty, she was clever. So she thought a moment, then said slowly: ‘I love you as fresh meat loves salt!’

Now when her father heard this he was very angry, because he really loved her more than the others [6, 212].

Однако к концу произведения становится ясно, что этот резкий спад был логическим климаксом. В основной части произведения этот эпизод не упоминается. И лишь в развязке отец разъясняет правильное значение слов дочери:

The old man sobbed, ‘I had a daughter whom I loved dearly, dearly. And I asked her how much she loved me, and she replied, ‘As fresh meat loves salt.’ And I was angry with her and turned her out of house and home, for I thought she didn’t love me at all. But now I see she loved me best of all’ [6, 218].

В зачине сказки “*The Three Feathers*” участниками конфликта становятся муж и жена. Супруга должна понести наказание за своё любопытство и недоверие к мужу: она должна проработать семь лет горничной. Во время работы три раза проверяется верность женщины мужу (её пытаются соблазнить дворецкий, кучер, лакей). Испытания расположены в порядке логико-количественного инклимакса: дворецкий и кучер предлагают героине не сожительствовать с ними, при этом плата дворецкого превышает плату кучера; лакей предложил героине создать полноценную семью. В этой сказке кульминация совмещена с развязкой. В результате преодоления всех испытаний изменяется не сама женщина, а её муж. Если в начале сказки он приходил к ней только ночью (что и стало причиной конфликта), то теперь он получил возможность находиться с ней в любое время.

В кельтской сказке “*Connla and the Fairy Maiden*” линия развития сюжета ограничена двумя появлениями феи. Сюжет сказки таков: в королевского сына влюбляется фея. Невидима для окружающих, она приходит к Коннле и зовёт его в свою страну. Отогнанная заклинанием друида, фея отступает, но оставляет юноше яблоко. В течение месяца Коннла может есть только это яблоко, в результате чего он всё больше влюбляется в волшебницу и отдаляется от внешнего мира. Через месяц фея возвращается за принцем, ей не страшны заклинания друида, и она увозит юношу в свою страну.

В этой сказке также очевидно качественное различие завязки и концовки. Если при первом появлении фея не имеет влияния на Коннлу, уязвима для друида, то во второй свой приход она любима юношей, слова друида на неё не действуют, она исполняет задуманное – увозит юношу в свою страну.

Эта сказка обладает нетипичной для произведений данного жанра структурой. Очевидно, что это древнее произведение, созданное для утешения людей, потерявших близкого родственника. Сказка выражает надежду близких на обретение героем счастья в ином мире. Отнесение этого произведения к жанру сказки можно объяснить особенностями сюжета, а не структуры.

Структура равенства типична для авторских сказок. В результате испытаний никаких значимых изменений в жизни героя не происходит. В «Приключениях Алисы» Л. Кэрролла главная героиня очнулась ото сна и поняла, что все пережитые события – плод её воображения. В сказке Л.Ф. Баума «Волшебник страны Оз» у девочки Дороти появилось много друзей, она получила серебряные башмачки, смогла понимать свою собаку. Но когда она вернулась домой, друзья и башмачки остались в сказочной стране, собака потеряла возможность говорить.

Народная английская сказка “*The Three Sil-lies*” тоже является примером структуры равенства. По сюжету, герой готов жениться на дочке соседа, но вдруг ему открывается глу-

пость всей их семьи. Он ставит условие, что женится на девушке, только если найдёт ещё более глупых людей. Он находит их, возвращается и женится. Таким образом, никаких качественных изменений в жизни героя или его невесты в результате испытаний не произошло.

В сказке Л.Ф. Баума “*The dummy that lived*” манекен оживает в результате волшебства и становится виновником беспорядков, пугает людей. Но когда хозяин приходит за ним в тюремную камеру, он находит там обычный неживой манекен, никто не верит, что он когда-то мог ходить. Таким образом, ни сама кукла, ни люди, которые с ней повстречались, не извлекают для себя никаких уроков из произошедшего:

“It’s just as I thought,” said Inspector Mugg, leaning back in his chair contentedly. “I knew all the time the thing was a fake. It seems sometimes as though the whole world would go crazy if there wasn’t some level-headed man around to bring ‘em to their senses. Dummies are wood an’ wax, an’ that’s all there is of ‘em.”

“That may be the rule,” whispered the policeman to himself, “but this one were a dummy as lived!” [5].

Таким образом, мы определили, что по степени разрешения напряжённости, заключённой в кульминации, в англоязычной волшебной и новеллистической сказке можно выделить абсолютную и относительную развязку. К абсолютной развязке мы отнесли концовки с формулой «жили долго и счастливо» и её аналогами, а также сказки, объясняющие особенности внешности, поведения и характера животных. В относительной развязке описано только разрешение конфликта, имеющего место в основной части сказки, поэтому такие произведения часто получают продолжения. Анализ социального статуса героя в зачине и концовке исследуемых произведений позволил выделить сказки со структурой равенства (положение героя в обществе не меняется в результате испытаний) и структурой неравенства (герой улучшает свой социальный статус).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: Учеб. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2004. 239 с.
2. Лияскина Т.В. Лингвостилистические средства создания кульминации (на материале английских и американских коротких рассказов): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
3. Пропп В.Я. Русская сказка (Собрание трудов В.Я. Проппа.) // Научная редакция, комментарии Ю.С. Расказова. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
4. Разоренова Ю.А. Композиционные модели общей разрешенной кульминации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Выпуск 1. Тула, 2008. С. 248-254.
5. American Fairy Tales by L. Frank Baum. [Электронный ресурс]. URL: http://www.writing-resources.com/fairy_tales/american_fairy_tales.html (дата обращения: 16.05.2011).
6. English fairy tales. Wordsworth Editions Limited, 1994. 256 с.
7. R. Kipling, Just so stories. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.boop.org/jan/justso/leopard.htm> (дата обращения: 16.05.2011).
8. Sale, Roger Fairy Tales and After from Snow White to E.B. White. Harvard University Press, 1979. 292 p.

УДК 809.454.2

Новак И.П.

АЛЬТЕРНАЦИЯ СОГЛАСНЫХ В СИСТЕМЕ ИМЕННОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

I. Novak

*Institute of Linguistics, History and Literature Karelian
Research Centre of RAS, Petrozavodsk*

ALTERNATION OF CONSONANTS IN THE SYSTEM OF NOMINAL INFLECTION IN THE KARELIAN LANGUAGE

Аннотация. Статья посвящена анализу явления чередования ступеней согласных как одной из основных фонологических особенностей карельского языка. В статье рассмотрено чередование ступеней согласных в современных карельских наречиях. Исследуется морфологическая сторона этого явления, т. е. его влияние на процесс именного словоизменения. Особое внимание уделяется исключениям из основного правила чередования.

Ключевые слова: карельский язык; морфонология; именное словоизменение; чередование ступеней согласных.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of interchanging consonants as one of the major phonological features of Karelian language. The author explores the interchanging of consonants in modern dialects of the Karelian Language. The article also deals with the morphological aspect of this phenomenon, i.e. the influence of the interchange of consonants upon the process of nominal inflections. Particular attention is paid to exceptions to the basic rule of alternation.

Key words: Karelian; morphonology; nominal inflection; the interchange of consonants.

Альтернатива или чередование – это факт различия звуков, занимающих одно и то же место в звуковой оболочке одной и той же морфемы в разных случаях ее употребления [1, 513-514]. В прибалтийско-финских языках данное явление носит название чередования ступеней согласных. Это явление характерно для большинства из них, за исключением вепсского и ливского языков. Однако и в этих языках можно обнаружить следы древнего фонетичес-

кого явления, что позволяет говорить о его праязыковых корнях. Большинство языковедов, таких как Д.В. Бубрих, Л. Хакулинен, Л. Пости, Э. Итконен, Т. Итконен и др., относят зарождение чередования к прибалтийско-финскому языку-основе. В праязыке функционировали радикальное чередование, происходившее в основе слова, и суффиксальное, затрагивавшее, соответственно, аффиксы [16, 147]. В отличие от суффиксального, радикальное чередование, рассмотрению которого посвящена данная статья, активно функционирует на современном этапе развития.

Для языка-основы были характерны два вида радикального чередования: количественное, затрагивающее удвоенные согласные и приводящее к их сокращению (**kk:k*, **tt:t*, **pp:p*, **tts:ts*), и качественное, распространяющееся на одиночные смычно-взрывные согласные и вызывающее изменение их качества (**k:y*, **t:δ*, **p:β*) [19, 18-19]. М. Хинт относит древнее прибалтийско-финское чередование к его фонетической стадии развития, поскольку оно выполняло только фонетическую функцию и происходило автоматически: сильная ступень выступала в открытом, т. е. заканчивающемся на гласный, а слабая – в закрытом слоге, заканчивающемся на согласный звук. Слабоступенное соответствие не являлось отдельной фонемой, а лишь аллофоном согласного, выступающего в сильной ступени, по сильной ступени можно было легко определить слабую, и наоборот [12, 195].

В период функционирования древнего карельского языка произошла замена слабоступенных соответствий качественного чередования альтернантами *j*, *v* и нулем звука, а также возникли другие изменения, что привело к омонимии слабоступенных форм. Согласно М. Хинту, на этой стадии развития чередование приобрело фонологический характер, теперь по алломорфам слабой ступени стало невозможно определить сильную, однако выбор ступени, как и прежде, зависел от качества слога [12, 197].

Для анализа особенностей системы чере-

дования в современном карельском языке важно учитывать исторический фон, на котором происходило формирование его наречий. Военные действия между Россией и Швецией XIV-XVIII вв. привели к делению единого этнического образования «корелы», сформировавшегося на Карельском перешейке к концу I тыс.н.э. [8, 61-67]. В результате военного противостояния России и Швеции поток карел с исторической родины хлынул на освоенный вепсами Олонецкий перешеек, что в итоге привело к образованию здесь ливвиковского (ливв.) и людиковского (люд.) наречий карельского языка. Разница между этими наречиями объясняется степенью сохранения вепсского субстрата. Переселение проходило также в северные и центральные регионы современной Карелии, на тверские и новгородские земли, где в итоге оформилось собственно карельское наречие (с.-к.).

Все карельские наречия сохранили радикальное чередование ступеней согласных. Количественному чередованию в них подвергаются удвоенные согласные *kk*, *tt*, *pp*, *čč*, а в ливвиковском и людиковском наречиях также *ss*, *šš* и *hh* (люд.). Пр. с.-к.: *aitta: aita-t* ‘амбар: амбары’, ливв.: *mečču: mečä-t* ‘лес: леса’, люд.: *akk: aka-d* ‘старуха: старухи’. В отношении качественного чередования в собственно карельском и ливвиковском наречиях вступают смычно-взрывные согласные *k/g*, *t/d*, *p/b*, выступающие в звонком фонетическом окружении, а в собственно карельском наречии также в положении после глухих согласных. В процессе качественного чередования происходит замена смычно-взрывных согласных другими, или их полное исчезновение: *k/g:0/j/v*, *lk/lg:ll/l*, *rk/rg:rr/r*, *hk:h*, *sk:ss/s*, *tk:t*; *t/d:0/j/v*, *lt/ld:ll*, *rt/rd:rr*, *nt/nd:nn*, *ht:h*, *st:ss*; *p/b:v*, *lp/lb:lv*, *rp/rb:rv*, *mp/mb:mm*. В людиковском наречии качественное чередование ступеней согласных полностью исчезло, очевидно, в результате влияния вепсского языка. Пр. с.-к.: *pađa: ru-a-t* ‘горшок: горшки’, ливв.: *ildu: illa-l* ‘вечер: вечером’, но люд.: *đogi: dōge-d* ‘река: реки’.

Здесь мы хотели бы подчеркнуть, что явление чередования в каждом из карельских наречий перешло с фонологического на мор-

фонологический уровень. Разницу между двумя этапами обнаруживают условия чередования в процессе словоизменения и словообразования. Если в древнем карельском языке выбор ступени определяло только качество слога, то в современных карельских наречиях стало возможным использование слабой ступени в открытом слоге, а сильной – в закрытом, что явилось исключением из основного правила функционирования явления. В современных карельских наречиях выбор ступени определяется грамматической формой.

Изучение теоретических работ по грамматике карельского языка Д.В. Бубриха [3], П.М. Зайкова [6; 7], Л.Ф. Маркиановой [9], П. Виртаранты [20], анализ примеров, отобранных автором статьи из сборников образцов карельской речи, и полевые материалы позволили нам выявить и обобщить случаи чередования в основе слова в процессе словоизменения одноосновных имен.

Для карельского языка характерно противопоставление единственного и множественного числа. Единственное число не имеет специального показателя, следовательно, выбор ступени зависит исключительно от далее следующего форманта или его отсутствия. Множественное число номинатива и аккузатива образуется при помощи показателя *-t/-d*, а в косвенных падежах используются форманты *-i* или *-loi/-löi*. Присоединение показателей происходит по основному правилу чередования: сильная основа при открытом слоге и слабая – при закрытом. Пр. с.-к.: Järvi-en rannoi-lla (< ranta) e'letti. 'На берегах озер жили' [10, 111]; I l'äks'i jäl'gi-löi-n (< jäl'gi). 'И отправился следом.' [10, 162]; ливв.: Sit panet sova-t (< soba) piäle. 'Затем оденешься (букв. 'оденешь одежды')' [14, 17].

При падежном словоизменении ситуация сложнее. Во всех наречиях карельского языка наличия слабой ступени в основе слова требуют окончания следующих падежей: номинатив мн. числа (*-t, -d*), генитив ед. числа (*-n*), транслатив (*-ksi, -kse, -ks*), инессив (*-ssA, -s*), элатив (*-stA, -s*), адессив (*-lla, -l*), аблатив (*-ltA, -l*), абессив (*-ttA, -ttAh, -ttAi*), инструктив

(*-n*), комитатив (*-nke*), аппроксиматив (*-llUO*) (ливв., люд.). Сильная ступень чередования выступает в номинативе ед. числа одноосновных имен (отсутствие показателя) и комитативе (*-neh*) (с.-к.). Образование остальных падежей обнаруживает ряд исключений из приведенного правила, объясняемых историей языка. Рассмотрим их подробнее.

1) Генитив мн. числа в карельских наречиях образуется при помощи специальных показателей *-en* (с.-к., ливв.), *-den* (люд.), а также *-n* (ливв.). Пр.: с.-к.: Žiivattoi-n (< žiivatta-) juotettavat rengit. 'Ведро для поения скота' [10, 301]; ливв.: Täs on akko-i-n (< akka-) kerahmo. 'Здесь собрание женщин' [15 II, 139]; Humalas kai veičči-en (< veičči) ker sillas viuhketah. 'Пьяные все с ножами на мосту машутся' [15 VI, 660]. Из примеров видно, что присоединение показателей *-n* и *-en* к основе мн. числа не приводит к ослаблению ее согласного компонента, хотя и создает фонетические условия для этого (образование закрытого слога). Сохранение сильной ступени объясняется в данном случае тем, что все показатели генитива мн. числа восходят к прибалтийско-финскому праязыковому **-ten:-den* [13, 94]. Присоединяясь к основе, он, в силу своей структуры, сохранял ее сильный облик. Дентальный согласный окончания со временем исчез, что, однако, не повлекло за собой изменения качества основы.

2) Показателями партитива в собственно карельском и ливвиковском наречиях являются *-a/-ä, -o/-ö, -e* (с.-к.), *-a/-ä, -o/-ö, -u/-y, -e, -i* (ливв.) или *-ta/-tä* (с.-к.), *-du/-dy, -tu/-ty* (ливв.). Ни один из этих показателей не способен вызвать радикального чередования ступеней согласных, чего нельзя сказать о форманте *-d/-t* лудиковского наречия, который закрывает последний слог основы. При этом, однако, не происходит ослабление его согласного компонента. Пр. люд.: Häll ol'i kakš laukka-t (< laukka-). 'У него было два магазина' [21, 92]; Häkki-d (< häkki) ečit't'ih kaks päiväd. 'Быка искали два дня' [18, 38]. Исследователи возводят форманты партитива к древнему финно-угорскому аблативу на **-ta/-tä: *-da/-dä* [13, 101]. Очевидно, что и в прибалтийско-

финском языке-основе он выступал именно в таком виде. В людиковском наречии показатель утратил гласный компонент в процессе развития, что, однако, уже не отразилось на чередовании в основе слова.

3) Окончаниями эссива в карельском языке являются *-na/-nä* (с.-к.), *-nnu/-nnu* (ливв.) - *n* (люд.), присоединяющиеся к сильноступенной основе. Только в собственно карельском наречии образование эссива происходит по основному правилу. В ливвиковском и людиковском наречиях присоединение форманта ведет к закрытию последнего слога основы слова, что, однако, не приводит к выбору слабой ступени чередования. Пр. ливв.: *Neivol ajelou pruzniekka-nnu* (< pruzniekka-). 'На лошади он ездит в праздник' [15 I, 24]; *Muö k ol'immo tyttö-nny* (< tyttö). 'Мы когда девочками были' [15 III, 63]; люд.: *Pruazn'ikka-n* (< pruzn'ikka-) *ol'i rahvast*. 'Во время праздника было народу' [21, 94]. По происхождению эссив относят к финно-угорскому локативу на **-na/-nä* [13, 101]. В прибалтийско-финском праязыке, сохранив свой облик, он не мог вызывать чередования ступеней согласных в основе слова. Очевидно, что в процессе развития показатель эссива в людиковском наречии затронули те же изменения, что и структурно однородный показатель партитива, т. е. произошла утрата конечного гласного компонента показателя. В ливвиковском же наречии формант не ограничился изменением конечной гласной. Согласно Д.В. Бубриху, в конце прибалтийско-финского периода на базе эссива на *-na/-nä* по образцу местных падежей наметилась группа вторичных *-n*-овых падежей. Таким образом, наряду с обычным показателем эссива, по аналогии с инессивом на *-ssa/-ssä* и адессивом на *-lla/-llä*, оформился эссив с показателем *-nna/-nnä*. Новая форма не прижилась, однако ее следы нашли отражение в ливвиковском наречии карельского языка [4, 190-191]. Очевидно, что удвоенный согласный форманта не повлиял на чередование в основе слова.

4) В собственно карельском и ливвиковском наречиях, а также в большинстве людиковских диалектов окончанием иллатива

является *-h*. В людиковском наречии функционируют также форманты *-i* и *-he*. Присоединение показателя иллатива *-h* приводит к закрытию последнего слога основы, однако, основа остается сильной. Пр. с.-к.: *Mid'ä meččä-h* (< meččä) *huhuomma, šid'ä meččäšt'ä vaššatah*. 'Что в лес кричим, то из леса и отвечают' [17, 61]; *Viijäh hänen joge-h* (< jogi). 'Отнесут его в реку' [10, 267]; *Mendih työtöt kod'i-h* (< kodi). 'Отправились девушки домой' [21, 64]; люд.: *Pappi tulou vai pruznikka-h* (< pruznikka-). 'Священник придет только на праздник' [2, 33]. Исследователи возводят форманты иллатива к финно-волжскому показателю **-sen > *-hen* [13, 104]. Данный формант не мог вызывать чередования ступеней согласных в слове. Большинство карельских диалектов сохранило лишь первый компонент древнего показателя, однако ко времени редукции конечных элементов окончания чередование приобрело уже морфонологический характер, т. е. изменение структуры грамматического показателя не способно было повлиять на изменение сильной основы в слабую.

5) Показатель аллатива, восходящий к прибалтийско-финскому **-len* [13, 105], в процессе развития в собственно карельском наречии слился с окончанием адессива *-lla*, а в ливвиковском и людиковском наречиях перешел в формант *-le*, присоединяющийся, однако, к слабой основе. Пр. ливв.: *Lähti Tiittu nuota-le* (< nuotta-). 'Отправился Тит на рыбалку неводом' [18, 30]; *Menöy meriranna-le* (< meriranda-). 'Он пойдет на берег моря' [14, 86]; люд.: *Ylen äi kävyi šihe rahvast pruzn'ika-le* (< pruzn'ikka-). 'Очень много ходило туда народу на праздник' [21, 91]. На первый взгляд кажется, что данный аффикс сформировался в результате сокращения древнего форманта (**-len > -le*), но тогда он присоединялся бы к сильной ступени, что свидетельствует об ином механизме образования. Скорее всего, еще на стадии функционирования прибалтийско-финского праязыка по аналогии с адессивом оформился показатель аллатива **-lle* [4, 189], что и привело к ослаблению согласного компонента основы. Дальнейшее

сокращение геминаты в южных карельских наречиях могло произойти под влиянием вепсского языка, сохранившего древний показатель.

б) Окончанием послеложного падежа позднего образования терминатива в ливвиковском наречии является *-ssah/-ssäh*, в людиковском – *-ssai/-suai*. Пр. ливв.: *Toizeh vuode-ssah* (< vuode-) *sorrettu meččü kuivi*. 'До следующего года сваленный лес высыхал' [11, 143]; *Gu salvammo lage-ssah* (< lage-)... 'Как построим до потолка...' [15 VI, 474]; люд.: *Präkkä-ssuai* (< Präkkä-). 'До Прякки' [2, 28]. Данный падеж сформировался в результате слияния показателя иллатива *-h* с редуцированным послелогом *suah* 'до' [5, 74] с последующей ассимиляцией *h*. Для формы иллатива не характерна альтернатива согласных основы, следовательно, и окончание терминатива присоединяется вопреки правилу чередования к сильной гласной основе.

7) Кроме рассмотренных, исследователи выделяют также древний падеж пролатив. Он практически вышел из употребления в собственно карельских диалектах, однако следы его форманта *-čči*, восходящего к прибалтийско-финскому аффиксу **-ittsek* [13, 108], можно обнаружить в формах наречий. В ливвиковских и людиковских диалектах сфера употребления негеминированного пролатива на *-či*, присоединяющегося против правил к слабой основе, также ограничена. Пр. ливв.: *Koiz oča-či* (< oča-) *kävelläh rahvaz*. 'Мимо дома ходит народ' [15 IV, 76]; *Veneh proiji meän ranno-i-či* (< randa-). 'Лодка проплыла вдоль наших берегов' [15 V, 25].

Итак, в карельских наречиях при образовании большинства падежных форм действует правило, согласно которому при закрытии формантом последнего слога основы слова в ней происходит фонетическое изменение смычно-взрывного согласного компонента, а в том случае, когда основа остается открытой, слабая ступень чередования невозможна. Таким образом, форманты, имеющие структуру *C* или *CCV*, присоединяются к слабой основе, а аффиксы со структурой *V*, *CV*, *CVC* – к сильной. Однако образование некоторых

падежей обнаруживает ряд исключений из данного правила. Присоединение показателя иллатива на *-h* к сильной основе характерно всем наречиям карельского языка. Не подчиняющееся основному правилу чередования образование аллатива на *-le*, пролатива на *-či*, терминатива на *-ssAh*, *-ssai*, *-ssuai*, эссива на *-nnU*, *-n*, характерно только ливвиковскому и людиковскому диалектам. Против правила происходит образование мн. числа генитива с формантами *-en*, *-n* в ливвиковском и партитива с показателями *-t/-d* в людиковском наречии.

История формирования падежных показателей позволяет объяснить все отступления от правил. В тех формах, где первоначально выступала слабая ступень основы, она и осталась слабой, независимо от того, что она открылась, и, соответственно, сильная основа сохранилась таковой, хотя и оказалась с течением времени в ситуации закрытого последнего слога. Наличие исключений позволяет говорить о переходе чередования ступеней согласных на современном этапе развития в морфонологическое явление. Решающее место теперь играет облик морфемы, а не ее звуковой состав. Отметим, что число исключений в ливвиковском и людиковском наречиях значительно выше, чем в собственно карельском. Видимо, это свидетельство того, что рассматриваемое явление в собственно карельском наречии еще не полностью встало на путь морфонологизации и лучше сохранило ситуацию древнекарельского фонологического чередования, чем ливвиковское и людиковское.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 572 с.
2. Баранцев А.П. Образцы людиковской речи. Петрозаводск: Карелия, 1978. 288 с.
3. Бубрих Д.В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: SUS, 1997. 10 с. + 209 с. карт.
4. Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка в связи с синтаксисом // Д.В. Бубрих: Прибалтийско-финское языкознание: Избранные труды. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 173-290.

5. Дубровина З.М. Об образовании вторичных падежей из послеложных конструкций в прибалтийско-финских языках // Вестник ЛГУ, 1956. № 14. С. 69-86.
6. Зайков П.М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 1999. 120 с.
7. Зайков П.М. Диалектология карельского языка. Петрозаводск: РИО ПетрГУ, 1987. 128 с.
8. Кочуркина С.И. Древние карелы. Петрозаводск: Карелия, 1987. 72 с.
9. Маркианова Л.Ф. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 2002. 296 с.
10. Образцы карельской речи: Говоры Республики Карелии, тихвинских и тверских карел. Йоэнсуу-Петрозаводск: Университет Йоэнсуу, 1994. 460 с.
11. Макаров Г.Н. Образцы карельской речи: говоры ливвиковского диалекта карельского языка. Л.: Наука, 1969. 282 с.
12. Хинт М. Чередование ступеней в эстонском языке, как явление флективной морфологии // Советское финно-угроведение, 1981. № 17. С. 186-201.
13. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki: Otava, 1972. 633 s.
14. Karjalan kielen näytteitä. II. Aunuksen ja raja-karjalan murteita. Helsinki: SKS, 1934. 146 s.
15. Karjalan kielen sanakirja. I-VI. Helsinki: SUS, 1968-2005.
16. Lehtinen T. Kielen vuosituhanet. Helsinki: SKS, 2007. 305 s.
17. Liljeblad T. Tunkuan murteen konsonantismi. Helsinki: SKS, 1931. 70 s.
18. Lähisukukielet. Toim. P. Virtaranta, S. Suhonen. Helsinki: SKS, 1978. 78 s.
19. Räisänen A. Suomen murteiden luennot. Joensuu: Joensuun korkeakoulu, 1976. 97 s.
20. Virtaranta P. Haljärven lyydiläismurteen muotooppia. Helsinki: SUS, 1986. 180 s.
21. Virtaranta P. Lähisukukielten lukemisto. Helsinki: SKS, 1967. 240 s.

УДК 81'42:004.738.5:811.111.

Овсянникова М.А.

Московский педагогический государственный университет

**ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ В ИНТЕРНЕТ-ФОРУМЕ
КАК ЖАНРЕ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

M. Ovsyannikova

Moscow Pedagogical State University

**VALUE DOMINANTS IN INTERNET-FORUM AS A SPORT
DISCOURSE GENRE (ENGLISH LANGUAGE)**

Аннотация. Статья посвящена выделению ценностных доминант в интернет-форуме как жанре спортивного дискурса. В основе исследования лежит анализ совокупности текстовых сообщений, представленных на интернет-форуме футбольных болельщиков английской Премьер-лиги. На спортивном интернет-форуме активным участником коммуникации является болельщик. Анализ материала даёт возможность выделить шесть основных ценностных признаков спортивного дискурса, актуализируемых в исследуемых интернет-текстах, и рассматривать их как составляющие ценностной картины мира главного субъекта интернет-форума как жанра спортивного дискурса – болельщика.

Ключевые слова: спортивный дискурс, интернет-форум, футбол, болельщик, ценности дискурса.

Abstract. The article deals with value dominants in Internet forums as a sports discourse genre. The study is based on the Internet forum posts of English Premier League football fans. The main active participant of communication in sports Internet forum is a fan. The analysis reveals the main values which are actualized in the studied sports discourse genre and can be regarded as constituents of the football fan's worldview presented in the Internet texts in sports discourse.

Key words: sports discourse, Internet forum, football, fan, discourse values.

Спортивный дискурс является многоаспектным феноменом. Интерес к данной проблематике объясняется значимостью спортивной деятельности для социума и способствует изучению языковой личности в одном из её проявлений. Проблема спортивного дискурса разрабатывается многими исследователями (О.А. Панкратова, Е.Г. Малышева, Б.А. Зильберт, А.Б. Зильберт, И.Е. Дубчак и др.). Наибольший интерес для учёных представляет основная сфера бытования спортивного дискурса – масс-медиа, в рамках которой наиболее полно отражается концептуальная, тематическая и жанрово-стилевая специфика спортивного дискурса [6, 18].

Исходя из положения о том, что «ядром институционального дискурса является общение базовой пары участников коммуникации» [5, 280], исследователи спортивного дискурса выделяют триаду главных участников: спортсмен – тренер – судья [7, 40], а в случае изучения бытования спортивного дискурса в СМИ определяют журналиста и читателя/зрителя/слушателя как базовую пару [3, 50]. Однако в обоих случаях болельщик остаётся за пределами внимания исследователей, поскольку для жанра масс-медиа он является пассивным клиентом дискурса, не оказывающим активного влияния на коммуникацию [7, 41].

Развитие разнообразных жанров спортивного дискурса в Интернете, в частности, специализированного форума, позволяет прежде пассивному клиенту дискурса проявить себя [2, 134]. Основная коммуникативная цель спортивного интернет-форума состоит в выражении участниками своего отношения к игре/игроку/тренеру. В связи с этим общение на интернет-форумах позволяет болельщику выразить себя как полноценного участника коммуникации и стать активным субъектом спортивного дискурса.

Основными стратегиями интернет-форума как жанра спортивного дискурса являются эмоциональная оценка и реакция на неё [4], которая формируется под влиянием сложившейся системы ценностей определённой группы социума [1, 173].

Цель нашего исследования – выявить языковые и речевые средства, посредством которых выражены представления об основных ценностях в отдельных видах спорта в спортивном интернет-форуме. В соответствии с поставленной целью в данной статье мы решаем задачу смоделировать ценностную картину мира футбольного болельщика как агента спортивного дискурса, опираясь на языковой материал 7000 постов (сообщений на форуме) интернет-форума болельщиков английской футбольной Премьер-лиги, полученных методом сплошной выборки.

Дискуссии на изучаемом футбольном форуме проходят в контексте оценки результатов выступления команды (победа/поражение). Пассивными объектами оценки становятся прежде активные участники спортивного дискурса: спортсмен, тренер, судья.

Прогнозируя исход предстоящего матча или анализируя уже завершившуюся игру, болельщики оценивают игру команды через оценку её членов и обращают своё внимание на их различные характеристики.

Языковой материал свидетельствует, что болельщика, в первую очередь, интересует физическая форма спортсмена, позволяющая ему проявить себя на поле. Оценка может выражаться как в виде словосочетаний с

эмотивными прилагательными (*alright striker, a very good shot-stopper, brilliant player*), так и с помощью более развёрнутых конструкций, описывающих действия игроков на поле: *Ivanovic – absolutely solid in defence, made a lot of tackles and clearing headers* [8].

При видимой физической стороне спорта, в ходе анализа футбольного форума, выявлены речевые конструкции, описывающие психоэмоциональное состояние спортсмена. 80% сообщений на форуме содержат смыслы, свидетельствующие о значимости для болельщика таких психоэмоциональных факторов, как положительный настрой на победу и уверенность в своих силах (*show/have a positive attitude, have belief in itself, confidence in yourself*).

Из анализа речевых контекстов следует, что знак оценки (положительная/отрицательная) физических и психоэмоциональных качеств спортсмена зависит не столько от результата матча, сколько от эффективности работы самого футболиста на поле.

Рассмотрим следующий пример:

Great win! but Carrick was atrocious again. Brown was awful, as was the pensioner in the middle [8].

В своём посте болельщик, с одной стороны, положительно оценивает победу своей команды (*great win*), но с другой – одновременно пейоризирует игру некоторых игроков, используя атрибуты с отрицательной коннотацией *atrocious, awful*, а также сравнение *as was the pensioner*. Такое несоответствие оценки результата (+) и оценки игроков (–) говорит о том, что болельщик обращает внимание на вклад, который каждый футболист вносит в общую игру.

Выявленные контексты свидетельствуют о том, что физические и психоэмоциональные факторы рассматриваются болельщиками в совокупности как элемент достижения успеха. Можно определить данную ценностную доминанту следующим образом – *польза, приносимая игроками, как необходимый элемент достижения успеха*.

Следующая доминанта, которую мы выделяем в ценностной системе болельщиков

– вера в успех независимо от результата. В футбольных интернет-форумах её речевое проявление связано с представлением о поддержке той или иной спортивной команды как семейной традиции.

With us it is a family thing. They [Liverpool – М.А.] have been supported by us through thick and thin [8].

Наряду с такой языковой единицей, как *support*, рассматриваемая ценностная доминанта сопряжена с лексической единицей *family*, что подчёркивает значимость клуба для болельщика.

Анализ устойчивых речевых клише, таких, как *true fan* и *gloryhunter*, раскрывает ещё одну понятийную составляющую выделенной доминанты – истинность приверженности болельщика своей команде. Под *true fan* понимают болельщика, который верит в успех своей команды независимо от результатов, тогда как внутренняя форма *gloryhunter* эксплицитно выражает презрительное отношение к тем, кто поддерживает команду исключительно в периоды успеха – «гонится за славой».

Помимо игроков, объектом оценки болельщиков является менеджер команды (тренер). По отношению к тренеру в постах на форуме преобладают негативные оценки, которые выражены эмоционально окрашенными единицами языка – *tactically inept*, *tactically retarded*, *absolutely clueless*, *waste of mental energy*. Приведённые единицы отражают мнение фанатов о качествах тренера как тактика. Такое доминирование отрицательной оценки характерно для дискуссий, посвящённых матчам, в которых команде не удалось одержать победу.

В играх с успешным исходом решения тренера не являются предметом обсуждения. В рамках положительного контекста болельщики обсуждают менеджера безотносительно конкретного матча (например, поздравление с днём рождения).

Преобладание контекстов с отрицательной оценкой по отношению к тактико-стратегическим качествам менеджера клуба свидетельствует о том, что болельщик рас-

сматривает менеджера как инструмент для достижения интересов команды. Ценность для болельщика представляют именно тактические решения тренера как залог успеха команды, а не сам тренер.

Контексты анализа формы и действий игроков, а также решений тренера со стороны болельщика демонстрируют рациональный подход участников форума. Однако совокупность речевого материала показывает, что в случае поражения своего клуба болельщики могут отступать от объективной оценки и объяснять это с точки зрения везения/невезения (*lucky to win*, *lucky to score*, *unlucky to lose*, *unlucky to miss*). В связи с этим мы можем говорить о том, что болельщики признают значимость удачи как необходимого элемента достижения успеха в футболе.

Речевое проявление данной ценности контекстуально связано с решениями судей: *United have been lucky thanks to the referee* [8]. В своих дискуссиях болельщики имплицитно признают значимость рефери (*I thought we were a bit unlucky and I thought the goal shouldn't have stood* [8]), поскольку он может повлиять на ход игры, назначив штрафной удар, не засчитав гол или удалив игрока с поля.

На форуме в рамках обсуждения спортивных навыков игроков языковой материал демонстрирует наличие таких атрибутивных конструкций, как *the 50 million pound man*, *£30 million striker*, *highly paid player*, *paid close to 100k a week*. Знак оценки подобных словосочетаний зависит от контекста. Рассмотрим следующий пример: *Rosicky, a professional, highly paid, international class footballer* (1)... *puts a penalty over the cross bar* (2) [8]. Контекстное соотношение словосочетания *highly paid* и лексической единицы *professional* в части (1) наделяет первое атрибутивное сочетание положительной оценкой, в то время как часть (2) выражает недовольство болельщика, поскольку материальная оценка игрока не соответствует его игре.

Смысл материальной зависимости спорта получает выражение в постах на форуме с помощью графико-семантического представления. Так, названия некоторых команд бо-

лельщики пишут следующим образом: Челси -- *Chel\$ki, £helsea, £h£l\$ki*, и Манчестер Сити – *Manchequester City*. В лексической единице *£h£l\$ki* знаки валюты £, \$, а также имитация русского окончания (-кий) *-ki*, отражающего национальную принадлежность владельца, служат средством выражения презрения, с которым болельщики других команд относятся к клубу.

При этом контексты дискуссий свидетельствуют о том, что болельщики не отрицают значимость финансовой независимости команды (*improving without cash will & always will be hard*). Опираясь на данный факт, мы выделяем следующую доминанту ценностной модели болельщика – материальное благополучие команды как составляющая успеха клуба.

Совокупность контекстов футбольного форума указывает на то, что болельщики противопоставляют единицу *football* лексической единице *antifootball*, которая обозначает тактику футболистов, исключая активные атакующие действия и предполагающую игру в пас: *Great game....if you want to get some sleep. Totally devoid of ideas, total passing going* [8]. Здесь единица *passing* имплицитно отрицательную оценку и контекстуально сближается с единицей *boring* (*a boring 1-0 win, a boring game, borefest*). Речевой материал показывает, что скуке игры от обороны (*passing*) противопоставлена зрелищность атакующей игры (*attacking*).

Таким образом, анализ контекстов позволяет нам определить последовательный ряд пар антонимов: *football vs antifootball > attacking vs passing > entertaining vs boring*. Синонимичные отношения каждого элемента представленной пары (*football – attacking/attack – entertaining/entertainment*) в контексте речевого материала форума позволяют включить развлекательный характер игры как суть футбола в ценностную картину мира фаната.

Итак, письменная фиксация речевого дискурса болельщика в постах спортивного интернет-форума позволяет исследователю

получить доступ к проявлению мировоззренческих и ценностных установок болельщика как участника спортивного дискурса.

Посредством анализа речевых средств, выражающих значимые для футбольного болельщика объекты оценки, мы создаём языковую модель *игра – болельщик*, в которой выделяем шесть аксиологических доминант:

- 1) польза, приносимая игроками, как необходимый элемент достижения успеха;
- 2) вера в успех независимо от результата;
- 3) тактические решения тренера как залог успеха команды;
- 4) удача как необходимый элемент достижения успеха;
- 5) материальное благополучие команды как важная составляющая успеха;
- 6) развлекательный характер игры как суть футбола.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гуревич П.С. Философия культуры. М.: Nota bene, 2000. 352 с.
2. Дубчак И.Е. Болельщик как субъект спортивного дискурса // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». Том 20 (59), № 1. 2007. С. 134-139.
3. Зильберт А.Б., Зильберт Б.А. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык, сознание, коммуникация / Под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. Вып. 17. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 45-55.
4. Иванов Л.Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста [Электронный ресурс] // Faq по Internet. World Wide Web [www]. Ответы на вопросы. URL: http://www.faq-www.ru/s_janr.htm (дата обращения: 15.01.2011).
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Омск, 2011. 47 с.
7. Панкратова О.А. Лингвосомиотические характеристики спортивного дискурса: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 223 с.
8. Footballforums.net [Electronic resource]. URL: <http://www.footballforums.net/forums/index.php> (дата обращения: 2008-2011).

УДК 81

Савицкий В.М.

Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия (г. Самара)

ФИКСАЦИЯ НАИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

V. Savitsky

The Volga Region State Academy of Sociology
and Humanities, Samara

THE REFLECTION OF COMMON KNOWLEDGE ABOUT HUMAN PSYCHOLOGY IN LANGUAGE AND CULTURE

Аннотация. Статья написана в русле когнитивистского / лингвокультурологического направления исследований и посвящена вопросу о способах фиксации наивных знаний о мире – а именно знаний из области «житейской» психологии – в языковых формах. Показано, как с помощью синтаксических конструкций, идиом, паремий фиксируется выработанное в рамках обыденного мышления представление о взаимодействии сознательной и бессознательной сфер личности. Анализ направлен на выявление механизмов выполнения кумулятивной функции языка.

Ключевые слова: кумулятивная функция языка, лингвокогнитивистика, безличная конструкция, возвратное местоимение, сознательный / бессознательный компоненты личности.

Abstract. The article, written within cognitive and cultural trends of linguistic research, concerns the ways of reflecting common knowledge about human psychology in various language forms, such as syntactic patterns, set phrases and proverbs. Interaction of the conscious and the subconscious, as presented in the language forms, is described as an example. The analysis is aimed at discovering the language mechanism of performing the cumulative function.

Key words: the cumulative function of the language, cognitive linguistics, the impersonal construction, the reflexive pronoun, the conscious, the subconscious.

В научных дискуссиях иногда высказывается «расхожая» мысль о том, что в сфере интересов теоретической психологии нет ничего такого, что ранее не получило бы отражения в постулатах так называемой *житейской* мудрости. Со скидкой на преувеличение, эту мысль, на наш взгляд, можно признать обоснованной. Если не все, то многие психологические открытия уходят корнями в глубину веков. Задолго до возникновения научной психологии люди сталкивались с необходимостью осмыслить ряд психологических явлений для того, чтобы использовать результаты этого осмысления в общественных и личных целях. Полученные из практического опыта знания фиксировались в мифологической, фольклорной, провербиальной форме и таким путём становились достоянием коллектива. Например:

– греческий миф об Эдипе предварил появление психоаналитической концепции Эдипова комплекса [4];

– религиозные учения о борьбе Бога и Дьявола за душу человека предвосхитили создание топической модели личности, в рамках которой компоненты личности – ‘Сверх-Я’ и ‘Оно’ – оказывают противоположно направленное воздействие на человеческое ‘Я’ [5];

– старинная английская пословица *A child is father to a man* (букв. «Ребёнок – отец мужчины») в образной форме отражает представление о влиянии «детского» компонента пси-

© Савицкий В.М., 2011.

хики на «взрослый», что в XX в. было научно обосновано в рамках трансактного анализа [1].

Такого рода примеров можно привести немало.

Наивно-психологические представления зафиксированы не только в текстах культуры, но и в самой системе языка. Недаром А. Франс назвал словарь «*Вселенной, расположенной в алфавитном порядке*»; в современных терминах это означает, что лексико-фразеологический фонд языка, который выполняет, в числе прочих, кумулятивную функцию, представляет собой тезаурус (< лат. *thesaurus* «сокровищница») человеческой мысли. Не только в отдельных словах, но и в идиоматических оборотах, и в грамматических конструкциях естественного языка фиксируются житейско-практические знания о психической деятельности. Например:

– слова **характер, темперамент, потребность, склонность** и т. п. (в донаучном понимании) возникли задолго до их превращения в психологические термины;

– английское слово *self-consciousness* (букв. «осознание себя»), обозначающее застенчивость, в своей внутренней форме отражает представление о застенчивости как о результате излишней **саморефлексии** (что было научно подтверждено в XX в. в рамках соответствующей психологической концепции [3]);

– идиомы *видеть кого-либо насквозь, заглянуть кому-либо (или: себе) в душу, побыть в чьей-либо шкуре, слияние души* в своей образной основе отражают такие феномены, как **интроспекция** и **эмпатия**;

– обороты *выжить из ума, сойти с ума, выйти из себя, быть вне себя*, англ. *be beside oneself* (букв. «находиться рядом с собой», перен. «быть в ярости»), *be out of one's mind* (букв. «быть вне разума», перен. «быть в иступлении»), перс. *ходра бахт'ан* (букв. «утратить себя», перен. «разгневаться»), греч. *papa noia* (букв. «около разума») указывают на постоянную или временную **потерю личностной самоидентичности** вследствие невменяемости;

– безличная морфосинтаксическая конструкция с дативом (рус. *Мне стало страшно / смешно / грустно / противно* и т. д.) отражает **непроизвольность и неконтролируемость некоторых эмоциональных состояний**.

В рамках одной работы не представляется возможным рассмотреть всё многообразие языкового материала, относящегося к затронутой теме. Обратимся лишь к одному пласту житейско-психологических знаний – к представлению о двойственном, **диалогическом строении личности**, к догадке о делении психики на сознательную и бессознательную сферы.

С давних пор люди подозревали, что, помимо сознательного 'Я', существует некое другое 'Я' (лат. *alter ego*), регулярно заявляющее о себе путём вмешательства в жизнь первого 'Я' и в определённых обстоятельствах способное перехватывать у него инициативу; в таких случаях человек оказывается, как говорят, *сам себе не хозяин*.

Без осознания этой двойственности не могла бы, в частности, возникнуть латинская пословица *Sibi imperare maximum imperium est* («Властвовать собой – наивысшая власть»). Представляя личность как однокомпонентный феномен, было бы абсурдно говорить о стремлении к власти над собой: ведь **кто-то** властвует над **кем-то**. Латинский глагол *imperare* (как и русский глагол *властвовать*) – **двухместный** предикат, предполагающий наличие **двух** аргументов: властелин (семантическая роль – «агенса») и подвластное лицо (семантическая роль – «пациенса»).

Двухкомпонентность личности отражается в употреблении этого и ряда других (см. ниже) двухместных предикатов при описании внутренней жизни субъекта. Об этом же свидетельствует тот факт, что на втором аргументном месте используется возвратное местоимение первого лица (англ. *myself*, франц. *moi-même*, рус. *я – себя* и др.).

Вместе с тем второй конституент личности регулярно осмысливается как 'Я' (*ego*), хотя и 'другое' (*alter*). Этот конституент понимается не как другая личность в пространстве психики, а как та же личность,

но в иной её ипостаси. В противном случае она обозначалась бы формами не первого, а третьего лица. Следует, правда, оговориться, что в ряде языков существует и такая форма (англ.: *I became a different man*, франц.: *Je suis devenu un autre homme*, рус.: *Я стал другим человеком*). Но это – пример из иной области: речь здесь идёт не буквально о превращении одной части личности в другую, а о глобальном изменении личности в целом, которое условно-гиперболически представлено как замена одной личности на другую. Добавим, что в ряде случаев вторая ипостась личности всё-таки осмысливается не как ‘Я’, а как ‘Оно’; такие случаи приводятся ниже при описании неопределённо-личной грамматической конструкции.

В словосочетаниях, построенных по модели глагол + возвратное местоимение, психологическая реальность отражается с позиций первого (сознательного) ‘Я’, которое выступает в них в роли «агенс» (действующее лицо) и обозначается подлежащим. Глагол при этом не употребляется в форме страдательного залога, что не позволяет представить второе ‘Я’ в роли «агенс», то есть как второе ‘Я’, действующее на первое; в таких словосочетаниях второе ‘Я’ – всегда «пациенс» (объект) или «перцептив» (адресат) воздействия. Кроме того, возвратное местоимение в них никогда не выступает в синтаксической функции подлежащего и в морфологической форме именительного падежа (*сам*), соответствующей роли «агенс». Например, можно сказать *Я преодолел себя*, но нельзя сказать **Я был преодолен собой* или **Сам преодолел меня*. Словосочетания с возвратным местоимением обозначают воздействие первого ‘Я’ на второе или отношение первого ‘Я’ ко второму. В их число входят:

– стремление поладить со своим вторым ‘Я’ (*жить в согласии с собой, тешить себя чем-либо, льстить себе, баловать себя, потакать себе* и др.);

– стремление контролировать своё второе ‘Я’ (*владеть собой, справляться с собой, заставить себя, держать себя в руках, прикрикнуть на себя, приказывать себе* и др.);

– изучение своего второго ‘Я’ (*заглянуть в себя, углубиться в себя, познать себя, хорошо себя знать, посмотреть на себя со стороны* и др.);

– чувства к своему второму ‘Я’ (*любить себя, ненавидеть себя за что-либо, восхищаться собой, презирать себя за что-либо* и др.);

– оценка своего второго ‘Я’ (*высоко себя ценить, знать себе цену, в грош себя не ставить* и др.);

– общение со своим вторым ‘Я’ (*беседовать с собой, быть наедине с собой, прислушиваться к себе, убеждать себя* и др.);

– единение либо разъединение со своим вторым ‘Я’ (*быть самим собой, найти себя в чем-либо, терять себя, изменить себе, быть в разладе с собой, сам не свой* и др.).

Исключением служит пушкинская фраза «*Ты, Моцарт, недостойн сам себя*»: ею оценивается первое ‘Я’ Моцарта (по мнению Сальери, ничтожное) по сравнению с его вторым ‘Я’ (великим). В остальных обнаруженных нами примерах оценивается не первое, а второе ‘Я’ субъекта.

Что же касается воздействия второй ипостаси личности на первую, оно выражается в русском языке иными средствами. При этом рефлексия осуществляется опять-таки с позиций первой ипостаси, но эта ипостась выступает здесь не в роли «агенс», а в роли «пациенс», или «адресат», и обозначается возвратным местоимением в винительном или дательном падеже в функции прямого либо косвенного дополнения (*мне, меня* и т. п.). Вторая ипостась выступает в роли «агенс» и обычно выражается нуль-подлежащим при глаголе в форме 3-го лица ед. числа (в прошедшем времени – среднего рода). Это говорит о том, что вторая ипостась в подобных случаях трактуется не как ‘Я’, а скорее как фрейдовское ‘Оно’ или ‘Сверх-Я’ (нечто, находящееся вне ‘Я’), то есть в обоих случаях как ‘не Я’.

Например, учитывая, что в русском языке подлежащее согласуется со сказуемым в роде, лице и числе, отметим, что в высказывании *Меня так и подмывало дать мерзавцу по морде* (**что** подмывало?) нуль-подлежа-

щее (среднего рода, 3-его лица, ед. числа), совсем как у Фрейда, подразумевает некое 'Оно', побуждающее 'Я' субъекта к действию. Ср. также:

Меня влекло (к кому-чему-либо).

Меня повело (куда-либо).

Меня коробит (от чего-либо).

Мне претит (делать что-либо).

Меня зациклило / заклинило (на чем-либо).

Меня тянет (куда-либо / к кому-чему-либо / на что-либо) и т. п.

При этом в одних случаях явно имеется в виду подстрекательство со стороны 'Оно' (*Меня тянет / подмывает*), а в других – запреты со стороны 'Сверх-Я' (*Мне претит / Меня коробит*).

Бессознательный конституент личности выражается также следующими языковыми средствами:

– неопределённым местоимением *что-то* (*Что-то в душе подсказывало мне / предостерегало меня / заставило меня* и т. п.);

– устойчивыми речениями с мифологической образной основой, которая символизирует 'Оно' и 'Сверх-Я' (*бес меня попутал, черт меня дёрнул, Господь меня надоумил* и т.п.);

– идиоматическими оборотами *внутренний голос, нутром чуют, из глубины души* и др.;

– конструкциями, в которых субъект ментального состояния представлен не как субъект, а как объект / адресат воздействия (идущего, однако, не извне, а изнутри): *Меня охватило отчаяние* вместо *Я отчаялся*; *Меня осенила идея* вместо ненормативного **Я придумал идею* (идеи обычно *появляются, возникают, рождаются, приходят на ум* произвольно); *Мне вспомнилось* вместо *Я вспомнил* и даже *Мне подумалось* вместо *Я подумал* (ср.: англ. устар. *methinks* (букв. «мне думается»)).

Перечисленными средствами подчёркивается независимость названных ментальных состояний от сознательного 'Я' субъекта, а значит, наличие в психике, помимо сознания, чего-то ещё, влияющего на сознание.

Примеры, приведённые в нашей работе, демонстрируют лишь небольшой фрагмент наивно-психологических знаний, зафиксированных в культуре и языке. Они широко используются в житейской практике и, по видимому, служат одним из источников возникновения научно-психологических идей.

Согласно одному из фундаментальных положений аналитической философии (см., например, «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна [2]), анализ обыденного языка плодотворен для разработки теоретической картины мира. На этом основании мы полагаем, что дальнейшее исследование культурных и языковых форм, отражающих наивно-психологический опыт народа, может способствовать развитию психологической теории. Кроме того, такое исследование имеет и лингвокогнитивное, и лингвокультурологическое значение: оно способствует выявлению языковых механизмов, с помощью которых знания о мире и человеке, накопленные в процессе культурно-исторического развития, фиксируются и передаются из поколения в поколение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Берн Э. Трансактный анализ / пер. с англ. М.: Академический проект, 2004. 192 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 352 с.
3. Зимбардо Ф. Застенчивость / пер. с англ. М.: Педагогика, 1991. 208 с.
4. Кляйн М. Эдипов комплекс / пер. с нем. // М. Кляйн. Избранные труды. В 7 томах. Том 5. М.: ERGO, 2007.
5. Фрейд З. Я и Оно: Труды разных лет / пер. с нем. В 2-х кн. Тбилиси: Мерани, 1991.

УДК 81-28

Сергеева Ю.М., Самохвалова Е.В.

Институт гуманитарного образования и информационных технологий (г. Москва)

К ВОПРОСУ О ПРОСПЕКТИВНОЙ РЕФЕРЕНЦИИ В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ

Y. Sergeeva, E. Samokhvalova

*The Institute for the Humanities and Information
Technologies, Moscow*

PROSPECTIVE CUMULATION IN TEXT AND DISCOURSE

Аннотация. В статье рассматривается одна из важнейших характеристик текста – категория связности (когезия). Ведущую роль в создании связного текста играют диафорические референциальные отношения вообще и катафорическая референция в частности. Катафора понимается как явление, состоящее в интерпретационной зависимости элемента текста от последующего лингвистического окружения. Двучленная структура катафоры включает катафорический референт и постцедент (семантический источник), которые могут быть выражены средствами разных языковых уровней.

Ключевые слова: текст, перспективные связи, катафорический референт, постцедент.

Abstract. The aim of the article is to consider cohesion as a formal linkage between the elements of a continuous text or discourse. Special type of cohesion – prospective reference – is effected by connective elements that relate a given sentence to the following one. Various types of cataphoric referents (demonstrative, personal and indefinite pronouns, nouns with broad semantics) as well as types of the postcedent (appositive clauses, simple unrelated sentences, final components of supra-sentential constructions) are analysed extensively.

Key words: text, prospective cumulation, cataphoric referent, postcedent.

Несмотря на неоднократное обращение лингвистической науки к категории связности текста, интерес к изучению этой проблемы в различных языках отнюдь не ослабевает, и вопрос установления видов связи между высказываниями в тексте является одним из актуальных направлений функциональной лингвистики. В исследованиях, посвящённых этой проблематике, на первый план выдвигаются вопросы, касающиеся лингвистического статуса единиц «высшего синтаксиса», их выделения и классификации, установления способов текстообразования, а в последнее время – и вопросы взаимоотношения феноменов связного текста и дискурса как процесса его порождения.

Вне всякого сомнения, текст или конкретное сверхфразовое единство может рассматриваться как феномен макросинтаксиса лишь при условии сопряжённости образующих его элементов. Но простая констатация факта связанности компонентов не даёт представления о том, какие же линейные и иерархические факторы определяют организацию текста, каков характер именно связности в постижении дискурса как процесса генерирования текста.

Все вышесказанное определяет необходимость всестороннего и комплексного изучения плана содержания и плана выражения категории связности, лежащей в основе текста как продукта речевой деятельности.

Отрезки текста могут сцепляться чисто содержательно на основе характера литературного замысла, общего содержания повествования, фоновых знаний или на основе компози-

ционных способов введения микротем. Мы же остановимся исключительно на когезии, которая представляет собой структурно-грамматическую и лексическую связь, реализующуюся непосредственно в языковых единицах. Когезия предполагает не только смысловую спаянность внутри сверхфразовых единств или между ними, но, прежде всего, языковые средства осуществления связи между двумя и более элементами в тексте. И.Р. Гальперин пишет, что *когезия – это особые виды внутритекстовых связей, обеспечивающие логическую последовательность и взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.* Она задаётся самой системой текста в ходе его развития и поэтому является неотъемлемым признаком, присущим любому типу текста [3; 7].

Разные авторы выделяют различные средства когезии, но мы придерживаемся классификации М. Холлидея и Р. Хасана, называющих пять средств когезии: референцию, субституцию, эллипсис, конъюнкцию и лексическую когезию, хотя сами авторы и указывают на то, что между данными категориями нет незыблемых границ. Все категории когезии – это явления структурно-грамматической и лексической связи. Пять вышеупомянутых средств когезии базируются на двух типах отношений – тождестве обозначаемых предметов и явлений или их соединении.

В своём исследовании мы остановимся на таком средстве связности текста, как референция. *Референцией* называется замена в связном отрезке текста наименования, свойства или действия определёнными детерминантами, в число которых включаются местоимения (личные, притяжательные, указательные), слова с количественным или качественным значением, определённый артикль *the* и т. п. [10, 37-81]. И антецедент (семантический источник), и анафорический элемент имеют общий референт действительности – предмет, свойство или действие, обозначаемое в тексте, причём обычно коррелируются однородные элементы, например, имя собственное/нарицательное и личное местоимение.

Референция – это наиболее простой и распространённый вид когезии, характерный для любого типа текста. Связь между референтами бывает анафорическая, т. е. указывающая на референт в предшествующем контексте, и катафорическая, которая указывает на референт в последующем контексте.

На основе разносторонних исследований текста в современной науке о языке появились работы, касающиеся самых различных аспектов проблемы контекстуальных связей и референций в языке и речи. Среди них можно отметить исследование на материале пяти языков, выявляющее общие и специфические черты функционирования анафоры (Кибрик [5]); исследование на материале английского и французского языков с целью сравнения предикативной и номинальной анафоры (Cornish [9]); исследование анафорических отношений в испанском языке (Raposo [12]). Ряд работ посвящён вопросам анафорических местоимений, содержанию анафорической связи, модели анафоры, изучению взаимосвязи явлений референции и анафоры (Богуславская [1]; Вольф [2]; Дикарева [4]; Падучева [6]).

Однако обзор многочисленных исследований позволяет сделать вывод о том, что большинство авторов пользуется термином «анафора» для обозначения всех диафорических выражений, независимо от направления референциальной связи между их компонентами, нивелируя, тем самым, оппозицию анафора/катафора. Мы считаем, что подобная трактовка референциальной связи неприемлема, так как ведёт к стиранию граней между двумя направлениями мыслительной деятельности индивида, создающего дискурс, и в ходе дальнейших рассуждений попытаемся аргументировать нашу точку зрения.

Анафора как явление трактуется неоднозначно. По мнению некоторых лингвистов, анафорическая связь предполагает лишь семантическую отсылку при отсутствии синтаксической связи между коррелирующими элементами. Другие учёные определяют анафору как особый вид формальной синтаксической связи, третьи – настаивают на су-

ществовании ассоциативной, имплицитной анафоры. В любом случае речь идёт только о том типе анафоры, когда анафора имеет легко отождествимый antecedent и между ними имеется явная кореферентность. Эта модель действительно является основной – и с точки зрения частоты появления в дискурсе, и с точки зрения места в системе языка, но необходимо упомянуть и более сложный, периферийный случай, до сих пор не нашедший достойного освещения в лингвистической литературе.

Речь идёт о той ситуации, когда antecedent может линейно следовать за анафорой, осуществляя тем самым правостороннюю или проспективную референцию. Что касается термина «antecedent», то Л. Теньер [7] считает неуместным его употребление и использует другое обозначение этого понятия – «смысловый источник», так как анафорическое выражение, замещающее некоторый отрезок текста, может не только следовать за ним, но и предшествовать ему. Во избежание терминологической путаницы мы вводим понятие «postcedent» для обозначения кореферента (семантического источника) и понятие «катафорический референт» для идентификации элемента с отсылающим значением. Таким образом, катафора понимается нами как явление, состоящее в интерпретационной зависимости элемента текста от последующего лингвистического окружения.

Исходя из двучленного строения катафоры, уточним, что postcedentом катафорической связи может быть отдельное слово, словосочетание, придаточное предложение, целое самостоятельное предложение или даже несколько предложений. Типы семантических отношений между катафорическим референтом и postcedentом могут быть очень разнообразны, в том числе часть – целое, элемент/подмножество – множество, участник – ситуация, причина – следствие и т. п. Как правило, postcedent не может быть дальше от катафорического элемента, чем в соседней предикации.

В качестве объекта исследования нами были рассмотрены различные функциональ-

ные типы текстов, принадлежащие, прежде всего, стилю художественной речи и публицистическому стилю. Согласно общепринятому мнению, катафорическая связь реализуется главным образом в текстах научного и официально-делового регистра, осуществляя проспективное продвижение информации. Отбор текстов других функциональных стилей позволил нам расширить сферу изучения этого типа референции.

Анализируя различные способы реализации катафорической связи в структуре текста, мы выделили следующие типичные случаи её проявления.

1. Субституция слов, групп слов или предложений указательными местоимениями *this\ these*.

Так, в следующем примере катафорической связи *this* указывает на всё следующее предложение, служа одновременно его заменой: *I'll tell you this. Don't speak to me ever again*. В таком контексте *this* **обычно выполняет** функции подлежащего или дополнения:

– *So I just want to say this to the Congress: the rise of the Empire is in your hands* [14];

– *This is my last word: I am no beaten rug. I don't need to feel like one* [11, 217].

Отметим, что в процессе субституции (в отличие от референции) один элемент, заменяющий другой, принадлежит другому классу или уровню. Функцию заменителей могут также выполнять такие слова, как *the same, likewise, the following, etc.*

В катафорической функции *this* может употребляться в качестве обстоятельства времени в сочетании с существительными, обозначающими период времени. Это местоимение употребляется и в контексте будущего, и прошедшего времени.

Чаще всего postcedent выражен особым типом придаточного определительного – аппозитивным придаточным, реже – словосочетанием, герундиальным и причастным оборотом:

– *This is the first time I had been asked to join the company* [11, 73].

2. Использование личного местоимения в качестве индикатора последующего корефе-

рента. Синтаксическая связь в данном случае проявляется в идентичности числа (а во втором примере – и числа, и рода) имени существительного и личного местоимения:

– *The waiter brought them tea when the guests had finished the dessert* [11, 211];

– *I don't know if he's serious, but Lionel wants to join the Presbyterians* [11, 350].

3. Использование *широкозначного* существительного в качестве катафорического референта.

Если широкозначное существительное употребляется впервые и зависит от последующего контекста, речь всегда идёт о катафорической связи. Семантическая структура широкозначной лексемы имеет так называемую лауну за счёт обобщённого сигнификативного значения, которое выражает беспредельно широкое по охвату фактов и явлений действительности понятие. Однако семантическая лауна должна быть заполнена конкретным содержанием для того, чтобы существительное с широким значением было коммуникативно-значимым. В рассматриваемом примере семантическое содержание широкозначного существительного *fact* получает конкретизацию из последующего контекста, осуществляя тем самым катафорическую связь:

– *He was so pleasant, that his fellow writer, his rivals and contemporaries, forgave him even the fact that he was a gentleman* [11, 289].

В качестве постседента в данном случае всегда используется аппозитивное придаточное.

4. Использование неопределённого местоимения *something*:

– *Wait! I'll tell you something... In this wedding I play the minister* [11, 53].

Местоимение *something* лишь указывает на наличие в последующем тексте некоторой информации, которую говорящий неожиданно вспомнил, в то время как второе предложение целиком является этой информацией. Следует обратить внимание на то, что если текст устный, то главного, «указываемого» элемента в момент размещения ссылки ещё не существует – он ещё не произнесён, он расположен в будущем. То есть катафора

как приём формирует ожидания от последующего текста, не предоставляя ещё собственно текста. И эта способность катафоры к формированию ожидания обуславливает её использование для привлечения внимания слушающих.

Это характерно и для системы ссылок в научном тексте, и для повседневной коммуникации:

– *Let me add a word of caution here. The solvent vapour drain enclosure must be correctly engineered and constructed to avoid the possibility of serious explosion* [8, 355].

5. В некоторых случаях обращение к последующим элементам текста обеспечивается порядковыми числительными в сочетании с инфинитивом в атрибутивной функции:

– *Who is the first to have a try – Jeremy or Ian?* [11, 81].

6. Использование односоставных или неполных по составу (эллиптических) предложений, объединённых в сверхфразовое единство, заключительным компонентом которого и является постседент. Такой приём нередко встречается в современных рекламных текстах, дающих заведомо недостаточную информацию и структурно предполагающих необходимость её дополнения:

– *Earn more. Be independent. Take charge of your future. Join FedEx Ground in Warren* [13, 12].

– *The unique spirit of Canada. Super lightness. Super taste. If that's where you'd like to head, set your course Lord Calvert Canadian* [15].

Иногда в устной коммуникации, предполагающей наличие общего для говорящего и адресата физического окружения, возможны случаи конситуативной катафоры без текстового постседента. Механизм такого рода связи в точности такой же, как и при обычной катафоре с текстовым постседентом, за тем исключением, что референт активирован не через языковой, а через визуальный канал:

– *Want this? (Спрашивающий протягивает собеседнику стакан воды – прим. автора) Not cool enough, but drinkable* [11, 418].

Примеры такого рода показывают, что референциальный выбор непосредственно

контролируется когнитивным статусом референта, а не текстовым постседентом.

Итак, исследование средств выражения проспективной референции позволило продемонстрировать их своеобразие по сравнению с ретроспективной (анафорической) связью, а также выявить и проанализировать типические случаи правосторонней связи.

В заключение ещё раз подчеркнём актуальность подобного рода исследований, поскольку речемыслительные факторы языка и действительности, которые делают текст единой логико-лингвистической информативной и концептуальной сущностью, неотделимы друг от друга. Единство словесных единиц текста и дискурса можно объяснить когезийными свойствами языковых структур (грамматической, лексической и фонетической) как имманентным качеством, присутствующим системе языка как в устной, так и в письменной форме.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богуславская О.Ю. О семантике анафоры // Формальное представление лингвистической информации: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1982. С. 64-84.
2. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. М.: Наука, 1974. 224 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
4. Дикарева С.С. Семантика анафоры // Структурная и прикладная лингвистика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. Вып. 3. С. 29-38.
5. Кибрик А.А. Типология средств оформления анафорических связей: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. М., 1988. 24 с.
6. Падучева Е.В. Анафорические связи и глубинная структура текста // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1976. С. 96-107.
7. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Пер. с франц. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
8. Blokh M.Y. A Course in Theoretical English Grammar. М.: Высшая школа, 1994. 381 с.
9. Cornish F. Anaphoric relations in English and French. A discourse Perspective. Groom Helm. London. Sydney. Dover. New Hampshire, 1986. 242 с.
10. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London: Longman, 1976. 312 с.
11. Maugham W.S. Short Stories. М.: Vintage, 1998. 624 с.
12. Raposo E. Towards a Minimalist Account of Nominal Anaphora in Spanish and English, 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: www.spanport.ucsb.edu/information (дата обращения: 18.05.2011).
13. The Employment Guide. 2003. January, 2. № 1. 21 с.
14. The Message Clicks // BBC News [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/magazine/4669540.stm (дата обращения: 30.03.2011).
15. Vintage Paper ADS. 1979 Lord Calvert Canadian Whisky Ad – Spirit of C Canada SKU: AS 1133 [Электронный ресурс]. URL: <http://store.valueweb.com/servlet/vintagepaperads/-strse-22766/1979-Lord-Calvert-Canadian/Detail> (дата обращения: 10.04.2011).

УДК 81'

Сухая Е.В.

Московский государственный областной университет

**СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПАРЕНТЕТИЧЕСКИХ ВНЕСЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОПУЛЯРНОЙ
ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ МОНОГРАФИИ)**

E. Sukhaya

Moscow State Regional University

**STRUCTURAL AND FUNCTIONAL DESCRIPTION OF PARENTHETICALS
(AS ILLUSTRATED BY A POPULAR SCIENCE MONOGRAPH)**

Аннотация. В статье анализируется класс парентетических внесений как категория, находящаяся в пограничной области синтаксиса. Обсуждаются подходы к изучению парентетических внесений отечественной и западными лингвистическими школами. Объясняются причины высокой плотности использования парентетических внесений в научно-популярных текстах по естествознанию. Описываются функции парентетических внесений и способы их пунктуационного оформления в тексте. Приводятся результаты анализа функционирования однословных и двусловных внесений, обособленных скобками, проведённого на материале популярной естественнонаучной монографии.

Ключевые слова: адвербиальная группа, адъективная группа, внесение-сочетание, глагольная группа, грамматическая фраза, двусловное внесение, именная группа, линейные синтаксические связи, однословное внесение, парентетические внесения, предложная группа, скобки, трансформационная грамматика, функциональная грамматика.

Abstract. The article deals with parenthetical insertions (parentheticals) as a syntactic category with a borderline status. The author analyses the ways parentheticals are treated by the Russian and overseas language schools as well as reasons for high density of parentheticals in popular writings on Mathematics, Science and Nature.. The article describes functions which parentheticals perform in the text and the ways of their setting off in writing. The author's other findings include results of the research which involved the study of one- and two-word bracketed parentheticals in a popular natural science monograph.

Key words: adjectival phrase, adverbial phrase, functional grammar, linear syntactic relations, noun phrase, one-word insertion, parentheses, parentheticals, phrase, prepositional phrase, transformational grammar, two-word insertion, verbal phrase.

Для современного этапа развития науки о языке характерно пристальное внимание учёных-лингвистов к пограничным речевым явлениям, к категориям, находящихся на стыке различных лингвистических дисциплин. К таким пограничным явлениям, требующим детального изучения, относятся парентетические внесения.

По определению, данному О.В. Александровой и Т.А. Комовой в учебном пособии «Современный английский язык: морфология и синтаксис», *парентетические внесения* представляют собой элементы, синтаксически и семантически второстепенные по отношению к основному повествованию [2, 178]. В качестве парентетических внесений обычно выступают элементы, содержащие пояснения, уточнения, примеры, а также любые отступления от основной темы [9, 144]. Однако в содержательном отношении парентетические внесения имеют логическую связь с темой всего высказывания.

© Сухая Е.В., 2011.

Западные лингвисты отмечают пограничный статус парентетических внесений, интерпретация которых может осуществляться как с позиций синтаксиса, так и с позиций теории коммуникации и прагматики. Парентетические внесения связаны с окружающими их синтаксическими структурами только посредством линейной близости (*linear adjacency*), а не при помощи грамматико-синтаксических отношений. Изучение парентетических внесений с точки зрения грамматики осложняется тем, что для данных элементов принцип линейности (*principle of linearity*) имеет приоритет по сравнению с принципом иерархических отношений (*principle of hierarchical relations*) [5, 26].

В отечественном языкознании наиболее полный анализ парентетических внесений был проведён О.В. Александровой, которая исследовала случаи «нарушения» стройности и плавности ритмической и интонационной организации сверхфразового единства. Под *нарушениями* О.В. Александрова понимает случаи «вторжения» слов или синтаксических конструкций, которые *нарушают* линейные синтаксические связи [1, 30].

О.В. Александрова выделяет уровень парентетических внесений как один из элементов четырёхуровневой системы изучения построения речи. Возможность выделения данного уровня обусловлена «наличием различных интерполяций, нарушающих плавность речи и придающих ей характер «прерывистого» потока» [4, 4]. Е.А. Фенова отмечает, что случаи нарушения плавности изложения особенно часты в произведениях речи, относящихся к научному регистру. По мнению исследователя, нарушение плавности научного изложения обусловлено необходимостью привлечь внимание адресата к тем или иным рассматриваемым положениям, сосредоточивая на них повышенное внимание читателя [4, 21-22].

О.В. Александрова считает, что парентетические внесения обладают характеристиками текстосвязующих средств, которые осуществляют структурную и смысловую связь между предложениями внутри сверхфразо-

вого единства [1, 29]. Несмотря на то, что парентетические внесения «нарушают» линейные синтаксические связи, они могут быть отнесены к текстосвязующим средствам на основании того, что анализ парентетических внесений может осуществляться только на материале целого СФЕ или текста, а не на материале изолированного предложения. По словам О.В. Александровой, «изолированное предложение, содержащее парентетическое внесение, ... не может обеспечить полного представления ни о предмете высказывания, ни о содержании парентетического внесения» [1, 30].

Кроме текстосвязующей, парентетические внесения обладают и текстообразующей функцией. Текстообразующая функция парентетических внесений заключается в том, что содержащаяся в них информация нередко направлена на активизацию фоновых знаний адресата. В некоторых случаях содержание парентетических внесений связано с содержанием всего текста. В этом случае, как справедливо отмечает О.Н. Антонюк, парентетические внесения, или вставные конструкции, целесообразно изучать с позиций теории референции [3].

В самом общем смысле функцией парентетических внесений является выделение элемента, который существенно нарушает линейность повествования [9, 144]. По мнению О.В. Александровой, основной функцией парентетических внесений является модальная характеристика адресантом фрагмента речи. Парентетические внесения, как отмечает учёный, носят субъективный экспрессивно-оценочный характер: они выражают оценку степени достоверности, сомнение, иронию, возмущение и пр. [1, 39].

К другим функциям парентетических внесений относятся обеспечение изложению наглядности и облегчения читательского понимания, а также функция информационной компрессии. Данные функции особенно важны для научно-популярного изложения. Создание наглядности является одной из текстовых стратегий популяризации.

Информационная компрессия реализует-

ся посредством развёртывания в тексте нескольких линий повествования: основной и второстепенной (выраженной парентетическими внесениями). Данная текстовая стратегия также является одной из важнейших характеристик научно-популярного изложения. Во-первых, с помощью отступлений, выраженных парентетическими внесениями, автор может обращаться к менее подготовленной части аудитории, разъясняя суть предмета в упрощённой форме. Во-вторых, выделенные скобками внесения могут представлять собой уточнения, дающие более полную, научную характеристику предмету речи. В этом случае автор популярного текста имеет в виду читателей с более высоким уровнем знаний о рассматриваемом факте, явлении или предмете.

Парентетические внесения обычно обособляются знаками препинания: запятыми, тире или скобками. Говоря о функциях различных знаков препинания, которыми могут выделяться парентетические внесения, Энн Стилмэн отмечает, что запятые используются для ненавязчивого обособления элементов, тире служат для привлечения к элементу внимания читателя, а скобки используются в качестве своеобразного сигнала второстепенности заключённого в них фрагмента высказывания. По выражению Э. Стилмэн, скобки указывают читателю на то, что повествование временно «уходит на запасной путь» (“the text is temporarily getting off the track”) [9, 144].

Предметом нашего исследования являются однословные и двусловные парентетические внесения, обособленные в письменном тексте скобками. Анализ функционирования данных элементов проводился на материале научно-популярной монографии С. Хокинга «Краткая история времени» (*A Brief History of Time*, 1988). Выбор материала обусловлен высокой плотностью использования обособленных скобками конструкций в научно-популярной речевой разновидности. По нашим подсчётам, плотность употребления «скобочных» парентетических внесений составляет в исследуемом произведении 1,2 случая

на страницу текста: 233 внесения в основном тексте и глоссарии, исключая случаи ссылок на страницы употребления терминов в глоссарии.

Структурное разделение парентетических внесений на *однословные, внесения-сочетания и внесения-предложения* было предложено О.В. Александровой [1, 30-31]. Формат статьи не позволяет подробно остановиться на всех структурных типах парентетических внесений, в связи с чем за рамками статьи остаются сочетания, превышающие по объёму два слова.

Как показало исследование, **однословные внесения** крайне редко обособляются скобками. В исследованном тексте однословные внесения составили 3% от общего числа употреблений (6 из 233 случаев).

Однословные внесения, заключённые в скобки, чаще всего представляют собой дополнительные характеристики описываемого предмета и явления, которые несущественны для упрощённой версии объяснения, но могут представлять интерес для читателей, интересующихся проблемой на более высоком уровне.

In the case of light, therefore, this means that stars moving away from us will have their spectra shifted toward the red end of the spectrum (red-shifted) and those moving toward us will have their spectra blue-shifted.

A quark: A (charged) elementary particle that feels the strong force.

Кроме того, в качестве однословных внесений выступают цифры (zero), аббревиатуры (GUT), а также общенаучные термины, которые выступают облегчённым вариантом употреблённого научного термина (positrons – antielectrons).

So in empty space the field cannot be fixed at exactly zero, because then it would have both a precise value (zero)...

Grand unified theory (GUT): A theory that unifies the electromagnetic, strong, and weak forces.

When a high-energy gamma ray quantum hits the atoms in our atmosphere, it creates pairs of electrons and positrons (antielectrons).

Внесения-сочетания, состоящие из двух и более слов, более распространены в научно-популярных текстах. Мы будем пользоваться термином «сочетание-фраза» или «грамматическая фраза», понимая под ними сочетания, большие или равные слову, но меньшие, чем клауза. По определению Дж. Д. Морли, «(грамматическая) фраза – это группа, образованная одним или несколькими словами вокруг центрального элемента, которая выполняет определённую грамматическую функцию и может быть, в других обстоятельствах, заменена одним словом» [7, 53].

В зависимости от принадлежности центрального элемента к той или иной части речи учёными выделяются пять основных типов грамматических фраз (групп): именная группа (noun/nominal phrase), глагольная группа (verbal phrase), адъективная группа (adjectival phrase), адвербиальная группа (adverbial phrase) и предложная группа (prepositional phrase) [8, 167]. Данные группы выделяются школой трансформационной грамматики, несколько отличаясь от подхода, принятого функциональной грамматикой. Для нашего исследования более продуктивен подход трансформационной грамматики. В первую очередь это связано с тем, что при интерпретации предложных групп (prepositional phrases) трансформационалисты в качестве центрального элемента выделяют предлог, а функционалисты – знаменательную часть речи, входящую в состав группы. Так, с точки зрения трансформационалистов, группа “in seconds” является предложной, а с точки зрения функционалистов – именной.

В исследованной монографии обособленные скобками «сочетания-фразы» составили 36% от общего числа употреблений (72 из 233 случаев). Среди этого числа двусловные сочетания-фразы составили чуть более трети от общего количества фраз-внесений, заключённых в скобки.

Более половины двусловных внесений (52%) составили именные группы, имеющие в препозиции различные определители: определённый артикль (“the world-line”), при-

лагательное (most hydrogen, heavy hydrogen, closed strings), притяжательное местоимение (its luminosity, its phase, its spectrum), количественное числительное (180 degrees, 360 degrees).

Второй по частоте употребления двусловной группой является предложная, в которой были выявлены только группы с предлогами “or” и “in”. Соотношение употребления предлогов составляют 75% и 25% соответственно.

Electric charge: A property of a particle by which it may repel (or attract) other particles that have a charge of similar (or opposite) sign.

Similarly, in relativity, one could use a new time coordinate that was the old time (in seconds) plus the distance (in light-seconds) north of Piccadilly.

Наиболее редко употребляемой двусловной группой является адъективная (positively charged, possibly massless). Немногочисленные адъективные группы, используемые в анализируемом тексте, носят информативный характер, уточняя характеристики описываемого явления, а не субъективно-оценочный. Вероятно, выражение оценки более целесообразно при помощи парентетических внесений других структурных и пунктуационных типов.

Адвербиальных и глагольных групп, состоящих из двух слов, в проанализированной монографии С. Хокинга зафиксировано не было.

Проведённый анализ обособленных скобками одно- и двусловных внесений позволил проиллюстрировать текстообразующую функцию парентетических внесений как элементов, активизирующих фонд знаний читательской аудитории. Исследование показало относительную свободу одно- и двусловных парентетических внесений от экспрессивно-оценочной нагрузки. Результаты анализа наглядно показывают двуплановость научно-популярного повествования, в котором автор одновременно обращается к читателям, обладающим разными уровнями владения обсуждаемыми в тексте вопросами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка: учеб. пособие. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 216 с.
2. Александрова О.В. Современный английский язык: морфология и синтаксис = Modern English Grammar: Morphology and Syntax: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. ин. языков / О.В. Александрова, Т.А. Комова. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 224 с.
3. Антонюк О.Н. Семантический потенциал вставных конструкций в составе многокомпонентных сложных предложений // Вестник Харьковского национального университета. Серия «Филология». № 936. Вып. 1, 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/natural/vkhnu/Filol/2011_936/content/antonyuk.pdf (дата обращения: 24.04.2011).
4. Фенова Е.А. Соотношение синтаксической просодии парентетических внесений и предизирующей паузы (на материале английского языка): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1984. 150 с.
5. Dehé N. Parentheticals / N. Dehé, Y. Kavalova. John Benjamins Publishing Company, 2007. 314 p.
6. Hawking S. A Brief History of Time. Guild Publishing, 1988. 198 p.
7. Morley G.D. Syntax in functional grammar: an introduction to lexicogrammar in systemic linguistics. Continuum International Publishing Group, 2000. 248 p.
8. Radford A. Transformational Grammar: A First Course. Cambridge University Press, 2009. 640 p.
9. Stilman A. Grammatically Correct: the Writer's Essential Guide to Punctuation, Spelling, Style, Usage and Grammar. Writer's Digest Books, 2004. 328 p.

УДК 81' 276.6

Федосеева М.Ю.

Московский педагогический государственный университет

**ТЕРМИНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ
ТЕКСТОВ ПО ЭКОНОМИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ
ЖУРНАЛА "THE ECONOMIST")**

M. Fedoseeva

Moscow Pedagogical State University

**TERMINOLOGY OF SPECIAL TEXTS ON ECONOMICS
(BASED ON THE MATERIALS OF "THE ECONOMIST")**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специальной лексики профессионального текста по экономической проблематике. Автор выявляет, что терминологическое образование в изучаемых медиатекстах происходит по ограниченному списку моделей, характерных для современного состояния литературного английского языка. В статье показывается, что языковое представление профессиональных понятий из раздела "Finance and Economics" предполагает доступность данной сферы не только для узких специалистов, но и для других членов социума.

Ключевые слова: английский для специальных целей, термин, словообразование, креолизованный текст, заголовочный комплекс.

Abstract. The paper deals with terminology of the ESP texts on economics. The author makes a conclusion that word formation process in the media texts under consideration covers a limited number of structural models, which are representative of modern variant of the Standard English Language. The paper shows that within the discovered structural paradigm the terms contribute to the appropriate understanding of the texts on economics intended for both professionals in economics and non-professional readers.

Key words: English for Specific Purposes (ESP), term, word formation, creolized text, headline complex.

В сфере экономики, финансов и банковского дела используется по традиции язык для специальных целей, который отличается насыщенностью терминологическими единицами. По мнению С.Г. Тер-Минасовой, невозможно изучать язык «вообще», речь может идти только об изучении его определённого пласта, стиля, вполне конкретной разновидности [8]. Поскольку сегодня существует социальный заказ на овладение английским языком для специальных целей, представляется целесообразным в рамках настоящей работы рассмотреть особенности англоязычных текстов по экономической проблематике на лексическом уровне. Традиционно отличительной чертой всех языков для специальных целей признаётся наличие в их лексической системе специальных понятий, которые обозначаются номинативными единицами, соотносимыми с объектами той или иной сферы профессиональной деятельности человека. Можно предположить, что наличие специфических текстов – также неперемное условие выделения того или иного языка ESP [3, 12], в связи с чем, в рамках настоящего исследования, представляется необходимым выбрать дефиницию текста из ряда многочисленных толкований, предложенных специалистами, работающими в области лингвистики текста. Наиболее убедительным представляется определение М.Я. Блоха, согласно которому, «текст есть непосредственный конечный продукт речевой деятельности говорящего/пишущего. Он реализуется в виде устного монолога или диалога (полилога), или же письменного сочинения со-

ответствующего жанра и информационного назначения» [2, 7]. Именно это определение текста, наряду с разнообразными формами коммуникации и стилистическими регистрами, позволяет учитывать и семантические параметры текста.

Объектом изучения в настоящей работе служит лексика текстов по экономической проблематике, опубликованных в авторитетном издании “The Economist” (раздел “Finance and Economics”). Объём выборки составил 216 текстов, размещённых в весенних выпусках вышеназванного издания в 2009 и 2010 гг. Целью настоящего исследования является уточнение лексического потенциала рассматриваемых текстов в терминах вариативности. Для достижения намеченной цели, прежде всего, необходимо проанализировать лексико-терминологическую составляющую профессионально ориентированных медиатекстов, поскольку «термин – это основной понятийный инструмент языка для специальных целей» [6, 211]. При анализе использовались методы дефиниционного и контекстуального анализа, дискурс-анализа, приёмы математических подсчётов.

Отличительной особенностью обследованных текстов по экономической проблематике является наличие, кроме общеупотребительной лексики, широкого терминологического поля, включающего две основные группы терминов. Первая группа включает в себя базовые экономические понятия, а другая – профессиональную лексику из более узкой области «финансы и банковское дело». Кроме того, нам показалось возможным выделить как отдельную подгруппу терминов названия валют. Как показали наши наблюдения, к наиболее частотным **базовым экономическим понятиям** можно отнести такие существительные, как: *business, capital, cost, consumption, crisis, consultants, companies, customers, deal, debts, deflation, demand, economy, economist, firms, funds, growth rate, industry, investment, investors, income, inflation, jobs, loans, money, output, seizure, services, takeover, operations, output, prices, product, recovery, recession, value, unemployment, wages.*

e.g. *On closer inspection, however, the economy is starting to perk up. ...most economists thought such growth was impossible at a time of deep global recession* [13, 75].

Группа **финансы и банковское дело**, соответственно, включает в себя следующие термины:

– *asset* – актив, авуар: собственность юридического или физического лица, имеющая денежную оценку;

– *balance sheets* – баланс компании: 1) активы и пассивы в разбивке по установленной форме на определенную дату; 2) отчёт о финансовом положении компании (активы должны равняться пассивам плюс средства акционеров);

– *bad-debt costs* – издержки по сомнительным долгам;

– *bid-ask spread* – 1) разница (спред) между ценами продавца и покупателя; 2) котировка ведущим участником рынка одновременно цен покупателя и продавца, по которым он готов вступить в сделку;

– *cash* – наличность, наличный: 1) наличные деньги; 2) статья в балансе, отражающая банкноты, монеты, чеки и другие активы, приравненные к наличности; 3) наличная сделка, т. е. немедленный платеж;

– *carried interest* – валовая прибыль как доля выручки;

– *capital gains* – прирост капитала: положительная разница между вложенной суммой и суммой, полученной при реализации актива;

– *commission* – комиссия, комиссионный сбор: плата, взимаемая посредником с клиента за совершение операции по его поручению или другую услугу;

– *currency* – 1) валюта, денежная единица; 2) деньги в обращении; денежные инструменты; 3) срок (векселя);

– *cost of capital* – стоимость капитала: стоимость финансовых ресурсов, используемых в результате принятия инвестиционного решения;

– *debt obligations* – долговое обязательство;

– *government bonds* – правительственная облигация, ценная бумага, выпускаемая правительством;

– *hedge funds* – хеджевый фонд; взаимный инвестиционный фонд, использующий технику хеджирования для ограничения риска потерь;

– *interest rate* – процентная ставка: плата за кредит в процентном выражении к сумме кредита в расчёте на один год;

– *income tax* – подоходный налог;

– *the implicit subsidy* – неявная субсидия, скрытая субсидия;

– *liabilities* – обязательство, задолженность, пассив; денежные и иные ресурсы, которые данное юридическое лицо кому-то должно;

– *private equity* – частный акционерный капитал;

– *securities* – ценные бумаги;

– *share(s)* – доля, часть: 1) акция, участие в капитале компании: ценная бумага, дающая право на долю в акционерном капитале компании и на пропорциональную часть прибыли и остатка активов при ликвидации...; право собственности представлено сертификатом акции; 2) пай, акция во взаимном фонде, кооперативе, кредитном союзе, строительном обществе; 3) участие в товариществе;

– *shareholder* – акционер;

– *venture capital* – «рисковый» («венчурный») капитал, вкладываемый в проекты с повышенным уровнем риска.

e. g. More concerning is the effect on their assets and liabilities [16, 76].

The bill suggests changing this and taxing 75% of carried interest as income and 25% as capital gains, starting in 2013 [17, 79].

Примеры контекстных употреблений дают более отчётливую картину тематической дифференциации терминов. Вместе с тем следует заметить, что разделение терминов на две подгруппы условно: такие лексические единицы, как *cash*, *share(s)*, *shareholder*, *hedge funds* и некоторые другие могут быть отнесены как к базовым экономическим понятиям, так и к терминологическому полю «финансы и банковское дело». Диффузию терминов из одной области в другую отмечают и исследователи других специальных текстов.

Н.В. Романенко, Г.В. Никитина утверждают, что «представления о строгой фиксации термина несколько отличаются от реального его использования» [7, 80]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что наряду с терминами, семантика которых ограничивается только одним значением, в нашей выборке были обнаружены и термины, значение которых в рассмотренных нами текстах определяется профессионально ориентированным контекстом, что «является отличительной чертой динамично развивающейся терминосистемы» [10, 2]. Если такой термин является частью заголовочного комплекса, то его употребление стимулирует интерес к предлагаемому для ознакомления материалу. Например, одна из статей в журнале за 2.07.09 содержит в заголовочном комплексе (ЗК) термин *securitization*:

Securitisaton

The Torpor of the TALF

NEW YORK

A much-trumpeted facility falls victim to politics [14, 68].

Словарь предлагает следующие дефиниции данного термина:

1) «секьюритизация»: процесс повышения роли различных видов ценных бумаг как форм заимствований по сравнению с банковскими кредитами;

2) трансформация банковских кредитов и других активов в рыночные ценные бумаги для продажи инвесторам; это может быть «переупаковка» мелких ипотек, автомобильных кредитов, поступлений по кредитным карточкам в рыночные ценные бумаги;

3) стирание различий между рынком банковских кредитов и рынком ценных бумаг [9, 365].

Корректный выбор варианта интерпретации определяется контекстом и зависит, в данном случае, от адекватного восприятия профессионального текста, к которому относится данный заголовок в целом. Это предполагает, что адресат сообщения владеет определённым объёмом экстралингвистической информации соответствующего содержания. Поскольку авторы информацион-

но-аналитических статей по экономической проблематике допускают, что не все читатели обладают необходимым багажом профессиональных знаний, то они зачастую используют приём прямого толкования термина в тексте, справедливо полагая, что это самый надёжный способ объяснить его значение:

– *They tested responses to five different price frames: “drip pricing”, where only part of the price is revealed at first and extra charges are levied as the sale progresses, “sales”, where the price is contrasted with a higher price (was \$2, now \$1) ... [16, 82].*

Любое средство массовой информации отличается прагматической установкой адресанта, назначение которой – спровоцировать ответную реакцию читателя, с одной стороны, а с другой – привлечь внимание максимально широкой аудитории. Использование терминологических единиц с широкой семантикой обеспечивает реализацию этой прагматической установки.

Следует подчеркнуть, что интенсификация процесса креолизации современного профессионально ориентированного текстового пространства и взаимодействие вербального и иконического элементов текста объективно способствуют повышению эффективности профессиональной коммуникации, что, в свою очередь, обеспечивает оперативное решение прикладных задач в сфере экономики. Поскольку структура профессионального текста по экономической проблематике реализуется по стереотипным композиционным образцам, то ЗК, являясь неотъемлемой частью изучаемых автором медиатекстов, не только участвует в создании лексико-семантического поля статьи и определяет её тематику, но и задаёт тексту определённую оценку. При этом термины, которые актуализуются в данном тексте, как нам представляется, приобретают некоторое коннотативное значение, что можно проследить уже на примере предложенного ЗК:

The Federal Reserve

The hedge fund of Foggy Bottom

Washington, DC

If you do not adjust for risk, the Fed is

making good money for Uncle Sam [14, 71], – в состав которого входят, наряду с терминологическим словосочетанием *hedge fund*, прецедентные имена *The Federal Reserve (the Fed)*, *Uncle Sam*, *Foggy Bottom*. Последнее является слэнговым наименованием государственного департамента США. Поскольку в круг задач Государственных структур не входит получение максимальной прибыли, а под «хеджевыми» фондами подразумеваются спекулятивные фонды, нацеленные непосредственно на получение максимальной прибыли в любых условиях, то ЗК, как нам представляется, привносит в текстовое пространство, где даётся анализ сложившейся ситуации, некоторый оттенок иронии, который, как нам представляется, распространяется и на включённые в него термины.

Мы уже отмечали тот факт, что **названия валют** достаточно широко представлены вербально и иконически в текстах по экономической проблематике. Мы полагаем, что это позволяет выделить их в отдельную подгруппу терминов: *dollar, the greenback* (доллар США), *euro, China's yuan, yen, pound, Swiss franc, Thai baht, Korean won, New Taiwan dollar, Singapore dollar, Indonesian rupian, Indian rupee, the ringgit (ringgit – новое название малазийского доллара), dong* (денежная единица Вьетнама). Употребление терминов данной подгруппы в равной степени уместно как в профессиональных текстах по экономической проблематике, так и в повседневной жизни рядового обывателя.

e.g. *On the past two weeks, the risk-trade basket has had the worst of it: the Australian dollar, for example fell by 6% against the yen in the course of just four days* [15, 75].

В большинстве случаев доллар США, евро и юань вводятся в текст посредством иконических символов. Наиболее широко как в иконическом формате, так и вербально в обследованных медиатекстах представлены обозначения американской валюты, за ней следует евро и юань.

– *In the first round, however, a mere \$4.7 billion of loans were requested* [11, 76];

– *The government's liquidity package of up to €9 billion (\$12 billion), <...>* [12, 69];

– *<...> the government proposed in 1995 spending a mere ¥685 billion (\$7 billion) to take over the problem loans <...>* [13, 76].

При этом указание на финансовый показатель в евро, фунтах, йенах или другой валюте достаточно часто дублируется его долларом эквивалентом, что свидетельствует о том, что доллар США по-прежнему остаётся «валютой №1» в мире, несмотря на очевидное усиление влияния зоны евро и юаня.

В рассматриваемых нами текстах доля специальной лексики составляет приблизительно от 10 до 15 процентов. В рамках рассмотренной терминологической группы неизменяемые существительные составили незначительную группу – около 6% от общего количества единиц, вошедших в корпус выборки: *firm, yen, cost, deal*. Для производных существительных наиболее характерна суффиксация: *banking, charity, pricing* – 60% – и, в меньшей степени, префиксация: *outlays, proceeds, income* – 14%.

Наиболее широко среди существительных были представлены единицы семантического поля АГЕНТ (лицо по свойственному ему занятию или проводимому действию). В рассмотренных нами текстах выделена 41 единица. При этом наиболее продуктивным в данной группе оказался суффикс *er*: *bankers, bidder, borrower, consumers, customer, lenders, managers, saver* (37% от общего количества). Среди сложных существительных самой распространённой оказалась модель словосложения N+N: *share+holder, chair+man, eurozone*, по которой образуется большинство терминологических единиц в рассмотренных нами профессиональных медиатекстах. Ю.И. Апалько описывает сходную ситуацию в изучаемой ею предметной области «защита информации» [1, 66], утверждая, что «достоинством слов, образованных основоположением, является то, что они не имеют омонимичных словосочетаний» [1, 64]. Наиболее многочисленную группу терминологической лексики составляют словосочетания. Г.А. Дианова [5, 97] и Г.В. Демидова

[4, 15] также отмечают, что синтаксический способ образования терминов обладает высокой степенью продуктивности. В исследуемых текстах представлены словосочетания, включающие от двух (около 80%) и более компонентов различной частеречной принадлежности: *venture capital, housing policy, pension investment funds*. Абсолютное большинство двучленных словосочетаний (40%) образуется по модели N+N: *drip pricing, government bonds, performance fees*; следующую позицию (37%) занимает модель Adj+N: *listed partnership, implicit subsidy, banking crisis*. Зачастую в состав двучленных или трёхчленных словосочетаний, относящихся как к специальной, так и общеупотребительной лексике, входят сложные слова, для которых характерно написание через дефис: *short-term interest rate* – ставка процента по краткосрочным займам, *bail-out package* – пакет мер, направленных на выход из сложной экономической ситуации, *quantitative-easing programmes* – программы по смягчению денежно-кредитной политики.

На основании полученных результатов исследования нам представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Англоязычные профессиональные медиатексты по экономической проблематике относятся к одному из сегментов структуры более крупного образования, а именно – экономического дискурса.

2. Терминологическое пространство изучаемых нами медиатекстов включает две основные группы терминов: базовые экономические понятия, финансы и банковское дело, а также отдельную подгруппу, в которую входят названия валют, реализуемые в анализируемом текстовом пространстве как вербально, так и иконически.

3. Языковое представление специальных понятий из раздела “Finance and Economics” современного авторитетного англоязычного издания “The Economist” направлено на то, чтобы обеспечить доступность терминологии не только для профессионалов в области экономики, финансов и банковского дела, но и для более широкой аудитории.

4. В языке профессиональных медиатекстов по экономической проблематике преобладают синтаксические дериваты. Терминологическое образование происходит по ограниченному списку деривационных моделей, характерных для литературного английского языка.

5. Под воздействием экспрессивно-оценочной лексики термины в качестве ключевых маркеров англоязычных профессиональных медиатекстов по экономической проблематике обладают способностью приобретать коннотативное значение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апалько Ю.И. О терминах-композициях предметной области «Защита информации» // Известия ВПГУ, 2008. № 10. С. 64-67.
2. Блох М.Я. Семь жизней текста / М.Я. Блох // Проблемы лингвистики. 1999. № 6. С. 7-9.
3. Гурьева З.И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: к созданию интегративной теории (на материале текстов на русском и английском языках): Дисс. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2003. 446 с.
4. Демидова Г.В. Структурно-семантические характеристики англоязычной переводоведческой терминологии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2011. 23 с.
5. Дианова Г.А. Термин и понятие: проблемы эволюции (к основам исторического терминоведения). 2-е изд., переработанное и дополненное. М.: Р. Валент, 2010. 159 с.
6. Кузовкова И.В. Термин – единица языкового и специального знания // Ученые записки Российского государственного социального университета, 2009. № 6. С. 210-216.
7. Романенко Н.В., Никитина Г.В. Динамика развития научно-технических терминов. Возникновение новых терминов // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 3. С. 80-89.
8. Тер-Минасова С.Г. Предисловие // Функциональная стратификация иностранных языков / под редакцией С.Г. Тер-Минасовой. М., 1987.
9. Федоров Б.Г. Англо-русский банковский энциклопедический словарь. СПб.: Лимбус Пресс, 1995. 496 с.
10. Шетле Т.В. Англоязычная терминология банковского дела в языковой системе и речевой практике: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 23 с.
11. The Economist, March 28th. 2009.
12. The Economist, April 4th. 2009.
13. The Economist, April 18th. 2009.
14. The Economist, May 2nd. 2009.
15. The Economist, May 15th. 2009.
16. The Economist, May 29th. 2010.
17. The Economist, June 5th. 2010.

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

УДК 811.111

Брунов А.В.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*

АСТРОТОПОНИМЫ В СФЕРЕ ЯЗЫКОВОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

A. Brunov

State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov

ASTROTOPONYMS IN WORD-STOCK OF CONTEMPORARY ENGLISH

Аннотация. В статье рассматривается дифференциация словарного состава языка по неоднозначному выражению логического и чувственного восприятия действительности. Ведущим принципом в данной дифференциации является принцип наличия или отсутствия остаточного значения, который обнаруживает себя в процессе синтаксической сочетаемости. На основании разделения слов по их синтаксической принадлежности к трём основным типам лексики (конкретизированному, ассоциативному и синтезированному) показана степень соотношения астротопонимов с каждым из данных типов и объяснена роль модальных слов как связующего звена, неоднозначно соединяющего астротопонимы с ассоциативными указателями пространственной локализации объекта.

Ключевые слова: лексический состав языка, астротопоним, слова первичной репрезентации, слова вторичной репрезентации; конкретизированный, ассоциативный, синтезированный типы лексики; междометие, модальное слово, пространственные координаты.

Abstract. The article deals with the differentiation of vocabulary in accordance with distinctive features arising in representing logical or emotional perception of reality. The leading principle underlying this differentiation is the presence or absence of a special distinctive meaning. The principle reveals itself in syntactical combinative power of words. On the basis of syntactic division of words into three main types (concretizing, associative and synthesized) it became possible to reveal the degree of correlation of each type of the astrotoponyms as well as explain the role of modal words that serve to link astrotoponyms with the associate indicators of the object space localization.

Key words: word-stock, astrotoponym, words of the first representation, words of the second representation, concretizing type of lexis, associative type of lexis, synthesized type of lexis, interjection, modal word, space coordinates.

Серьёзное внимание в современной лингвистике уделяется проблеме классификации словарного состава языка по его терминологической и нетерминологической отнесённости. Цель данной статьи заключается в рассмотрении астротопонимов с позиции их отнесённости к определённым типам лексики.

Лексический состав языка включает в себя три типа лексики:

- 1) конкретизированный;
- 2) ассоциативный;
- 3) синтезированный [1, 125].

Деление на эти типы предполагает неоднозначность их взаимодействия с логическим и чувственным факторами восприятия действительности, которая фиксируется нашим сознанием по линии: «от живого созерцания к абстрактному мышлению». Следовательно, лексические единицы – неоднородны, так как в основе их отражательного свойства лежит принцип непосредственного или опосредованного отражения, каждый из которых создаёт свою ступень: чувственная ступень даёт непосредственную соотносённость с объектом (земным, водным или космическим), а логическая формирует опосредованную ступень. Особенностью этой второй ступени оказывается её многоаспектность, поскольку наряду с восприятием самого объекта (или небесного тела, как в нашем случае) в это осознание вплетается связанная с ним система отношений. Поэтому сам характер восприятия зависит от таких трёх факторов, как:

- 1) непосредственная или опосредованная связь;
- 2) направленность этой связи на сам объект или на ту систему отношений, в которой данный объект находится;
- 3) единство чувственной и логической системы, когда они воспринимают объект как результат своего синтеза или как разобщённость этих ступеней, когда каждая из них существует как бы в своей самодостаточности [2, 89].

В связи с этим не случайно, что вопрос о внутренней природе слова до сих пор всё ещё

остаётся открытым в лингвистике, и обусловлено это следующим:

- во-первых, исторически его решение связано со ступенчатостью образования каждого слова как единицы лексического состава языка;
- во-вторых, вытекающей из этого факта неоднозначностью соотношения слова с объектом земной или околоземной действительности, который, будучи отражён в слове согласно внутренним закономерностям языкового функционирования, должен быть зафиксирован в языке одним из вышеназванных типов словарных единиц.

С этих позиций перейдём к рассмотрению первого типа слов – конкретизированного. Данный тип включает в себя слова, созданные в результате своеобразно преломлённого в сознании говорящих единства чувственной и логической ступеней, возникшего в итоге непосредственной или опосредованной корреляции с объектом, при которой, как отмечалось выше, создаются полнозначные единицы словарного состава языка.

При этом непосредственная соотносимость формирует такие слова, которые как бы полностью идентифицируют объект, то есть дают его безостаточную языковую соотносимость с действительностью (типа *star*, *planet*, *galaxy* etc.), где слово называет объект и тем самым формирует в сознании его образ.

Опосредованная соотносимость, в отличие от непосредственной, даёт соотношение не с объектом, а с одним или несколькими свойствами, отвлечёнными от объекта и способными характеризовать не только какой-то данный объект, но и многие другие, даже не имеющие к нему прямого отношения (типа *burning Sun*, *Blue star*, *invisible Galaxy*, *Black hole*, *Small satellite*).

Слова, образованные по безостаточному принципу, являются словами первичной репрезентации, а слова, образованные по противоположному ему остаточному принципу, напротив, оказываются словами вторичной репрезентации.

В ходе нашего исследования возникла необходимость отметить следующее:

I. Слова вторичной репрезентации образуются: а) на основе выделения остатка (типа цвета, размера, качества и т. д.); б) такой остаток может быть наложен на любой другой объект, обладающий теми же качественными или количественными признаками (типа *invisible (star)*, *blue (sky)*, *Big (Bear)* etc.).

II. Слова первичной репрезентации, то есть не имеющие остатка, а характеризующиеся непосредственной соотносимостью с объектом, не обладают способностью переноса на другие объекты. Однако в их число входят словарные единицы вокабуляра, конкретизированные по своей сути, но составляющие своего рода исключения в типе конкретизированной лексики.

К ним относятся: во-первых, метафоры (типа *Ass*, *Rose*, *Planet* etc. – в характеристике человека или обращения к нему); во-вторых, термины как единицы, возникшие в результате полного и безостаточного переноса имени одного объекта (реального или мифического) на другой объект. Это явление носит весьма распространённый характер в астротопониме (ср., например, *Jupiter*, *Venus*, *Mars*, *Perci and Andromed* etc.).

Теперь в общих чертах охарактеризуем два других типа лексики – ассоциативную и синтезированную – в их отношении к астротопонимам. Ассоциативный тип (часто именуемый *связующим*), как отмечалось, не имеет той непосредственной или опосредованной соотносимости с объектом, которая присуща конкретизированному типу. В отличие от последнего, единицы ассоциативной лексики не называют объект, а определяют систему отношений, в основном, пространственного характера, в которой объект находится или может находиться (типа *below the Earth*; *within the Solar system*; *across the Moon*, *near the Constellation of Running Dogs* etc.). Таким образом, не называя сам объект, ассоциативная лексика связывает (то есть ассоциирует) его с теми конкретными пространственными отношениями, в которых объект действительно находится или может находиться. Поэтому слова модального ряда, на наш взгляд, также отно-

сятся к ассоциативному типу, поскольку они, не называя объект (или даже целую речевую ситуацию), способны представлять его в возможном, невозможном или обязательном планах (типа *maybe*, *perhaps*, *obligatory*, *hardly*, *scarcely* etc.). Сочетание модальных слов с конкретизированным объектом может идти через ассоциативные единицы пространственного характера, которые относятся как к астротопонимам, так и к геотопонимам, и к гидротопонимам, которые не всегда должны быть названы, а могут подразумеваться, будучи контекстуально выводимыми.

Ср.: *maybe across* → the Solar system, *maybe across* → the town of Glasgow, *maybe across* → the Atlantic Ocean или *perhaps below* → the Constellation of Running Dogs, *perhaps below* → the Elbrus, *perhaps below* → the Elbe и т. д.

В такого рода сочетаниях точность пространственной ориентации оказывается смазанной, или – иначе – приблизительной.

Третий тип слов – синтезированный – строится по принципу разрыва чувственной и логической ступеней. В результате чувственная ступень порождает такую непосредственную соотносимость с объектом, когда человек использует междометия как дословесные знаки. Благодаря этому создаётся тот временной вакуум, который позволяет ему собраться с мыслями, чтобы прийти к определённому логическому заключению и выразить свои мысли с помощью конкретизированных и ассоциативных слов.

Надо особо отметить, что количество междометий как синтезированных единиц (называемых «сенсатами») в языке невелико (типа *Oh*, *oh*, *alas*, *woe*, *ah*). Они используются в разных интонациях, которые чётко ограничены в своих фонетических рисунках [3, 50].

Логические единицы тоже немногочисленны. Это так называемые слова-агглютинаты, то есть «приклейки» к высказываниям (типа *certainly*, *of course*, *absolutely*), и относящиеся к ним слова утверждения и отрицания “Yes”, “No”. Данный подвид лексики сближается с ассоциативными словами, формируя линию, конечными единицами которой с положительным или отрицательным потенциалом

являются слова “Yes” и “No”, а срединными составляющими выступают модальные слова, передающие недостаточность информационных знаний для формирования завершённого вывода.

Таким образом, модальные слова выступают своеобразным связующим звеном, соединяющим ассоциативную и синтезированную лексику в их отношении к конкретизированной. Это положение представляется нам особо важным при анализе астротопонимов, пространственный характер которых, будучи связан, с одной стороны, с обязательной информацией локально-распределительного характера, требует указания на местоположение космического объекта (типа *below, far, beyond* etc.), а с другой стороны – требует максимальной точности в представлении такой информации, поскольку её недостаточность, не позволяя дать определённое заключение, равно утверждению “Yes” или

отрицанию “No”, выражается через одно из слов модального ряда, приближающего эту информационную базу к одному из оппозиционных суждений, то есть либо к “Yes”, либо к “No”. Это обстоятельство позволяет нам утверждать, что модальные слова играют особую роль, поскольку при выражении пространственных координат они сближают ассоциативную лексику с синтезированной.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кошечая И.Г. Курс сравнительной типологии английского и русского языков. М.: Высшая школа, 2008. 338 с.
2. Свиридова Л.К. Грамматические связи некоторых конкретно-пространственных существительных в языке и речи. М.: КД, 1998. 191 с.
3. Свиридова Л.К. К вопросу о синтаксических связях междометий // Актуальные проблемы языкового образования в 21 веке / Сб. материалов научной конференции. М.: РИЦ МГУ им. М.А. Шолохова, 2009. Вып. III. Ч. 2. 55 с.

УДК 811.11-112

Зимин С.В.

Московский педагогический государственный университет

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ С –ING-ОКОНЧАНИЕМ

S. Zimin

Moscow Pedagogical State University

GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS OF VERB FORMS WITH -ING ENDING

Аннотация. В работе исследуются грамматические трансформации ing-конструкций, не имеющих аналогов в русском языке. Ing-формы в английском языке выполняют очень важные функции: построение причастия, герундия, отглагольного существительного. Проблемы, связанные с передачей глагольных форм, вызваны значительным расхождением в их характере и употреблении в английском и русском языках. Данный анализ содержит теоретическую информацию, а также некоторые практические советы и рекомендации для переводчиков. Это имеет свою практическую ценность и может быть использовано как справочный материал в разработке спецкурсов и семинаров для факультетов межкультурной коммуникации и в практике преподавания перевода.

Ключевые слова: трансформация, перевод, герундий, причастие, отглагольное существительное, ing-форма.

Abstract. This work aims to study grammatical transformations of ing-constructions that have no analogues in the Russian language. Ing-forms in English implement very important functions: construction of participles, gerunds, verbal nouns. Problems associated with the translation of verbal forms are caused by significant discrepancies in their nature and usage in the English and Russian languages. This analysis includes theoretical information, as well as some practical tips and recommendations for interpreters. All this has its practical value and can be used as reference material in developing courses and seminars for the faculties of intercultural communication as well as in teaching techniques of translation.

Key words: transformation, translation, gerund, participle, verbal noun, ing-form.

Трансформации – неотъемлемая часть перевода. Следовательно, переводчик прибегает к трансформациям, в частности грамматическим, чтобы передать смысл информации на языке перевода.

«Задача переводчика, – по словам Комиссарова, – осложняется тем обстоятельством, что в предложении многие грамматические явления могут иметь и чисто формальные функции, не существенные для перевода, и важные смысловые функции, которые обязательно должны быть переданы в русском переводе» [3, 7].

А.Д. Швейцер высказывался по этому поводу следующим образом: «Переводчик неизбежно привносит в процесс перевода свои собственные характеристики. Это сказывается и на этапе интерпретации исходного текста, и на этапе создания нового текста на языке перевода. К этим характеристикам относится верность переводчика определённой культурной традиции, его собственное творческое и эстетическое кредо, его связь с собственной эпохой, и, наконец, та конкретная задача, которую он сознательно или неосознанно ставит перед собой. Личность переводчика находит своё проявление в его коммуникативных установках» [4, 99].

© Зимин С.В., 2011.

Иными словами, трансформации – это способы перевода, которые переводчик может использовать в тех случаях, когда эквивалентная форма высказывания в языке перевода отсутствует или не подходит по контексту. Чаще всего данный способ используется переводчиками для достижения максимальной адекватности перевода, ввиду чего субъективный фактор возрастает.

По словам В.Н. Комиссарова, грамматические трансформации, которым непосредственно и посвящена наша работа, – это способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу языка перевода с иным грамматическим значением. Замена может подвергаться грамматическая единица исходного языка любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определённого типа.

Грамматическая замена как особый способ перевода подразумевает не просто употребление в переводе форм переводного языка, а отказ от использования форм переводящего языка, аналогичных исходным, замену таких форм на иные, отличающиеся от них по выражаемому содержанию (грамматическому значению) [3, 54].

А.Д. Швейцер определял грамматические трансформации как «трансформации, при которых преобразуется формальная структура высказывания и остаётся неизменным констатирующий его смысл набор сем» [4, 118].

Итак, грамматические трансформации заключаются в преобразовании структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами переводного языка.

В связи с этим -ing-конструкции, несомненно, представляют сложность для перевода, поскольку в русском языке отсутствуют эквивалентные грамматические конструкции. Мы решили произвести анализ примеров грамматических трансформаций глагольных форм, содержащих -ing-конструкции, на русский язык на материале художественных произведений английских и американских писателей (J. Steinbeck, G. Greene, S. Maugham, J. Joyce, M. Mitchell и др.) и в результате получить возможные способы пе-

ревода герундия, причастия и отглагольного существительного.

Герундий – наиболее интересное для нас явление, поскольку не имеет аналога в русском языке, что, естественно, вызывает затруднения при переводе. Проведённое исследование 626 примеров трансформаций показало, что герундий, в подавляющем большинстве, переводится нами соответственно традиционным способам [1, 214; 2, 274] (Indefinite Active, содержащий в себе -ing-элемент), а именно:

1) именем существительным в 20,8 процентах случаев:

*And he stood alone in his interest in books and music and his fondness for **writing** poetry.*

*А в своем увлечении книгами, музыкой и **писанием** стихов он был совершенно одинок.* (Margaret Mitchell. *Gone With The Wind*);

2) инфинитивом в 43,4 процентах случаев:

*I knew that I was under observation, so I continued **eating** as if the news had not interested me.*

*Я знал, что за мной наблюдают, а поэтому продолжал **есть**, как будто это известие совсем не интересовало меня.*

(James Joyce. *Dubliners*) [7];

3) деепричастием в 18,9 процентах:

*It was like a trick you do with a blackboard. Draw a dog in one line without **lifting** the chalk – and the answer, of course, is a sausage.*

*Это было похоже на шуточную задачу: нарисуйте собаку одним росчерком, не **отрывая** мела от доски. Получается самая настоящая сосиска.*

(Graham Greene. *The Power And The Glory*) [6];

4) процент перевода герундия сказуемым придаточного предложения, которое часто начинается словами *то, что* (*чтобы*), составляет 15,1:

*‘The Rev Davidson has been at me for **letting** Miss Thompson have a room here,’ he said, ‘but I didn’t know what she was when I rented it to her’.*

*Преподобный Дэвидсон напустился на меня за **то, что я сдал** комнату мисс Томпсон, – сказал он. – Но ведь я же не знал, кто она, когда договаривался с ней.*

(W. Somerset Maugham. *Rain*) [8].

Один случай из найденных является авторской индивидуальной трансформацией и переводится личной формой глагола:

*But the rain showed no signs of **stopping**, and at length with umbrellas and waterproofs they set out.*

Но дождь все **не ослабевал**, и в конце концов они тронулись в путь, накинув плащи и взяв зонтики.

(W. Somerset Maugham. Rain) [8].

Этот случай перевода личной формой глагола не «попадает» под традиционную классификацию перевода герундия [1, 214; 2, 274], поэтому переводчик предлагает свою индивидуальную трансформацию. При этом смысл фразы остался тем же самым, а перевод предложения соответствует нормам русского языка.

Причастие, содержащее -ing-элемент, традиционно переводится на русский язык тремя следующими способами:

1) причастием (в том числе причастным оборотом), что составило 37,1 процентов из 626 примеров:

*His **deepening** frown alone showed that he had heard.*

Только по еще более **помрачевшему** лицу можно было догадаться, что он ее слышал.

(W. Somerset Maugham. Rain) [8];

2) деепричастием (в том числе деепричастным оборотом) – 42,6 процентов:

***Fixing** the glasses on her nose she looked at the green island with a ruthless stare.*

Поправив пенсне, она устремила на зеленый остров беспощадный взгляд.

(W. Somerset Maugham. Rain) [8];

3) процент перевода причастия глаголом в личной форме в составе придаточного предложения составил 13,2 процента:

*And Kino saw Kino in the pearl, Kino **holding** a Winchester carbine.*

И Кино увидел Кино в жемчужине – Кино, **который держал в руках** винчестер.

(John Steinbeck. Pearl) [9];

Sometimes, **instructing** children in the old days, he had been asked by some black lozenge-eyed Indian child: "What is God like?"

В прежние времена, **когда он обучал** детей, какой-нибудь смуглый мальчик-индеец

с длинным разрезом глаз, бывало, спрашивал его: "А какой он, Бог?"

(Graham Greene. The Power And The Glory) [6].

В ходе исследования мы обнаружили четвертый, авторский способ перевода причастия – именем прилагательным, – который составляет 4,6 процентов случаев перевода:

*Such a **glowing** morning usually called Scarlett to the window, to lean arms on the broad sill and drink in the scents and sounds of Tara.*

В такое **ослепительное** утро Скарлетт обычно сразу подбегала к окну и, положив локти на подоконник, впитывала в себя ароматы и звуки Тары.

(Margaret Mitchell. Gone With The Wind).

Переводчик использует свою индивидуальную трансформацию. Закономерности сочетаемости русского языка предлагают в качестве определения утра именно прилагательные, поскольку их можно отнести к списку основных, устоявшихся определений утра. Сохранение же причастия при переводе могло внести оттенок случайности и непостоянности признака.

От герундия и причастия необходимо отличать отглагольное существительное, которое, в отличие от герундия, не имеет никаких глагольных признаков и обладает только свойствами существительного.

Отглагольное существительное практически всегда переводится на русский язык именем существительным (97,2 процента):

*They lay side by side with their eyes wide open, listening to the cruel **singing** of the mosquitoes outside their curtain.*

(W. Somerset Maugham. Rain) [8];

Они лежали рядом и с **открытыми** глазами слушали злобное **пение** moskitov над сеткой.

*Aunt Joanna was very strict in her Wesleyanism, and bitterly hostile to all such carnal amusements as **dancing** and **play-acting**.*

(Sabine Baring-Gould. Aunt Joanna) [5, 102].

Тётка Джоанна была из уэслианских методистов, очень правозверная, о суетных развлечениях, **танцах** там или **лицедействе**, и слышать не хотела.

И лишь 2,8 процента составляет перевод глаголом в личной форме, 1 случай из 80, и является авторской индивидуальной трансформацией:

Inside it was dark from the knees upwards: there was no flame on the floor, just a slow burning away.

Внутри, выше колен, было темно; огонь на полу не горел, только что-то медленно тлело.

(Graham Greene. *The Power And The Glory*) [6].

В данном случае отглагольное существительное стоит в функции составного именного сказуемого. Можно было бы перевести отглагольное существительное в соответствии с традицией – именем существительным «*тление, горение*». Однако такой вариант перевода не отвечает требованиям грамматики русского языка, и в рамках этого контекста переводчик сделал правильный выбор в пользу перевода конструкции «...*there was no flame...*» полноценным предложением и отглагольного существительного – глаголом в личной форме, создав, таким образом, сложносочинённое предложение с выделительно-ограничительным значением. Сохранение же имени существительного при переводе могло внести оттенок случайности и неестественности.

Исходя из результатов проведённого исследования, была построена диаграмма, которая наглядно показывает, какими способами переводятся -ing-конструкции на русский язык (рис. 1).

Ing-конструкции и способы их передачи на русский язык очень широко используются в английском языке, так как позволяют избежать использования сложноподчинённых предложений, тем самым в значительной мере упрощая письменную и устную речь.

Трудность заключается в том, чтобы выбрать адекватный вариант перевода, ведь задача и умение переводчика состоит в том, чтобы в каждом конкретном случае найти наиболее подходящий способ перевода. Этот коммуникативный успех зависит в большей степени от того, насколько правильно переводчик выбирает способ перевода, использует соответствующие трансформации и определяет единицы перевода.

Трудность заключается в том, чтобы выбрать адекватный вариант перевода, ведь задача и умение переводчика состоит в том, чтобы в каждом конкретном случае найти наиболее подходящий способ перевода. Этот коммуникативный успех зависит в большей степени от того, насколько правильно переводчик выбирает способ перевода, использует соответствующие трансформации и определяет единицы перевода.

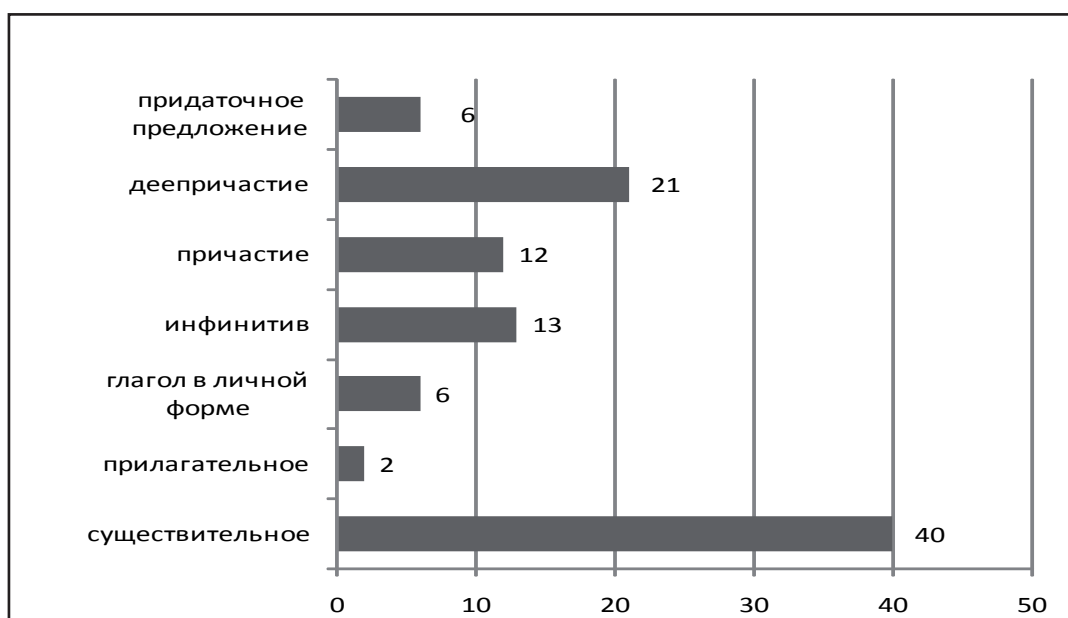

Рис. 1. Количественная характеристика грамматических трансформаций при переводе -ing-конструкций с английского языка на русский по материалам художественных произведений.

Помимо этой проблемы, существенную трудность заключает в себе схожесть форм *-ing*-конструкций. Для нас это осложняется ещё и тем, что в русском языке отсутствует такая грамматическая категория, как герундий.

Для того чтобы перевод *-ing*-конструкций был адекватным, необходимо различать их между собой, видеть их синтаксические позиции, которые они занимают в предложении, и не только знать и использовать традиционные способы их перевода, но и уметь находить альтернативные способы перевода, не противоречащие нормам языка, на который осуществляется перевод.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дмитриева Л.Ф., Кунцевич С.Е., Мартинкевич Е.А., Смирнова Н.Ф. Английский язык. Курс перевода. М.: MapT, 2005. 304 с.
2. Качалова К.Н., Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами. М.: Каро, 2007. 608 с.
3. Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. М., 1965. 286 с.
4. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М., 1973. 310 с.
5. Baring-Gould Sabine. Aunt Joanna. A Book of Ghosts, 1905 (Сэбайн Бэринг-Гулд. Тетка Джозанна. Перевод Л. Бриловой). Клуб привидений. СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008. 352 с.
6. Greene Graham. Power and the Glory [Электронный ресурс] // Библиотека зарубежной литературы: [сайт]. [2010]. URL: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=771:-20-&catid=1:english&Itemid=3 (дата обращения: 25 февраля 2011 г.).
7. Joyce James. Dubliners [Электронный ресурс] // Библиотека зарубежной литературы: [сайт] [2010]. URL: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=771:-20-&catid=1:english&Itemid=3 (дата обращения: 25 февраля 2011 г.).
8. Maugham W. Somerset. Rain (Сомерсет Моэм. Дождь. Перевод И. Гурова. Авт.сб. "Каталина". Киев: Политиздат, 1990) [Электронный ресурс] // Библиотека зарубежной литературы: [сайт]. [2010]. URL: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=786:-bilingua-&catid=1:english&Itemid=3 (дата обращения: 25 февраля 2011 г.).
9. Steinbeck J. Pearl (Джон Стэйнбэк. Жемчужина. Перевод Н. Волжиной) [Электронный ресурс] // Библиотека зарубежной литературы: [сайт] [2010]. URL: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=786:-bilingua-&catid=1:english&Itemid=3 (дата обращения: 25 февраля 2011 г.).

УДК 81'373.46

Казюлина М.А.

Московский педагогический государственный университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ POWER КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРМИНА В ПЕЧАТНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

M. Kazyulina

Moscow State Pedagogical University

FUNCTIONING FEATURES OF THE WORD POWER AS A POLITICAL TERM USED IN A NEWSPAPER MEDIATEXT

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям функционирования консубстанциональных терминов в политическом медиадискурсе на примере полисемичной лексемы power. Автор статьи выделяет основные семы этой единицы при помощи дефиниционного анализа. По результатам исследования употребления лексемы power в газетном материале выделяются ее морфологические и синтаксические признаки, на основании которых автор приходит к выводу, что в политическом медиадискурсе анализируемая лексема не только реализует четыре значения консубстанционального полисемичного термина, но и представляет собой четыре омонимичных термина.

Ключевые слова: ЯСЦ, медиатекст, политический дискурс, терминология, политический термин, консубстанциональный термин, омонимичный термин.

Abstract. The article is concerned with functioning features of consubstantive terms used in a political media discourse. The author of the article coins the main semes of this unit with the help of the analysis of its definitions. The survey of the usage of the polysemantic word 'power' in newspaper material reveals its morphological and syntactic features which makes it possible to come to a conclusion that the unit under analysis not only realizes four semes of the consubstantive term, but also represents four homonymous terms.

Key words: LSP, mediatext, political discourse, terminology, a political term, a consubstantive term, a homonymous term.

Исследование политического дискурса – одно из активно развивающихся направлений в современной науке. К нему обращаются представители разных областей научного знания, так как «борьба за власть является основной темой и движущим мотивом этой сферы общения» [5, 5].

Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как «речь, погружённую в жизнь» и предлагает изучать не дискурс сам по себе, а ту «форму», в которой он «зафиксирован» (репортаж, интервью, экзаменационный диалог, инструктаж, светская беседа и пр.) [1, 137].

Наиболее популярным источником текстов политического дискурса являются СМИ, и в первую очередь печатные СМИ, т. к. печатный материал доступен и удобен для лингвистического описания, а газета – старейшее средство массовой информации. Научное направление, в рамках которого изучаются тексты и язык СМИ, оформилось к концу XX в. и получило название «медиалингвистика». Среди самых известных западных исследователей медиалингвистики можно назвать Теуна ван Дейк, Мартина Монтгомери, Алана Белла, Нормана Фейерклафа, Роберта Фаулера и др. В России в развитие и становление медиалингвистики как науки внесли вклад такие ученые, как С.И. Бернштейн, А.Н. Васильева, В.Г. Костомаров, Б.В. Кривенко, И.П. Лысакова, Ю.В. Рождественский, Г.Я. Солганик, С.И. Трескова, Д.Н. Шмелев.

© Казюлина М.А., 2011.

Базовой категорией медиалингвистики стало понятие медиатекста, концепция которого наиболее полно в российском языкознании впервые была сформулирована в исследованиях Т.Г. Добросклонской (2000, 2005). Под медиатекстами понимаются тексты массовой информации, т. к. они приобретают «черты объемности и многослойности ... за счет совмещения вербальной части текста с медийными свойствами того или иного средства массовой информации» [3, 52].

Согласно концепции, предложенной Т.Г. Добросклонской, выделяются четыре типа медиатекста: новостные, информационно-аналитические (комментарий), публицистические (features) тексты и реклама. Данные тексты различны не только по топику (теме), но и по объему и функциям [3, 79].

Так, новостные тексты отличаются высокой степенью клишированности, что предполагает их «обезличенность», нейтральность и позволяет им реализовывать информативную функцию СМИ. Многие ученые (Т. ван Дейк, В.В. Варченко, Т.Г. Добросклонская) называют его базовым текстом в формировании содержания и структуры современного информационного пространства.

В отличие от новостей, информационно-аналитические тексты (комментарии) реализуют интерпретационную или идеологическую функции. Подобные медиатексты анализируют, комментируют, исследуют и истолковывают происходящие события и процессы. Их задача – анализ актуальных общественно значимых процессов, объяснение причинно-следственных связей между ними.

Медиатексты, относящиеся к группе «features» (публицистические тексты), – довольно развернутые статьи (от 400 до 2000 слов) с различным предметом отображения (от бизнеса и политики до спорта и шоу-бизнеса). От новостных текстов, которые информируют читателя, предоставляя стилистически нейтральную фактическую информацию, они отличаются тем, что реализуют рекреативную (развлекательную) функцию СМИ.

При прочтении политического медиатекста реципиент оказывается вовлеченным в

социальное пространство, в котором главенствующее место занимает политический дискурс и обслуживающий его язык. Изучение политического языка связано с решением проблемы его терминологичности, т. к. несмотря на сферу употребления – СМИ – политический дискурс все же является профессиональным, а язык, его обслуживающий, – языком для специальных целей (ЯСЦ). Однако политическая коммуникация опосредована СМИ, «вследствие чего язык политики оказывается лишенным свойства корпоративности, присущего любому специальному языку» [5, 21]. Иными словами, язык политики должен быть понятен широкому кругу читателей и не должен содержать сложные для понимания узкопрофессиональные термины.

По мнению В.М. Лейчика, термин – это слово естественного языка, выступающее в особой функции. Именно поэтому «одна и та же лексическая единица может существовать в языке и как термин, и как нетермин» [4, 27-29]. Подобные единицы вызывают ряд трудностей при выделении терминологической лексики из словарного состава языка, поскольку используются как в профессиональной, так и в быденной речи. По классификации С.В. Гринева-Гриневиича, они относятся к **консубстанциональным** терминам [2, 25]. Проиллюстрировать особенности употребления подобных единиц в газетном материале можно на примере лексемы **power** как часто встречаемого в медиадискурсе политического термина.

Анализ четырех англо-английских словарей общей лексики показал, что эта лексема имеет несколько основных значений, реализуемых в политическом дискурсе. Общие значения *strength, effectiveness* (сила, способность) и *energy, electricity* (энергия, электричество), а также узкоспециальные дефиниции, такие, как математический или физический термины («степень» и «увеличительная мощность линз» соответственно), в данной статье не рассматриваются.

Так, словарь **Concise Oxford English Dictionary** (2008) – предлагает 4 значения:

1) the capacity to influence the behavior of others, the emotions, or the course of events;

2) political authority or control;

3) a right or authority given or delegated to a person or body;

4) a country viewed in terms of its international influence and military strength,

Longman Dictionary of Contemporary English (2006) – 5 значений:

1) the ability or right to control people or events;

2) the position of having political control of a country or government;

3) the right or authority to do something;

4) the number of planes or ships that a country has available to use in a war;

5) a country that is strong and important and can influence events, or that has a lot of military strength,

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (2007) – 4 значения:

1) the ability to influence or control what people do or think;

2) political control of a country or government;

3) official or legal authority to do something;

4) a country that is able to influence other countries because of its economic or military strength.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of current English (1995) – 4 значения:

1) control over others;

2) political control, rule;

3) a right possessed by or given to a person or group; authority;

4) a person, group or state with great authority or influence.

Таким образом, как видно из дефиниционного описания, у лексемы **power** обнаружены четыре основные семы, или, по терминологии В.Г. Гака, архисемы:

1) *control* – the ability or right to control people or events;

2) *political control* – the position of having political control of a country or government;

3) the *right or authority* to do something;

4) *a strong country*.

Для настоящей статьи было отобрано 300 случаев употребления лексемы **power** в

текстах статей журнала **The Economist**. Материалом послужили новостные и информационно-аналитические медиатексты, относящиеся к теме «политика».

Исследование показало, что в политическом медиадискурсе лексемой **power** реализуются четыре указанные архисемы:

1) *control* – Given the voracious demand for drugs north of the border and **the power** of the trafficking gangs, the bill might not fulfil its aims [10, 59]. – Законопроект, благодаря которому к северу от границы возник ненасытный спрос на наркотики, а у наркоторговцев – **контроль** над перевозкой, возможно, не сможет достичь своих целей (*перевод наш - М.К.*).

2) *political control* – The political landscape in Myanmar is also altered, even if the first election for 20 years, held on November 7th, were designed to strengthen the **grip on power** of the ruling junta, whose party has claimed a massive victory [13, 71]. – Расстановка политических сил в Мьянме также изменилась, даже если первые за последние 20 лет выборы, состоявшиеся 7 ноября, были проведены только для укрепления **власти** военного правительства, которое уже объявило о грандиозной победе (*перевод наш - М.К.*).

3) the *right or authority* – Mr Correa means to deliver it by summoning a constituent assembly “with full **powers**” to sweep away the “dictatorship of the parties” [11, 57]. – Г-н Кори предполагает осуществить это, созвав законное собрание, «облеченное всеми **полномочиями**», чтобы покончить с «партийной диктатурой» (*перевод наш - М.К.*).

4) *a strong country* – Russia corroborated the claim, and other regional **powers** monitored an underground explosion consistent with it [11, 8]. – Россия подтвердила данное заявление, а остальные **державы**, расположенные в данном регионе, проконтролировали упомянутый подземный взрыв (*перевод наш - М.К.*).

Тем не менее в политических медиатекстах терминологическое значение лексемы **power** не всегда явствует из контекста, что можно проиллюстрировать следующими примерами, где в скобках даны предположительные

значения *power*, а корректный перевод невозможен без привлечения более полного контекста:

– Information is *power*, or so the coalition government believes when it comes to improving the public services (*control* или *political control*) [13, 36]. – Информация – это *власть*, или коалиционное правительство так думает, когда дело доходит до коммунальных услуг (*перевод наш* - М.К.).

– They are acutely aware of American sensitivity to any talk suggesting the emergence of a rival *power* and ideology – and conflict with America could wreck China's economic growth (*political control* или *a strong country*) [12, 59-60]. – Они превосходно осведомлены о щепетильном отношении США к любым переговорам, предполагающим появление соперничающей *власти/страны* и ее идеологии, а конфликт с США сможет разрушить экономический рост Китая (*перевод наш* - М.К.).

Кроме того, результаты исследования позволяют предположить, что в газетном материале анализируемая лексема реализует не четыре значения *консубстанционального* полисемичного термина, а представляет собой четыре *омонимичных термина*. Данный вывод основан не только на контекстном (явном или неявном) значении *power*, но и на морфологических и синтаксических признаках.

Так, лексема *power* употребляется в значении *right, authority* всегда во множественном числе и в клишированных выражениях: *gain more powers, give more powers, use powers, with full powers* и др.;

– в значении *a strong country* – как в единственном, так и во множественном значении, при этом достаточно часто образует сложное слово *superpower* и сочетается с разными атрибутами: *an alternative superpower, a nuclear power, regional powers, Western powers* и др.;

– в значениях *control* и *political control* – всегда в единственном числе, а в глагольных сочетаниях чаще, чем в атрибутивных (*to grab power, to monopolize power, to oust from power, to stay in power* и др.); тем не менее, эти значения не всегда различимы в контек-

те, из-за чего довольно часто употребляется уточнение – *political power*.

Таким образом, как видно из иллюстрации употребления *консубстанционального* термина *power* в политическом медиадискурсе, подобные единицы действительно вызывают ряд трудностей при выделении терминологической лексики из словарного состава языка. Результаты проведенного исследования позволяют предположить, что для дальнейшего изучения функционирования политической терминологии в медиатексте наибольший интерес представляют *консубстанциональные* термины, такие, как *power*, в силу их недостаточной изученности. В дальнейшем предполагается детальный анализ значений лексемы *power* для подтверждения гипотезы о функционировании данной лексемы как элемента общеупотребительной лексики и как специальной единицы политической терминосистемы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136-137.
2. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
3. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь). М.: Флинта : Наука, 2008. 264 с.
4. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
6. Concise Oxford English Dictionary. Oxford University Press, 2008.
7. English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan, 2007. 1748 p.
8. Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited, 2006. 1950 p.
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary of current English. Oxford university press, 1995. 1430 p.
10. The Economist, May 6th-12th. 2006. 106 p.
11. The Economist, October 14th-20th. 2006. 110 p.
12. The Economist, May 8th-14h. 2010. 98 p.
13. The Economist, November 20th-26th. 2010. 114 p.

УДК 81'25

Кожемякина Л.В.

Московский государственный областной университет

**ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ АНТИЧНЫХ
И РАННЕХРИСТИАНСКИХ РЕАЛИЙ НА МАТЕРИАЛЕ
ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА ЛЬЮ УОЛЛИСА «БЕН-ГУР»**

L. Kozhemyakina

Moscow State Regional University

**THE PECULIARITIES OF CLASSIFICATION OF ANTIQUE AND
EARLY CHRISTIAN REALIAS IN THE HISTORICAL
NOVEL "BEN-HUR" BY LEW WALLACE**

Аннотация. В статье рассматривается проблема отнесения языковых единиц к реалиям, которые могут быть выражены лексическими единицами, словосочетаниями, предложениями, устойчивыми фразеологическими единицами и крылатыми словами с национально-культурным и историческим колоритом. Исследуются также особенности классификации античных и раннехристианских реалий на материале книги Л. Уоллиса «Бен-Гур». В пределах каждой тематической группы реалии могут быть классифицированы по признаку их принадлежности: ветхозаветные, раннехристианские и античные.

Ключевые слова: перевод, языковая единица, реалия, классификация античных и раннехристианских реалий, национально-культурный колорит.

Abstract. The present paper deals with the problem of linguistic units' reference to realias that may be expressed by lexical units, word-combinations, sentences, phraseological units and winged words with the national, cultural and historical specific colour. It highlights peculiarities of antique and early Christian realias classification in the novel "Ben-Hur" by L. Wallace. Realias within the framework of each subject group can be classified according to the sign of belonging: Old Testament, early Christian and antique.

Key words: translation, linguistic unit, realia, classification of antique and early Christian realias, national and cultural specific colour.

I. Определение реалии

Среди проблем языкознания изучение реалий и способов их передачи существует давно и занимает особое место. С одной стороны, это вызвано постоянной потребностью в тесных языковых контактах, межъязыковом обмене информацией, межкультурном общении, связанном с национально-культурной спецификой языков, национально-историческим своеобразием картины мира представителей разных лингвокультурных общностей. С другой стороны, как показывают наблюдения, неадекватная передача реалий была и является одной из распространённых ошибок перевода.

Существует множество определений этого термина. *Реалии* – это реальные факты, касающиеся быта, культуры, истории страны изучаемого языка, ее героев, традиций, обычаев [3, 179]. Более точное определение находим в Толковом словаре Л.Л. Нелюбина: «*Реалиями* называют:

«1. Слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. 2. Разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой и переводоведением, такие, как государственное уст-

ройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке. 3. *Предметы материальной культуры*, служащие основой для номинативного значения слова. 4. *Слова*, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта» [6, 178].

Рассмотрим предложение:

“Past *Gethsemane*; past the tombs at the meeting of the *Bethany* roads; past the sepulchral village of *Siloam* she went” [15, 328].

«Она миновала *Гетсиманский Сад*, миновала пещеры на пересечении дороги, ведущей в *Вифанию*, прошла кладбище и *Силоамскую купель*» [11, 443].

При перечислении данных реалий (курсив наш. – Л.К.) вспоминается Евангелие, Израиль, время земной жизни Иисуса Христа.

Поскольку реалии представляют собой весьма разнообразное явление, между исследователями нет единства в вопросе определения этого понятия. Имеются и заметные расхождения в терминологии. Зачастую обозначение одного и того же понятия осуществляется по-разному. Часто в научной литературе можно встретить термины: *безэквивалентная лексика* (Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.), а также *фоновые и коннотативные слова* – «слова с культурным компонентом, семантика которых отражает своеобразие нашей культуры» [4, 68].

На вопрос, к какой категории языковых единиц следует отнести реалии, учёные не дают однозначных ответов. В настоящее время в языкознании существуют два подхода к проблеме определения понятия *реалии* как языковой единицы: переводческий и лингвострановедческий.

В переводоведении одни учёные считают, что реалии могут быть выражены отдельными словами – лексическими единицами или словосочетаниями с общей семантикой. По мнению Влахова С.И. и Флорина С.П., *реалии* – это только слова, а также словосочетания или «составные реалии», которые семантически в целом равны словам [5, 32]. Другие

специалисты придерживаются того мнения, что, помимо отдельных лексических единиц, реалии могут представлять собой и фразы, выражающие национально-культурный колорит, например: «драть как сидорову козу».

Некоторые учёные считают, что фразы с первоначально национально-культурным и историческим колоритом утрачивают свою принадлежность к реалиям, если они приобретают устойчивые эквиваленты в других языках и их значение становится понятным носителям других языков. Яркими примерами здесь могут служить цитаты из Библии – *библейзмы*, крылатые слова из древнегреческой и древнеримской мифологии. Однако разделение на реалии и на интернациональные фразеологические единицы, руководствующееся критерием «знакомости / незанности» лексических единиц, представляется нам субъективным. Такие географические названия, как *Jerusalem* – *Иерусалим*; *Jericho* – *Иерихон*; *Sheep's Gate* – *Овечьи ворота* [8, Иоанн, 4: 2] (*ворота в центре Иерусалима*) и т. д. известны всему миру и имеют переводные эквиваленты в других языках, что, впрочем, не мешает им нести яркую коннотативную окрашенность и быть, несомненно, реалиями.

Томахин Г.Д. и Федоров А.В. сюда же относят *крылатые слова*, так как они, как никакие другие единицы словаря, несут на себе отчётливый национальный отпечаток, сообщая информацию об истории данной страны, цивилизации, и её культуре. Термин «*крылатые слова*» появился в результате калькирования немецкого термина «*geflügelte Worte*», что является калькой древнегреческого «*epea pteronta*», и означает *имена реальных или вымышленных лиц, употребляемые переносно, высказывания исторических лиц, известные цитаты из самых различных произведений, а также выражения, восходящие к историческим или вымышленным событиям*. Например: “*Be it so. Eros is dead. Mars reigns!*” [15, 58] / «*Да будет так! Эрос мертв. Миром правит Марс!*» [11, 84]. Яркая коннотативная окрашенность крылатых слов свидетельствует об их принадлежности к реалиям.

В лингвострановедении реалии охватывают более широкий круг языковых средств в плане выражения. Например, М.Л. Вайсбурд считает, что «понятия, относящиеся к числу реалий, могут быть выражены отдельными словами, словосочетаниями, предложениями» [3, 98]. Устойчивые фразеологические единицы и крылатые слова, выражающие национально-культурный и исторический колорит, также относят к реалиям. При этом необходимо учитывать, что не все фразеологические единицы могут расцениваться в качестве реалий, а только те, которым присущ культурно-исторический колорит.

В настоящей статье в качестве фактического материала используются примеры употребления античных, ветхозаветных и раннехристианских реалий в англоязычном художественном произведении Л. Уоллиса «Бен-Гур» и способы их передачи при переводе. Предметом работы при этом являются реалии как языковые единицы в ИЯ и их передача на ПЯ, с учётом стилистической особенности исходного текста. Объектом анализа служат отдельные лексические единицы, словосочетания, предложения. Таким образом, в данной статье реалии рассматриваются на разных лексических уровнях.

II. Классификация реалий

Поскольку реалии представляют собой весьма разнообразное явление, существует ряд классификаций данного феномена: классификации С.И. Влахова, С.П. Флорина, Г.Д. Томахина и др. Однако в вышеперечисленных классификациях крайне недостаточно представлены реалии, связанные с религией, в частности с христианством и античностью. В связи с этим следует признать целесообразным анализ указанных реалий с позиции переводоведения. В качестве материала используется роман Лью Уоллиса «Бен-Гур» и его русскоязычная версия, осуществлённая переводчиком Н.И. Кроликом, с примечаниями Г.П. Герасимова.

Поскольку реалии, связанные с религиозной жизнью Иудеи и Рима I века н. э., весьма широко представлены в романе, можно вы-

делить следующие виды реалий по признаку их принадлежности:

1) реалии Ветхого Завета (описывающие иудейскую жизнь, понятия, относящиеся к иудаизму);

2) реалии, связанные с формированием христианства (в том числе упоминания о Евангелии, цитаты);

3) реалии, отражающие языческую религию, жизнь и культуру античности.

Предметная классификация

1. Географические реалии:

Jerusalem [15, 11] – *Иерусалим* [11, 17].

В данном случае возможно двойное отнесение реалии к ветхозаветным и к раннехристианским, так как данная реалия упоминается и в Ветхом Завете, и в Новом.

2. Архитектура:

“In the aperture of the western wall of the Jerusalem hangs the *Bethlehem or Joppa Gate*” [15, 21].

«В западной стене, ограждающей Старый город, есть *Яффские ворота*» [11, 30]. В эти Ворота входил Господь на ослики в Иерусалим – раннехристианская реалия.

3. Имена собственные:

“I am of the *line of David*” [15, 32] / «Я из рода Давида» [11, 46].

Полукалька, ветхозаветная реалия. У богоизбранного народа – иудеев – принято вести свою родословную сквозь века.

4. Летоисчисление, календарь, периоды:

Античная реалия: “*in the year of Rome 747*” [15, 10] – «в 747 году от основания Рима» [11, 15].

5. Денежные единицы:

Denarii [15, 163] – *динарии* [11, 222].

Denarii pl от *denarius sg /di`neəriəs/* – денарий (древнеримская серебряная монета), античная реалия.

6. Обычай (в том числе приветствия, этнические праздники):

“The restfulness of the vale, the freshness of the air, the garden beauty, the *Sabbath* stillness, seemed to have affected the spirits of the elder Egyptian...” [15, 301].

«Свежесть, красота долины, атмосфера покоя, напоминавшая *субботний отдых*

израэлитов, казалось, внесли в душу старого мудреца полное умиротворение» [11, 406].

Sabbath / `sæbəθ/ (рел.) – священный день отдохновения (суббота – у евреев, воскресенье – у христиан, пятница – у магометан) [2, 378], ветхозаветная реалия.

7. Пища:

“cheese, like David’s ‘slices of milk’ ” [15, 7] / «сыр, который еще царь Давид именовал «кусочками молока» [11, 13] – аллюзия, основанная на ветхозаветной реалии.

8. Национальная одежда:

Toga [15, 86] / *тога* [11, 120] – античная реалия.

9. Жилье, помещения:

Velaria, or *purple awnings* [15, 227] – алые тенты [11, 318] (опущение реалии, перевод пояснения автора).

Velaria pl – от *velarium sg* /vi`leəriəm/ навес над амфитеатром в Древнем Риме [1, 774], античная реалия.

10. Предметы материального быта:

Античная реалия: “*clepsydra*, or *water-clock*, to measure the reliefs and watches” [15, 90] – «водяные часы – клепсидра, для определения времени очередной смены гребцов» [11, 123].

11. Досуг, увеселительные мероприятия: состязания, игры:

Chariot-race [15, 231] / *ристанья* [11, 322] – античная реалия.

12. Народности:

“By that test, the sons of Israel watching their herds on old Rephaim yonder are nobler than the noblest of *the Marcii*” [15, 66].

«По этом признаку сыны Израилевы, пасущие стада в долине Рефаим, куда благороднее, чем самые благородные из *Марсиев*» [11, 93].

«Род Марсиев – здесь «марсиями» мать называет римлян – воителей, сыновей бога войны Марса и «самого благородного из них» – Цезаря» [11, 514] – античная реалия.

13. Мифология:

“If *Jupiter* would stay content with one *Ganymede*, what a cup-bearer you would make for

the emperor!” [15, 54] / «Если бы *Юпитер* мог довольствоваться одним *Ганимедом*, каким виночерпием стал бы ты для Императора!» [11, 79].

Ганимед – «в греческой мифологии сын троянского царя, за свою красоту похищенный Зевсом, вознесённый на Олимп и ставший виночерпием на пирах богов. Называя Джуду Ганимедом, Мессала не только признаёт его красоту, но и намекает на то, какую роль играл Ганимед при главе богов – «любителя красивых мальчиков» [11, 512], античные реалии.

14. Библиизмы:

“Brethren! <...> what we see is the *ladder of our father Jacob saw in his dream*” [15, 36] / «Братья мои! <...> То, что мы видим – лестница, которую праотец Иаков увидел во сне» [11, 51].

Лестница Иакова: Иакову во время его странствий приснилась лестница, упиравшаяся в небо, по которой сходили и восходили ангелы, а на вершине её стоял сам Господь, пообещавший отдать ему и его потомкам землю, на которой он лежит, и умножить его род, «как песок земной» – ветхозаветная реалия.

15. Реалии, относящиеся к религии:

Talmud [15, 265] / *талмуд* – a collection of ancient writings on Jewish law and tradition [14, 1220].

16. Должности, виды деятельности:

“The administration of *Valerius Gratus*, the fourth *imperial governor of Judea*...” [15, 50] – «правление четвертого *прокуратора* Иудеи Валерия Гратуса» [11, 73], античная реалия.

17. Органы и представители власти:

Roman deputies [15, 30] – *мелкие римские чиновники* [11, 44], античная реалия.

18. Административно-территориальное устройство:

Античная реалия: “He reduced *Judea* to a *Roman province*...” [15, 50] / «Так с прозрачной независимостью Иудеи было покончено, она была низведена до уровня *бесправной колонии*...» [11, 73].

19. Социальные слои общества + группы

по политическим, религиозным убеждениям:

They say of this John that he has spent his life from childhood in a cave down by En-gedi, praying and living more strictly than *the Essenes*” [15, 311] / «Говорят, что этот Иоанн с юности ушел в пустыню, в пещеры, где истово молился Господу, питался акридами и вел жизнь аскета, куда более строгую, нежели ведут по своим обетам *ессеи* и даже *назореи*» [11, 422].

Ессеи – еврейская религиозная группа (II в. до н. э. – I в. н. э.). Ессеи вели аскетический образ жизни, собираясь в обособленные колонии, избегали встречи с остальными соплеменниками даже в Иерусалимском храме, образовали из себя строго замкнутый орден, жили безбрачно, но принимали и воспитывали в своих понятиях чужих детей; принимали в своё сообщество и других – после трёхлетнего испытания.

III. Исторический роман Лью Уоллеса.

Роман американского писателя Лью Уоллеса (1827–1905) «Бен-Гур» впервые был опубликован в 1880 г. Это одно из классических произведений американской литературы, многократно переиздававшееся на многие языки. Перевод этой книги на русский язык был осуществлён только в 1993 г. Н.И. Кроликом с примечаниями Г.П. Герасимова. Выбор темы обусловлен тем, что роман «Бен-Гур» посвящён эпохе возникновения христианства. Книга описывает жизнь людей в античном и раннехристианском мире в годы разлома эпох – до и после Рождества Христова. Многие реалии, связанные с религиозными верованиями и повседневным бытом людей, населявших территорию Римской Империи, плохо знакомы современному российскому читателю. Чтобы облегчить понимание скрытых аллюзий, связанных с использованием библеизмов и античных реалий, перевод был снабжён примечаниями.

IV. Выводы

В результате настоящей работы была разработана предметная классификация античных и раннехристианских реалий. В пределах каждой тематической группы реалии могут быть классифицированы по признаку

их принадлежности: ветхозаветные, раннехристианские и античные.

В плане выражения реалии могут быть словами, словосочетаниями и даже предложениями. Устойчивые фразеологические единицы и крылатые слова, выражающие национально-культурный и исторический колорит, следует также отнести к реалиям.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Англо-русский словарь / Мюллер В.К. М.: Русский язык, 1989. 848 с.
2. Большой англо-русский словарь / Под общ. рук. Гальперина И.Р. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 2. 863 с.
3. Вайсбурд М.Л. Построение справочного аппарата к пособиям для самостоятельного чтения на английском языке в средней школе // Уч. зап. МОПИ им. Крупской Н.К. М., 1962. Вып. X. С. 179-183.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1976. 248 с.
5. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2006. 448 с.
6. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Изд-во Флинта: Наука, 2008. 320 с.
7. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Изд-во Аспект Пресс, 2004. 536 с.
8. Святое Евангелие. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002. 383 с.
9. Титова Л.Ю. Рыцарские реалии как объект теории и практики перевода (на материале романов Вальтера Скотта «Айвенго» и «Квентин Дорвард»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГОУ, 2005. 25 с.
10. Томахин Г.Д. Реалия в культуре и языке // ИЯШ. М., 1987. № 1. С. 66-72.
11. Уоллис Л. Бен-Гур / Пер. с англ. Кролик Н.И. Примечания Герасимова Г.П. М.: Крон-Пресс, 1993. 528 с.
12. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
13. Филиппова И.Н. К проблеме избыточности в переводе // Проблемы теории языка и переводоведения: сборник статей. М., 2007. С. 139-144.
14. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 1995. 1430 p.
15. Wallace Lew. Ben-Hur. Wordsworth Editions Limited, 1996. 382 p.

УДК 81:003:008:7.046

Пичугина А.А.

Поволжский государственный университет сервиса (г. Тольятти)

СИМВОЛИКА ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЙ В КЕЛЬТСКОМ ЭЛЕМЕНТЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

A. Pichugina

Volga State University of Service, Togliatty

SYMBOLISM OF COLOR DESIGNATION IN THE CELTIC ELEMENT OF MYTHOLOGICAL CULTURE OF THE BRITISH ISLES

Аннотация. Основной фонд символов цветообозначений английского языка являет собой культурное наследие британского социума. Его национальная специфика есть результат различных культурных и лингвистических влияний народов, живших на территории Британских островов, что отражает не только историю страны и национальный характер её жителей, но и является свидетельством «культурной памяти» народа. В статье рассмотрена специфика цветообозначений в кельтском элементе мифологической культуры Британских островов в их символическом выражении. Символическое выражение цветообозначений исследуется в тесной связи с обычаями, верованиями, приметам, пословицами и поговорками древних кельтов, что позволяет проникнуть в глубины человеческой психологии разных эпох и лучше понять британскую культуру.

Ключевые слова: мифологическая культура Британских островов, кельтский элемент, символизм цветообозначений.

Abstract. Basic fund of symbol colour designation of the English language is a cultural heritage of British society. Its national specificity is the result of different cultural and linguistic influences of people who lived on the territory of the British Isles, which reflects not only the country's history and national character of its inhabitants, but also is an indication of the "cultural memory" of the people. The paper deals with the specificity of colour designation in the Celtic element of Mythological Culture of the British Isles and their symbolic meaning in the context of Celtic culture. Colour designation is researched in close relation with traditions, beliefs, superstitions, proverbs and sayings of ancient Celts. That allows to penetrate into the innermost of human psychology of different ages and to understand British culture better.

Key words: mythological culture of the British Isles, Celtic element, symbolism of colour designation.

Мифологическую культуру Британских островов можно представить как своего рода «плавильный тигель», смешавший воедино мифологические традиции и эпические мотивы народов, некогда ступавших на её землю: кельтов, германцев, бриттов, саксов, галлов и франко-норманнов [3, 7–9]. Однако это не означает, что данный «мифологический сплав» нивелирован. Способность мифологического текста сохранять синкретическую структуру и внетекстовые связи – обряды, приметы, обычаи, традиционные представления – делают каждый элемент мифологической культуры Британских островов уникальным и вместе с тем создают специфику британской культуры, в которой находят отражение история страны и национальный характер её жителей.

Одним из наиболее важных элементов мифологической культуры Британских островов считается кельтский элемент, представленный в виде ирландского, валлийского и шотландского составляющих её компонентов, каждый из которых является ценным источником для изучения кельтских традиций.

© Пичугина А.А., 2011.

Принимая во внимание, что сущностью мифологического типа культуры являлось «символическое описание модели мира посредством рассказа» [2, 23] и окружающая действительность, отражаясь в языковой семантике, зачастую приобретала символическую интерпретацию, можно утверждать, что в мифологическом тексте в роли символа выступали не только мифонимы, но и обычные слова, в том числе и слова-цветообозначения. В цветосимволике кельтского элемента мифологической культуры Британских островов находят отражение определённые представления (и верования) древних кельтов о «сущности человека, различных вещей, явлений, процессов земного, социального и небесного, сверхъестественного характера» [4, 38]. Символизм цветообозначений, основанный на ассоциациях, тесно сопряжён с обычаями, приметами и традиционными представлениями кельтов. Так, зелёный цвет у кельтов – таинственный. Он связан с волшебными духами или местом их обитания. Чаще всего сфера денотации зелёного цвета распространяется на фэйри. Ирландцы называют фэйри *sheehogue* [sidheóg], уменьшительное от которого «shee», отчего зовутся они *deenee shee* [daoine sidhe] (fairy people) [10, 1]. Британский вариант названия данных существ – *a fairy*, а также *faery*, *faerie*, *fae*, *fae*; существуют некоторые эвфемистические варианты: *wee folk*, *good folk*, *people of peace*, *fair folk* [8, 127]. О том, кто эти существа, существует множество версий. Крестьяне считают их падшими ангелами, недостаточно хорошими, чтобы их души были спасены, но и недостаточно плохими, чтобы быть потерянными навсегда. В «Книге Armagh» написано, что фэйри – Боги на Земле. Собиратели древности считают их богами языческой Ирландии. Существует версия, что это Tuatha De Danân, которому больше не поклоняются и не кормят жертвоприношениями, отчего он уменьшился до нескольких пядей в высоту [10, 1]. Бриггс отмечает, что термин *фэйри* распространяется также на сверхъестественных созданий, включая гоблинов и гномов, а иногда им описывали особый вид неземных,

божественных созданий [8, хх1]. По мнению Льюис, среди фэйри выделяются демоны, ангелы, несколько видов – в человеческом облики – из существ умерших [12, 122]. При этом исследователи отмечают, что фэйри, облаченные в зелёный цвет, так или иначе связаны с миром мёртвых, поскольку зелёный – в кельтской мифологии цвет смерти [8].

В исторической энциклопедии кельтской культуры отмечается, что для кельтов вообще было свойственно избегать зелёного цвета в одежде, поскольку он, так или иначе, связан с фэйри [11, 1637]. По мнению MacKenzie, кельты верили, что зелёная одежда способна принести несчастье [14, 16]. Этот факт находит своё подтверждение и в пословицах, как «кратких изречениях народной опытности и суеверия», которые «примыкают к общей сумме стародавних преданий и в связи с этим служат необходимым пособием при объяснении различных мифов» [1, 15].

Суеверие в отношении нежелательности облачения в зелёные одежды реализуется в шотландской пословице:

«A Graham in green
Should never be seen».

Некоторые исследователи кельтских традиций (Lawrence Besserman [7]; D.W. Robertson Jr. [9]) отмечают, что кроме несчастья зелёный цвет одежды способен принести смерть. Этим утверждением обосновывается существование поговорки:

«Wear green, and you'll soon wear black».

Исследователи английского фольклора полагают, что именно с кельтских регионов, в частности Шотландии, данные поверья в начале XVIII в. распространились и на Англию и существуют на всей территории Британских островов и по настоящие дни. Более того, с начала XIX в. зелёный цвет как предвестник несчастья стал распространяться не только на одежду, но и на занавески, машины, велосипеды и т. д. [5].

Белый цвет у кельтов ассоциируется со светом и чистотой, он обладает способностью растворять в себе тьму и совершать чудеса, что является символом Божественности. У ирландских кельтов счастливцев, обладаю-

щий «белым сердцем», сотворил небеса, он сможет очистить тьму под чистой водой и исцелить от болезни:

*Tis He that made the heavens,
Happy that has a white heart,
He will purify hosts under pure water,
Tis He that will heal your sickness* [17, 14].

На божественную символику белого цвета указывает и так называемый «white host» – «белый хозяин», определение, данное ирландскими кельтами для обозначения ангела:

The white host will take him under a wheel of clouds

To the gathering where there is no sorrow [17, 28].

«Белый закон» несёт благородное спасение:

*A noble salvation will come
From the King who has created us,
A white law will come over seas,
Besides being God, He will be man* [17, 22].

Таким образом, белый цвет знаменует собой Божественный свет. В теологии кельтских Бардов говорится: «Свет всегда высоко, над нашими головами и только в свете может быть найден Бог. Не существует небес без света, и Бог и небеса в этом свете» [6, 265].

В шотландских сказаниях правда считалась белее снега:

*What is whiter than the snow?
There is the truth* [15, 47].

Данное сравнение не случайно. Белую мантию носили друиды – кельтские поэты и жрецы, хранители героических преданий и мифов. Такая мантия служила символом правды [6, 28-29].

Белый цвет, как видно из вышеприведённых примеров, имеет положительную коннотацию. Он является положительной стороной антитезы «чёрное – белое» во всех символических системах. Чёрно-Белое изображение присутствует в символе Инь и Янь, дня и ночи, жизни и смерти, света и тьмы. Его дуализм виден также в тёмных дождевых облаках и ясном дожде, в яркой молнии, оставившей после себя чёрный ожог на земле [16].

Дуализм чёрного и белого цвета прослеживается в примере из шотландского сказания «Battle of the Fairy Kings». У Королевы Зимы было два сына фэйри: один – Белый Король, известный стрелок и обладатель красавицы невесты по имени Светлолицая; другой – Король фэйри, Чёрный как ворон, полный зависти к своему брату:

... One fairy king is white and has great fame as an archer (...). The other fairy king is black as raven (...). The white fairy has a fair bride whose name was Face - of - Light (...). The black fairy has no bride, and is jealous of the white fairy (...). These two fairies have always been enemies [13, 1].

Во вражде между белым и чёрным фэйри можно проследить отображение дуальной картины мира кельтов, построенной на оппозиции белого и чёрного цветов как символов света и тьмы, добра и зла, светлой стороны личности и тёмных её проявлений.

Изучение цветосимволики кельтского культурного элемента Британских островов является важным, поскольку помогает лучше понять специфику британской культуры, её колорит. Знание особенностей функционирования кельтской цветосимволики в англоязычной культуре расширит лингвострановедческий кругозор специалистов и поможет формированию у них лингвокультурологической компетенции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. Том первый. М.: Современный писатель, 1995. 416 с. (Славянский мир).
2. Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика фольклора // Фольклор: Поэтическая система. М.: Наука, 1977. С. 23-41.
3. Мифология Британских островов: энциклопедия. М.: Эксмо; Terra Fantastica, 2007. 640 с.: ил.
4. Тен Ю.П. Символ в межкультурной коммуникации. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. 288 с.
5. A Dictionary of English Folklore. Oxford: Oxford University Press, 2000. 411 p.
6. Barddas; or a collective original documents, illustrative of the theology, wisdom, and usage of the Bardo-Druidic System of the Isle of Britain / translation and notes by the Rev. J. Williams AB ITHEL, M.A.

- rector of Llanymowddwy, Merionethshire. London: Bernard Quaritch, 15, 1862. Vol. I. 424 p.
7. Besserman L. The Idea of the Green Knight// ELH, Vol. 53, No. 2. Summer 1986. The Johns Hopkins University Press. P. 219-239.
  8. Briggs K.M. An Encyclopedia of Fairies: hobgoblins, brownies, bogies & other supernatural creatures. New York: Pantheon Books, 1976. 481 p.
  9. D.W. Robertson Jr. Why The Devil Wears Green // Modern Language Notes. Vol. 69. No. 7. Nov., 1954. The Johns Hopkins University Press. P. 470-472.
  10. Fairy and Folk Tales of the Irish Peasantry / Ed. and selected by W.B. Yeats. London: Walter Scott, 24 Warwick Lane, 1888. 326 p.
  11. Koch J.T. Celtic Culture: historical encyclopedia (five volume set). ABC-CLIO Inc., 2006. 2128 p.
  12. Lewis C.S. The Discarded Image: An Introduction to Medieval and Renaissance Literature. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 231 p.
  13. MacKenzei Donald A. Scottish Fairy Tales /Ed. by Tom Crowford. Canada: General Publishing Company, 1997-a. 96 p.
  14. MacKenzei Donald A. Scottish Wonder Tales from Myth and Legend. Canada: General Publishing Company, 1997-b. 240 p.
  15. Popular tales of the West Highlands//originally collected with translation by the J. F. Campbell. Alexander Gardner of Paisley and London, 1890. New Edition. Vol. II. 495 p.
  16. Stewart W. Dictionary of Images and Symbols. Atheneum Press, Catashed, 1998. 430 p.
  17. The Voyage of Bran Son Of Febal to the land of the Living an old Irish saga now first edited, with translation, notes, and glossary, by Kuno Meyer. London: Published by David Nutt in the Strand, 1895. 90 p.

УДК 811.111'38

Юдина И.Ю.

Московский государственный областной гуманитарный институт

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ПОСЛОВИЦЕ

I. Yudina

Moscow State Regional Humanitarian Institute

METAPHORICAL CHANGE OF MEANING IN ENGLISH PROVERBS

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются английские пословицы с полностью или частично переосмысленным значением. Пословица, представляющая собой законченное высказывание (диктему), выражает определённое умозаключение. Метафора как троп формируемый на основе сходства, органически приспособлена к экспрессивной передаче оценочного смысла пословиц, в частности нравоучительного. Велика роль метафоры в раскрытии истинного смысла пословиц. При этом оценка, выражаемая пословицей, может быть как положительной, так и отрицательной.

Ключевые слова: метафора, пословица, картина мира, прямое значение, частично переосмысленное значение, метафорическое значение, отрицательный оттенок, положительный оттенок.

Abstract. The article presents a study of English proverbs that have undergone complete or partial change of meaning. A proverb which is a finished utterance (dicteme) can express a definite conclusion and pass judgement. Metaphor as a trope coined on the principle of similarity is organically adapted to the rendering of proverbial message, in particular morality message. Metaphor is a natural exposer of a deep implication underlying the surface meaning of an utterance. As to the evaluative vector of metaphor, it can be either positive or negative.

Key words: metaphor, proverb, proverbial meaning, direct meaning, partial metaphorical meaning, full metaphorical meaning, positive shade, negative shade.

© Юдина И.Ю., 2011.

Метафора привлекает к себе внимание исследователей на протяжении многих веков. Она была открыта как важнейшее выразительное средство языка в глубокой древности. Аристотель рассматривал метафору как существенное средство языка, которое усиливает воздействие на слушателя и определял сущность её как «переселение слова с измененным значением из рода в вид, из вида в род, или по аналогии» [1, 66].

В современной лингвистике метафора определяется как «основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создаёт возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при помощи новой сферы» [10, 7]. БСЭ даёт следующее определение: «Метафора (от греч. *metaphora* – перенос) – троп, основанный на принципе сходства. В основе метафоры лежит способность слова к своеобразному удвоению (умножению) в речи номинативной (обозначающей) функции» [5].

Джорж Ф. Миллер в защиту традиционной точки зрения на метафору говорит, что «это стянутое сравнение», и «вызванная ею (метафорой) мысль касается сходств и аналогий» [9, 236]. И.В. Арнольд в работе по стилистике английского языка указывает, что метафора «обычно определяется как скрытое сравнение, осуществляемое путём применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго» [2, 82].

Говоря о метафоре, необходимо отметить, что её не следует отождествлять со сравнением – они имеют ряд различий.

Сравнением называется образное словесное выражение, в котором изображаемое явление явным образом уподобляется другому по какому-либо общему для них признаку, и при этом в объекте сравнения выявляются новые, неординарные свойства.

Как фигура, сравнение – это сопоставление двух явлений, предметов, людей и их черт и т. д. – по признаку, наиболее выражающему замысел, позицию, мироощущение автора [6].

Сравнение включает в себя две составные части: субъект сравнения (то, что сравнива-

ется), объект сравнения (то, с чем сравнивается), а метафора – только объект сравнения (то, с чем сравнивается).

Метафора – вид тропа, в основе которого перенос наименования с одного предмета/явления на другой предмет/явление по принципу сходства. Таким образом, метафора по природе близка сравнению, но, в отличие от сравнения, метафора даёт не два разных объекта, а формирует единый, нерасчленённый образ. В этом смысле метафора является свёрнутым сравнением, здесь, в отличие от собственно сравнительной конструкции, слова «как», «словно», «как будто» и т. д. отсутствуют, но они подразумеваются [6].

Дж. Миллер в своей работе говорит о том, что метафора основывается на сближении признаков, занимающих разное место в моделях сопоставляемых объектов, и это отличает её от сравнения, которое может сближать как разное, так и одинаковое [9, 246].

Пословица – это краткое, нередко ритмизованное изречение, представляющее собой законченное высказывание (диктету) и выражающее определённое умозаключение. Она не является отдельным «речевым произведением», а используется в речи для различного выражения, иллюстрации, нравоучения.

Пословица представляет собой тематическую единицу связной речи, которая объединяет предложения, намечая выход в развёрнутую связанную речь, иными словами, пословица, как правило, выражается диктетой [4, 178].

Пословицы чаще всего употребляются в совершенно конкретной ситуации, но они не обозначают её отдельных элементов, а ставят всю ситуацию в связь с какой-либо общей или общеизвестной закономерностью, которую они, собственно, и выражают.

Значение пословицы часто выступает в определённом, узком, смысле, а не в абстрактном, обобщённо-переносном значении. Иными словами, степень фактического обобщения в пословицах может быть различной. Так, например, пословица *Third time lucky* («Бог трою любит») означает лишь, что в

данных условиях что-либо необходимо сделать трижды или иметь в трёх экземплярах. А пословица *Man proposes but God disposes* (“Человек предполагает, а Бог располагает”) выражает не зависимость от Божьей воли, а реальную возможность каких-либо непредвиденных обстоятельств. Именно отклонение речевого смысла пословицы от её наиболее обобщённого значения, вытекающего из её компонентного состава, и возможность употребления пословицы в таком специфическом смысле удерживает в речевом обиходе некоторые пословицы, первоначально выражавшие мораль, взгляды и социальные условия, давно ушедшие в прошлое.

Пословицы, являясь единицами вторичной номинации, обнаруживают наличие своеобразно наложенных друг на друга двух картин мира. Первая картина мира представляет собой буквально воспринимаемый образ реальной действительности, то есть непереосмысленное, прямое значение пословицы. Это значение употребляется только относительно описываемой ситуации. Вторая картина мира является результатом эмоционально-чувственного взаимодействия человека с окружающей реальностью и представляет собой качественно новый взгляд на реальную действительность, то есть происходит переосмысление значения пословицы. Это значение может быть применимо к различным ситуациям. Обе картины мира взаимосвязаны, причём вторая картина мира тесно соприкасается с первой как опорой в изначальном отображении определённой ситуации реального мира.

М.Я. Блох рассматривает картину мира как «метафорически обозначенное отражение мира сознанием», основываясь на том, что каждый элемент мира может стать предметом концепта, а саму картину мира можно определить как совокупность таких концептов [3, 101].

Концепт формируется на основе языка, поскольку человек выражает свою мысль непосредственно через язык, поэтому картина мира является языково-опосредованной. Из этого вытекает, что сам язык может содер-

жать в себе собственное отражение мира, то есть языковую картину мира. Итак, выделяют две различные картины мира: концептуальную, опосредованную языком, и языковую, содержащуюся внутри самой системы языка [3, 101].

Наличие двух пересекающихся картин мира показывает специфичность концептуализации действительности пословиц. Она заключается в том, что в основе экспрессивных единиц, какими являются пословицы, лежит сосуществование двух отличных друг от друга видов информации: сведений о мире (научно-бытовая картина мира) и сведений об отношениях субъекта речи к миру (субъективная картина мира).

Так, например, в английской пословице *Fish begins to stink at the head* (“Рыба с головы портится”) отражается естественно бытовая ситуация, когда рыба начинает «тухнуть» с головы. Но на фоне этого можно проследить мысль о том, что разложение коллектива начинается с лиц, имеющих власть и авторитет.

Субъективная картина мира воспринимается человеком при помощи метафорического переноса, который может придавать пословице положительный или отрицательный оттенок.

Пословицы положительного значения выражают поощрение, а пословицы отрицательного значения порицают или осуждают что-либо или кого-либо.

Например, английская пословица *Blind men can judge no colours* (“Слепой курице всё пшеница”) выражает общеизвестный факт, что слепой человек не может видеть и различать цвета. Но если рассматривать пословицу в переносном смысле, то пословица выражает отрицательный характер человека (человек, который не хочет прислушиваться к советам других, стоит всегда на своём, даже если он неправ). Такое негативное отношение к человеку придаёт пословице отрицательный оттенок. Также отрицательный оттенок прослеживается в английской пословице *A cat in gloves catches no mice* (“Без труда не вытащишь и рыбку из пруда”), когда она вос-

принимается в метафорическом значении. В прямом значении данная пословица выражает то, что кот в перчатках ничего не сможет сделать и останется голодным.

Говоря о семантических особенностях пословиц, А.В. Кунин указывает, что значение пословицы может быть как полностью, так и частично переосмысленным [8, 342].

Пословицы с полностью переосмысленным значением в прямом значении не воспринимаются, так как несут неосуществимое действие или нелепицу. Метафора в таких пословицах может придавать пословице положительный или отрицательный оттенок.

Рассмотрим влияние метафоры на положительный или отрицательный оттенок английских пословиц с полностью переосмысленным значением.

Метафорическое значение английской пословицы *His money burns a hole in his pocket* (“У него деньги не держатся”) несёт осуждение человека, который не умеет хранить свои сбережения. Это осуждение придаёт всей пословице отрицательный оттенок.

Аналогичный оттенок прослеживается и в следующих английских пословицах с полностью переосмысленным значением:

Hard words break no bones (“Слово не обух, в лоб не бьет”). Метафорическое значение данной пословицы содержит осуждение людей, которые в своей речи используют брань.

Care killed the cat (“Не работа старит, а забота”) или *Too many cooks spoil the broth* (“У семи нянек дитя без глазу”). Две пословицы при помощи метафорического значения выражают осуждение чрезмерной заботы, которая может привести к плохому результату.

When wine is in wit is out (“Вино с разумом не ходят”). Метафора в пословице порицает пьянство.

He will never set the Thames on fire (“Он пороху не выдумает”). Отрицательная черта человека – лень прослеживается в метафорическом значении английской пословицы.

Dog eats dog (“Человек человеку волк”). Пословица, благодаря метафоре, выражает человеческую вражду, отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью.

Метафорическое значение может придавать положительный оттенок следующим английским пословицам с полностью переосмысленным значением:

Good clothes open all doors (“По одежке встречаются”). Метафора выражает поощрение к человеку, который хорошо одет, делает акцент, что только интеллигентный человек может добиться успеха.

Honesty is the best policy (“Честность – лучшая политика”). Метафора восхваляет честность.

Many hands make light work (“Берись дружно, не будет грузно”). Метафорическое значение восхваляет совместный труд.

Caution is the parent of safety (“Бережливого и бог бережет”). Метафора поощряет бережливость.

Idleness rusts the mind (“Труд человека кормит, а лень портит”), *Idleness is the mother of all evil* (“Безделье – мать всех пороков”). Метафора в пословицах порицает лень, безделье.

Lies have short legs (“Ложь на гнилых ногах ходит”). Метафора порицает ложь.

Английские пословицы с частично переосмысленным значением могут восприниматься в прямом значении, а метафорический перенос одного или нескольких компонентов придаёт пословицам дополнительное значение. Например, английская пословица *A bad workman quarrels with his tools* (“У плохого мастера и пила плохая”) имеет переосмысленный компонент «tools», который в прямом значении переводится как «инструменты», но благодаря метафорическому переносу данного слова, пословица приобретает значение – плохой работник ничего не умеет делать, тем самым метафора придаёт пословице отрицательный оттенок.

В пословице *He that has a great nose thinks everybody is speaking of it* (“На воре шапка горит”) прилагательное «great» имеет прямое значение «великий», но метафорический перенос данного слова придаёт пословице отрицательный оттенок, выражающий нечестность, из-за которой на душе беспокойно.

Причастие прошедшего времени «hung» в английской пословице *He that has an ill name is half hung* (“Тот, у кого дурная слава, напо-

ловину казнен”) в прямом значении означает «повешенный», в переносном значении данная пословица осуждает людей, которые испортили себе репутацию, поэтому метафорическое значение придаёт пословице отрицательный оттенок.

Метафора может придавать положительный оттенок английским пословицам с частично переосмысленным значением:

Better go in bed supperless than rise in debt (“Ешь хоть репу вместо ржи, а чужого не держи”), где компоненты «go in bed supperless» и «rise in debt» имеют прямые значения «ложиться спать без ужина», а «rise in debt» – «вставать с долгами». Между тем в переносном значении данная пословица означает, что лучше себе в чём-то отказать, чем жить с долгами.

В английской пословице *A quiet conscience sleeps in thunder* (“У кого совесть чиста, у того подушка под головой не вертится”) словосочетание «sleeps in thunder» имеет прямое значение «спать под гром». Метафорическое значение словосочетания раскрывает смысл всей пословицы – если у человека чистая совесть и он не навредил другому человеку, то он живёт спокойно.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что значение пословицы – явление двуплановое, складывающееся из прямого и метафорического значения. Прямое значение у многих английских пословиц может не восприниматься, так как выражает что-то противоречащее здравому смыслу,

нередко парадоксальное. Метафорические образы, отображаемые в пословицах, ярко рисуют наглядные картины, близкие и понятные человеку. Именно метафора в пословицах обеспечивает большую степень образности вторичных наименований и придаёт пословицам положительную или отрицательную коннотацию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Поэтика. Л., 1972. 120 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. 2-е изд., перераб. Л.: Просвещение, 1981. 295 с.
3. Блох М.Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка // Преподаватель XXI века, 2008. С. 101-105.
4. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: учеб. 4-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2004. 239 с.
5. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Метафора/> (дата обращения: 20.03.2011).
6. Довнор Д.И., Запольский А.И. Современная русская литература. Минск: Книжный дом, 2003. 445 с.
7. Краткая литературная энциклопедия / А.А. Сурков. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967.
8. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка; учеб. для ин-тов и фак-тов иностр. яз. М.: Высшая школа, 1996. 380 с.
9. Миллер Дж. Образы и модели, употребления и метафоры // Теория метафоры; под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 236-284.
10. Чудинов А.П. Теория метафорического моделирования на современном этапе развития // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2000. Т. 5.

РАЗДЕЛ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'255.2:6

Антипов А.А.

Московский государственный областной университет

ПЕРЕВОД АББРЕВИАЦИЙ И СОКРАЩЕНИЙ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КОСМИЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)

A. Antipov

Moscow State Regional University

TRANSLATION OF ABBREVIATIONS AND ABRIDGMENTS AS THE OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH (ON THE BASIS OF SPECIAL SPACE LEXIS)

Аннотация. В статье рассматриваются типы сокращений в космической терминологии, способы их образования и особенности их перевода. Космические термины, как и их аббревиатуры, привлекают интерес исследователей благодаря своему интенсивному развитию. Их изучение позволяет внести определённый вклад в общую теорию термина и сделать некоторые выводы о перспективах её развития. С каждым годом у лингвистов усиливается интерес к явлению терминологической аббревиации, стремление выяснить причины этого лингвистического процесса. Ощущается потребность в определении его лингвистической детерминированности, выявлении особенностей образования сокращений.

Ключевые слова: термин, терминология, аббревиация и её перевод на русский язык, сокращения, космос, лексика.

Abstract. The article views types of abbreviations in space terminology, ways of their formation and peculiarities of their translation. Space terms, as well as abbreviations of these terms, attract attention of researchers due to their rapid development. Study of these terms and abbreviations allows to make a certain contribution to the general theory of term and to make certain conclusions on the perspective of their development. Scientists' interest in the phenomenon of abbreviation at terminology grows, there have been new attempts to clarify the reasons of this linguistic process. There is a need for further research in defining its linguistic determinism, eliciting peculiarities of the formation of abbreviations.

Key words: term, terminology, abbreviation and its translation into Russian, abridgments, space, vocabulary.

В настоящее время терминология приобретает особое значение. Любая отрасль науки и техники находит отражение в терминах. В связи с терминологическим взрывом лингвисты всё чаще обращаются к анализу общих и частных факторов терминологии, систематизации и упорядочиванию терминологических систем.

© Антипов А.А., 2011.

В лингвистической литературе существуют две противоположные точки зрения на характер формирования терминосистем. Как утверждает Е.Н. Толикина, «термины не возникают, не появляются, а создаются...», при этом «терминотворчество» в наше время – целиком сознательная языковая деятельность» [13, 57].

Другие исследователи, в том числе Ф.П. Сороколетов, полагают, что язык терминосистем формулируется по законам естественного языка: «Возникновение новых терминов происходит по тем же законам, что и возникновение новых слов общего языка» [12, 29].

Анализ определённой терминологической системы и её отдельных единиц в сфере функционирования способствует выявлению характера образования и способов становления исследуемой терминологической сферы.

Космическая терминология английского языка находится в стадии формирования, однако относящиеся к ней терминологические единицы довольно широко представлены и встречаются повсеместно. Специфика анализируемой терминосистемы в том, что из-за огромного общественного интереса, который вызывает к себе космическая наука, и чрезвычайной актуальности процессов и явлений, которые она исследует, термины космонавтики проникают во многие области языка при помощи средств массовой информации. Эта терминосистема активно пополняется за счёт терминов-заимствований из других областей знаний. Многие термины космической отрасли употребляются в общедно-разговорной речи, однако большая их часть функционирует только в специальных текстах.

Анализ космических терминов позволяет заключить, что в подязыке космонавтики широко представлены различные терминологические сочетания, составляющие большую часть всех терминов, появившихся в XX столетии.

Возникший интерес к явлению терминологической аббревиации связан со стремлением выяснить причины данного лингвисти-

ческого процесса и особенности образования сокращений.

Аббревиатуры и сокращения обнаруживают целый ряд грамматических особенностей. В научной и технической литературе особое место занимают тексты, ориентированные не столько на носителей определённого языка, сколько на представителей некоторой профессиональной общности, обладающей определёнными экстралингвистическими знаниями.

В науке накоплены довольно многочисленные, хотя и фрагментарные, исследования, посвящённые проблемам аббревиации в современных языках, тем не менее сокращённые лексические единицы остаются во многих отношениях загадкой в лингвистическом плане. Применительно к ним приходится рассматривать под специфическим углом зрения такие фундаментальные проблемы, как проблема структуры слова и его значения, проблема морфемы. Этим обстоятельством объясняются разноречивые и порой противоречивые взгляды учёных на природу сокращённых лексических единиц. Проблема перевода сокращений и аббревиатур неизменно актуальна, однако в последнее десятилетие её актуальность возросла.

Проблема сокращённых лексических единиц как специфического языкового явления в современных языках привлекала внимание многих исследователей. Эта проблема рассматривается в многочисленных статьях и отдельных работах русских и зарубежных авторов (в том числе в работах Д.И. Алексеева, В.В. Борисова, Е.П. Волошина, В.Г. Павлова, М.М. Сегалы, Л.А. Шеляховской).

Единство формы и содержания, т. е. связь между звучанием и значением, очень важна при рассмотрении природы аббревиации. Основным при этом, как подчёркивал В.П. Волошин, является положение о связи аббревиатур с явлениями действительности через соответствующие полные наименования [6]. Эта связь проявляется в том, что значение исходного словосочетания закрепляется не только за аббревиатурой в целом, но и за каждым её компонентом – звуком или

звукосочетанием, выделяемым в составе аббревиатуры. Соответствующие компоненты исходного словосочетания именуется при этом «расшифровкой». В результате аббревиатура может быть понятна только благодаря «расшифровке», за исключением особых случаев. Как справедливо утверждала К.А. Левковская, связь звучания со значением имеет у сложносокращённых слов совсем иной характер, чем у обычных слов языка: она осуществляется не непосредственно, а через соответствующую расшифровку [7].

Однако при широком распространении сложносокращённого слова и более или менее длительном существовании его в языке может постепенно установиться и непосредственная связь между звучанием и значением, и аббревиатура становится понятной уже без расшифровки. Подразумевается двойкой характер связи звучания со значением: во-первых, сложносокращённое слово не обладает самостоятельным значением и, следовательно, не реализуется вне формы и значения исходного словосочетания, являющегося его расшифровкой; во-вторых, имеется в виду соотношение не двух единиц – аббревиатуры и словосочетания – как таковых, а их элементов, откуда следует, что каждый компонент аббревиатуры обладает значением соответствующего слова в составе исходного словосочетания.

В английских научных и профессиональных текстах значительное место занимают различные виды сокращений. Поскольку они функционируют самостоятельно, фиксируются в лексикографических источниках и нередко становятся более известными, чем их источники (*radar* – радар, *sonar* – сонар, *laser* – лазер), их можно считать лексическими единицами научно-технического языка.

В английском языке сокращения по звуковому и графическому оформлению принято делить на аббревиатуры и акронимы.

Аббревиатуры (*abbreviations*) образуются от начальных букв знаменательных слов словосочетания:

AA – *antenna array* – антенная решетка,
AC – *alternating current* – переменный ток,

CB – *circuit breaker* – автомат защиты сети (АЗС),

FCC – *flight control computer* – компьютер управления полетом,

OXY – *oxygen* – кислород,

DTG – *distance to go* – расстояние до,

CWS – *control wheel steering* – управление по штурвалу (режим совмещенной работы штурвального управления с автоматом, где преимущество имеет управление по штурвалу).

При их произнесении по названиям букв ударение падает на последний слог. Сокращения могут состоять из букв и точек после каждой буквы, но в современном английском языке точки, как правило, не используются.

Акронимы (*acronyms*) представляют собой сокращения, которые, в отличие от аббревиатур (читаемых, произносимых и воспринимаемых по названиям букв), читаются и воспринимаются как обычные слова. К ним относятся приведённые выше термины-сокращения *radar*, *laser*, *maser*. Отметим, что переводческими соответствиями этих единиц в русском языке являются именно эти акронимы, а не многословные термины:

radar – *Radio Detection and Ranging* – радиообнаружение и определение расстояния,

laser – *Light Amplification by Stimulated Emission of Radiation* – оптический квантовый генератор,

maser – *Microvave Amplification by Stimulated Emission of Radiation* – микроволновое усиление с помощью индуцированного излучения.

Эти сокращения (акронимы) перенесены в русский язык как новые термины методом транслитерации. Такие единицы легко входят в терминологию и быстро ассимилируются в языке.

К акронимам следует отнести терминование методом стяжения или усечения двух слов и объединения их в одно, например:

tranceiver – приемопередатчик (*transmitter* + *receiver*),

informatics – информатика (*information* + *electronics*).

Большое распространение в настоящее

время получают так называемые омоакронимы, т. е. акронимы, омонимичные обычным словам: например, акроним AIR “average injection rate” – ‘средний расход при нагнетании’ – омонимичен слову air – воздух. Часто омоакронимы используются в рекламном тексте для оказания психологического воздействия на реципиента. Тем самым они облегчают работу переводчика, подсказывая ему назначение объекта, указывая на его свойства и т. д. BEST: “blitz electroshock therapy” – ‘электрошоковая терапия’ – и the best – ‘лучший’.

В научно-технических текстах используются сокращения двух видов:

– текстовые (авторские), которые функционируют в пределах только данного текста; текстовые (авторские) сокращения поясняются в тексте или предоставляются в виде отдельного списка сокращения к данному тексту;

– общепринятые, которые фиксируются в официальных справочниках и являются частью лексической системы языка.

Научно-технические сокращения можно разделить на:

а) буквенные:

APU – *auxiliary power unit* – **вспомогательная силовая установка,**

AVNCS – *avionics* – **авиационная электроника,**

AFSCN – *Air Force Satellite Control Network* – **сеть контроля спутников военно-воздушных сил (ВВС),**

STDN – *Space Flight Tracking and Data Network* – **сеть слежения и сбора данных космических полётов,**

HST – *Hubble Space Telescope* – **космический телескоп Хаббл,**

IAA – *International Academy of Astronautics* – **Международная академия астронавтики,**

IAF – *International Aerospace Federation* – **Международная аэрокосмическая федерация,**

BLD – *bleed* – **отбор воздуха,**

СКРТ – *cockpit* – **кабина пилотов;**

б) слоговые:

BATT – *battery* – **аккумулятор,**

CELCAL – *collective call* – **избирательный вызов;**

в) усечённые слова:

RECT – *rectifier* – **усилитель,**

AUT – *automatic* – **автоматический,**

Flusi – *Flugsicherung* – **обеспечение безопасности полётов,**

GEN – *generator* – **генератор;**

г) состоящие из буквы (слога) + слова:

compole – *commutating pole* – **вспомогательный или дополнительный полюс,**

NC programming language – **язык программирования для систем числового программного управления;**

д) состоящие из нескольких букв и слогов (слоги и буквы):

Abs E – *absolute error* – **абсолютная ошибка,**

Bur(of) Stds – *Bureau of standards* – **бюро стандартов,**

cir bkr – *circuit breaker* – **выключатель;**

е) буквенно-цифровые:

A1 – *A one* – **первосортный,**

N₁ – *low pressure compressor* – **обороты ротора компрессора низкого давления.**

Результаты анализа текстов, размещённых на сайте американского аэрокосмического агентства «НАСА», и их переводов на русский язык позволяют утверждать, что большая часть аббревиатур космических терминов в английском языке не имеют эквивалентов в русском языке и передаются при помощи описательного перевода. Подкрепим свои рассуждения примерами.

1. The Air Force Flight Test Center (AFFTC) provided the C-141A transport aircraft for the project.

Испытательный центр ВВС предоставил транспортный самолёт C-141A для проекта.

2. Radiation Assessment Detector, or RAD, will monitor naturally occurring radiation that can be unhealthful if absorbed by living organisms.

Датчик радиационной оценки будет контролировать радиацию, которая может быть опасной для живых организмов.

3. The design of the generator's General Purpose Heat Source (GPHS) module, which con-

tains the radioisotope heat source, is enhanced and provides added factors of safety in the event of impact or inadvertent reentry.

Качество генератора источника тепла общего назначения, который содержит тепловые модули на основе радиоизотопов, было улучшено и обеспечивает дополнительную безопасность в случае столкновения или случайного включения.

4. Hatch opening for the start of the spacewalk is scheduled for 9:25 a.m. EST Monday.

Выход в открытый космос намечен на понедельник, 9:25 утра по восточному стандартному времени.

5. An MPLM (multi-purpose logistics module) is designed to be carried to the space station by a shuttle, be temporarily attached to the station to allow astronauts to float inside and remove cargo and fill it back up with items, and then be detached and returned to Earth by the shuttle.

Многоцелевой модуль материально-технического снабжения (ММС) – система, разработанная для отправки на станцию в отсеке шаттла, временно пристыковывается к станции, чтобы позволить астронавтам передвигаться внутри и забрать полезный груз, затем модуль наполняется отработанными материалами, отделяется и возвращается на Землю.

Необходимо отметить, что сокращения характеризуются высокой омонимичностью, и чем меньше число знаков в сокращении, тем выше омонимичность. Так, в списках сокращений даже в отраслевых словарях сокращения **А**, **В**, **АС** обозначают многочисленные, различные и не связанные между собой понятия и предметы.

Основная задача аббревиатур – это экономия речи и письменного текста. При произношении аббревиатура по времени звучания примерно в пять раз короче соответствующего ей термина, а при написании экономия ещё более впечатляюща. Однако преимущества такой экономии хороши только до тех пор, пока аббревиатуры понятны собеседникам и их переводчику.

Аббревиация стала одним из самых продуктивных способов пополнения словарного состава терминологии многих языков, в том

числе и английского. Чем сложнее отрасль науки и техники, тем интенсивнее процесс развития сокращённых форм терминов и, соответственно, аббревиатуры пополняют терминосистемы развивающихся быстрыми темпами различных областей науки и техники, таких как космонавтика.

Передача аббревиатур на другой язык представляет собой одну из проблем, возникающей при переводе. Даже широко известные и употребительные сокращения могут вызвать затруднение в процессе перевода на другой язык. В связи с этим необходимо комплексное исследование аббревиатур и сокращений, в том числе относящихся к космической отрасли, и составление наиболее полных словарей аббревиатур.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев Д.И., Борисов В.В. Аббревиация в условиях научно-технической революции // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М.: Наука, 1977. С. 213-217.
2. Арбекова Т.И. Лексикология английского языка. Практический курс. М.: Высшая школа, 2001. 317 с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 239 с.
4. Борисова Л.И. Лексические трудности перевода научно-технической литературы с английского языка на русский: Методическое пособие. Под ред. В.Н. Комисарова. М.: Всесоюзный Центр Переводов, 1997. 135 с.
5. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М.: Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
6. Волошин Е.П. Аббревиатуры в лексической системе английского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1966. 277 с.
7. Львовская З.Д. Теоретические проблемы перевода. М., 2005. 224 с.
8. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
9. Нойберт А. Перевод и лингвистика. М., 1973. 457 с.
10. Павлов В.Г. Функционирование сокращений в современном немецком языке (номенклатурные и речевые сокращения): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1970. 20 с.
11. Сеголь М.М. Аббревиация и аббревиатуры в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1965. 24 с.

12. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке XI-XVII веков. Л.: Наука, 1970. 383 с.
  13. Толикина Е.Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 53-68.
  14. Федоров А.В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
  15. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
  16. Щеляховская Л.А. К изучению аббревиатур в современном русском языке // Вопросы словообразования и фразеологии. Фрунзе, 1962. С. 19-21.
  17. Беляев И.А. Англо-русский словарь трудностей научно-технической лексики. М.: Р. Валент, 2007. 352 с.
  18. Марасов В.П. Англо-русский словарь по гражданской авиации. М.: Скорпион-Россия, 1996. 560 с.
  19. Lingvo 12: Большой англо-русско-английский общелексический словарь. Электронная версия, 2007.
  20. Robertson F.A. Airspeak. Radiotelephony communication for pilots. UK, 1999. 219 p.
  21. Shawcross P. English for aircraft. Documentation handbook. Paris, 2000. 246 p.
- СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:**
22. Nasa – home [Электронный источник]. URL: <http://www.nasa.gov/home/index.html> (дата обращения: 15.11.2010).
  23. Nasa – news [Электронный источник]. URL: <http://www.nasa.gov/news/index.html> (дата обращения: 15.11.2010).
  24. Nasa – missions [Электронный источник]. URL: <http://www.nasa.gov/missions/index.html> (дата обращения: 15.11.2010).

УДК 801.81- 055.1

Закирова Ю.А.

Московский государственный областной университет

**МУЖСКАЯ КАРТИНА МИРА В ПАРЕМИЯХ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО
И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Y. Zakirova

Moscow State Regional University

**MALE WORLDIMAGE IN PROVERBS (BASED ON THE MATERIAL
OF RUSSIAN, ENGLISH, GERMAN AND ITALIN LANGUAGES)**

Аннотация. В настоящей статье рассматривается мужская картина мира в паремиях русского, английского, немецкого и итальянского языков на основании сопоставления и сравнения пословиц и поговорок как представителей различных лингвокультур. В связи с семантической многогранностью паремий на основе их систематизации выделяются две общие группы – «мужская картина мира» и «женская картина мира», состоящие, в свою очередь, из лексико-семантических групп (ЛСГ), первые из которых рассматриваются в данной статье. Паремии, содержащие гендерный аспект, составляют хоть и незначительный, но очень интересный и важный пласт идиоматического фонда любого языка. Этот фонд является на сегодняшний день актуальным предметом изучения в лингвистике и предоставляет богатейший материал для познания картины мира в различных лингвокультурах.

Ключевые слова: языковая картина мира (ЯКМ), гендер, паремия, лексико-семантическая группа.

Abstract. This article highlights the male worldview in proverbs of the English, German, Italian and Russian languages on the basis of comparing them as instances of different linguacultures. Since proverbs have various shades of meaning, they fall into two big groups – those that reflect the male worldview, and those that reflect the female worldview, which are, in their turn, represented by lexical-semantic groups. The author focuses upon the former, Proverbs with gender aspect build up if not significant but challenging and important idiomatic layer in any language, which makes them an interesting subject to investigate. Representing a large amount of material for cognizing worldview and contrasting different linguistic cultures, they attract the attention of more and more linguists all over the world.

Key words: linguistic worldimage, gender, proverb, lexical-semantic group.

Впервые понятие *языковая картина мира* (ЯКМ) употребил Л. Вайсгербер в своей монографии «Родной язык и формирование духа» (1929). Он считал, что ЯКМ – это система духовных содержаний, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка [3, 120-130].

Современные представления о ЯКМ в языкознании сводятся к двум основным идеям.

Одни учёные, как, например, Апресян Д.Ю. [1, 120] и Яковлева Е.С. [16, 73-89] определяют ЯКМ как представление о действительности, отражённое в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенное в системных значениях слов, информация о мире.

Другая группа учёных – Колшанский Г.В. [7, 70], Сукаленко Н.И. [12, 105] и Маслова В.А. [8, 145] – напротив, под ЯКМ понимают результат отражения объективного мира обыден-

---

© Закирова Ю.А., 2011.

ным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества.

Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики.

Картины мира, рисуемые разными языками, в чём-то между собой похожи, в чём-то различны. Различия и сходства между языковыми картинками обнаруживают себя в таком жанре устного народного творчества, как пословицы и поговорки (паремии). В толковом словаре Даля В.И. *паремия* определяется, в частности, как «нравоучительное слово» [14, 24128], т. е. текст назидательного характера. Ожегов С.И. определяет *пословицу* как «краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм» [13, 22902]; *поговорка*, по толковому словарю Ожегова С.И., это «краткое устойчивое выражение, преимущественно образное, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания» [13, 21397]. Пословицы и поговорки любого народа выявляют бытовую и языковую картину мира, в которой человек – центр осмысления и выражения оценки, и хотя гендерно окрашенные паремии немногочисленны, они составляют очень интересный и важный пласт идиоматического фонда любого языка.

В Словаре гендерных терминов указано, что в настоящее время в лингвистической литературе отсутствует последовательное употребление термина *гендер*, что связано с некоторыми различиями в его понимании и сравнительной новизной этого понятия [11].

В отечественной лингвистике одни из первых исследований были сделаны Кирилиной А.В. Она выделяет понятие *гендер* не только как грамматическую категорию рода, но и рассматривает его с социальной и культурной точек зрения [6, 105-162].

При исследовании паремиологического состава английского, немецкого, итальянского и русского языков были выделены две общие группы – мужская и женская картина мира, а в них – лексико-семантические группы (ЛСГ).

Зенков Г.С. определяет ЛСГ как объединение слов, значение которых связано с од-

ним и тем же фрагментом действительности [4].

В «мужской» и «женской» картине мира были выделены следующие лексико-семантические группы (ЛСГ):

1. Супружество;
2. Выбор невесты (только для мужской картины мира);
3. Любовь, привязанность;
4. Отцовство/Материнство;
5. Качества мужской / женской личности;
6. Внешность;
7. Имитация мужской/ женской речи;
8. Религиозная сфера, где доминирует лексема «поп», «священник»/ «монахиня»;
9. Родственные отношения;
10. Возраст.

Рассмотрим ЛСГ мужской картины мира.

1. Супружество.

Толковый словарь Ожегова определяет супружество как брак, семейный союз мужчины и женщины, порождающий их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям [13].

Следующие паремии репрезентируют ЛСГ «Супружество»:

- Женишься раз, а плачешь век.
- Ein Junggeselle ist ein Pfau, ein Verlobter ein Löwe, ein Verheirater ein Esel.
Холостяк – это павлин, жених – это лев, женатый – это осел.
- A married man turns his stuff into a stake.
Женихом весел, а мужем нос повесил.
- Chi ha moglie ha doglie.
У кого есть жена, у того есть и горе.

Как видно из приведённых примеров, данная семантическая группа находит своё отражение в паремиях всех рассматриваемых языков и несёт отрицательную коннотацию описания брака.

Кроме отрицательных сторон брака, связанных с плохой и сварливой супругой, подчёркивается и ценность жены для мужа:

- Eine schone Wirtin macht einen teuren Gasthof.
Одна хорошая хозяйка делает дорогую гостиницу.
- The wife is the key of the house.

Жена – это ключ хорошего дома.

– La moglie è la chiave di casa.

Жена – ключ к дому.

Вместе с тем паремии несут в себе несколько андроцентричную коннотацию, т. е. отражают полезность жены в доме как хозяйки и матери, обеспечивающей комфорт мужа.

2. В отдельную лексико-семантическую группу следует выделить пословицы и поговорки, относящиеся к **выбору невесты**, будущей жены:

– Жёну выбирай не глазами, а ушами.

– Wähl dir die Frau nicht mit den Augen, sondern mit den Ohren aus!

– Take a vine of a good soil, and the daughter of a good mother.

Рви вьюнок с хорошей почвы, а дочь выбирай по матери.

– Le ragazze spiritose – sono sempre ottime spose.

Женщина с чувством юмора будет хорошей женой.

В паремиях, относящихся к данной ЛСГ, признаётся тот факт, что жизнь мужчины во многом определяется тем, какая у него будет жена, раскрываются тяготы брака для мужчин, значимость выбора женщины для удачного брака и главенство мужа, также даются практические рекомендации.

В пословицах итальянского языка содержатся прямые советы не жениться ради денег, без любви, из соображений разумности или даже по любви, так как всё это будет иметь только отрицательный исход:

– Chi si marita per amore, di notte ha piacere, e di giorno ha dolore.

Тот, кто женится по любви, счастлив ночью и несчастлив днем.

– Chi sposa il denaro prende cattiva moglie.

Тот, кто женится из-за денег, получит злую жену.

По итальянским поверьям считалось, что в брак можно вступать в любое время года, за исключением дней великого поста и месяца мая. Плохим предзнаменованием также считалось устраивать торжество во вторник или в пятницу [9]. Этот обычай нашёл отражение в пословице:

Ne di Venere ne di Marte non si sposa ne si parte!

Не женись, не уезжай ни во вторник, ни в пятницу!

Интересно, что в немецких, английских и итальянских пословицах данной ЛСГ содержатся прямые обращения к мужчине:

– Schau dir die Mutter an, bevor du dich mit der Tochter verlobst.

Смотри на мать, прежде чем выбрать дочь.

– Choose a wife on a Saturday rather than on a Sunday.

Жёну выбирай в субботу, а не в воскресенье.

– Chi piglia la moglie, e non sa l'uso, assottiglia le gambe e allunga il muso.

Тот, кто выберет жену, никогда не похудеет.

Между тем только в русском материале, кроме адресата-мужчины, как, например, *Первую дочь по семье бери, вторую — по сестре; Выбирай жену не в хороводе, а в огороде*, имеют место паремии типа: *Замуж иди — в оба гляди*, обращённые к адресату-женщине.

3. Любовь и привязанность.

Толковый словарь Ожегова даёт более шести определений слова *любовь*, основные три следующие: 1) глубокое эмоциональное влечение; 2) чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности; 3) постоянная, сильная склонность, увлечённость чем-нибудь [13]. Данная ЛСГ в мужской картине мира представлена малым числом пословиц, в большинстве из них говорится, что для мужчины любовь не главное, как, например, в немецком языке:

Ein guter Reiter weiß genau: zuerst das Pferd und dann die Frau.

Хороший всадник знает: сначала конь, потом жена.

В английском языке подчёркивается, что из всех женщин дольше всех мужчина любит только свою мать:

A man loves his sweetheart the most, his wife the best, but his mother the longest.

Мужчина любит свою девушку сильнее всего, жену лучше всего и мать дольше всего.

4. Отцовство.

Толковый словарь Ожегова определяет отцовство как кровное родство между отцом и его ребёнком (детьми) [3]. Данная ЛСГ совершенно одинаково репрезентирована в исследуемых языках:

За что батька, за то и детки.

Wie der Vater, so den Sohn.

Like father, like son.

Il figlio al padre assomiglia.

Отцовство в рассматриваемых паремиях несёт, в основном, нейтральную коннотацию, но также указывается на духовное родство и сходство отца и детей. Есть и отрицательно окрашенные пословицы:

– Дал Бог отца, что и родного сына не слушается.

– У скупого отца сын – мот.

– Was der Mutter ans Herz geht, das geht dem Vater nur bis an die Knie.

Что трогает сердце матери, то отцу до колен.

– A padre avaro, figlio prodigo.

Скупой отец, блудный сын.

Отец не заботится о детях или слишком скуп, что плохо отражается на ребёнке, причём в пословицах идёт указание именно на сына, а не на дочь. Интересно, что в рассматриваемых языках делается акцент на том, что, как бы ни любил родитель своих детей, как бы ни старался их вырастить, всё равно в конце жизни ни один из них не подумает помочь. Причём если в русском языке в пословице референтом является женщина – мать, то в остальных – мужчина, отец, а количество детей во всех паремиях равно десяти:

– Мать кормит детей – сохнет, а они по ней и не охнут.

– Eher ernahrt ein Vater zehn Kinder als zehn Kinder einen Vater.

Скорее отец прокормит десять детей, чем десять детей одного отца.

– One father can support ten children; ten children cannot support one father.

Один отец может содержать десять детей, но не десять детей одного отца.

– Basta un padre a governare cento figliuoli, e

cento figliuoli non bastano a governare un padre.

Скорее один отец будет ухаживать за десятью детьми, чем десять детей за одним отцом.

5. Качества мужской личности.

Данная ЛСГ представлена группой пословиц, несущих в себе отрицательную коннотацию, обнаруживающуюся только по отрицательным чертам характера. Среди них можно выделить следующие семы:

1) скудность ума;

2) лень;

3) пьянство;

4) лживость;

5) норов, спесь.

Рассмотрим каждую в отдельности.

1) Скудность ума

Словарь Ожегова даёт много определений слову «ум», первым и основным является следующее: способность человека мыслить, основа сознательной, разумной жизни [13]. В некоторых русских и английских паремиях, отражающих данную семантическую группу, нет референта-мужчины, но содержатся атрибуты, присущие только мужскому полу, как, например, борода. В «Истории бород по Констеблю» говорится о том, что в Средние века мужчина без бороды или с жиденькой бородкой воспринимался обычно как слабоумный, немужественный и бесплодный [5].

– Борода велика, а ума ни на лыко.

– It is not the beard that makes the philosopher.

Не борода делает философа.

Использование данного слова привносит в пословицу ироническую коннотацию, наличие бороды ещё не означает наличие ума.

2) Лень

По толковому словарю Ожегова лень определяется как отсутствие желания действовать, трудиться, склонность к безделью [13].

Следующие пословицы репрезентируют ЛСГ «Лень»:

– Брехать не топором махать, брехнул да и отдохнул.

– Cappello alla ventire pensa solo per sè.

Кто носит шапку набекрень, тому о других подумать лень.

Именно эти качества и высмеиваются в паремиях русского и итальянского языка. В английском и немецком языке в данной ЛСГ гендерность отсутствует, т. е. присутствуют пословицы, заполняющие ЛСГ «лень», но они могут быть отнесены как к мужчине, так и к женщине:

– A lazy sheep thinks its wool heavy.

Ленивой овце и собственная шерсть тяжелой кажется.

– Was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen.

Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.

3) Пьянство

В толковом словаре Ожегова пьянство определяется как постоянное неумеренное употребление спиртных напитков [13]. В пословицах русского и немецкого языка имеются пословицы, высмеивающие этот порок:

– Был Иван, а стал болван, а все винцо виновато.

– Вино в мужчине, разум в кувшине.

– Ist das Bier (Wein) im Manne, ist der Verstand in der Kanne.

Во многих странах пьянство имеет воистину вековые традиции. В своей книге «История пьянства в Англии» Артур Шодуэлл пишет: «В VI веке мы находим указание на существование этого порока среди духовенства. В 570 году правитель Гольдас Мудрый издал декрет, коим «каждый монах, напившийся до того, что не в состоянии будет петь во время службы – будет оставаться без ужина» [15], что не могло не отразиться в пословицах:

– When wine is in, wit is out.

Хмель шумит, ум молчит.

– Drunken days have all their tomorrow.

Пьяный скачет, а проспится – плачет.

В латинском языке слово «спирт» (spiritus) имеет два значения – дух и спирт. И это показывает, что в истории развития человечества спиртные напитки всегда носили обожествленный характер. Согласно легенде, впервые эту операцию совершил итальянский монах

алхимик Валентиус. Испробовав вновь полученный продукт и придя в состояние сильного алкогольного опьянения, алхимик заявил, что он открыл чудодейственный эликсир, делающий старца молодым, утомленного – бодрым, тоскующего – веселым [2].

Но, тем не менее, это не нашло отражения в паремиях итальянского языка, данная ЛСГ представлена одной пословицей:

Vacco, Tabacco e Venere, riducin l'uomo in cenere.

Пьянство, табак и женщины до добра не доведут.

4) Лживость

Данное слово в толковом словаре Ожегова определяется как намеренное искажение истины, неправда, обман [13].

Данная ЛСГ представлена следующими пословицами:

– В очи льстив, а за очи лжив.

– Бородка Минина, а совесть глиняна.

– Er ist wetterwendisch, er ändert seine Entschlüsse alle nasenlang.

У него семь пятниц на неделе.

– Er wechselt seine Gesinnung wie sein Hemd.

Он меняет свои убеждения как перчатки.

В английском и итальянском языке данная ЛСГ представлена пословицами, которые могут быть отнесены как к мужчине, так и к женщине, т. е. гендерность в них отсутствует:

– When the fox preaches, take care of your geese.

Когда лиса читает проповеди, береги своих гусей.

– A lie begets a lie.

Ложь порождает ложь.

– Niente uccide piu della calunnia.

Ничто так не убивает, как ложь.

5) Норов, спесь

Норов, по толковому словарю Ожегова, – это упрямство, характер с причудами.

Спесь толковый словарь Ожегова определяет как надменность и высокомерие [13].

В русском и немецком языках пословицы высмеивают данные качества личности:

– Всем бы хорош, да норовок неугож.

- Бешеному мужу и море за лужу.
- Er ist nie um eine Antwort verlegen.
Он за словом в карман не полезет.
- Er ist schlagfertig.
Он за словом в карман не полезет.

В рассматриваемых языках пословиц данной ЛСГ мало, и они присутствуют большей частью в русском и немецком языке, а итальянский и английский языки не содержат паремий, высмеивающих норы и спесь мужчины. В паремиях на данную тематику гендерный аспект отсутствует, их можно отнести как к мужчине, так и к женщине:

- So many countries, so many customs.
- Ogni paese ha i suoi costumi.

Что город – то норы, что деревня – то обычай.

6. Внешность

По толковому словарю Ожегова, внешность – это наружный вид человека [13]. Данная ЛСГ представлена следующим пословицами:

- Будь красив, да не будь спесив.
- Die Schönheit des Mannes liegt in seinem Verstand, der Verstand der Frau liegt in ihrer Schönheit.
Красота мужчины – его ум, женщины – в ее красоте.
- Handsome is that handsome does.
Красив тот, кто красиво поступает.
- Belli in faccia, brutti in piazza.
Красивый внешне, безобразный внутри.

Для мужчины красота в некоторой степени даже является отрицательным качеством, внешняя привлекательность мужчины – не главное, главное – его ум.

7. Мужская речь

Толковый словарь Ожегова даёт много определений понятию *речь*, нас интересуют основные: 1) звучащий язык; 2) разговор, беседа [13].

В русском языке данная ЛСГ представлена достаточно большим количеством пословиц и поговорок:

- *Ах, какая тоска! Не выпустил бы из рук куска, все бы ел да песни пел.*
- *Где уж нам, мужикам, чай с сахаром пить!*

Или мужчина как бы задаётся вопросом:

- *Девушки хороши – хороши, красивые – хороши, откуда же плохие жены берутся?*
- All are good lasses, but whence come the bad wives?
- Buon papero e cattiva oca?

В пословицах, относящихся к данной ЛСГ, мужская речь имитируется с иронической коннотацией.

8. Религиозная сфера, где доминирует лексема «поп» / «священник»

Религия возникла вместе с человеком, она существовала, существует и будет существовать на протяжении всей человеческой истории. Роль религии в жизни конкретных людей, обществ и государств неодинакова, однако у представителей различных культур отношение к служителям культа и веры схоже, что не могло не найти отражения в пословицах и поговорках:

- Безумный поп тебя крестил – дурак, что не потопил.
- Greift der Abt zum Glas, greifen die Mönche zum Krug.
Берет священник стакан, монахи берут кружку.
- Take heed of an ox before, of a horse behind, of a monk on all sides.
Берегись вола спереди, лошади сзади, а монаха со всех сторон.
- A un popolo pazzo, un prete spiritato.
Ненормальным прихожанам – сумасшедшего попа.

Употребление в паремиях лексемы *поп* / *священник* вносит ироническую коннотацию, даже издевку.

9. Родственные отношения

Семья в толковом словаре Ожегова имеет много определений: 1) группа живущих вместе близких родственников; 2) объединение людей, сплоченных общими интересами [13].

В русском языке в данной семантической группе пословиц мужчина выступает в нескольких социальных ролях: дед, кум, тесть, зять, дядька:

- *Бедному зятю и тесть не рад.*
- *В огороде бузина, а в Киеве дядька.*
- *Ехал к брату, а заехал к свату.*

В паремиях русского языка семья рассматривается в тесном взаимодействии с остальными членами рода, поэтому в них широко представлены родители мужа и жены, дедушки и кумы. Во всех остальных языках данная ЛСГ остаётся незаполненной.

10. Возраст. Старый мужчина

В русском, немецком и итальянском языках есть пословицы, в которых нет определённого указания на возраст референта, но по внутреннему содержанию и форме понятно, что речь идёт о пожилом мужчине:

- Волосом сед, да совести нет.
- Волосом-то бел, да душой черен.
- Всяк старец в свой ставец.
- *Седина в бороду – бес в ребро.*
- Wird der Bart grau, stößt der Teufel in die Rippe.
- Je alter der Kater, desto steifer der Schwanz.
- Je oller, desto toller.

Большая часть англичан считает своих стариков «неудобными» и, если позволяют доходы, они доживают свой век в сумрачных домах призрания. Впрочем, родственники довольно часто навещают их, проверяя, насколько они здоровы и счастливы. Возможно, поэтому в английском языке ЛСГ «Старый мужчина» немногочисленна и представлена в сравнении с молодёжью:

- Young men's knocks old men feel.
Старики чувствуют удары молодых.
- If the young man would, and the old man could, there would be nothing undone.
Если бы молодость знала, если бы старость могла.

Проделанный анализ паремий английского, немецкого, итальянского и русского языков по гендерным показателям, в частности по мужской картине мира, позволил отметить определённое сходство между паремиями указанных языков и некоторые отличительные особенности в рассматриваемых лексико-семантических группах. Во всех указанных языках паремии, относящиеся к ЛСГ «Супружество» и «Выбор невесты», несут отрицательную и вместе с тем несколько андроцентричную коннотацию,

отражая полезность жены в доме и главенство мужа. Но только в русском языке, кроме адресата-мужчины, есть адресат-женщина. ЛСГ «Качества мужской личности» также представлена группой пословиц, несущих в себе отрицательную коннотацию и высмеивающих отрицательные черты мужского характера. Причём в семе «лень» в паремиях английского и немецкого языка, в семах «лживость», «норов, спесь» в паремиях английского и итальянского языка гендерность нулевая, т. е. присутствуют пословицы, которые могут быть отнесены, как к мужчине, так и к женщине.

Интересно, что во всех рассматриваемых языках в паремиях, заполняющих ЛСГ «Отцовство», делается акцент на том, что, как бы ни любил родитель своих детей, в конце жизни ни один из них не поможет, причём если в русском языке в пословице референтом является женщина, мать, то в остальных – мужчина, отец, а количество детей во всех паремиях равно десяти.

ЛСГ «Любовь, привязанность», «Внешность», «Религиозная сфера» и «Возраст» многочисленны и представлены во всех языках, причём большинство паремий данных групп несут ироническую коннотацию.

ЛСГ «Родственные отношения» представлена только в русском языке, во всех остальных языках данная ЛСГ остаётся незаполненной.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Языки русской культуры. Избранные труды / Ю.Д. Апресян. М.: Школа, 1995. Т. 2.
2. Белоусова Л.Н., Пахомова И.Г., Ткаченко Е.И., Успенский Ю.П. Алкоголь: что мы о нем знаем. Историко-социальные аспекты. Польза или вред? Санкт-Петербургская государственная медицинская академия им. И.И. Мечникова [Электронный ресурс]. URL: <http://novosti.mif-ua.com/archive/issue-3888/article-3939/> (дата обращения: 20.11.10).
3. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М., 2004.
4. Зенков Г.С., Сапожникова И.А. Введение в языкознание [Электронный ресурс]. URL: <http://>

- www.classes.ru/grammar/112.Zenkov_Vvedenie_v_yazikoznanie/html/33.html (дата обращения: 20.11.10).
5. История бород по Констеблу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.borodatyh.net/2008/05/15/istoriya-borod-po-konstebly/> (дата обращения: 13.10.10).
  6. Кирилина А. Гендерные стереотипы по данным языка // Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. 180 с. С. 105-162.
  7. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 103 с.
  8. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
  9. Обычаи, традиции Италии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.italya.ru/traditions1.shtml> (дата обращения: 09.09.10).
  10. Розенталь Д.Э. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/grammar/114.Rosental> (дата обращения: 20.11.10).
  11. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/gender> (дата обращения: 12.12.10).
  12. Сукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. Киев: Наукова думка, 1992. 164 с.
  13. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarozhegova.ru24128,22902,21397,2114,13584,19531,33082,13074,25434,13403,17248,3419,27091,28436> (дата обращения: 20.11.10).
  14. Толковый словарь Даля [Электронный ресурс]. URL: <http://vidahl.agava.ru> (дата обращения: 20.11.10).
  15. Трубецкой А.Ю., Титов И.Б., Шильников Д.В., Гаазе К.Б. Миф о пьянстве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120137.htm> (дата обращения: 12.12.10).
  16. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира // Вопросы языкознания, 1994. № 5. С. 73-89.

УДК 81-114.4

Зарудная Е.В.

Международный институт менеджмента ЛИНК

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ
«ПОТУСТОРОННОСТЬ» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

E. Zarudnyaya

International Institute of Management LINK

**LEXICOGRAPHICAL INTERPRETATION OF THE CONCEPT “THE OTHER
WORLD” IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LINGUOCULTURES**

Аннотация. Статья посвящена анализу понятийной составляющей концепта *the other world / потусторонность* в английской и русской лингвокультурах. В статье приводятся результаты дефиниционного анализа ключевых слов-репрезентантов концепта «потусторонность», других лексем, вербализующих этот концепт в английском и русском языках, а также этимологический анализ понятия *потусторонность / the other world*. В статье приводится классификация выявленных значений исследуемых лексем. Проведённый анализ позволяет выявить особенности семантической структуры базовых лексем-репрезентантов концепта «потусторонность» в обоих языках.

Ключевые слова: потусторонность, концепт, когнитивный подход, лингвокультурология, понятийная составляющая.

Abstract. The article reveals the notional component of the concept ‘the other world’ in the English and Russian linguocultures. The article shows the results of the definitional analysis of the key words and other lexical units which verbalize this concept in both languages as well as etymological analysis of the notion ‘the other world’ and its Russian equivalent. The author suggests a classification of the detected meanings. The analysis carried out reveals characteristic features in the semantic structure of the key words which represent the concept ‘the other world’ in the English and Russian languages.

Key words: the other world, concept, cognitive approach, cultural linguistics, notional component.

Настоящая статья посвящена анализу понятийной составляющей концепта *the other world / потусторонность* в английском и русском языках. Под *понятийной составляющей концепта* имеется в виду языковая фиксация концепта, дефиниции, обозначение, признаковая структура.

Как известно, в современной лингвистике существует множество трактовок понятия *концепт*. Общим для них является утверждение о том, что исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц [17, 19]. Наиболее общую, основную часть этого содержания, общепринятое у носителей языка представление о том или ином явлении действительности передают значения лексем. Как справедливо подчёркивает И.А. Стернин, семантика ключевого слова-репрезентанта концепта лучше всего отражает ядро концепта [21, 58]. Эту идею поддерживает Красавский Н.А., утверждая, что в значении слова отражены базовые представления об обозначаемом им понятии. По мнению исследователя, словарная дефиниция – это «культурно релевантный тип вербального текста, в котором раскрыта базовая (собственно понятийная) структура и ассоциативно-образная основа концепта» [13, 115].

На первом этапе исследования мы проанализировали пять русско-английских словарей, в которых рассматривались словарные статьи, содержащие существительное *потусторонность* и прилагательное *потусторонний*, а также их английские эквиваленты. Необходимо отметить, что во всех рассмотренных словарях отсутствуют статьи, содержащие исследуемое существительное, а в трёх из них *потусторонность* объясняется через прилагательное *потусторонний*. В качестве английского эквивалента русского прилагательного в сочетании *потусторонний мир* в словарях предлагается словосочетание *the other world*, поэтому мы рассматриваем значения этих двух лексем.

Мы проанализировали одиннадцать толковых словарей русского языка и такое же количество толковых словарей английского языка. Мы обращались к словарям разных лет издания, чтобы полнее выявить динамику изменения объёма значения исследуемого понятия. Анализ словарных статей, содержащих существительное *потусторонность* и словосочетание *the other world*, позволяет выявить базовые представления о передаваемом ими явлении, т. е. основу концепта «потусторонность».

Как показал анализ одиннадцати толковых словарей русского языка, существительное *потусторонность* не представлено ни в одном из них. В ходе исследования мы проанализировали определения существительного *потусторонность*, представленные в энциклопедических справочниках русского языка. Дефиниции лексемы *потусторонность* отражают представление о *потусторонности* как о «духовном, сверхчувственном, сверхъестественном мире – «сверхмире», противопоставляемом посюсторонности – действительному, чувственному, естественному миру» [26, 346]. «Потусторонность считается обиталищем бога, духов, местонахождением рая, ада и т. д.» [26, 346]. В *христианской вере потусторонность трактуется как* «иной, сверхъестественный, духовный, божественный мир наряду (над или за) с посюсторонним, естественным, чувственным миром;

как «вечность», пребывающая за изменчивой «временностью». Потусторонность – это место, «где человек обитает после смерти, где ему открываются неисповедимые божественные пути, и все бессмыслицы земного существования раскрываются как составные части плана, существующего от вечности к вечности и имеющего целью спасение человечества» [26, 346]. Таким образом, согласно словарным толкованиям, *потусторонность* в русском языке связывается с потусторонним, неземным, духовным миром. Использование таких прилагательных, как «божественный», «вечный», «сверхъестественный» в определении исследуемого существительного позволяет говорить о том, что нереальный мир понимается как превосходный по отношению к реальному миру, то есть пребывая в мире потустороннем, можно приобрести то, что недостижимо в мире посюстороннем. Потусторонность связывается с состоянием божественности, представляет собой особое душевное состояние, предполагающее проявление большего интереса к неземным, нематериальным явлениям.

Данные энциклопедических справочников позволяют нам выделить сферы функционирования лексемы «потусторонность» и классифицировать выявленные значения: 1) значение сферы построения картины мира: бессмертие, возвышенность, вечность, лучший мир, мир иной, «тот свет» [26, 346]; 2) значение религиозной сферы: иной, божественный мир, загробный мир, трансцендентность [26, 346]; 3) значение сферы социализации: нездешность [26, 346]; 4) значение сферы познания окружающего мира: сверхъестественный, духовный мир [26, 346].

Как показывает исследование, существительное *потусторонность* не относится к высокочастотным лексическим единицам русского языка. Так, оно не представлено в авторитетных толковых словарях русского языка, таких, как «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона, «Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка» В.И. Даля, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера,

«Толковый словарь современного русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, «Словарь синонимов русского языка». В новом частотном словаре русской лексики О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова приводится только прилагательное *потусторонний*, которое встречается всего в 59 текстах корпусов русского языка и имеет коэффициент D - 25,3.

В четырёх толковых словарях русского языка существительное *потусторонность* трактуется через прилагательное *потусторонний*. Нами было выявлено одно значение прилагательного *потусторонний*, зафиксированное в трёх словарях: нездешний, неземной (*П. мир в мистических представлениях*) [23, 662]. Кроме того, мы выявили ещё три дополнительных значения лексемы «*потусторонность*». Мы назвали их дополнительными, так как одно из них было представлено в двух словарях: существующий по религиозно-мистическим представлениям, за пределами земной жизни [23, 662] – и два других в одном из словарей: чуждый всего житейского, отсутствующий [24, 662] и необъяснимый, сверхъестественный [23, 662].

Проанализировав данные толковых словарей русского языка, мы выделили сферы функционирования лексемы *потусторонний* и провели классификацию всех выявленных значений: 1) значение сферы построения картины мира: нездешний, неземной, загробный – *потусторонний мир в мистических представлениях* [23, 622]; 2) значение религиозной сферы: существующий по религиозно-мистическим представлениям, за пределами земной жизни – *Потусторонний мир. Потусторонность* [23, 622]; 3) значение сферы социализации: чуждый всего житейского, отсутствующий (*Такие голубые глаза поражают своим потусторонним выражением*) [20, 336]; 4) значение сферы познания окружающего мира: необъяснимый, сверхъестественный – *Потусторонние силы* [23, 622].

Для выявления семантических особенностей лексемы «*the other world*» в английском языке мы проанализировали одиннадцать толковых англо-английских словарей.

Необходимо отметить, что в шести словарях были найдены словарные статьи с данной лексемой. Мы отметили одну основную дефиницию словосочетания «*the other world*»: «*a world other than this, the world beyond the grave*» [34, 397]. В качестве дополнительных в английском языке выделяются следующие значения: *the spirit world of many non-Christian peoples* [35, 432], а также *the world of idealism, poetry or romance* [34, 397]. Оба дополнительных значения были выявлены в двух толковых словарях.

Проанализировав данные толковых словарей английского языка, мы выделили сферы функционирования лексемы «*the other world*» и провели классификацию всех выявленных значений: 1) значение сферы построения картины мира: «*a world other than this, the world beyond the grave*» [34, 397]; 2) значение религиозной сферы: *the spirit world of many non-christian peoples* [34, 397]; 3) значение сферы творчества: *the world of idealism, poetry or romance* [35, 432].

Так же, как и русские словари, большинство английских толковых словарей раскрывают значение словосочетания *the other world* через толкование соответствующего прилагательного *otherworldly*. Нами было выделено одно основное значение данной лексемы, которое представлено во всех проанализированных одиннадцати словарях: *of a world other than the actual world; transcendental* [31, 942]. Мы выделили дополнительные значения прилагательного *otherworldly*: *impractical or unworldly* [29, 1040] – представленное в двух словарях; *devoted to intellectual or imaginative pursuits* [36, 813] – найденное в одном из англо-английских словарей, – и *mystical or supernatural* [29, 1040] – предлагаемое в одном словаре.

Затем мы выделили сферы функционирования лексемы *otheworldly* и провели классификацию всех выявленных значений: 1) значение сферы построения картины мира: *of or relating to an imaginary other world transcendental* – *otherworldly creatures from the deep sea* [36, 813]; 2) значение сферы социализации: *daydreamy, unworldly, visionary* – *His oth-*

erworldly manner concealed a ruthless business mind [29, 1040]; 3) значение сферы познания окружающего мира: а) *devoted to intellectual or imaginative pursuits* [36, 813]; б) *mystical or supernatural – This part of Italy has an unworldly beauty* [29, 1040]. В этих дефинициях потусторонность связывается со сверхъестественным, таинственным, загадочным, с состоянием отрешённости от этого мира и сосредоточенностью на духовных исканиях.

Сопоставив зафиксированные в словарях значения английских лексем «*the other world*» и «*otherworldly*» с русскими лексемами «*потусторонность*» и «*потусторонний*», мы выявили следующие особенности в их семантической структуре, причём как в количественном, так и в содержательном отношении.

Во-первых, английские лексемы гораздо шире представлены в англо-английских толковых словарях: лексема «*the other world*» выявлена в шести из одиннадцати проанализированных толковых словарей, тогда как лексема «*потусторонность*» – ни в одном из одиннадцати русских словарей. Аналогично, лексема «*otherworldly*» выявлена во всех проанализированных словарях, а лексема «*потусторонний*» лишь в четырёх из одиннадцати словарей. Во-вторых, что касается содержательной стороны, то здесь можно отметить относительное сходство значений исследуемых лексем в английском и русском языках. Выявлено одно отличие: в английском языке при толковании лексемы «*the other world*» выделено значение творческой сферы: *the world of idealism, poetry or romance*, такое значение не выявлено у соответствующей русской лексемы. В-третьих, при анализе словарных статей на английском и русском языках, содержащих исследуемые лексемы, были отмечены особенности их значений в диахроническом аспекте. Так, прослеживается тот факт, что лексема «*the other world*» практически не включается в словарные статьи англо-английских словарей с 1976 г., а если и включается, то такие статьи предлагают не более одного значения исследуемого словосочетания. Что касается лексемы «*otherworldly*», то здесь просле-

живается иная тенденция: до конца 70-х гг. словари, объясняя значение данной лексемы, предлагают не более двух её значений. В англо-английском толковом словаре «*Webster's Collegiate Thesaurus G&C*», изданном в 1976 г., появляется новое значение лексемы «*otherworldly*»: *devoted to intellectual or imaginative pursuits* [37, 1025]. В нескольких толковых словарях, изданных в конце XX в., появляется ещё одно значение данной лексемы: *unworldly, impractical* [29, 1040]. Таким образом, можно утверждать, что лексема «*otherworldly*» является более употребляемой, в отличие от лексемы «*the other world*»; в диахроническом аспекте значение первой расширилось, а второй – сузилось. Данные русских толковых словарей также свидетельствуют о расширении значения лексемы «*потусторонний*». В «Словаре русского языка», изданном в 1999 г., предлагаются новые значения исследуемого прилагательного, не отмечавшиеся ранее: 1) существующий по религиозно-мистическим представлениям, за пределами земной жизни; 2) чуждый всего житейского, отсутствующий [20, 455].

В английских лексикографических источниках наблюдается вариативность орфографического оформления лексемы «*the other world*»: используется отдельно оформленное словосочетание «*the other world*», встречается оформление данной лексемы в виде единого слова «*the otherworld*» и написание через дефис «*the other-world*». При этом, предлагая один из вариантов написания словосочетания, словари не отмечают другого варианта орфографического оформления лексемы, что позволяет утверждать, что способ написания не влияет на её значение. Однако современный on-line-словарь «*Dictionary.com, LLC*» предлагает две словарные статьи с разным орфографическим оформлением лексемы «*the other world*» и с разницей в значении: 1) *otherworld* – an abstract spiritual world beyond earthly reality – и 2) *other world* – the world after death; the future world, the spirit world or afterlife.

На следующем этапе исследования с целью выявления ключевой лексемы-репре-

зентанта концепта «потусторонность / the other world» мы рассмотрели производные слова от словосочетания «the other world» в английском языке – это слова «otherworldly», «otherworldish», «otherworldliness», «otherworldism». Мы также выяснили, что существительное «потусторонность» не имеет производных слов в русском языке, а само является производным от прилагательного «потусторонний». В ходе анализа лексикографических источников стало очевидно, что ключевым словом-репрезентантом изучаемого нами концепта является лексема «otherworldly» в английском языке и лексема «потусторонний» в русском языке. Это становится очевидным, поскольку данные лексические единицы, так или иначе, определяют другие лексемы, производные от ключевого слова. Например, в английском языке: otherworldliness – the quality of state of being otherworldly, otherworldish – (rare) otherworldly. В русском языке: потусторонность – потусторонний мир. Вероятно, подобное явление связано с этимологией этих лексем.

Анализ этимологии существительного *потусторонность* показывает, что **оно было впервые зафиксировано** в русском литературном языке не ранее 30-40-х гг. XIX в. в форме однокоренного прилагательного *потусторонний*. Первоначально оно употребляется как эпитет к слову мир («**потусторонний мир**»), или как субстантивированное прилагательное среднего рода. Прилагательное *потусторонний* становится относительно широко употребительным в значении: 'нездешний, загробный, неземной' в литературном языке не ранее 80-90-х гг. XIX в. Впервые ввёл это слово в толковый словарь русского языка И.А. Бодуэн де Куртенэ. По данным английского этимологического online-словаря «Dictionary.com, LLC», лексема «the other world» впервые была употреблена в XII веке, в то время как лексема «otherworldly» – лишь в XIX в. Тем не менее очевидно, что лексема «otherworldly» является ключевым словом-репрезентантом изучаемого нами концепта в английском языке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азаров А.А. Русско-английский словарь религиозной лексики, Russian-English Encyclopedic Dictionary of Ecclesiastical and Religious Terminology (with English Index). М.: Руссо, 2002. 768 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
3. Большой академический словарь русского языка: В 6 т. Т. 2 / Под ред. К.С. Горбачевича. М., СПб.: РАН, Ин-т лингвистических исследований, Наука, 2005. 660 с.
4. Большой русско-английский словарь / Под ред. О.С. Ахмановой. М.: Русский язык, 1981.
5. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. 1536 с.
6. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. М.: ЭКСМО, 2006. 986 с.
7. Даглиш Р.С. Русско-английский словарь. М.: Русский язык-Медиа, 2005. 784 с.
8. Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка / Даль В.И. М.: Астрель, 2004. 734 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3 / В.И. Даль. 2-е изд. СПб., М. СПб., 1882. 415 с.
10. Даль В.И.. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т.3 / В.И. Даль. 4-е изд. М., СПб., 1912. 435 с.
11. Ефремова Т.В. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. Т. 2 / Ефремова Т.В. М.: АСТ, 2006. 923 с.
12. Корелли М. История детской души (The mighty Atom – «Могущественный Атом»). М.: Изд. К.П. Победоносцева, 1897. 120 с.
13. Красавский Н.А. Русская и немецкая концептосферы эмоций: опыт лингвокультурологического анализа словарных статей // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. Воронеж, 2001. 356 с.
14. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка) / Ляшевская О.Н., Шаров С.А. М.: Азбуковник, 2009. 687 с.
15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: / Ожегов С.И. М.: Оникс, 2008. 736 с.
16. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. М., 1993. 568 с.
17. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная линг-

- вистика. М.: АСТ «Восток – Запад», 2007. 315 с.
18. Русский ассоциативный словарь – Ассоциативный тезаурус русского языка / Ю.Н. Караулова, Ю.М. Сорокина. М.: Рус. яз., 1994. 805 с.
  19. Русско-английский словарь / Под ред. проф. А.И. Смирницкого. М.: Русский язык, 14-е изд., 1987. 768 с.
  20. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / Под ред. А.П. Евгеньевой, 4-е изд., стер. М.: РАН, Ин-т лингвистических исследований, Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
  21. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. Воронеж, 2001. 235 с.
  22. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т.3 / Под ред. Ушакова Д.Н. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. 695 с.
  23. Толковый словарь русского языка: В 3 т. Т. 1. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Вече, Мир книги, 2001. 704 с.
  24. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Ушаков Д.Н. М.: Альта-Принт, 2005. 1216 с.
  25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. I. / Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 576 с.
  26. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Губского Е.Ф. М.: Инфра-М, 2009. 570 с.
  27. Cambridge Advanced Learner's Dictionary / editor-in-chief Paul Procter. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 1700 p.
  28. Chambers 21st Century Dictionary / edited by Mairi Robinson. Edinburgh: Chambers Harrap Publishers, 2007. 1654 p.
  29. Collins English Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 1999. 1786 p.
  30. Dictionary.com: Unabridged [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.reference.com/> (дата обращения: 29.07.2011).
  31. Longman Dictionary of Contemporary English / editor-in-chief. Longman, 1984. 1564 p.
  32. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / editor-in-chief. Macmillan, 2007. 1750 p.
  33. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. Oxford: Oxford University Press, 2005. 1780 p.
  34. Oxford Universal English Dictionary of historical principles. / Editor-in-chief., vol. XI. Oxford University Press, 1937. 650 p. P. 397.
  35. The Oxford English Dictionary / J.A. Simpson and E.S.C. Weiner, vol. XVII. Oxford: Clarendon Press, 1989. 1015 p.
  36. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York: Random House Value Publishing, 1996. 2230 p.
  37. Webster's Collegiate Thesaurus G&C/ Editor-in-chief Philip Babcock Gove. Collins world, 1976. 1750 p.

УДК 81`1

Зубарева Г.С.

Московский государственный областной университет

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО
И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

G. Zubareva

Moscow State Regional University

**THE PROBLEM OF INTERCONNECTION OF LANGUAGE AND CULTURE
(BASED ON THE RUSSIAN, GERMAN AND ENGLISH LANGUAGES)**

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты изучения ключевых понятий лингвистики «язык» и «культура» на материале русского, немецкого и английского языков. В рамках данного исследования отображается соотношение двух базовых понятий языкознания – языка и культуры. В результате проведённого в представленной работе анализа предпринята попытка показать, что понятия «язык» и «культура» находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлияют друг на друга. Автор подчёркивает невозможность рассмотрения двух данных понятий изолированно друг от друга и от человеческого сообщества.

Ключевые слова: язык, культура, человеческое сообщество, менталитет, традиции, обычаи.

Abstract. The article presents some results of a study of key concepts of linguistics – «language» and «culture» – based on Russian, German and English. The study shows the correlations of the two basic concepts of linguistics – language and culture. As a result of the analysis, it is shown that “language” and “culture” are in constant interaction. The author stresses the impossibility of considering these two concepts in isolation from each other and from the community.

Key words: language, culture, human community, mentality, traditions, customs.

Какие бы картины ни открывались перед нашим взором при изучении истории языка, повсюду видны живое движение, твердость и удивительная гибкость, постоянное стремление ввысь и падения, вечная изменчивость, которая никогда еще не позволяла достичь окончательного завершения; все свидетельствует нам о том, что язык является произведением людей и несет на себе отпечаток добродетелей и недостатков нашей природы.

Я. Гримм

На протяжении нескольких столетий многие отечественные и зарубежные учёные рассматривают вопрос о соотношении понятий языка и культуры. За этот период было предпринято множество попыток установить степень их взаимосвязи и глубину влияния друг на друга.

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, язык – «мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [8, 15].

© Зубарева Г.С., 2011.

Действительно, язык служит для человека способом отражения окружающего его мира и самого себя, а также является средством получения знаний об этом мире. В качестве подтверждения вышесказанного ниже приведены несколько определений, взятых из различных словарей русского языка:

Язык – совокупность всех слов народа и верное их сочетание, для передачи мыслей своих [5, 327].

Язык – одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т. п. [1, 583].

Язык – исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе [10, 697].

По нашему мнению, язык как один из основных видов человеческой деятельности является неотъемлемой частью культуры. В одной из статей Большого энциклопедического словаря (БЭС) по языкознанию отмечается, что «среди функций языка важнейшими можно считать те, которые связаны с операциями над информацией (знаниями человека о действительности) – созданием, хранением и передачей информации» [2, 604].

Исходя из вышесказанного, язык является одним из основных средств для передачи культурного наследия из поколения в поколение.

В данной работе мы склонны предполагать, что у каждого народа, каждой нации есть свои собственные представления об окружающем мире, о людях, о представителях другой культуры. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров отмечают: «Дело в том, что, даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур» [4, 246].

В этой связи следует более подробно рассмотреть определение понятия «культура». Слово **культура** многозначно во всех европейских языках, в настоящей работе понятие «культура» анализируется на базе русского, немецкого и английского языков. В новом словаре русского языка приведены 7 значений данного понятия, но для нас важны лишь приведённые ниже два значения:

«1. Совокупность достижений человечества в области общественно-интеллектуальных и производственных отношений. // Совокупность таких достижений в определенную эпоху, у определенного народа.

2. Уровень развития каждой из областей – интеллектуальной, общественной и производственной – жизни. // Конкретные результаты такого развития» [6, 754].

Иными словами, культура на протяжении многих веков непрерывно сопровождала и продолжает сопровождать человечество в процессе эволюции, независимо от его уровня развития или области деятельности.

Культура рождается, развивается, существует в обществе бок о бок с человеком и становится его неотъемлемой частью. В то время как человечество меняет поколение за поколением, культура остаётся бессмертной, храня нашу историю, традиции, обычаи и приобретает всё новые и новые культурные ценности.

Согласно статье из философского словаря, культура в переносном смысле – «уход, улучшение, облагораживание телесно-душевно-духовных склонностей и способностей человека; в широком смысле культура есть совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа или группы народов» [9, 219].

В данной работе мы полностью разделяем вышеприведенное высказывание. По нашему мнению, понятие «культура» невозможно рассматривать изолированно от таких понятий, как «народ», «жизнь», «человеческая деятельность» и от всего, что тесно с ними связано, в том числе и языка.

В подтверждение вышесказанному, ниже приведены определения понятия «культура» в английском и немецком языках.

В английском словаре «Collins cobuild advanced learner's English dictionary» понятие «культура» определяется следующим образом:

«1) Culture or a culture consists of the ideas, customs, and art that are produced or shared by a particular society.

2) A culture is a particular society or civilization, especially one considered in relation to its ideas, its art, or its way of life» [10, 13-14].

Иными словами, понятие «культура» в английском языке, так же, как и в русском, достаточно тесно связано с человеческой деятельностью. Следовательно, английское понятие «culture» основано на сложном сплетении обычаев, традиций и достижений цивилизации.

В немецком словаре Duden приведены следующие определения понятия «die Kultur»:

« - allgemein die Gesamtheit der menschlichen Leistungen, welche über die Gewährleistung des Grundbedarfs hinausgehen;

- gesellschaftlich geprägte Gesamtheit von Gegenständen wie Werkzeugen, Bauten, Schmuckstücken einer Gruppe von Menschen;

- gesellschaftlich geprägte Gesamtheit von immateriellen Gütern einer Gruppe von Menschen;

- Gebräuche, Gewohnheiten und Gegenstände des Alltags, die nicht als Hochkultur im üblichen Sinne von Kunst, Wissenschaften, Religion, Sprache, Ethik etc. bezeichnet werden» [11, 561].

Согласно вышеприведённым значениям, в немецком языке понятие «die Kultur» также содержит мысль о том, что культура – явление социальное. U. Hannerz утверждает: «... Kultur ist die Software, die zur Programmierung der biologisch gegebenen Hardware notwendig ist. ... Kultur sei ein kohärentes und einheitliches Ganzes, in dem alles ordentlich zusammenpasst. ... wird Kultur als etwas gesehen, das sozusagen in verschiedenen Paketen auftritt, durch die sich menschliche Kollektive, welche wiederum in der Regel zu bestimmten Territorien gehören, auszeichnen und unterscheiden» [12, 67].

Таким образом, проанализировав вышеприведённые определения, мы можем предположить, что понятие «культура» рассматривается, с одной стороны, как часть общества,

а с другой стороны, как система со своими структурными элементами, одним из которых, по нашему мнению, является язык.

В то же время язык самобытен и многофункционален. Язык является «зеркалом» культуры, в котором отражается не только окружающий мир человека, но и его менталитет, национальный характер, традиции, обычаи.

Язык – это сокровищница, копилка культуры, в нём сохраняются культурные ценности как в лексике, грамматике, так и в фольклоре, художественной и научной литературе.

В дополнение к вышесказанному, язык имеет функцию носителя культуры, посредством языка передаются сокровища национальной культуры из поколения в поколение. Овладевая родным языком, дети усваивают вместе с ним и обобщённый культурный опыт предшествующих поколений.

Действительно, язык не существует вне культуры. Два данных понятия достаточно тесно взаимосвязаны и постоянно находятся во взаимодействии.

Однако, по нашему мнению, трудно провести чёткую границу между рассматриваемыми понятиями и с уверенностью предположить, является ли язык частью культуры, или наоборот. В данной работе мы придерживаемся мнения Ю.В. Бромлей, заметившего: «Как один из видов человеческой деятельности, язык оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной. Однако в качестве формы существования мышления и, главное, как средство общения язык стоит в одном ряду с культурой» [3, 147].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Большой энциклопедический словарь. Языковедение. Гл. ред. Ярцева В.Н. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
3. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 284 с.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании

- русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (ТСЖВЯ): Т. 2. М.: Русский язык, 1978–1980. 352 с.
  6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1 (А-О). М.: Русский язык, 2000. 1222 с.
  7. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов. Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1989. 750 с.
  8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000. 624 с.
  9. Философский словарь. Под ред. Фролова И.Т. М.: Республика, 2001. 719 с.
  10. Collins cobuild advanced learner's English dictionary. Harper Collins Publishers, 2006. 1768 p.
  11. Duden K. Das Bedeutungswörterbuch: in 12 Bänden; Band 10. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2002. 1104 S.
  12. Hannerz U. Kultur in einer vernetzten Welt. Zur Revision eines ethnologischen Begriffes // Kulturen – Identität – Diskurse: Perspektiven europäischer Ethnologie / Wolfgang Kaschuba (Hg.). Berlin: Akad. Verl., 1995. S. 64-84.

УДК 81'255.2

Ковригина И.А.

Московский государственный областной университет

**ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНУЮ
СПЕЦИФИКУ ЖИЗНИ США И ЕЁ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА
«АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ»)**

I. Kovrigina

Moscow Regional State University

**CULTURE-SPECIFIC VOCABULARY WHICH REFLECTS LIFE IN THE USA
AND ITS TRANSLATIONS INTO RUSSIAN (BASED ON THE NOVEL
“AN AMERICAN TRAGEDY” BY THEODORE DREISER)**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности американской действительности начала XX века, их отражение в оригинале и переводе романа Теодора Драйзера «Американская трагедия». Целью исследования стало выявление культурно-специфических элементов, характерных для жизни США тех лет. В результате было выделено несколько семантических групп безэквивалентной лексики, свойственных периоду времени, описанному в романе. Представлен анализ переводов, сделанных разными авторами, и способов передачи значений реалий на русский язык, а также содержатся лингвострановедческие описания реалий, на фоне которых можно судить об адекватности их переводов.

Ключевые слова: реалия, перевод, транслитерация, калькирование, трансформация.

Abstract. The article is concerned with specific features of American life at the beginning of the twentieth century, the way they are referred to in the original text and translations of the novel “An American Tragedy” by Theodore Dreiser. The aim of this research is to single out culture-specific vocabulary typical of the USA of that period. As a result, the selected units which have no direct equivalents in other languages were grouped according to their semantic properties. The article contains the analysis of translations made by different authors and their ways of translating culture-specific vocabulary into Russian... Besides, as it is shown, lingo-cultural description of the words with no direct equivalents in other languages allows to evaluate adequacy of the translations.

Key words: culture-specific vocabulary, translation, transliteration, calque, transformation.

© Ковригина И.А., 2011.

Каждой эпохе присущи свои особенности, свои культурные и научно-технические достижения. Существуют явления действительности, характерные для многих стран и народов, но есть и особенные явления, которые отражены только в лексике одной нации. Язык и культура – понятия весьма близкие, и когда в жизни людей появляется новое явление, оно обязательно получает название, словесную оболочку. Такие явления называют реалиями. Реалии – это названия присущих только определённым нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т. п. При сопоставлении языков обозначающие эти явления слова относят к *безэквивалентной лексике* [11, 5]. Е.И. Шумагер подчёркивает, что фоновые слова содержат ценную страноведческую информацию, позволяют «через слово» заглянуть в жизнь другого народа, увидеть в слове отражение многочисленных конкретных материальных, общественных и духовных процессов, происходящих в обществе [12, 129]. Реалиям присущ временной колорит. Как языковое явление, наиболее тесно связанное с культурой, эти лексические единицы быстро реагируют на все изменения в развитии общества; среди них всегда можно выделить реалии-неологизмы, историзмы, архаизмы [11, 7]. В данном исследовании нас интересовали реалии, которые в конце XIX – начале XX в. являлись реалиями-неологизмами американской действительности.

В художественной литературе авторы часто используют реалии с целью создания местного, национального и исторического колорита. В романе «Американская трагедия» описывается жизнь американского народа в начале XX в., и с помощью реалий Драйзер отображает дух эпохи. Автору удалось реалистично продемонстрировать классовый антагонизм и отрицательные стороны показного благополучия США. Первый перевод «Американской трагедии» на русский язык появился в 1928 г. и принадлежал З.А. Вершининой. Затем в 1936 г. вышел в

свет перевод Д. Горфинкеля и Л. Домгера. Начиная с 1950 г. роман Т. Драйзера переиздавался на русском языке только в переводе Н. Галь и З. Вершининой. Переводчиком Галь стала случайно, ей предложили поработать в качестве редактора с переводом «Американской трагедии» в версии З.А. Вершининой. Перевод Вершининой был «сырым» – неполным и неотшлифованным, с большим количеством пропусков и ошибок, поэтому редактору Норе Галь пришлось поработать над ним очень основательно. Ей пришлось столько дополнять и переделывать текст перевода, что само издательство поставило на титульный лист её фамилию как второго переводчика [1].

В основе романа Драйзера – история убийства в 1906 г. Честером Джиллетом своей возлюбленной Грейс Браун. Процесс по этому делу в своё время получил широкую огласку, и в романе «Американская трагедия» использованы документы, публиковавшиеся в газетах того времени [5, 9]. Средства массовой информации играют важную роль в том, как развивается сюжет произведения, поэтому на протяжении всего романа Драйзер упоминает названия газет, которые издавались в те годы. Рассмотрим несколько примеров.

... He had picked up a Kansas City paper – the Star – only to realize that his worst fear in regard to all that had occurred had come true.

Перевод: 1. ... Он подобрал номер издававшейся в Канзас-Сити газеты «Звезда» и узнал из нее лишь, что его худшие опасения, в связи со всем происшедшим, вполне оправдались [3, 214].

2. ... Ему попался номер канзасской газеты «Стар», и тут он узнал, что его худшие опасения оправдались [7, 178].

В двух вариантах перевода авторы применяют разные способы передачи на русский язык английского названия газеты. В первом случае переводчик для передачи иностранной реалии использует приём калькирования, а во втором – транслитерации.

... whereon lay some non-descript books and magazines – the Saturday Evening Post, Mun-

sey's, the Popular Science Monthly, Bebe's Garden Seeds...

Перевод: 1. «...» на котором лежало несколько неинтересных книг и журналов: «Субботняя вечерняя почта», «Журнал Мэнси», «Популярно-научный ежемесячник», «Садовые семена» Биба... [3, 376];
2. «...» на котором лежало с полдюжины малоинтересных книг и журналов: «Бэбиз гарден сидс», «Сэтердэй ивнинг пост», «Мансиз», «Попьюлар сайэнс мансли»... [7, 327].

При переводе этих реалий в первом случае используются такие приёмы, как калькирование («Субботняя вечерняя почта»), морфологическая трансформация («Популярно-научный ежемесячник»), разъяснительный перевод («Журнал Мэнси»), а во втором случае имеет место приём транслитерации.

You'd better call up the Republican and the Democrat and tell 'em about this...

Перевод: 1. А вы бы позвонили в редакции «Республиканца» и «Демократа» и рассказали им об этом происшествии... [4, 7];
2. А вам надо бы позвонить в «Республиканец» и «Демократ» и рассказать им об этой истории... [8, 93].

Обоими переводчиками был выбран приём калькирования, который является наиболее оправданным в данном случае.

And at once there was broadcast throughout this region by word of mouth, telephone, telegraph, to such papers as The Argus and Times-Union of Albany, and The Star of Lyncurgus, the news of this pathetic tragedy...

Перевод: 1. И немедленно из уст в уста, по телефону, по телеграфу, до таких газет, как «Аргус» и «Таймс-Юнион» в Ольбани и «Звезда» в Ликурге, дошли известия о разыгравшейся на озере трагедии [4, 16];
2. И немедленно повсюду из уст в уста, по телефону, по телеграфу, вплоть до местных газет, вроде «Аргус» и «Таймс Юнион» в Олбэни или «Стар» в Ликурге, разнеслась весть о волнующей трагедии на озере... [8, 100];
3. И немедленно по всему округу, словесно или по телефону, или по телеграфу, или

посредством местных газет, как например «Аргус» в Албани или «Звезда» в Ликурге – разнеслось известие о трагедии на озере... [6, 508].

Во всех трёх случаях название газеты «The Argus» переведено с помощью транслитерации, а вот название «Times-Union» (в двух первых переводах переданное тем же способом) в третьем варианте переводчик предпочёл просто опустить, сочтя его мало важным фактом. *The Star* в первом и третьем вариантах переведено с помощью калькирования, а во втором случае переводчик воспользовался приёмом транслитерации. Судя по всему, перевод названия газеты «The Star» не представлял сложности для авторов, так как есть прямой эквивалент в русском языке, а вот подобрать кальку для «Times-Union» сложнее, чем просто его транслитерировать.

And telegrams of inquiry pouring in ... either to Mason direct or the representatives of the Associated or United Press in this area, asking for further and more complete details of the crime.

Associated Press (AP) / Ассошиэйтед пресс (АП) – одно из двух крупнейших информационных агентств США. Образовано в 1848 г. как независимое кооперативное объединение издателей шести нью-йоркских газет с целью сбора и распространения информации. Располагает 126 отделениями и пунктами в США и 78 – в 62 странах, снабжает информацией 1554 газеты и 6 тыс. радио- и телестанций. Информация, подготавливаемая агентством, распространяется по всему миру: около 12 тыс. клиентов в 110 странах, помимо США, состоят абонентами информации и фотографии АП. Издаёт ежеквартальный журнал «Эй-пи-уорлд» (*AP World*). Штаб-квартира – в г. Нью-Йорке [9].

United Press – частное информационное агентство, было основано в 1907 г. В 1958 г. служба *Юнайтед Пресс*, принадлежавшая Э. Скриппсу, слилась с *Интернешнл Ньюс Сервис (International News Service)*, принадлежавшей корпорации Херста, и образовалось частное информационное агентство *Юнайтед Пресс Интернешнл (United Press International)*, второе по величине в стране [9].

Перевод: 1. И горы телеграмм ... либо прямо на имя Мэсона, либо представителям организаций прессы в этом районе с требованием дальнейших и более исчерпывающих подробностей преступления [4, 115].

2. ... Непосредственно Мейсону или местным представителям «Ассошиэйтед пресс» или «Юнайтед пресс» сплошным потоком шли телеграммы с запросами о дальнейших подробностях преступления [8, 184].

3. Телеграммы направлялись прямо к Мэзону, и к представителям «Союза объединенной печати» (Associated of United press) в этом округе, или к представителям больших телеграфных и газетных агентств [6, 588].

В первом случае автор использовал приблизительный перевод, заменив тем самым не совсем понятные русскоязычному читателю названия, но лишив предложение национального колорита. Во втором переводе использован приём калькирования, а в третьем – трансформационный перевод, но неверный (так как в скобках дан неправильный вариант английского названия, то и в переводе два разных агентства стали одной организацией).

В числе культурных реалий того времени упомянуты названия песен, популярных среди молодёжи начала XX столетия.

Dillard by then had started a piece entitled "Brown Eyes"...

Перевод: 1. Диллард поставил пластинку «Карие глаза»... [3, 269].

2. Диллард поставил пластинку «Карие глаза»... [7, 229].

В обоих переводах имеет место перевод посредством калькирования.

"Now we'll put on 'The Love Boat,' " called Dillard the moment "Brown Eyes" was ended.

Перевод: 1. «Теперь поставим «Любовную ладью», – объявил Диллард, как только окончились «Карие глаза» [3, 270].

2. «Теперь поставим «Лодку любви», – объявил Диллард [7, 230].

В первом предложении автор использовал приблизительный перевод, а во втором – приём переводческой трансформации – перестановку.

В начале XX века автомобиль считался роскошью, и далеко не каждый американец мог позволить себе иметь личный транспорт. В те времена одним из лучших комфортабельных автомобилей высшего класса считался «Паккард», выпускавшийся компанией «Паккард мотор» с начала XX в. до 1956 года. Рекламным девизом этого производителя был слоган: «Спросите лучше у владельца» [9].

The car – an expensive Packard, no less – couldn't be had for that day.

Перевод: 1. Машиной – это был роскошный «Паккард» – нельзя было воспользоваться в этот день [3, 165].

2. Машина – великолепный дорогой Паккард – не могла быть взята в этот день [6, 133].

3. Машину – великолепный дорогой «Паккард», не что-нибудь – нельзя было взять в условленный день [7, 135].

При переводе названия автомобиля в первом предложении использован приём транслитерации, а во втором и третьем – транскрипции.

В романе «Американская трагедия» встречаются реалии системы образования, такие, как названия популярных школ, колледжей и университетов. Например:

...the Finchleys, wealthy neighbors where she had stopped on her way from the Snedeker School, burst in upon her.

Перевод: 1. ... от Финчли, богатых соседей, к которым она ненадолго забегала по пути из школы Снедекер, ворвалась к ней [3, 198];

2. ... только что вернувшаяся от Финчли – богатых соседей, к которым она зашла по дороге из школы [7, 162];

3. ... только что вернувшись домой от Финчли, богатых соседей Гриффитсов [6, 148].

В первом варианте автор осуществляет перевод реалии с помощью транслитера-

ции, а в двух остальных – с помощью приёма трансформации, опущения, из которого следует, что переводчик посчитал данный факт незначительным.

She planned to bring together the means for some further form of practical education – a course at business college at Homer or Lycurgus or somewhere...

Перевод: 1. ... Надеюсь сколотить средства для получения в дальнейшем какого-либо практического образования, например, для того, чтобы прослушать курс коммерческого колледжа в Гомере или Ликурге... [3, 318];

2. ... Она мечтала скопить немного денег, чтобы затем пройти курс в коммерческой школе где-нибудь в Ликурге или Гомере... [7, 274].

В первом и втором предложении использован приблизительный перевод. Хотя перевод первого предложения точнее, так как в Америке бизнес-колледж – это учебное заведение, осуществляющее подготовку в рамках профессионального образования, т. е. в отличие от школы бизнеса, в основном, обучающее работе с документами, печатанию, учёту и другим техническим навыкам. А бизнес-школа – это высшее учебное заведение, часто в составе университета, дающее образование в области маркетинга, менеджмента, финансов и других практических специальностей [10].

In Kansas City he had heard of the State University of Kansas – not so very far from there.

Университет основан в 1866 г. жителями Лоуренса под уставом Канзасского Законодательного собрания [14].

Перевод: 1. В Канзас-Сити он слышал об университете штата Канзас, недалеко от этого города [3, 404].

2. Когда-то он слышал о Канзасском университете, - это недалеко от Канзас-Сити [7, 352].

3. В Канзас Сити он слышал об университете штата Канзас, недалеко от города... [6, 313].

Во всех трёх вариантах переводчики вос-

пользовались приёмом трансформации, только в первом и третьем предложении – это перестановка, а во втором – замена.

В романе мы обнаружили только одну реалию, которая обозначает достопримечательности того времени. Это колесо Ферриса. Колесо обозрения, сконструированное американским инженером Дж. Феррисом специально для всемирной выставки в Чикаго в 1893 г.; просуществовало до 1906 г. Гигантская стальная конструкция диаметром 75 метров весила более 1200 тонн, на ней было установлено 36 кабин, рассчитанных на 1440 человек [9]:

... in addition to a few clap-trap pleasure concessions such as a ring of captive aeroplanes, a Ferris wheel, a merry-go-round, an old mill and a dance floor, was a small lake with boats.

Перевод: 1. ... где кроме всевозможных развлечений ярмарочного типа, как подвесные самолеты, перекидное колесо, карусель, старая мельница и площадка для танцев, было еще озерко с лодками на нем [3, 357];

2. ... тут были всевозможные дешевые развлечения: подвесные аэропланы, воздушное колесо, карусель, старая мельница и площадка для танцев, а кроме того, маленькое озеро и лодки [7, 310];

3. ... парк со всевозможными забавными развлечениями: аэропланами на привязи, качелями, старой мельницей и павильоном для танцев [6, 276].

Во всех трёх вариантах авторами был сделан приблизительный перевод, но ни один из них не соответствует правильному русскому переводу, так как русскими эквивалентами этой реалии будут словосочетания «колесо обозрения» или «чертово колесо».

В результате анализа произведения Т. Драйзера «Американская трагедия» на языке оригинала мы нашли более 50 явлений, описывающих американскую действительность начала XX в. В статье нами было рассмотрено двенадцать предложений, содержащих реалии того времени. Указанные реалии мы, в свою очередь, разделили на

несколько семантических групп. Нами было подсчитано, что в переводе Горфинкеля и Домгера калькирование используется в ≈40% случаев, транслитерация и транскрипция в ≈33%, приблизительный перевод в ≈13%, разъяснительный перевод и трансформация составляют по 6%. У Вершининой калькирование составляет ≈22%, трансформация ≈44%, транскрипция и транслитерация в совокупности ≈11%. В переводе Вершининой и Галь транскрипция и транслитерация использовались в ≈46% случаев, трансформация в ≈23%, а на калькирование и приблизительный перевод приходится по 15%. Самым частым способом перевода реалий является транслитерация (30%). Как писала Нора Галь, «своеобразие иноземного быта надо живописать не формалистически оставленными без перевода словечками, а верно воссоздавая средствами русского языка ту особенную обстановку, быт и нравы, что показаны в переводимой книге языком подлинника» [2, 78]. При калькировании смысл иноязычных явлений понятен, но таким образом теряется самобытность языка писателя, культурный компонент исходного слова [11, 34]. В переводе Горфинкеля и Домгера в основном используется калькирование. Иногда переводчики интерпретируют реалии другого языка, ориентируясь на своё понимание этих явлений, и совершают подмены значений, что недопустимо. В результате анализа переводов было выявлено несколько таких случаев, например, с “Ferris wheel”. Приём трансформации, используемый в отдельных случаях всеми переводчиками, является одним из способов достижения эквивалентности. Грамматический и лексический строй английского и русского языков существенно различаются, поэтому слова и фразы часто нуждаются в преобразованиях. Подводя итог, можно сказать, что решающим фактором при выборе варианта перевода должна быть целесообразность сохранения коннотации [11, 33], дающая возможность читателю в полной мере понять и насладиться произведением литературы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Габлина Т. О талантливейшем переводчике Норе Галь. [Электронный ресурс] // URL: http://world.lib.ru/g/gablina_t/gabtravel-93.shtml (дата обращения: 18.05.2011).
2. Галь Н. Слово живое и мертвое. М.: Время, 2007. 592 с.
3. Драйзер Т. Американская трагедия. Пер. с англ. Д. Горфинкеля и Л. Домгера. Т. 1. Л.: Худож. литература, 1936. 620 с.
4. Драйзер Т. Американская трагедия. Пер. с англ. Д. Горфинкеля и Л. Домгера. Т. 2. Л.: Худож. литература, 1936. 444 с.
5. Драйзер Т. Американская трагедия. Часть I. Пер. с англ. / Предисл. Я. Засурского. М.: Правда, 1987. 512 с.
6. Драйзер Т. Собрание сочинений. Под общ. ред. С.С. Динамова. Т. 6. Амер. трагед. Перевод с англ. З.А. Вершининой. М.-Л.: Земля и фабрика, 1928. 831 с.
7. Драйзер Т. Собрание соч. в 12 томах. Т. 7. Ч.1. Американская трагедия. Пер. с англ. З. Вершининой и Н. Галь. М.: Худож. лит., 1950. 464 с.
8. Драйзер Т. Собрание соч. в 12 томах. Т. 8. Ч.2. Американская трагедия. Пер. с англ. З. Вершининой и Н. Галь. М.: Худож. лит., 1950. 464 с.
9. Словарь АBBYY Lingvo 12: Americana (En-Ru) (к версии Lingvo 12). Англо-русский лингвострановедческий словарь “Американа II” // Под ред. доктора филологических наук, профессора Г.В. Чернова // © М.В. Васянин, О.Н. Гришина, И.В. Зубанова, А.Н. Натаров, Е.Б. Санникова, О.А. Тарханова, Г.В. Чернов, С.Г. Чернов. 2005. Более 21 тыс. статей, 21000 статей. 1 электрон., опт. диск (CD-ROM).
10. Словарь АBBYY Lingvo 12: Management (En-Ru) (к версии Lingvo 12). Менеджмент и экономика труда. Новый англо-русский толковый словарь. © АBBYY Software, 2006; © «Экономическая школа», 2006. 8 тыс. 500 статей. 1 электрон., опт. диск (CD-ROM).
11. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1988. 239 с.
12. Шумагер Е.И. Фоновая лексика, ее своеобразие и связь с культурой // Лексика и культура. Тверь: Тверской государственный университет, 1990. С. 124-129.
13. Dreiser Theodore. An American tragedy. New York: Signet Classic, 2000. 880 p.
14. Свободная энциклопедия Википедия [Википедия]. [Электронный источник]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 16.05.2011).

УДК 81'367.635
811.411.16

Кондракова Ю.Н.

Государственная классическая академия им. Маймонида (г. Москва)

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ С ПРИЧАСТИЯМИ В СОВРЕМЕННОМ ИВРИТЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СЕМИТСКИХ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Yu. Kondrakova

State Classical Maimonides Academy, Moscow

NEGATION WITH PARTICIPLES IN MODERN HEBREW (IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF THE SEMITIC AND INDO-EUROPEAN LANGUAGES)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности происхождения и функционирования причастий в семитских и индоевропейских языках. Анализируются синтаксические функции причастия в предложении в современном иврите и определяются особенности сочетания различных отрицательных частиц с причастными формами. В ходе исследования выделяются две основные отрицательные частицы (lo' и 'eyn) и устанавливается, что в современном иврите выбор отрицательной частицы для сочетания с причастием объясняется преимущественно особенностями происхождения и употребления причастных форм. В заключении выдвигается гипотеза о дальнейшем развитии категории отрицания в языке.

Ключевые слова: причастие, отрицательные частицы, современный иврит.

Abstract. The article deals with the peculiarities of the origin and functioning of participle in the Semitic and Indo-European languages. It gives analysis of the syntactic functions of participle in the sentence in Modern Hebrew, as well as the features of a combination of negative particles with participle forms.. The author identifies two main negative particles (lo' and 'eyn) and claims that in Modern Hebrew, the choice of negative particles to be combined with the participle is due mainly to peculiarities of the origin and usage of the forms involved. In conclusion, the author assumes a hypothesis of further development of the category of negation in the language.

Key words: participle, negative particles, Modern Hebrew.

Причастие в современном иврите образуется от каждой глагольной породы (pa'al, pi'el, hif'il – активные породы; hitpa'el – активная, а в некоторых случаях – пассивная, порода; pu'al, huf'al – пассивные породы; nif'al – активная и пассивная) и обладает особым статусом по отношению к категории глагольного времени. Оно представляет собой отглагольное имя, которое Р. Блэйбойм характеризует как «форму между прошлым и настоящим, по своему характеру находящуюся между существительным и глаголом» [8, 33]. Такая грамматическая характеристика причастия, существующая в современном иврите, формировалась в процессе исторического развития семитских языков, где уже с древнейших времён оно занимало особое положение.

Согласно теории Б.М. Гранде, в семитских языках в древнейший период возникли две основные спрягаемые глагольные формы, «которыми первоначально обозначалось отношение к завершённости действия безотносительно к моменту времени» [2, 246]. Эти формы, по мнению А.П. Вассоевича, обозначали завершённость (перфект) и незавершённость (импер-

фект) действия к моменту речи и отчасти соответствовали характеристикам прошедшего и настоящего-будущего времени в индоевропейских языках [1, 430]. Л.А. Липин полагает, что первоначально аккадскому глаголу была чужда категория времени, как и глаголам других семитских языков. Вместо деления на прошедшее, настоящее и будущее, время различалось лишь, завершено ли действие к моменту сообщения (повествования) или не завершено» [6, 92]. Н.В. Юшманов в «Грамматике арабского литературного языка» высказывает предположение, что семитский глагол вообще не имеет категории времени в европейском смысле. «Вместо тройного деления действия или состояния по соотношению во времени на прошедшее, настоящее и будущее, семит пользуется двойным делением по законченности на совершенное и несовершенное. Если рассматривать совершенное время как «прошедшее» по преимуществу, а несовершенное как «будущее», на долю настоящего выпадает причастие действительного залога» [7, 49-50].

Таким образом, настоящее время в том смысле, в котором мы привыкли воспринимать его в индоевропейских языках (действие, совершаемое в момент речи), в истории семитских языков не имело грамматически выраженной спрягаемой глагольной формы. Это место занимали отглагольные имена – прилагательные и причастия. «Сами по себе причастия в семитских языках элемента времени не включают, но в качестве сказуемых именного предложения они могут передавать отношение к длительности или законченности. Так, причастие *действительного залога* в качестве сказуемого обозначает не только качество, но и длящееся состояние или действие, и как таковое оно может быть отнесено к *настоящему* времени. Причастие же *страдательного залога* в качестве сказуемого часто обозначает состояние грамматического подлежащего как результат действия, проведенного кем-либо над ним; отсюда оно может сблизиться с обозначением *завершенного действия*, а затем *прошедшего времени*» [2, 246].

Если провести сопоставление с индоевропейскими языками, то в них мы можем также наблюдать две основные причастные формы *настоящего и прошедшего времени*, которые присутствуют в большинстве языковых систем. Причём наиболее употребляемое причастие настоящего времени, как правило, сочетает в себе показатели активного залога, а причастие прошедшего времени – пассивного. Временная категория данных глагольных форм также является относительной и определяется в зависимости от времени основного глагола. При этом время причастия показывает, завершено ли добавочное действие, выражаемое причастием (прошедшее время), или продолжается (настоящее время) в момент действия, передаваемого спрягаемым глаголом. Иллюстрацией этому может служить, например, латинский язык, где две основные причастные формы *participium praesentis activi* и *participium perfecti passivi* употреблялись в различных (в том числе и самостоятельных) оборотах, имеющих возможность преобразования в придаточные конструкции [2, 173]. Однако в индоевропейских языках форма причастия настоящего времени активного залога по своим грамматическим показателям и формальному выражению не имеет столь близкого сходства со спрягаемой формой глагола настоящего времени, как это происходит в семитских языках, например, в современном иврите, где причастие выполняет функцию настоящего времени.

В современном иврите употребляются две основные причастные формы. Первая причастная форма, которая образуется от глаголов активных пород, является *активным* причастием. У этого активного причастия есть три потенциальных варианта использования: в функции существительного, прилагательного и глагола в настоящем времени. Однако не все три возможности применимы к любой форме данного причастия. Необходимо обращать внимание на его функцию в предложении и различать термины «причастие» и «настоящее время» [8, 33]. Вторая причастная форма представляет собой *пассивное*

причастие и образуется от глаголов пассивных пород и в породе ra'al наряду с активным причастием. Эта форма, как правило, выступает в функции прилагательного и, в отличие от форм активного причастия, которые в функции глагола в настоящем времени могут обозначать время и у которых есть формы прошедшего и будущего времени, не имеет форм спряжения в прошедшем и будущем временах (при причастии необходимо употребление вспомогательного глагола «быть») [8, 33]. Причины появления в иврите такой универсальной глагольной формы можно выявить при изучении истории некоторых семитских языков.

В библейском иврите, по мнению Б.М. Гранде, причастие встречается чаще всего в значении настоящего времени, «но в зависимости от характера соседних предложений или глаголов оно может также иметь значение прошедшего или будущего времени».

vayera' elav hašem be'eloney mamre' vehu yošev petax ha'ohel kexom hayom.

И открылся ему Б-г в Элоней-Мамре, а он сидел у двери шатра, когда зноен был день (Бытие, 18:1).

В языке более позднего («послебиблейского») периода причастие в соединении с местоимением образует уже регулярно употребляемое настоящее время. «В арамейском языке точно так же в более старых памятниках встречается причастие в глагольном значении, а в более поздних оно образует регулярную форму настоящего времени» [2, 247]. И в современном иврите причастие занимает пограничное положение между глаголом и причастием в индоевропейском понимании. Эта особенность также находит своё выражение в области соединения отрицательных частиц с причастными формами современного иврита.

Категория отрицания современного иврита включает в себя ряд отрицательных частиц, которые по-разному сочетаются с различными грамматическими формами. Определяющим фактором при этом может служить принадлежность к определённой части речи того слова, с которым сочетается отрицательная

частица. Например, частица lo' преимущественно соединялась со спрягаемыми формами глагола прошедшего и будущего времени [4, 119]. Это сложилось исторически и объясняется бинарными особенностями древнесемитской глагольной системы (перфект-прошлое / имперфект-будущее) [4, 120-121]. Отрицательная частица 'eup уже в древнееврейском языке больше тяготела к приименному употреблению и закрепила свои синтаксические позиции в современном иврите. Следовало ожидать, что с формами причастия, которые, по сути, являются именными образованиями, будет преимущественно сочетаться именно частица 'eup. Однако по частотности употребления сочетания типа 'eup + причастие уступают сочетаниям lo' + причастие. Особенно сильно это явление проявляет себя в разговорной речи.

В следующем примере причастие выступает в функции прилагательного, поэтому употребление при нём частицы 'eup с местоименными суффиксами вполне объяснимо.

1. 'eupeni yoda'at ma šem hasefer bamakor, kañ še'ulay rak hatirgum 'eupo tuclax.

Я не знаю, как книга называется в оригинале, так что, возможно, это только неудачный перевод (<http://www.tapuz.co.il>).

В другом примере активное причастие выступает в функции глагола в настоящем времени (к нему можно присоединять обстоятельство и дополнение, свойственные глаголу). Такое употребление также можно считать вполне допустимым, если учитывать историю происхождения форм настоящего времени в семитских языках.

2. ma hatanañ 'eupo mesaper 'al malhey isra'el 'axa'v veyehu?

Что Танах не рассказывает о царях Израиля Ахаве и Йеху? (<http://www.tapuz.co.il>)

Как пишет Р. Блюбойм, «перед формой причастия необходимо использовать 'eup с местоименными суффиксами, а не lo'» [8, 34]. Однако это часто не соблюдается. Так, в одной и той же статье содержатся следующие примеры:

3. hadlatot lo' sgurot bifney ronaldino.

Двери не закрыты перед Рональдино.

4. *hadlatot lenivxeret brazil 'eynan sgurot bifney ronaldino.*

Двери сборной Бразилии **не закрыты** перед Рональдиньо (<http://www.sport5.co.il>)

В примерах 3 и 4 причастие **sgurot** имеет скорее перфективное значение: действие в прошлом, но результат его наблюдается в настоящем. В истории многих индоевропейских языков форма перфекта семантически граничит с формой настоящего времени, что понятно из её грамматической характеристики. Например, в древнегреческом языке перфект относится не к историческим, а к главным временам [3, 84]. Поэтому глагольные формы с перфективным значением в сознании говорящего могут восприниматься как настоящим, так и прошедшим временем. Следовательно, употребление в почти аналогичных примерах 3 и 4 разных отрицательных частиц объясняется пограничностью семантики сочетаемой с ними причастной формы.

Однако в большем числе примеров из современного иврита с активным причастием сочетается частица **lo'**, которая считается более «приглагольной», нежели **'eyup**.

В примере 5 активное причастие употребляется в функции глагола-сказуемого придаточной конструкции:

5. *ze pašut dvarim me'anyenim šexaval šelo' yod'im 'otam.*

Это просто интересные вещи, и жаль, что их **не знают** (<http://www.kipa.co.il>).

В двух следующих примерах частица **lo'** соединяется с активным причастием в функции существительного.

6. *hu' lo' hašomer hañi tov šeyeš 'aval hu' bevaday šomer yoter tov mikaspi ve'eliyahu.*

Он **не самый лучший защитник** из тех, что есть, но, конечно же, он лучше защитник, чем Каспи и Элияху (<http://www.maccabifans.co.il>).

7. *'ani lo' mešuga, kaña hatoax šeli pašut ro'el.*

Я **не сумасшедший**, просто мой мозг так работает (<http://www.fxp.co.il>).

Отметим, что также имеет место сочетание частицы **lo'** с активным причастием в значении прилагательного.

8. *lo' meyo'ad layeladim mitaxat lagil 18.*

Не предназначено для детей младше 18 лет (<http://www.pocket.co.il>).

9. *'axuz hanašim halo' 'ovdot gavoah.*

Процент **неработающих** женщин большой (<http://www.mamy.co.il>).

Таким образом, в разговорной форме современного иврита мы наблюдаем сочетание с активными причастиями не только применной отрицательной частицы **'eyup**, но и приглагольной частицы **lo'**, причем последних случаев большинство, хотя современными учёными [9, 6-7] это признаётся отступлением от нормы. Такое использование частицы **lo'** вместо ожидаемой **'eyup** с активным причастием можно объяснить пограничным положением данной грамматической формы, употребляющейся в современном иврите без изменения аффиксов, как в качестве глагола настоящего времени, так и в качестве собственно причастия.

Использование частицы **lo'** вместо **'eyup** с пассивным причастием также можно объяснить пограничным положением данной грамматической формы, так как довольно часто встречается её употребление в качестве сказуемого, особенно в перфективном и безличном значении, что видно из следующих примеров:

10. *ze lo' katuv bamadriñ.*

Это **не написано** в инструкции (<http://www.haaretz.co.il>).

11. *madu'a lo' rasiu la'asot dieta lelo' pe'ilut gufanit?*

Почему **не желательно** сидеть на диете без физических упражнений? (<http://www.reader.co.il>)

12. *'at betuxa šehi' lo' gnuva?*

Ты уверена, что она **не краденая**? (<http://www.pic4u.co.il>)

Однако встречаются примеры с частицей **'eyup**, которые в грамматиках считаются более нормативными.

13. *macaveni hakalkali 'eyupo tuclax.*

Наше экономическое положение **нестабильно** (<http://www.blacklabor.org>).

14. *lace'irim habetuxim šehem 'eyunam meħurim le'išun, hici'a doron hasa'a...*

Молодым людям, уверенным, что у них **не сформировалась зависимость** от курения, Дорон предложил... (<http://www.openu.ac.il>).

Следует отметить, что в современном иврите с причастными формами употребляется ещё одна отрицательная частица *bilti*. Она сочетается как с формами активного (пример 16), так и с формами пассивного (примеры 15, 17) причастия. Однако, в отличие от двух предыдущих частиц, она встречается гораздо реже и, как правило, сочетается с причастными формами в значении прилагательного и (в отличие от *lo'*) может отрицать только его, а не все предложение.

15. *sipur 'im sof bilti safuy*

Рассказ с **неожиданным** концом (<http://www.tapuz.co.il>).

16. *krina bilti meyanenet*

Неионизирующие излучения (<http://www.environment.gov.il>).

17. *'irak: xayal 'amerikani neherag misiba bilti yedu'a*.

Ирак: американский солдат был убит по **неизвестной** причине (<http://news.nana10.co.il>).

Таким образом, в современном иврите выбор отрицательной частицы для сочетания с причастием объясняется преимущественно особенностями происхождения и употребления причастных форм. Исторически причастия были именными образованиями, но по причине специфики грамматической системы семитских языков употреблялись вместо спрягаемой глагольной формы настоящего времени. Это объясняет сочетание с причастиями приименной отрицательной частицы *'eup*. При этом причастие могло также употребляться в чисто глагольной функции, что делало возможным её сочетание с при-

глагольной частицей *lo'*. Однако со временем в некоторых семитских языках причастие трансформировалось в спрягаемую глагольную форму настоящего времени. В современном иврите причастие ещё не является спрягаемой формой (в настоящем времени отсутствуют аффиксы – показатели лица, которые есть у глагольных форм в прошедшем и будущем временах), но её постепенное преимущественное употребление с глагольным отрицанием *lo'* предполагает возможность дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вассоевич А.П. Духовный мир народов классического Востока. (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). СПб.: Алетейя, 1998. 541 с.
2. Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1998. 439 с.
3. Козаржевский А.Ч. Учебник древнегреческого языка. 3-е изд., испр. и доп. М.: Греко-латинский кабинет, 1998. 336 с.
4. Кондракова Ю.Н. Отрицательная частица *lo'* при глаголе в современном иврите в контексте истории семитских языков // Язык иврит: исследование и преподавание. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2011. Т. III. С. 119-125.
5. Латинский язык: Учеб. для пед. ин-тов. Под ред. В.Н. Ярхо и В.И. Лободы. 6-е изд., стер. М.: Высш. шк., 2000. 384 с.
6. Липин Л.А. Аккадский язык. М.: Наука, 1964. 157 с.
7. Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка. Под ред. и с предисл. И.Ю. Крачковского. Изд. 3-е. М.: Наука, 1985. 173 с.
8. Blimoim R. Syntax+, Akademon, Jerusalem, 1995. 313 p.
9. Keren Dubnov & Ruth Almagor-Ramon "Bema šolelin uvma 'eyn šolelin – 'al šilat hanasu' habeynoni hakodem lanose", Akademya, yedi'on ha'akademya lalašon ha'ivrit". Gilayon 39. P. 6-7. Jerusalem, July, 2009.

УДК 81-25

Коробкова М.А.

Московский государственный областной университет

**ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «КУРЕНИЕ»
В МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
НЕМЕЦКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

M. Korobkova

Moscow State Regional University

**FEATURES OF THE SEMANTIC FIELD “SMOKING” IN YOUTH SLANG
OF THE GERMAN, ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES**

Аннотация. Основным понятием статьи является понятие «семантическое поле». В статье рассматриваются особенности семантического поля «курение» в молодёжном сленге немецкого, английского и русского языков, выявляются источники пополнения лексики данного семантического поля, проводится сравнительный анализ значений выделенных лексем на основе значимости курения для молодёжи, выделяются языковые и прагматические аспекты семантического поля «курение», его универсальные, общие и единичные признаки. Все теоретические положения подкрепляются примерами на трёх языках.

Ключевые слова: семантическое поле, сленг, значение слова, молодёжь, курение.

Abstract. The main notion of the article is that of «semantic field». The article reveals the features of a semantic field “smoking” in youth slang of the German, English and Russian languages. The article considers the main sources of replenishment of this semantic field’s vocabulary, it includes the comparative analysis of the lexemes’ meanings on the basis of the role smoking plays in youth culture. It contains the analysis of linguistic and paradigmatic aspects of the semantic field “smoking”, its universal, common and isolated signs. All the theoretical principles are supported and illustrated with examples from the three languages.

Key words: semantic field, slang, word’s meaning, youth, smoking.

В данной статье рассматриваются особенности семантического поля «курение» в современном немецком, английском и русском языках в рамках молодёжного сленга. Исследование проводится по методике анализа Маловой Н.В. [9].

Автор определяет «семантическое поле» следующим образом: «Семантическое поле» (СП) образуют множество значений, которые имеют хотя бы один общий компонент, а также все их семантические и другие производные, включая слова других частей речи. СП – категория общности, в основе которой лежит идея семантического сходства. Общий элемент значения, присущий словам соответствующих рядов, может быть назван семантической темой [9, 26].

«Табакокурение (или просто курение) — вдыхание дыма тлеющих высушенных или обработанных листьев табака, наиболее часто в виде курения сигарет, сигар, сигарилл или трубок» [13].

История табакокурения насчитывает тысячи лет. Примерно 1000 лет до н. э. индейцы начали курить табак. В Европу табак впервые привёз Колумб в конце XV в. Изначально он использовался как декоративное растение. Во второй половине XVI в. Жан Нико де Вильмен (отсюда «никотин») начал пропагандировать табак как лекарственное средство. Лишь во второй половине XVIII в. начали говорить о негативном влиянии табака на человека [13].

В Россию табак был завезён в начале XVII в., и его курение преследовалось властями. Царь Михаил Романов запретил торговлю табаком и его использование. Пётр I, перенявший

курение табака во время пребывания в Голландии, разрешил продажу табака, наложив пошлину в пользу государства [1].

О применении табака в качестве лекарства можно судить по словарной статье «курить» в словаре Даля: «... сожигать что-либо для благовония, для исцеления и пр. ...Курить от чумы ...От ломоты, я куривался янтарем» [4].

21 мая 2003 г. Всемирная организация здравоохранения приняла документ под названием «Рамочная Конвенция ВОЗ по борьбе против табака». С тех пор во многих странах курение в общественных местах было запрещено законом [13].

Практически все слои населения подвержены этой пагубной привычке. Но наибольшую опасность она представляет для женщин и юношества. Причин возникновения данной привычки среди молодёжи несколько.

1. Влияние сверстников. Для подростка важнее не просто обмен какой-то информацией в процессе общения, а установление контакта. Ему нужно, чтобы его приняли в группу, не отвергли, потому что без группы, без общения со сверстниками подросток может остаться один, слыть «белой вороной», что чревато последствиями [6].

2. Влияние родителей. Вероятность того, что сын или дочь закурит, если «дымят» оба родителя, составляет 24 и 23% соответственно. Если курит только один родитель, показатель обоих полов падает вдвое — до 12%. В неполных семьях мать передаёт привычку детям независимо от их пола: вероятность закурить составляет 32% для сына и 28% для дочери [5].

3. Влияние окружающих людей, которые не находят в этом ничего плохого, личное стремление современной молодёжи к «поспешному взрослению» [8].

В данной статье исследуется СП, объединённое общим элементом значения «курение» и включающее в себя слова молодёжного сленга немецкого, английского и русского языков. Ядром данного СП являются лексические единицы *das Rauchen* и *smoking*.

Анализ СП «курение» проводился на материале пяти словарей: *Русско-немецкий*

словарь современного молодёжного жаргона Коломиеца Е.А., *Russisch-deutsches Jargon-Wörterbuch* von Harry Walter und Valerij Mokienko, «*Вашу мать, сэр! Иллюстрированный словарь американского сленга*» Московцева Н., Шевченко С., *Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики* Глазунова С.А., электронный словарь *ABBY Lingvo*.

На основе материала данных словарей можно выделить макрополе «вредные привычки», которое подразделяется на три микрополя первой степени (алкоголь, наркотики, курение), четырнадцать микрополей второй степени (алкоголик, пить алкоголь, алкогольные напитки, напиться, пьяный; наркоман, принимать наркотики, наркотик, находиться под действием наркотиков, передозировка, прекратить употреблять наркотики; курить, сигарета, окурок), двадцать три микрополя третьей степени (водка, самогон, пиво, вино, шампанское, коньяк, портвейн, виски; нюхать кокаин, нюхать ядовитые вещества, курить наркотики, делать инъекцию, инъекция; марихуана, кокаин, ЛСД, анаша, наркотические медикаменты, героин, гашиш, опиум, ядовитые грибы, сигарета с наркотиком).

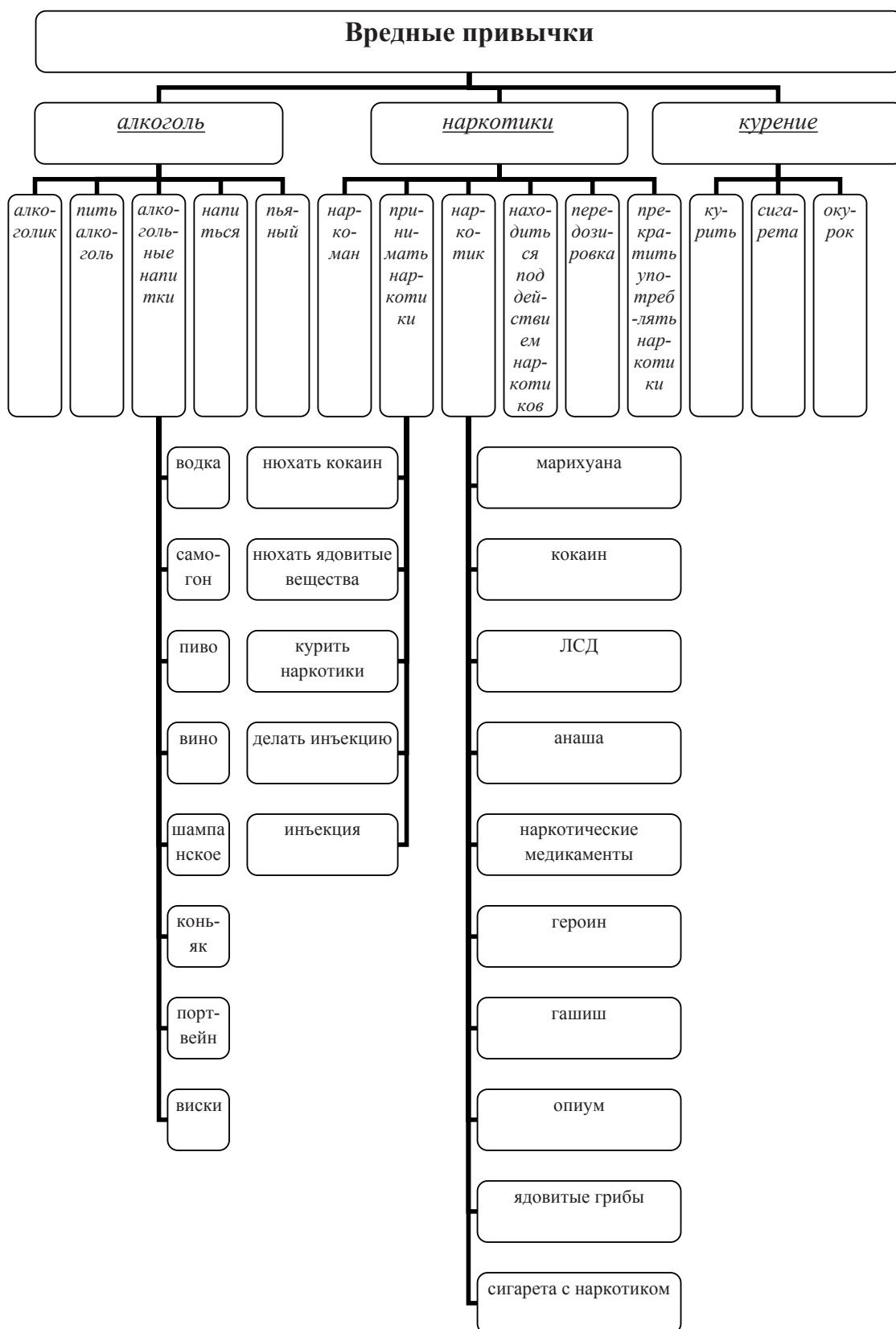
Изобразим макрополе «вредные привычки» в молодёжном сленге схематично (см. схему на с. 142).

Задача данной статьи – осветить особенности микрополя первой степени «курение», в котором выделяются три микрополя второй степени:

- 1) курить/*rauchen/smoke*,
- 2) сигарета/*Zigarette/cigarette*,
- 3) окурок/*Zigarettenrest/cigarette end*.

В связи с этим в работе выделяются следующие семантически связанные единицы, репрезентирующие указанное для анализа микрополе:

1) в немецком языке – *aufrauchen, blunten, das Leben beschleunigen, ein Stäbchen durchziehen, eine fluppen, eine(n) durchziehen, eine ins Gesicht schlagen, harzen, knastern, (eine) lullen, paffen, perzen, qualmen (wie ein Schlot, Schornstein), quarzen, reinpfeifen, rußen, (eine) schloten, sich eine Inhalation verpassen, в английском языке* – *bogard, burn, chain (smoke), drag, poke,*

pull, в русском языке – *бациллиить, добить, дымить, кумарить, паровозить, постучать по легким, принять ингаляцию, сигарить, смокать, смолить*, – образующие лексико-семантическую и лексико-стилистическую парадигму, члены которой объединены значением *rauchen, smoke, курить*;

2) в немецком языке – 1А- *Lungentorpedos, Balsam für die Lunge, Camel-Stengel, Dippe, Docht, Döge, Faden, Fluppe, Giftsengel, Glimmstengel, Goffel, Hugo, Kippe, Krebsfutter, Lulle, Lungenbrötchen, Lungenstäbchen, Lungentorpedo, Papirossa, prima Räucherstäbchen, Qualm(e), Rauchware, Räucherlinge, Räucherzeug, Sargnagel, Saugnapf, Schrippe, Smokarette, Span, Splitter, Stäbchen, Stiftchen, Zarette, Ziggi*, в английском языке – *blower, burn, cancer stick, choker, cig, ciggy, coffin nail, fag, gage, gasper, jigger, job, maggot, puffer, ret, root, rope, skag, slim, smoke, snout, soldier, square, stogie, straight, tailor-made, toke, tube*, в русском языке – *бацилла, бацилка, ингаляция, кумар, никотиновая палочка, папира, (вышатский) папирус, сига, смок, штакет* – с общим значением *Zigarette, cigarett, сигарета*;

3) в немецком языке – *Dippe, Fluppe, Kippe, Lulle, Lutscher, Nuckel, Stummel*, в английском языке – *butt, corpse, fag, maggot, old soldier, snipe, teaser*, в русском языке – *бас, басик, бычарик, бычок, бэрик, засолка, пегас, пелик, хабарик, чинарик, чинарь* – с общим значением *Zigarettenrest, cigarette end, окурок*.

Следует отметить, что одной из особенностей употребления сленга молодёжью является отграничение молодёжного языка от языка взрослых. Часто родители жалуются на то, что не понимают своих чад. Действительно, если рассматривать примеры русского языка, то человек, не знающий молодёжной лексики, может неправильно интерпретировать такие слова, как *бациллиить, бацилла, бацилка* (бациллы – палочковидные бактерии [1]), *кумарить* (ср. «кемарить» – спать), *ингаляция* (ингаляция – метод введения в организм лекарственных веществ посредством вдыхания [1]), *бас* (бас – 1. самый низкий мужской голос [1]) и т. д. А слова *смокать, смок, бэрик* он и вовсе не поймёт.

Особенности микрополей СП «курение» можно выявить при рассмотрении лексических единиц, входящих в состав микрополей (курить, сигарета, окурок) каждого конкретного языка, в котором они употребляются. В результате полевого анализа мы выделяем универсальные (характерные для немецкого, английского и русского языков), общие (характерные для германской группы языков – немецкого и английского; немецкого и русского) и единичные (характерные для немецкого, английского и русского языков в отдельности) признаки, присущие микрополю «курение».

I. Универсальные признаки

1. Путь пополнения регистра лексики молодёжного сленга микрополя «курение» – словообразование:

1) «словотворчество»: *lullen, reinpfeifen* (*rein-* разг. *herein, hinein* – *внутри, Pfeifen* – *свистеть*), 1А – *Lungentorpedos, Giftsengel* (*Gift* – *яд, Engel* – *ангел*), *Lutscher usw.*; *blower* (*тот, кто дует*), *cancer stick* (*cancer* – *рак, stick* – *палка*), *choker* (*душитель*), *etc.*; *бациллиить, паровозить, ингаляция, никотиновая палочка, басик* (от *бас*), *бычарик* и *бэрик* (от *бычок*) и т. д. Одной из отличительных черт молодёжного сленга является его словообразование посредством «творческой словоигры». И микрополе «курение» – не исключение. Здесь слова появляются путём ошибок-оговорок [14].

2) сокращение: *Zarette, Ziggi; cig, ciggy; сига*. Приведённые лексические единицы образованы путём лексической компрессии – сокращения нейтральных лексем *Zigarette, cigarette, сигарета*.

2. *Последствия курения для здоровья*. Табачный дым повреждает дыхательный эпителий, обуславливая утренний кашель курильщика, бронхиты и ХОБЛ, эмфизему легких и рак легких. В 90% случаев смерть от рака легких у мужчин и 80% – у женщин – вызвана курением [13].

Судя по лексике микрополя «курение», легко понять, что опасность курения молодёжь связывает именно с лёгкими и раком лёгких:

1) микрополе «курить/rauchen/smoke»: *postучать по легким*;

2) микрополе «сигарета/Zigarette/cigarette»: *IA – Lungentorpedos (торпеда для лёгких), Balsam für die Lunge (бальзам для лёгких), Krebsfutter (Krebs – рак), Lungenbrötchen (булочка для лёгких), Lungenstäbchen (палочка для лёгких), cancer stick (cancer – рак).*

3. Возвращаясь к определению понятия «(табако)курение» (*вдыхание дыма*), выделенные нами лексические единицы можно распределить по двум универсальным семантическим группам: «вдыхание» и «дым»:

1) «вдыхание»:

а) микрополе «курить/rauchen/smoke»: *ein (Stäbchen) durchziehen* (протаскивать, протягивать), *sich eine Inhalation verpassen* (принять ингаляцию); *drag* (тянуть, затягиваться (сигаретой)), *pull* (тянуть, затягиваться); *принять ингаляцию* (см. определение выше);

б) микрополе «сигарета/Zigarette/cigarette»: *blower* (тот, кто дует); *ингаляция*.

2) «дым»:

а) микрополе «курить/rauchen/smoke»: *raffen* (дымить), *qualmen* (дымить), *rußen* (чадить), *schloten* (*der Schlot* – (фабричная) дымовая труба); *дымить, кумарить, паровозить*;

б) микрополе «сигарета/Zigarette/cigarette»: *Qualm(e)* (*der Qualm* – дым, а суффикс *-ling* – словообразовательная единица, образующая имена существительные, обозначающие людей, нейтральных по стилистической окраске, и людей с оттенком пренебрежения, порицания. В данном случае суффикс *-ling* служит в качестве второго показателя), *Rauchware, Räucherlinge, Räucherzeug* (*rauchen* – дымить); *smoke* (дым); *кумар*.

4. Если рассматривать микрополе второй степени «сигарета», можно выявить и его универсальную особенность, обусловленную формой предмета для курения. Сигарета (от французского *cigarette* — маленькая сигара) — бумажный цилиндр, внутри которого находится измельчённый табак для курения [13]. Именно понимание формы (сигарета – прямая, цилиндрическая) образует группу, в которую входит большинство выделенных

нами лексических единиц данного микрополя: *Camel-Stengel* (Camel — известный международный бренд сигарет, который был впервые представлен на рынке американской компанией «R.J. Reynolds Tobacco» летом 1913 г. [13]; *Der Stengel* – стебель), *Docht* (фитиль), *Faden* (нитка), *Glimmstengel, Stäbchen* (палочка), *Stiftchen* (*der Stift* – обрубок, штырь); *cancer stick* (*stick* – палка), *rope* (канат), *slim* (стройный), *snout* (хобот слона), *square* (квадрат, прямоугольник), *straight* (прямая линия), *tube* (труба); *бацилла, бацилка* (см. определение выше), *никотиновая палочка, папира* (от *папирус*), *папирус* (свиток).

II. Общие признаки

1. Немецкий и английский языки.

а) Табакокурение занимает первое место в мире среди предотвратимых причин смертности. По данным ВОЗ, каждые шесть секунд от курения в мире умирает один человек. Ежегодно курение становится причиной смерти 5,4 миллионов человек [2].

Данный факт находит своё отражение и в молодёжном сленге исследуемых языков. Если рассмотреть лексику СП «курение», то можно заметить, что молодые люди понимают всю опасность данной привычки, употребляя следующие лексические единицы:

1) микрополе «курить/rauchen/smoke»: *das Leben beschleunigen* (*торопить жизнь*);

2) микрополе «сигарета/Zigarette/cigarette»: *Sargnagel* (*гвоздь*, которым прибивается крышка гроба); *choker* (*душитель*), *coffin nail* (*гвоздь*, которым прибивается крышка гроба);

3) микрополе «окурок/Zigarettenrest/cigarette end»: *corpse* (*труп*).

б) При анализе микрополя второй степени «окурок» относительно основного определения этого микрополя можно выявить следующую его особенность.

Микрополе «окурок/Zigarettenrest/cigarette end». Для выявления особенности данного микрополя следует учитывать само понятие «окурок» – остаток от сигареты, недокуренная сигарета. Таким образом, в основе выделения следующей группы лексем лежит понимание формы окурка: *Kippe* (*ребро,*

край), *Stummel* (остаток); *butt* (толстый конец (инструмента, оружия), нижняя, наиболее толстая часть ствола дерева).

2. *Немецкий и русский языки.*

а) Регистр лексики молодёжного сленга микрополя «курение» пополняется англицизмами: *смокать*, *смок*, *Smokarette*. На современный немецкий и русский языки и особенно на речь молодёжи влияет англоязычная компьютерная продукция и развитие веб-коммуникаций, а также популяризация английского языка в музыкальной культуре, моде, спорте, развлечениях, в формировании вредных привычек – в том числе. Чаще всего заимствованные англицизмы включаются в словообразовательную и грамматическую систему заимствующего языка [10, 154].

б) При рассмотрении микрополя второй степени «курить» можно выявить и такую его особенность.

Микрополе «курить/rauchen/smoke». Смола — один из продуктов сгорания табака, возникающий в процессе курения и способствующий возникновению заболеваний [12]. В связи с данным определением в этом микрополе можно выделить категорию с общим значением «смола»: *harzen* (смолить); *смолить*. В английском языке лексических единиц, принадлежащих данной категории, выявлено не было.

III. *Единичные признаки*

1. Основную особенность СП «курение» в немецком языке можно связать с понятием «соска»: *lullen*, *Lulle*, *Saugnapf*, *Lutscher*, *Nuckel*. Курильщики, как дети, не выпускают свою «соску» изо рта. И это сравнение примечательно тем, что ребёнок берёт соску не сознательно, для него это привычка, как и для курильщика. Только последний берёт сигарету сознательно, ведь он осознаёт всю опасность данной привычки.

2. Особенность СП «курение» в английском языке можно проследить на примерах: *chain* (*smoke*) (*chain* – цепь), *drag* (тащиться), *poke* (попусту тратить время), *fag* (тяжёлая, нудная работа), *job* (работа). Носители английского языка связывают курение с нудной монотонной работой.

3. В СП «курение» в русском языке невозможно выделить какой-либо семантической группы с общим понятием. Однако здесь можно говорить о другой особенности – словообразовании. В СП «курение» русского языка наблюдается тенденция «обыгрывания» уже имеющихся лексических единиц молодёжного сленга: *басик* (от *бас*); *бычарик*, *бэрик* (от *бычок*), *чинарик* (от *чинарь*); *бацилка*, *бациллит* (от *бацилла*), *папира* (от *папирус*), *сигарить* (от *сигарета*). Разговорное словообразование в русском языке практически не располагает своим собственным арсеналом средств. Однако именно «неразборчивость в средствах» (вольное словообразование), а не наличие собственных средств является отличительной чертой молодёжного словотворчества, его «фишкой» [14].

Таким образом, в данной работе были выявлены языковые и прагматические аспекты микрополя первой степени «курение», его универсальные, общие и единичные признаки. К универсальным признакам следует отнести словообразование и лексическую компрессию, к общим – наличие англицизмов в немецком и русском языках, наличие в немецком и английском языках лексических единиц, отражающих семантику микрополя «курение», к единичным – особенности лексики микрополя «курение», обусловленные спецификой каждой из представленных лингвокультур: немецкой, английской и русской.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. [Электронный источник]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/> (дата обращения: 20 апреля 2011).
2. ВОЗ: Каждые шесть секунд от курения в мире умирает один человек // Подробности [Электронный источник]. URL: <http://podrobnosti.ua/health/2008/02/08/495234.html> (дата обращения: 20 апреля 2011).
3. Глазунов С.А. Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики. М.: Рус. яз., 2001. 776 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный источник]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20>

- словарь%20Даля/ (дата обращения: 20 апреля 2011).
5. Дети заражаются курением от родителей своего пола // Подробности [Электронный источник]. URL: <http://podrobnosti.ua/health/2011/01/31/750465.html#comments> (дата обращения: 20 апреля 2011).
  6. Зырянова Н. О молодежном сленге // Родители.ru [Электронный источник]. URL: <http://parent.ru-far.ru/news.php?n=21009&c=2> (дата обращения: 20 апреля 2011).
  7. Коломиец Е.А. Русско-немецкий словарь современного молодежного жаргона. М.: АСТ: Восток – Запад, 2005. 327 с.
  8. Курение и молодежь // Интегральная медицина XXI в. [Электронный источник]. URL: <http://www.it-med.ru/library/k/kurenje.htm> (дата обращения: 20 апреля 2011).
  9. Малова Н.В. Парадигматические особенности семантического поля «смех» в современном английском языке // Актуальные проблемы лингвистического образования. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2003. С. 26-29.
  10. Матарыкина Н.Д. Сравнительная характеристика особенностей немецкого и русского молодежного жаргона // Вопросы лингвострановедения и лексикологии. М.: Прометей, 2003. С. 153-157.
  11. Московцев Н., Шевченко С. Вашу мать, сэр! Иллюстрированный словарь американского сленга. СПб.: Издательский дом «Питер», 2004. 480 с.
  12. Пилипенко В.Ф. Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура. Словарь-справочник. М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2005 [Электронный источник]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Безопасность/> (дата обращения: 20 апреля 2011).
  13. Свободная энциклопедия Википедия [Википедия]. [Электронный источник]. URL: ru.wikipedia.org (дата обращения: 20 апреля 2011).
  14. Солодкий М.В. Сниженная лексика в современном немецком языке; источники пополнения и особенности функционирования в молодежном сленге. Славянск-на-Кубани, 2004 [Электронный источник]. URL: <http://www.ref.by/refs/29/39688/1.html> (дата обращения: 20 апреля 2011).
  15. Электронный словарь ABBYY Lingvo x3, 2008.
  16. Walter H., Mokienko V. Russisch-deutsches Jargon-Wörterbuch. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: PeterLang GmbH, 2001. 580 S.

УДК 811.133.1

Лиходкина И.А.

Московский государственный областной университет

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

I. Likhodkina

Moscow State Regional University

PECULIARITIES OF SYNTAX OF A SIMPLE SENTENCE IN THE FRENCH AND RUSSIAN COLLOQUIAL LANGUAGE

Аннотация. Для синтаксиса французской и русской разговорной речи характерно употребление простых предложений, в которых синтаксические средства связи играют второстепенную роль. Кроме того, в разговорной речи с наибольшей полнотой проявляется тенденция к предикативности, выраженная односоставными структурами, а также тенденция к сокращению предложения, когда длинная фраза не обязательно повторяет модели протяжённых синтаксических конструкций, характерных для книжно-письменной речи. Широкое распространение также получают так называемые расчленённые фразы, в которых в сегмент выносятся наиболее важные для говорящего компоненты за счёт выделительных средств. Статья снабжена многочисленными примерами из современных романов, подтверждающими эти положения.

Ключевые слова: разговорная речь, диалог, синтаксис, простое предложение, расчленённые фразы, фразеологизированные структурные схемы.

Abstract. The use of simple sentences in which syntactic connections play a secondary role is a characteristic feature of French and Russian colloquial language's syntax. Moreover, in colloquial language, a tendency to predicativity manifested by sentence shortening shows itself most completely, and a long phrase is not necessarily patterned after long syntax constructions typical of literary language. The metamerized phrases, the segment of which is the most significant component, are widely used in colloquial language. The article is illustrated with examples from modern novels supporting these propositions.

Key words: colloquial language, dialogue, syntax, simple sentence, metamerized phrases, phraseological structural patterns.

Непосредственность и неподготовленность высказывания, ситуация речевого общения и другие характерные черты разговорной речи особенно сказываются на её синтаксисе. Синтаксис французской разговорной речи отличается, как правило, относительной простотой. Простота синтаксиса выражается в том, что для разговорной речи характерны, прежде всего, короткие предложения:

1) "On devrait vivre a posteriori. On décide tout trop tôt. Je n'aurais jamais dû inviter ce type à dîner. Une reddition hâtive, aux conséquences désastreuses. Il faut dire que la pression était énorme. Toute la tribu s'était acharnée à me convaincre, chacun dans son registre, une puissance de feu terrible" [11, 13].

2) "J'ai pivoté sur mes talons. J'ai moi aussi fixé la porte. Ma main s'est posée sur la poignée. J'ai ouvert lentement. Et oui... Oui. Thérèse était dans son lit. Elle dormait à poings fermés. Pas un mot autour de moi" [11, 119-120].

Простота синтаксиса французской разговорной речи выражается также ещё и в том, что, в отличие от книжно-письменной речи, широко использующей сложноподчинённые предложения, разговорный синтаксис, главным образом, предпочитает использовать простые предложения. «В этих случаях учёные видят здесь особую, характерную только для разговорной речи, связь, *связь свободного присоединения*, при которой предикативные конструкции «нанизываются» одна на другую без обычных средств связи, просто соплагаются» [6, 297], например:

Книжно-письменная речь

Il n'est pas venu parce qu'il était malade.

Он не пришел, потому что он болел.

Разговорная речь

Il n'est pas venu, il était malade.

Он не пришел, он болел.

Как правило, в повседневном общении говорящий фиксирует в своей речи порядок следования событий, в то время как отношения причины и следствия могут быть выражены экстралингвистическими средствами. Иначе говоря, во французской разговорной речи синтаксические средства связи между предложениями играют второстепенную роль. «Можно было бы сформулировать правило о том, что разговорный стиль представляет собой следование предложений, не связанных друг с другом, или, говоря точнее, связанных исключительно с помощью интонации» [13, 40].

С наибольшей полнотой в разговорной речи проявляется тенденция к предикативности, выраженной неполными и одноставными предложениями [5]. Как отмечал Л.С. Выготский, эта тенденция возникает в двух основных случаях, характерных прежде всего для диалога: ситуации ответа или такой ситуации, где подлежащее высказываемого суждения известно собеседникам. «Диалог, – отмечает автор в этой связи, – почти всегда заключает в себе возможность недосказывания, неполного высказывания, ненужности мобилизации всех тех слов, которые должны были быть мобилизованы для обнаружения такого же мыслимого комплекса в условиях

монологической речи» [4, 299]. Следующие примеры довольно убедительно об этом свидетельствуют:

1) «– Ben, tu n'as rien?

C'est Launa, ma soeur.

– Comment ça, rien?

– La bombe, au Magasin...

– Tout le monde a sauté, je suis le seul rescapé.

Elle rigole. Elle se tait. Et puis elle dit:

– A propos de sauter. J'ai pris une décision.

– Quelle genre?

– Le genre petite bombe. Mon petit locataire, je vais le faire sauter. Avortement, Ben. C'est Laurent que je veux garder» [10, 23].

2) «– Приветствую!

– Виноват?..

– Багулин? Я не ошибся.

– Решительно не могу припомнить...

– Вы изменились меньше, чем я. Тридцать шестой, Москва, а?

– А-а?.. да-да... но все же?..

– А избушка под Тулой, зима?

– Так-так-так-так... ну же!

– Вот – встреча...

– Вот встреча! Через века, а!

– Какими судьбами здесь?

– (хозяйски поведя рукой) Живу» [3, 6].

Протяжённая фраза во французской разговорной речи не обязательно повторяет модели длинных синтаксических конструкций, характерных для книжно-письменной речи. Обычно, когда фраза в разговорной речи оказывается протяжённой, мы сталкиваемся с двумя тенденциями. Во-первых, это особенность французской фразы, которая заключается в том, что в её начале собеседнику сообщаются различные служебные слова, относящиеся к подлежащему, дополнению, роду, числу, времени, к отрицательности или утвердительности фразы и т. д. и лишь затем сообщаются знаменательные слова, несущие основную смысловую информацию:

“Tu y as été toi, en Espagne l'été?

T'as déjà roulé, la nuit, dans le brouillard sur une route défoncée?” [15, 53].

В ряде случаев подобные структуры оказываются довольно распространёнными.

«Никогда не услышишь возле редакции спортивной газеты “Экип” такую фразу: “N’est-ce point Bobet qui l’année dernière avait déjà gagné le tour de France?” Чаще всего это высказывание французы формулируют так: “Il l’avait déjà gagné le tour de France l’année dernière Bobet?”» [14, 80].

Во-вторых, это членение фразы на две или несколько групп, каждая из которых носит относительно целостный характер. Между группами образуются более или менее значительные паузы. Говоря “S’il on veut, il y a les moules qui sont bonnes et qui n’empoisonnent pas”, мы пользуемся приёмами книжно-письменной речи и вмещаем свои мысли только в одну фразу. В разговорной речи сказанное выглядит иначе: “Si on veut, y a même des moules. Des bonnes. Qu’empoisonnent pas” [15, 42].

Анализ этого отрывка показывает, что точно определить, из скольких фраз он состоит, довольно трудно. Если мы сделаем паузу в местах, отмеченных точкой, их будет три. Если сделать паузу ещё и перед запятой, то количество фраз возрастёт до четырёх. Вместе с тем правильнее сказать, что в рассматриваемом примере есть только одна фраза, характерная для разговорного стиля речи. Разбирая эту особенность французской фразы, Ж. Вандриес подчёркивает: «Граница грамматических фраз здесь настолько трудноуловима, что лучше отказаться определить её. С известной точки зрения здесь только одна фраза. Словесный образ один, хотя он и развивается, так сказать, кинематически. Но в то время как в письменном языке этот образ даётся сразу, в языке устном его разбирают на отрезки, число и сила которых соответствует впечатлениям, которые испытывает говорящий, или тому, как он хочет подействовать на слушателя» [2, 142].

В русском разговорном синтаксисе также преобладают простые предложения, причём в них часто отсутствует глагол-сказуемое, что придает высказыванию динамичность. В одних случаях высказывания понятны вне ситуации и контекста, что свидетельствует об их языковой системности, например: *Я в кино; Он на работу; Мне бы билет; Завтра*

в театр, в других – отсутствующий глагол-сказуемое подсказывается ситуацией: (на почте) *Пожалуйста, конверт с маркой* (дайте). Безличные предложения отличаются особым разнообразием конструкций и их стилистическим применением в речи. Среди них есть такие, которые типичны для разговорной речи: *Хочется есть; Больно!; Не спится; Морозит; Нет денег; Пора домой; Стыдно сказать; Где тебя носило?; Везет же людям!*

На синтаксическом уровне более активно, чем на других уровнях языковой системы, проявляется *неполнотруктурность* выражения смысла языковыми средствами. Неполнота конструкций, эллиптичность – это одно из средств речевой экономии и одно из наиболее ярких отличий разговорной речи от других разновидностей литературного языка. А.М. Пешковский, характеризуя разговорную речь, писал: «Мы всегда не договариваем своих мыслей, опуская из речи всё, что дано обстановкой или предыдущим опытом разговаривающих. Так, за столом мы спрашиваем: «Вы кофе или чай?»; встретив знакомого, спрашиваем: «Ты куда?»; услышав надоевшую музыку, говорим: «Опять!»; предлагая воды, скажем: «Кипяченая, не беспокойтесь!», видя, что перо у собеседника не пишет, скажем: «А вы карандашом!» и т. п.» [9, 58].

О.А. Крылова выделяет два типа синтаксических конструкций, свойственных разговорной речи. Во-первых, это так называемые фразеологизированные структурные схемы с определённым лексическим компонентом, который не может быть ни заменён, ни опущен. Значение таких структурных схем складывается из значений составляющих их компонентов, а воспринимается целиком. Существуют следующие структурные схемы:

– N1 + как + N1, где N1 означает любое существительное в именительном падеже, например: *Пирог как пирог; Дети как дети; «С виду вроде руки как руки, даже как будто и не рабочие»* [1, 54]. Постоянный элемент «как» не имеет здесь значения сравнения, и предложение, построенное по этой схеме,

имеет целостное значение, не вытекающее из прямых значений входящих в него компонентов. Так, выражение «Пирог как пирог» означает «обычный, нормальный, ничем не примечательный пирог».

– Взять (да) и V, где V – символ спрягаемой формы глагола. Такая структурная схема передаёт произвольное действие, всецело определяемое личным желанием субъекта и часто совершаемое вопреки здравому смыслу или воле кого-то другого, например: «А вы взяли и превратили этот культурный факт в изысканную ювелирную метафору. Очень вам, кстати, идёт!» [8, 116]; «А тут взять и ни с того ни с сего – на берег» [1, 174].

– Нет (что)бы + Infinitiv, например: «Нет чтобы воспользоваться возможностью и свободным изливанием души выразить капитану свою любовь и сказать что-нибудь хорошее о команде, о пароходе, о пройденном пути. Куда там!» [1, 170]. Целостное, фразеологизированное значение таких предложений – это выражение желательности для говорящего того действия, которое другой человек не совершает, и его осуждение за осуществляемое им действие, противоположное желаемому.

Разговорные синтаксические конструкции второго типа включают:

– повторяющиеся полнзначные лексемы: *Я его просил-просил, и все без толку!; Прихожу, везде бумаги, бумаги... и никого нет; Забежал взял перчатки, а куда побежал – не сказал;*

– частицы или модальные слова, сближающиеся с частицами, такие, как: *дай, знай, смотри, того и гляди, было, вот, так, вот так, вот и, туда же, нет-нет (да) и, ну и, разве, точно* и т. п., например: *Дай, думаю, зайду; Холодно! Смотри не простудись; Он было пошел, да передумал; Ну вот, и ты туда же!; Разве я тебе не говорил!; Вот так подарочек!;*

– междометия и междометные сочетания, например: *Ах, как красиво!* [6, 208-210].

Во французской разговорной речи широкое распространение получают так называемые расчлененные фразы. Как правило, подобные конструкции состоят из двух час-

тей, одна из которых является как бы законченной в плане грамматической формы и семантики, другая – сегментом, являющимся обычно нераспространённым членом предложения. Наиболее часто выносятся в сегмент подлежащее, что представляется вполне логичным: каждое предложение обязательно предполагает автора действия, в то время как другие члены предложения могут быть или не быть, например:

1) “Maman, elle était quelque part en amour, comme d’habitude” [11, 14];

2) “Je ne me suis pas rendormi, moi” [11, 77].

Также часто в сегмент выносятся дополнения:

1) “ – Un jour tu les vendras, tes photos, et ce sera ton tour de faire bouillir la marmite” [10, 106].

2) “ – Vous pouvez le garder mon papier, monsieur, vous pouvez en faire des confettis, je le connais par coeur...” [12, 32].

В качестве местоименных слов-заменителей могут быть использованы личные местоимения, указательные местоимения (“ça”, “cela”), а также адвербиальные местоимения “en”, “y”. Эти местоимения заменяют не только косвенное дополнение, но и прямое, представленное именем существительным со значением неопределённости и частичности:

“A quoi, Moune ajoutait: « Et il en faut, du caractère, avec un fils comme Камо... »” [12, 36].

В предикативной группе часто употребляется указательное местоимение “ce”, “ça” как в собственном значении, так и в качестве заместителя личного местоимения 3-го лица единственного числа:

1) “C’est ça qu’elle devait faire, ta soeur Thérèse!” [11, 66];

2) “Ça te sera très utile, petit con” [11, 79].

Также “ça” может заменять существительное во множественном числе:

“Paraît que ça existe, les chiens épileptiques, et que ce soir ça ira mieux” [10, 100].

В русском языке также существует ещё один ряд синтаксических особенностей разговорной речи – это многочисленные и своеобразные способы выделения в предложении

наиболее важных для понимания смысла предложения компонентов. Для этих целей используются:

– особый разговорный порядок слов, когда два непосредственно связанных слова могут быть разделены другими словами: *Красных купи мне / пожалуйста / стержней //* (красных стержней для ручки);

– разного рода специальные слова — актуализаторы (местоимения, отрицательные или утвердительные частицы): *Он что / уже в школу идет? //; Ты завтра / да? уезжаешь? //; Он летом / нет / к нам приедет? //;*

– повтор актуальных компонентов: *Я по Волге этим летом поеду / По Волге //* [7, 59].

Итак, для синтаксиса французской и русской разговорной речи характерны общие черты, такие, как:

– употребление большого количества простых предложений, в которых синтаксические средства связи играют второстепенную роль;

– тенденция к предикативности, выражающаяся в сокращении предложения;

– протяженная фраза не обязательно повторяет модели длинных синтаксических конструкций, характерных для книжно-письменной речи;

– в разговорной речи широкое распространение получают так называемые расчленённые фразы, в которых в сегмент выносятся наиболее важные для говорящего компоненты.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вайнович В.Н. Сказка о глупом Галилее. М.: Эксмо, 2009. 418 с.
2. Вандриес Ж. Язык (лингвистическое введение в историю французского языка). М.: Эдиториал УРСС, 2004. 408 с.
3. Веллер М. А вот те шиш. М.: АСТ, 2009. 384 с.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: АСТ Москва, 2008. 672 с.
5. Елифанцева Н.Г. От слова к предложению: теория языковых уровней и сопоставление французской и русской синтаксических систем. М.: МГПУ, 2008. 120 с.
6. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. В 2 кн. Кн. 1. Теория. М.: Высшая школа, 2008. 319 с.
7. Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1999. 560 с.
8. Пелевин В.О. Ананасная вода для прекрасной дамы. М.: Эксмо, 2010. 352 с.
9. Пешковский А.М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. 250 с.
10. Pennac D. Au bonheur des ogres. P.: Gallimard, 2008. 288 p.
11. Pennac D. Aux fruits de la passion. P.: Gallimard, 1999. 223 p.
12. Pennac D. Kamo, l'idée du siècle. P.: Gallimard, 1997. 92 p.
13. Sauvageot A. Français écrit, français parlé. P.: Larousse, 1962. 297 p.
14. Queneau R. Batons, chiffres, lettres. P.: Gallimard, 1994. 337 p.
15. Queneau R. Zazie dans le métro. P.: Gallimard, 2004. 190 p.

УДК 811.111'367

Люльчева Е.М.

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

**ВАРЬИРОВАНИЕ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ
В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТАХ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

E. Lyulcheva

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

**VARIETY OF SEMANTIC AND SYNTACTIC MEANS OF EXPRESSING
NEGATION IN DIALOGICAL SPEECH IN BRITISH AND AMERICAN ENGLISH**

Аннотация. В статье рассматриваются семантико-синтаксические средства выражения экспрессивного отрицания с позиции гендерного фактора. Экспрессивные отрицательные высказывания составляют неотъемлемую часть устного общения. Автор подчёркивает, что эмоциональная речь с отрицанием имеет сложную структуру, которую образуют многочисленные экспрессивные средства разных уровней языка. В статье рассматриваются такие семантико-синтаксические средства выражения экспрессивного отрицания, как повторы, разделительные вопросительные высказывания, специальные вопросы, побудительные предложения, отклонения от грамматических норм и др. Автор подтверждает выводы примерами из британских и американских пьес.

Ключевые слова: семантико-синтаксические средства выражения, гендерный фактор, экспрессивное отрицание, диалогический дискурс.

Abstract. The article is concerned with semantic and syntactic means of expressive negation from the point of view of the gender factor. Expressive negative statements are an integral part of oral communication. The author stresses that emotional speech with negation has a complicated structure, which is formed by numerous expressive means of different language levels. The article deals with semantic and syntactic means of expressive negation, namely: repetitions, tag questions, special questions, imperative sentences, deviated grammar forms, etc. The findings are supported by examples from British and American plays.

Key words: semantic and stylistic means of expression, gender factor, expressive negation, dialogue discourse.

В свете системного исследования феномена языкового отрицания, исходя из положения о том, что существуют тесные внутренние связи между семантикой предложения и его синтаксисом, нам представляется необходимым изучение семантико-синтаксических средств выражения экспрессивного отрицания.

Известно, что отрицательные эмоциональные реплики отличаются высокой экспрессивностью. В лингвистике понятие «экспрессивность», которую создают лингвистические средства разных уровней языка, охватывает всю область стилистической выразительности (Пиотровский (1956); Арнольд (1981); Филимонова (2001)). Термин «экспрессия» означает «выразительный эффект высказывания» [2]. Под *экспрессивными средствами языка* лингвисты понимают «такие морфологические, синтаксические и словообразовательные формы языка, которые служат для эмоционального или логического усиления речи» [3].

Эмоциональность в языке способствует выражению чувств человека. Для этой цели в языке существуют различные средства. Экспрессивные средства в языке интенсифицируют

выразительность и изобразительность так же, как и при выражении эмоций, выражении воли и мысли. Поэтому можно утверждать, что эти два понятия по некоторым характеристикам могут сходиться.

Экспрессивность языковых единиц рассматривается как средство выражения дополнительных смысловых оттенков, которые наслаиваются на основное значение.

Экспрессивная функция (в языкознании) – одна из функций языкового знака, заключающаяся в способности выражать эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к обозначаемым предметам и явлениям действительности.

Под *экспрессивностью* мы понимаем “совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к адресату или содержанию речи” [4, 592]. Говорящий свободен в выборе экспрессивного выражения высказывания: экспрессия его речевой манеры субъективна и индивидуальна.

Таким образом, исследование семантического наполнения и синтаксического оформления экспрессивных отрицательных высказываний в аспекте их функционирования в речи позволяет дать более многостороннее и глубокое осмысление и понимание роли экспрессивного потенциала отрицания с позиций гендерного фактора.

Следует отметить, что различия в речевом поведении мужчин и женщин, которые определяются полом, носят вероятностный характер (существуют определённые различия в частоте и особенностях использования одного и того же набора языковых средств).

Экспрессивные отрицательные высказывания составляют неотъемлемую часть устного общения (особенно в американском варианте) и считаются типичными для английского языка.

В исследованиях языка важно учитывать фактор пола. Дж. Оуэрс в своей работе “Женщины, мужчины и язык” пишет, что это связано, в первую очередь, с более детальным

подходом к языковым явлениям, когда целью исследователя является не только рассмотрение общих закономерностей, но и учёт конкретных условий использования языка. В большинстве наших примеров комментарий раскрывает взаимоотношения участников коммуникации в приводимых диалогах, как в частях микроконтекста.

К одному из приёмов усиления экспрессивности высказывания можно отнести смысловую повтор, как способ дублирования отрицания.

“Повторное воспроизведение, демонстрация, пояснение, уточнение направлено на адекватное восприятие смысла, поэтому с точки зрения обеспечения ясности и точности речи дублирующее отрицание является экономным и принадлежит к фигурам сокращения” [7].

В диалогической речи часто происходит повторение говорящим отдельных компонентов отрицательного высказывания собеседника: слов, словосочетаний, отдельных предложений или целого высказывания собеседника, которые вызывают эмоциональную реакцию говорящего. Повтором говорящий усиливает и уточняет словесное выражение своей эмоции.

Freeman: I think we shall both be very happy.

Emily: [Desperately warding him off, as if she were fighting for her life.] No, Tom, I tell you I can't, I can't, I can't.

Freeman: Why not?

Emily: I haven't a spark of love in my heart for you (W.S. Maugham. Smith, Act 3).

Трёхкратный повтор модального глагола в реплике Эмили способствует усилению интенсивности отрицательной эмоции женского персонажа пьесы. Следует подчеркнуть, что напряжение героини прослеживается уже в авторской ремарке, в которой встречаются эпитет *desperately*, конструкция с *as if*, в совокупности призванные показать состояние её глубокого эмоционального волнения.

В следующем примере двукратное использование модального глагола в отрицательной форме выражает крайнюю степень недоволь-

ства Кэйт действиями Ванды и усиливает запрет, высказанный ею. В речи Ванды также употребляется повтор с использованием повелительного наклонения в вежливой форме, что выражает мольбу и просьбу героини.

Keith: You mustn't go there, and he mustn't come to you. [She bows her head; then, suddenly comes close to him.]

Wanda: Please do not take him from me altogether. I will be so careful. I will not do anything to hurt him. But if I cannot see him sometimes, I shall die. Please do not take him from me (John Galsworthy. *The First and the Last*).

Повторы в британских и в американских пьесах являются предпочтительным средством выражения экспрессивного отрицания, хотя в речи британских образованных женщин они встречаются чаще. В американских пьесах предложения различных коммуникативных типов, включающие повторы с отрицанием, зафиксированы в эмоциональных ремарках женщин, малообразованных мужчин, а также мужчин в состоянии повышенного эмоционального напряжения. Употребление большого количества повторов в речи женщин, на наш взгляд, объясняется повышенной эмоциональностью женщин, которая сказывается на их речевом портрете. Повторы с отрицанием произносятся с просодией, выражающей иронию, сарказм, возмущение, раздражение и т. д. Повторы являются дополнительной экспликацией смысла, а также принимают участие в построении дискурса.

К семантико-синтаксическим средствам выражения экспрессивного отрицания в речи можно отнести употребление мужчинами и женщинами различных типов вопросов.

Категоричность отрицательного высказывания в эмфатических целях может быть выражена вопросительной формой.

Так, Дж. Лакофф в своей работе, посвящённой изучению особенностей женского речевого поведения, говорит о тенденции употребления женщинами разделительных вопросов в речи. Исследователь высказывает мнение о том, что женщины часто употребляют разделительные вопросы, которые тре-

буют подтверждения или смягчают утвердительное предложение.

Характерной чертой речевого поведения женщин является вежливость, а одним из способов выражения вежливости в речи женщин – разделительный вопрос. Дж. Коэте подразделяет формы вежливости в английском языке на два класса: «негативная вежливость» (“negative politeness”) – оправдание совершённого действия, извинение за причиняемое беспокойство и др., а также «позитивная вежливость» (“positive politeness”) – выражение приветствия, одобрения, заинтересованности и т. д. [8]. Кроме того, употребление женщинами в речи разделительных вопросов помогает искусственно произвести впечатление робости, неуверенности (даже тогда, когда женщина имеет собственное мнение по какому-либо вопросу), что свидетельствует о подчинённом положении женщин в обществе.

Следует отметить, что в процессе речевого общения британские мужчины и женщины часто употребляют разделительные вопросительные высказывания, структура которых включает отрицательную частицу “not”. В основном, разделительные вопросы являются отрицательными по форме и не содержат негативной коннотации, присущей, как правило, отрицанию.

Женщины в большей мере проявляют тенденцию задавать вопросы. При этом считается, что они чаще мужчин используют в речи разделительные вопросы, которые выражают фатическую функцию [6]. Рассмотрим пример:

Princess: [Smiling.] I'm sorry, I apologize. You're a New Yorker, Mr. Harvey?

Fleming: I'm proud of it, madam.

Princess: New York's wonderful, isn't it? It has something that no other city in the world has got (W.S. Maugham. *Our betters*, Act 1).

Разделительный вопрос, заданный Принсес, призван показать заинтересованность в собеседнике, что подтверждается дальнейшим комментарием с её стороны. Разделительный вопрос в этом примере представляет собой формальное отрицание.

В речи британских женщин употребление разделительных вопросов с отрицательными коннотациями говорит об отрицательной характеристике определённого женского персонажа в пьесе [6, 129-130, 178].

Британские женщины часто используют разделительные вопросы в фатической функции. Они отмечены особым интонационным контуром, выражающим дополнительные оттенки – поддержку, просьбу, сочувствие, переживание, дружеское расположение, восхищение (формальное отрицание). В речи американских женщин фатическая функция разделительных вопросов несколько нивелируется, поскольку нами было выявлено большее преобладание негативных коннотаций – сарказм, недовольство, навязывание мнения, – прослеживающихся благодаря соответствующей просодии. С функционально-прагматической точки зрения, более частое использование разделительных вопросов с отрицательными коннотациями в речи британских женщин говорит об общеизвестной эмоциональной сдержанности англичан по сравнению с другими нациями, тогда как речь американок отражает стирание границ между речевым поведением мужчин и женщин как следствие демократизации общества. В речи мужчин в обоих вариантах английского языка употребление разделительных вопросов в фатической функции уступает другим – функциям запроса информации, выражения иронии, сарказма, гнева. При этом в речи американских мужских персонажей происходит замена эллиптической формы междометиями (*huh* и другими) в расчленённом вопросе, что свидетельствует о ярко выраженной экспрессивности имплицитного отрицания и малообразованности мужского персонажа. Что касается немногочисленного использования малообразованными женскими американскими персонажами междометия “*huh*”, то, в основном, это происходит также в результате демократизации американского общества, когда женская речь максимально приближается к мужской.

Несмотря на то, что женщины чаще мужчин прибегают к использованию вопроси-

тельных предложений, специальные вопросы с экспрессивным отрицанием более частотны в речи мужчин в обоих вариантах.

Рассмотрим пример использования специального вопроса, имеющего отрицательные коннотации, в речи женского персонажа пьесы:

Rose: How long has this been going on?

Algy: I offered her my young affections at a dance the night before last.

Rose: Why haven't you told me anything about it? (W.S. Maugham. *Smith*, Act 4).

В примере крайнее возмущение Роуз вызвало известие о помолвке Элджи с дочерью американской семьи Тревор. Экспрессивность отрицательного высказывания передаётся эмоциональной реакцией Розы, которая выражена отрицательной формой специального вопроса, содержащей местоимение “anything”, усиливающее эмоциональное содержание высказывания.

Стоит также заметить, что в речи мужчин и женщин признаком раздражения является наличие усилительных эксплетивных фраз в структуре специального вопроса, например, “in hell, the devil, on earth, in the world” и др., которые выражают отрицательные эмоции говорящего. Рассмотрим пример:

“Who on earth told you that?” (Mailer).

“What on earth is happening here?” (Macdonald).

Ceci Graham: My dear fellow, what on earth should we men do going about with purity and innocence? A carefully thought-out button-hole is much more effective (Oscar Wilde. *Lady Windermere's Fan*).

Barket: (Looking.) What the devil is the row out there? (Bronson Howard. *Shenandoah*).

Итак, специальные вопросы с экспрессивным отрицанием в речи британских женщин передают просьбу, иногда побуждение и призыв к действию, некое возражение. В речи американок в вопросе проскальзывают нотки иронии и категоричного возражения. Мужская речь (и британцев, и американцев), оформленная посредством специальных вопросов с отрицанием, выражает крайнюю степень несогласия, недовольства и даже раз-

дражения. Таким образом, в речи мужчин и американских женщин чаще звучат специальные вопросы с экспрессивным отрицанием, передающие различные оттенки отрицательных эмоций.

Как известно, общие вопросы задаются собеседнику с целью получения подтверждения или отрицания высказанной в вопросе той или иной мысли.

Отрицательная форма общих вопросов образуется при помощи частицы "not", которая ставится после подлежащего перед смысловым глаголом. В разговорной речи отрицательная частица "not" ставится после вспомогательного или модального глагола и употребляется в сокращённой форме.

Общие вопросы с отрицанием выражают сомнение, удивление, уверенность говорящего, а также его эмоциональную реакцию на реплику собеседника. Такие вопросы наиболее характерны для речи женщин. Рассмотрим пример:

Dickie: Are you going away?

Penelope: Oh, yes, didn't I tell you?

Dickie: (Stiffly.) No.

Penelope: How stupid of me! You see, I was expecting you to spend two or three days in Paris with Ada, and I arranged to motor down to Cornwall with the Hendersons (W.S. Maugham. Penelope, Act 3).

Пенелопе известно о том, что Дики собирается провести несколько дней с Адой в Париже. В свою очередь, Пенелопа сообщает Дики о своей договорённости поехать на автомобиле в Корнуэлл. Отрицательная форма общего вопроса в речи Пенелопы выражает её желание привлечь к себе внимание и интерес Дики.

Общие вопросы в отрицательной форме могут также выражать просьбу говорящего и являться отрицанием по форме.

Как видно, общие вопросы с экспрессивным отрицанием более всего характерны для женщин. При этом, как показывает исследование, у британок данные типы вопросов, являющиеся отрицательными по форме, выражают только положительные коннотации (радость, просьба, интерес, удивление), а у

американок, помимо положительных (восхищение, просьба, удивление), зафиксированы негативные коннотации (упрёк, раздражение), что связано с некоторой прямолинейностью американок в отличие от британок, характеризующихся сравнительно большей сдержанностью.

В речи мужчин данный тип вопроса вследствие своей сути – ощутимой эмоциональной окрашенности – отмечен гораздо реже в сравнении с речью женщин. Здесь очевидна мужская стратегия ведения беседы – информативная.

Для мужского и женского речевого поведения характерно частое использование побудительных предложений. В речи говорящий употребляет побудительное предложение с целью заставить собеседника совершить какое-либо действие. Побудительное предложение выражает приказание, просьбу, совет, приглашение, предложение и т. д. Побудительное предложение может иметь утвердительную и отрицательную форму. При этом для побудительных предложений в речи мужчин наиболее типичным является характер запрета, приказа, вероятно, ввиду их более высокого социального статуса по сравнению с женщинами. Побудительные предложения, используемые в речи женщин, чаще всего выражают просьбу.

Для речи мужчин также характерно использование «герундиальных» побудительных предложений, а для речи женщин – «субстантивных» побудительных предложений. Одной из особенностей таких предложений является то, что в них отсутствует глагол. Ряд учёных рассматривает их как «безглагольные» побудительные предложения. Они не зависят от контекста и, функционируя вне контекста, являются понятными коммуникативными единицами. Например: "No smoking here!", "No ricks" (P. Conroy).

В качестве обращений в побудительном предложении часто используется местоимение "you". Оно передаёт отрицательные эмоции говорящего (гнев, раздражение, недовольство и т.д.). Например:

- "Don't you ever say that again," - said Ju-

les (Oates). – В данном примере звучит недовольство, приказ.

– “*You shut up!*” – *Loretta cried* (Oates). – Проявление крайнего раздражения.

– *The Man: [Gripping her shoulder] Daisy, don't you never go back on me, or I should kill you, and 'im too* (John Galsworthy. *The Sun*).

– Угроза.

Такие предложения используются преимущественно в речи мужчин. Мужчина чаще отдаёт приказы, вероятно, ввиду его более высокого социального статуса по сравнению с женщиной. Поэтому для побудительных предложений в речи мужчин наиболее типичным является характер приказа, а в речи женщин – просьбы, так как побудительные предложения, используемые в речи женщин, чаще всего выражают просьбу, но, если встречаются с местоимением “you”, то передают раздражение, приказ. При этом побудительные предложения, выражающие приказ, произносятся с пониженной интонацией, а предложения, выражающие просьбу, – с повышенной интонацией.

Таким образом, для мужского и женского речевого поведения характерно частое использование побудительных предложений. При этом для побудительных предложений в речи мужчин наиболее типичным является характер запрета, приказа. Побудительные предложения, используемые в речи женщин, чаще всего выражают просьбу.

В отрицательной эмоциональной речи мужчин наиболее частотными оказались «отклонения от грамматических норм» (в особенности компрессия – пропуски артиклей, вспомогательных глаголов и т. д., а также инверсия).

Наличие большого количества грамматических отклонений в мужской речи свидетельствует о том, что социальный статус мужчин не требует утверждения языковыми средствами. Для мужчин важнее, что сказать, а не как сказать.

Мужчины, по сравнению с женщинами, употребляют в речи больше глагольных, чем именных сказуемых, при описании мужчины часто ссылаются на временные периоды,

а женщины используют в речи более точные временные отрезки.

Принято считать, что прямой порядок слов является нейтральным порядком. Эмоциональная экспрессивность возникает в результате инверсии, то есть нарушения обычного порядка слов. Прямой порядок слов лишён экспрессивности, в то время как инверсионный порядок экспрессивно окрашен [1].

Очевидно, что экспрессивность отрицательных инверсионных выражений обуславливает сферу их применения. Они чаще используются в эмоциональном контексте, полемике, придают речи определённую живость и могут выражать как положительные, так и нейтральные коннотации.

В силу сложности синтаксического построения данных предложений, они, как показывают исследования, характеризуют речь образованного человека и более характерны не для драматургического диалогического дискурса, а, скорее, для публицистического диалогического дискурса.

В нашем исследовании частота встречаемости усилительных грамматических конструкций весьма невелика. И во всех случаях это, в основном, выражение положительных эмоций в речи женщин. Преобладание данных характеристик в женской речи можно определить как гендерно обусловленную асимметрию по оси «экспрессивность».

Экспрессивное отрицание имеет сложную структуру, которую образуют лингвистические средства разных уровней языка, синхронно реализуемые в речи при выражении отрицательных эмоций.

В рамках драматургического текста отрицание, в дополнение к своей основной функции – констатировать отсутствие в действительности того или иного предмета, факта, явления, а также их свойств, признаков и качеств, – может также выражать добавочные смысловые значения, например, просьбу, приказ, побуждение, приглашение, сомнение или эмоциональную реакцию говорящего на слова собеседника, а также участвует в создании экспрессивности языкового выражения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Валгина Н.С. Современный русский язык. М.: Болеро, 2000.
2. Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук. (Выпуск первый. Задачи филологии) // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1981.
3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Наука, 1958. 459 с.
4. Гридин В.Н. Психолингвистические функции эмоционально-экспрессивной лексики. СПб., 1998.
5. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
6. Малюга Е.Н. Функционально-прагматические аспекты английских вопросительных предложений: на основе сопоставления британского и американского деловых художественных текстов). Монография. М.: Макс Пресс, 2001. 296 с.
7. Пилатова В.Н. Экспрессивное отрицание в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 198 с.
8. Coates J. Women, Men and Language, Longman, 1986. 178 p.

УДК 81'25

Острик Н.Н.

Ставропольский государственный университет

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД В МУЗЫКАЛЬНОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ В МЕТАПОЭТИКЕ НОРЫ ГАЛЬ**

N. Ostrik

Stavropol State University

**LITERARY TRANSLATION IN MUSICAL INTERPRETATION
IN METAPOETICS OF NORA GAL**

Аннотация. Привлечение в теорию перевода метапоэтики, позволяющей переводчику художественной литературы обращаться не к «готовым схемам», которые в его реальной практической деятельности малопродуктивны, а к опыту самих мастеров перевода, представляется весьма перспективным. Переводчик размышляет над своими действиями, осуществляет самоанализ, рефлексировать над переводом. Он выступает в роли исследователя или интерпретатора, формируя переводческий код, аккумулирующий образцы его деятельности. В данной статье рассматривается система музыкальных терминов в метапоэтических текстах переводчика Н. Галь, через которые она раскрывает природу художественного перевода.

Ключевые слова: метапоэтика, метапоэтический текст, метаэлемент, переводческий код, слух, интонация, ритм, тон, гармония.

Abstract. Involvement of metapoetics into the theory of translation allows the translator of fiction not to apply to "ready-made schemes", which are not very productive in his actual practice, but enables him to learn from masters' experience, which seems very promising. Translator carries out self-analysis, reflects on the translation and his work. He acts both as a researcher and interpreter, thus forming a translation code, which accumulates samples of his work. The article is also concerned with a system of musical terms in N. Gal's metapoetic texts, through which she, as translator, reveals the nature of literary translation.

Key words: metapoetics, metapoetic texts, metaelement, translation code, ear, intonation, rhythm, tone, harmony.

Исследование в теории перевода переводческих трансформаций, решение проблемы выделения единицы перевода, определение семантико-стилистических сдвигов и подобных проблем носит скорее технологический характер. Это, по замечанию И. Кашкина, может привести к тому, что «...переводчик с головой уйдет в подсчеты, таблицы, графики, доверится технологической рецептуре, трактатам и учебникам, – но все это разъятие на части похоже на вивисекцию, на анатомирование живого кролика и грозит, в конечном счете, искажением или даже умерщвлением художественного целого» [5, 113].

Разработка в теории художественного перевода новых методов, позволяющих вырабатывать не «готовые схемы», а обращаться к непосредственному опыту мастеров перевода могли бы оказаться весьма плодотворными в настоящее время, когда качество переводов становится хуже.

В высказываниях самого переводчика о творчестве и переводе можно выделить знание особого характера, непосредственно демонстрирующее образцы его деятельности. Осуществление данного исследования возможно при включении в теорию художественного перевода метапоэтики.

Метапоэтика – это поэтика по данным метаязыка (языка, на котором описывается язык-объект) и метатекста, поэтика самоинтерпретации автором своего или другого текста. Это те тексты, в которых сам художник-творец выступает как исследователь или интерпретатор, вступая в диалог с собственными текстами или текстами собратьев по перу – других мастеров [9, 21].

В процессе перевода переводчик размышляет над своими действиями, осуществляет самоанализ, рефлексиирует над переводом. Он выступает в роли исследователя или интерпретатора, формируя переводческий код.

Переводческий код выражается в системе вербальных знаков, несущих в себе информацию о рефлексии переводчика и образующих метатекст. Другими словами, код переводчика представляет собой посыл переводчика, некую информацию, зашифрованную в ме-

таэлементах (вербальных инфо-знаках). Верткальное прочтение позволяет выделить метаэлементы из метапоэтических текстов того или иного переводчика.

В данной статье рассмотрим интерпретацию художественного перевода через термины музыки в метапоэтике переводчика Н. Галь. Для нас важно выявить и систематизировать музыкальные термины, являющиеся языковой основой выражения её метапоэтической рефлексии.

«Перевести – значит постичь, истолковать, раскрыть, найти слова самые верные и достоверные. Бывают случаи очень и очень сложные, когда от переводчика, от его личности, ума, чутья зависит бесконечно многое – вот тогда совершается *воссоздание творческое, которое всегда потрясает, как откровение* (курсив наш. – Н.О.). Ленивыми и неумелыми руками ничего нельзя создать, обладая глухим и равнодушным сердцем, ничего нельзя выразить. И *воссоздать, перевыразить* тоже ничего нельзя – будет бездарная ремесленная подделка (курсив автора). В лучшем случае – *«разыгранный Фрейшиц перстами робких учениц»*. А *талантливый переводчик – то же, что Рихтер в музыке* (выделено нами. – Н.О.)», – пишет Н. Галь в «Слове живом и мертвом» [3, 227].

Н. Галь не случайно проводит параллель «талантливый переводчик – Рихтер», так как рассматривает перевод как исполнительское искусство. Об этом также свидетельствуют метаэлементы «*воссоздать*», «*перевыразить*», а не «создать» и «выразить», которые более характерны для автора художественного произведения, а не для переводчика, а также для композитора, но не для музыкального исполнителя.

В творчестве Н. Галь и С.Т. Рихтера есть много точек пересечения. Мастер перевода и уникальный пианист – оба воссоздавали, руководствуясь сходными творческими принципами, были блестящими исполнителями, каждый в своей сфере. Полагаясь на монографию В. Дельсона «Святослав Рихтер», выделим наиболее существенные замечания автора, характеризующие артистический облик и

самобытность стиля С. Рихтера, и соотнесём их с переводческим мастерством Н. Галь.

1) Рихтер вносит в искусство неповторимый аромат артистизма, одухотворённое богатство выразительности, исполненное такта чувство меры¹.

2) Рихтер подчас доводит аккомпанемент до степени интонационно-речевой подражательности, как бы продолжая линию выразительности человеческого голоса. Правдоподобное изображение речи литературного персонажа является, по мнению Н. Галь, важнейшим принципом художественной литературы [3, 318].

3) Выступая в роли аккомпаниатора, он никогда не злоупотребляет своими пианистическими возможностями, не «забывает» певца, не пытается отвлечь внимание слушателя от партии вокала. Переводчик, в понимании Н. Галь, – это наместник автора, который, обладая определённой степенью свободы в переводе, не должен выходить за рамки оригинала [3].

4) Динамизм – главная особенность, пафос творчества Рихтера (в метапоэтике Н. Галь – это деятельностная концепция [3]).

5) В Рихтере-художнике исключительно сильна тенденция к поэзии, гармонии, красоте. Тенденция к цельности, единству и гармонии в переводе задаёт направление переводческой метапоэтики Н. Галь [3].

6) В творчестве Рихтера явно определяются черты преемственности самым высоким идеалам классической эстетики (Н. Галь в своём творчестве следовала художественным традициям А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, А.П. Чехова и др., а также принципам художественной школы перевода И. Кашкина) [4].

Согласно рассуждениям Н. Галь, мастер художественного перевода должен обладать теми же качествами исполнительского искусства, что и С.Т. Рихтер, т. е. переводить «в тени» автора, не соперничая с ним, в верности переводимому писателю использовать

¹ Также о вкусе, такте, чувстве меры Н. Галь пишет в статье «Правда и музыка слова» // Дружба народов. 1987. № 3. С. 242-251.

всё необъятное богатство русского языка при соблюдении такта и чувства меры, не придерживаться шаблона, а каждый раз творчески подходить к переводу, отображая своеобразие иноязычного писателя, превращая его произведение в явление национальной культуры.

Н. Галь расширяет параллель «переводчик – пианист / музыкальный исполнитель». Художественный перевод выступает в её метапоэтике как музыка, музыкальное произведение, как творчество, выходящее за пределы языка. Это такое знание о переводческой деятельности, которое не укладывается в рамки традиционной теории перевода, не может быть представлено конкретными переводческими формулами, не имеет закономерных трансформаций. Через синтез языка и музыки Н. Галь пытается раскрыть сущность переводческого мастерства, показать, что такое перевод как искусство. Например, о переводе Н.А. Волжиной она говорит: «Повесть эту... можно всю, с начала до конца, *положить на музыку. Вся она – поэзия и музыка*, даже там, где говорит о самом будничном, прозаическом» (выделено нами. – Н.О.) [3, 308].

С точки зрения Н. Галь, текст перевода может звучать, как музыка, если у переводчика есть слух. Слух – 'совокупность способностей, необходимых для сочинения, исполнения и активного восприятия музыки' [6].

В метапоэтике Н. Галь это понятие образует сложную структуру взаимоотношений элементов текста. Она разделяет его на такие категории, как «переводческий слух», «литературный слух» и «музыкальный слух». Под первым Н. Галь понимает способность переводчика к восприятию интонации, настроения и ритма произведения-оригинала. Например, анализируя перевод Н.А. Волжиной, Н. Галь замечает: «Слов больше «по счету», но по глубинной сути образа, по скрытому в нем чувству все верно, поразительно *чуток слух переводчика*: постепенно замедляется, угасает фраза, – в музыке это называется ритардандо, а у Стейнбека заключено в единственном, но очень важном и емком здесь слове *drifted* (буквально – дрейфует, постепенно стихает, переходит в молчание)» [3, 314].

Литературный слух в метапоэтике Н. Галь выступает как способность пишущего к восприятию уместности либо неуместности тех или иных языковых средств в ткани художественного текста. Сюда можно отнести, прежде всего, соответствие лексических единиц и синтаксических конструкций стилистическому характеру текста. Понятие «литературный слух» в метапоэтических текстах Н. Галь довольно близко по значению понятию «*душевный слух*», который в общем метапоэтическом контексте выступает также как «*интуиция*» или «*чутье*».

Интуиция – ‘безотчетное, стихийное, основанное на предшествующем опыте и подсказывающее правильное понимание’ [7].

Чутье – ‘способность человека подмечать, обнаруживать, угадывать, понимать что-либо’ [8].

Душевный слух, подобно литературному, в метапоэтике Н. Галь, – это способность пишущего к эстетически правильному восприятию художественного текста (прежде всего, стилистической гармонии текста). Например: «Трудно поверить, что врач способен заявить тяжело больному, да притом давнему своему другу: «И вот, *глядя на вас сейчас и принимая во внимание состояние вашего здоровья вообще, я полагаю, что вы проколачиваетесь* (курсив автора) с нами ещё несколько месяцев, а то и лет». <...> Переводчик пытался передать *to be around* нестандартным оборотом, но где же, как говорится, был *слух его души?*» (курсив наш. – Н.О.) [3, 114].

Под термином «музыкальный слух» Н. Галь понимает способность пишущего к восприятию юфонии и какофонии художественного текста. Музыкальный слух позволяет переводчику избежать в переводном тексте неблагозвучия, негармонических и режущих слух языковых элементов и их сочетаний. Таким образом, понятие «*звучание*» становится у Н. Галь краеугольным камнем в построении литературного текста, о чём свидетельствуют метаэлементы «*звучание фразы*» [3, 38]; «*музыкальное звучание фразы*» [3, 212]; «*строка вдруг загудит и зажужжит*» [3, 225]; «*звонко отчеканенные строки*» [3, 266];

«*строка зазвенела как струна*» [3, 266] и т. п.

Ритмико-интонационные стороны речи, такие, как высота тона, длительность, сила звука, ритм, такт, интонация, по мнению Н. Галь, как и в музыке, существенны в создании художественного текста и непосредственным образом влияют на его звучание. Одним из важнейших понятий в иерархии просодических средств в метапоэтических текстах Н. Галь является интонация. Интонация – ‘единство взаимосвязанных компонентов: мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения’ [10].

По мнению Н. Галь, интонация в письменной речи должна чётко представлять речевой портрет героя, соответствовать его характеру и настроению. Подобную тенденцию в художественном творчестве У. Шекспира отмечает П. Брук: «Слова, написанные Шекспиром, – это письменное обозначение тех слов, которые он хотел слышать в виде звуков человеческого голоса определённой высоты, с определёнными паузами, в определённом ритме, в сопровождении жестов, также несущих определённую смысловую нагрузку» [1, 40].

Средства, за счёт которых переводчик может добиться верной интонации, определяются, прежде всего, заданностью произведения-оригинала и диктуются душевным чутьём пишущего. Например: «А вот миссис Уоррен... с самого начала изъясняется по-другому: «*Просто умираю, до чего хочется пить* (*I'm dying for a drop to drink*)... из молодежи следует *выбивать эту дурь* и еще кое-что *впридачу* (and young people have to get all that nonsense taken out of them, and a good deal more besides)». Тут каждая мелочь выдаёт вульгарную невежественную бабу, прежде всего интонацией передано, что речь ее еще и неправильна, не очень-то грамотна» [3, 279].

В метапоэтических текстах Н. Галь рассматривается и другой музыкальный термин – тон, являющийся акустическим компонентом интонации. Тон – ‘наделенное значимостью контрастное варьирование высотно-мелодических голосовых характеристик при произнесении языковых единиц’ [10].

В метапоэтических текстах Н. Галь понятие «тон» представлено рядом метаэлементов: «тон делает музыку» [3, 211]; «тоном выше» [3, 114]; «верный тон» [2, 369] и т. д. Под «верным тоном» она понимает соответствие звуко-эстетического эффекта языковой единицы характеру персонажа и содержательной стороне текста. Например: «Все окончилось благополучно. Старые проказницы больше не будут кататься по городу, но им разрешено оставить машину у себя. И поначалу переводчик написал: «И на том спасибо». Но спохватился: уж очень лихо получается для этих старушек, для их настроения, ведь они еще не оправались от испуга. И переводчик находит психологически и стилистически верный тон: «Все-таки утешение...» [3, 115].

Понятие «верный тон» также может заменяться в метапоэтических текстах Н. Галь понятием «звучать в нужном ключе» (например, «речь каждого персонажа звучит в своем ключе» [3, 270]; «звучит в нужном ключе вся мелодия» [3, 292]). В музыковедении термин «ключ» имеет следующее значение: «знак на нотном стане, определяющий звуковысотное значение нот» [6].

В понимании Н. Галь, художественный текст «звучит в нужном ключе», если он не выбивается из общего стиля, если прямая речь соответствует характеру говорящего, его настроению и типу, если языковые средства, образующие нарративные части текста, например, описания природы, авторские отступления, также подчиняются единому стилю. Например: «Речь каждого персонажа звучит в своем ключе. «...Дела-то плохи, плохи, хуже некуда... (здесь и далее курсив автора). Ну вот тебе, милый, трубочка! Ты только не забудь – цена-то сейчас на рынке страх какая высокая... Ох, беда, беда, грудь у меня слабая, грудь у меня больная (O me, o me, my lungs is weak... is bad)... трубочку изготовить... А уж он попомнит...» Так болтает старуха, торговка опиумом, содержательница притона для курильщиков, на первый взгляд воплощение старческой немощи и лстивой угодливости, а по сути фигура довольно загадочная, даже зловещая» [3, 270].

С точки зрения Н. Галь, невозможно добиться музыкального звучания художественного текста, не создавая и не сохраняя в нём нужного ритма (например, «ломается ритм» [2, 375]; «ритм фразы» [2, 378]). Ритм в музыковедении – это «временная организация музыки; в более узком смысле – последовательность длительности звуков, отвлеченная от их высоты» [6].

Единицей речевого ритма принято считать слово или группу слов, отграниченных друг от друга интервалами – паузами – и измеряющихся друг с другом за счёт повторения однородных словесно-звуковых особенностей. В формировании нужного ритма и обозначении его на письме Н. Галь существенную роль отводит знакам пунктуации, определённым сочетаниям слов, для создания которых переводчику нужен слух. Например, анализируя перевод О.П. Холмской рассказа Э. Хемингуэя «На Биг-ривер», Н. Галь подчёркивает значимость в нём ритма: «И всегда мы сливаемся с героем и автором, разделяем их ощущения, дышим в одном ритме. Пока стоишь с ними на мосту, неторопливая плавная фраза будто притормаживает и твой шаг, успокаивает и твоё дыхание, и всматриваешься неспешно в каждую мелочь, потому что неспешно внимателен, приметлив взгляд автора – и переводчика. Но вот Ник взвалил на спину тяжёлый мешок, двинулся дальше – и фраза стала короткой, прерывистой, как прерывается дыхание от подъёма с тяжестью в гору, и кажется, вместе с Ником ощущаешь этот груз и начинают ныть все мускулы... Какое же нужно мастерство, чтобы передать это по-русски!» [3, 264].

Звучание во всей своей полноте реализуется в целом художественном тексте. Звучание отдельных звуков, звуков в морфемах, морфем в лексической единице, лексических единиц в словосочетаниях и словосочетаний в предложении – должно быть, по мнению Н. Галь, гармоничным, ладным. Так, анализируя один из художественных переводов, она замечает: «Отточена каждая фраза – коротка ли она, длинна ли, но ничего лишнего. Все отчетливо, ясно до кристальности, слово

не скрипит, не выбивается из общего музыкального лада... (выделено нами. – Н.О.)» [3, 264]. Лад – 'это приятная для слуха согласованность звуков по высоте' [6].

Гармония – 'приятная для слуха слаженность звуков (то же, что благозвучие); объединение звуков в созвучия и их закономерное последование' [6].

Гармония (или музыкальный лад) в художественном произведении – это строгая согласованность, стройное сочетание, соразмерность вербальных и невербальных (просодических и акустических) средств в художественном произведении. Конечная цель переводчика, согласно Н. Галь, – создание гармоничного, динамичного, живого художественного текста, текста как единого организма, целостной системы с взаимозависимыми и взаимоопределяющими друг друга элементами.

Например, в переводе Н. Волжиной Н. Галь объясняет природу возникновения гармонии не только за счёт лексико-фонетических, но и за счёт ритмических средств: «... Жемчужина была страшная; она была серая, как злокачественная опухоль. И Кино услышал Песнь жемчужины, *нестройную, дикую* (distorted and insane)... и что было сил швырнул жемчужину далеко в море. Кино и Хуана следили, как она летит, мерцая и подмигивая им в лучах заходящего солнца... А жемчужина коснулась *прекрасной* зеленой воды и пошла ко дну. Покачивающиеся водоросли *звали, манили* ее к себе. На ней *играли прекрасные* зеленые блики. Она (курсив автора) коснулась песчаного дна...». Вслушайтесь: *будто замирает прощальная струна*. Здесь, в самом конце, вновь **возникает гармония**, красота, *стихают пронзительные зловеющие звуки*, и это не только выбором слов, но и *ритмически воссоздано* переводом (выделено нами. – Н.О.)» [3, 313].

Итак, изучив систему метапоэтических текстов Н. Галь, мы выявили и систематизировали ряд музыкальных терминов, которые являются языковой основой выражения её метапоэтической рефлексии. Так, системообразующими в её метапоэтике можно считать термины «музыка» – «слух» – «исполнение» – «звучание», которые, в свою очередь, включают множество других музыкальных терминов (интонация, ритм и т. д.), создающих в своём единстве метапоэтический текст, исследование которого позволяет выявить интонации переводчика, осмыслить его опыт и использовать его в процессе перевода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брук П. Пустое пространство. М.: Прогресс, 1976. 240 с.
2. Галь Н. Переписка с издательствами // Слово живое и мертвое. М.: Время, 2007. С. 369-388.
3. Галь Н. Слово живое и мертвое. М.: Время, 2007. 592 с.
4. Дельсон В. Святослав Рихтер // Артистический облик. Самобытность стиля и единство традиций и новаторства: [Электронный ресурс]. [сайт]. [2006]. URL: <http://www.sviatoslavrichter.ru/books/Delson/09.php> (дата обращения: 8.05.2011).
5. Кашкин И. Текущие дела (Заметки о стиле переводческой работы) // Мастерство перевода. Вып. 1. М.: Советский писатель, 1959. С. 106-151.
6. Музыкальный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
7. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 (А-Й). М.: АН СССР, Институт русского языка, 1981-1984. 702 с.
8. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 (С-Я). М.: АН СССР, Институт русского языка, 1981-1984. 797 с.
9. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Русская метапоэтика: Учебный словарь. Ставрополь, 2006. 604 с.
10. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 685 с.

УДК 81-115

Редкозубова А.Н.

Московский государственный областной университет

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ КВАЗИТЕКСТА В СТИХОТВОРЕНИЯХ
ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ «АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС»)**

A. Redkozubova

Moscow State Regional University

**THE PROBLEM OF QUASITEXT TRANSLATION IN POEMS
BY LEWIS CARROLL FROM ENGLISH INTO RUSSIAN
(ON THE MATERIAL OF «ALICE IN WONDERLAND»)**

Аннотация. В статье анализируется перевод квазитекста стихотворений Льюиса Кэрролла в сказке «Алиса в Стране Чудес». Квазитекст возникает при нарушении определённых типов связей в тексте: логических, грамматических, лексических. Автор рассматривает способы передачи стихотворений Кэрролла на русский язык, указывая три пути для перевода: переложение собственно авторского текста, создание пародии на основе переводящего языка и написание нового стихотворного произведения без опоры на оригинал. При этом автор статьи обращает внимание на перевод квазитекста, сохранение его структуры и типа, анализируя работы разных переводчиков.

Ключевые слова: квазитекст, пародия, переводческая проблема, нонсенс.

Abstract. The article deals with interpretation of the quasitext in the poems by Lewis Carroll in the book «Alice in Wonderland». The quasitext appears when there is a break in the logical, grammatical, lexical relations within the text. The author analyses methods of Carroll's poems translation suggesting three ways: interpretation of the text itself, creating parody in the translator's language and writing a new verse regardless of the original text. The author of the article draws attention to quasitext interpretation, conservation of its structure and type in analysing various translations.

Key words: quasitext, parody, translational difficulty, nonsense.

Перевод «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла ставит перед переводчиком непростую задачу. Сложность представляет сам текст сказки, насыщенный нонсенсом, аллюзиями, ссылками на реалии, с детства знакомым англоязычному читателю, но трудным для понимания читателям переводного текста. Н.М. Демурова отмечает, что нонсенс, будучи естественной формой образного мышления, присущей англичанам, не имеет аналогов в культуре других стран [15, 354]. Представители иной, отличной от английской, культурной традиции, сталкиваются с трудностями не только литературного, но и во многом психологического характера. Образы, восходящие к глубинам фольклорного творчества, воспринимаются англичанами в произведениях нонсенса как часть национального самосознания, в то время как читатели на других языках не владеют подобными ориентирами и вынуждены воспринимать нонсенс как явление, чуждое их сознанию и потому непонятное. Цель переводчика при передаче нонсенса – найти такие соответствия в переводящем языке, чтобы воссоздать задуманный автором комический эффект. При этом переводчики зачастую прибегают к замене авторского образного ряда либо сохраняют образную систему исходного текста с погрешностями, поскольку не находят сходных реалий в своём родном языке. Так, знаменитый своей

© Редкозубова А.Н., 2011.

улыбкой «Чеширский Кот» Льюиса Кэрролла, обязанный прозвищем Чеширу, где его изображения появлялись на вывесках таверн и где головки сыра традиционно имели форму кошачьей головы, становится у Владимира Набокова «Масляничным Котиком». Этот образ более близок русскоязычному читателю, поскольку отсылает его к знакомой с детства поговорке «не все коту масленица». Переводчик осознанно идёт на утрату близости к оригиналу в расчёте на передачу комического эффекта средствами родного языка и на воссоздание «внутренней наполненности», «осмысленности» образа. Михаил Блехман идёт ещё дальше, предлагая вариант «Кот без Сапог». Комический эффект строится за счёт разложения известного прозвища – Кот в Сапогах – на составные части и последующей частичной замены.

Особая задача – это перевод стихов в сказке Л. Кэрролла. Стихотворения неоднородны как по жанру, стилю, так и по использованным приёмам, создающим иронический подтекст. Исследователи считают, что в обеих «Алисах» («Алисе в Стране чудес» и «Алисе в Зазеркалье») автор прибегает к таким разным жанрам, как лирическое посвящение, пародия, старинная песенка, нонсенс, стихотворение-загадка и акrostих. Несомненно, что различные специфические задачи, выполняемые этими стихотворными произведениями в тексте сказки, требуют и различного подхода при передаче их на другой язык. Говоря о переводах «Алисы в Стране чудес», Уоррен Уивер в своей книге отмечает, что в этом произведении Л. Кэрролла большинство стихотворений является пародиями [20, 80]. Он насчитывает девять пародий в сравнительно небольшом по объёму тексте (по: [15, 353]).

Перевод пародий также не облегчает задачу переводчика, поскольку всякая пародия берёт за основу текст, хорошо знакомый читателям оригинала, при этом данный текст может быть совершенно неизвестен носителям другого языка. Так, Л. Кэрролл опирается на тексты стихотворений таких известных современных ему поэтов, как Саути и Джейн

Тэйлор. По словам кэрролловедов, многие из этих стихов сохранились лишь в переложении Льюиса Кэрролла, без «Алисы в Стране чудес» они были бы утрачены. У. Уивер рассматривает три способа передачи пародий на другой язык [20, 80]. В первом случае он рекомендует выбрать стихотворение того же типа, которое хорошо известно на языке перевода, а затем написать пародию на это неанглийское стихотворение, при этом подражая стилю английского автора. Вторым способом, менее удачным, он считает перевод пародий, более или менее механический, с английского языка. При этом он отмечает, что к такому способу, вероятнее всего, прибегнет переводчик, «не подозревающий, что данное стихотворение пародирует известный оригинал, переводчик, который думает, что это всего лишь смешной и немного нелепый стишок, который следует передать буквально, слово за словом» [15, 354]. Третий способ можно считать ещё менее удовлетворительным, хотя и он имеет право на существование. Основная суть его в том, что переводчик признаётся в своей неспособности перевести стихотворение с английского языка. «Это стихотворение нонсенс. Я не могу перевести нонсенс на свой язык, но я могу написать другое стихотворение-нонсенс на своём языке и вставить его в текст вместо оригинала», – говорит он (по: [16, 173]).

Сложность передачи нонсенса на другие языки обусловлена не только и не столько отсутствием аналогичного направления литературного творчества на иных языках. Как мы упоминали ранее [17, 174], переводы «Алисы в Стране Чудес» появляются и по сей день, и нонсенс, хотя и остаётся по происхождению английским, прижился и в европейской литературе. Особую трудность для перевода представляет квазитекст – текст с нарушенными связями: грамматическими, лексическими, логическими и пр. При передаче квазитекста переводчику необходимо учитывать несколько важных факторов. Во-первых, часто квазитекст представляет собой искажение текста осмысленного, с чёткой логической, грамматической и лек-

сической структурой. Задача переводчика в таком случае – показать читателю и исходный текст, и те изменения, которым он подвергся. Во-вторых, квазитекст может существовать как бы сам по себе, при этом не представляется возможным чётко определить его источник. В подобных случаях переводчику предоставляется некая свобода выбора. В его власти как предложить свой вариант, фонетически, лексически и грамматически соответствующий категориям его родного языка, так и попытаться перевести с минимальными потерями оригинал, при этом рискуя представить неорганичный для родного языка читателя текст. Так, поэты Владимир Орел (его переложение стихов из «Алисы» относятся к 1988 г.) и Т.Л. Щепкина-Куперник (стихи в переводе Татьяны Львовны были опубликованы в 1924 г.) следуют первому принципу при переводе «Бармаглота» («Jabberwocky») на русский язык [5]. При рассмотрении следующих строф мы видим, что авторы переводов сохраняют связь с русским текстом, что делает текст довольно понятным:

1) *Свой чудо-юдоострый меч
Он взял и двинулся вперед,
Но – полон дум – он под Зум-Зум
Раскидистый идет* (В. Орел) [5].

2) *Милый сын, Верлиоки беги, как огня,
Бойся хватких когтей и зубов!
Бойся птицы Юб-Юб и послушай меня:
Неукротно свиреп Драколов* (Т.Л. Щепкина-Куперник) [5].

У Д.Г. Орловской мы видим такие строки [5]:

*Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.*

Интересны интерпретации данного отрывка, предложенные читателями, незнакомыми с оригиналом текста. Проведённый опрос среди детей 6-9 лет предлагает такие варианты [18, 38]:

– «Радовалось. Яркие лучи пробежали по росе. И горели капельки, как огоньки в траве»;

– «Нравилось. Воздушные облака плыли по небу. И шумели листья, как птицы в небе»;

– «Смеркалось. Большие камни остывали на морском берегу. И шумели волны, как шёпот в ночи»;

– «Смеркалось. Маленькие ежи кувыркались в траве. И летали птички, как акробатики в небе»;

– «Казалось. Веселые глаза смеялись на лице. И скрипели зубы, как мыши в норе»;

– «Всё просыпалось. Белые гуси переговаривались в камышах. И прыгали лягушата, как гимнасты в цирке»;

– «Мне представлялось, что весёлые мишки-гамми гуляли в кустах. И летали бабочки, как самолётики в небе» [2].

Принимая во внимание вариативность предложенных объяснений, можно сделать вывод, что текст перевода не совсем понятен читателю, именно «неясностью», некоторой «размытостью» и обусловлено такое обилие интерпретаций, причём не прослеживается общая для всех них тема.

Следующим фактором, объясняющим сложность передачи квазитекста в стихотворениях-пародиях Льюиса Кэрролла, мы считаем сам факт «пародийности». Следует отметить, что лишь в течение нескольких десятков лет после публикации «Алисы в Стране Чудес» в кэрролловедении было принято причислять стихотворения в «Алисе» к пародиям. Однако существуют и альтернативные точки зрения. Биверли Л. Кларк считает, что термин «пародия» имеет более узкое определение, чем это принято среди исследователей творчества Л. Кэрролла [3]. Б.Л. Кларк полагает, что собственно пародией можно назвать такое сатирическое произведение, которое намеренно высмеивает оригинал. Л. Кэрролл же искажал форму оригинала, вкладывая в него абсурдный смысл. Собственно пародийным исследовательница полагает только стишок из второй главы «Алисы в Стране Чудес» «Как дорожит своим хвостом малютка крокодил» («How doth the little crocodile»), поскольку в нём высмеивается одна из песен Исаака Уоттса, которая призывает детей трудиться.

По мнению Б.Л. Кларк, пародии в двух «Алисах» составляют целый ряд. С одной стороны, это истинные пародии, такие, как «Малютка крокодил», с другой стороны – переложения оригинала, «отражения, являющиеся вовсе не пародиями, а лишь парафразами оригиналов», а также далёкие от оригинала «отголоски», которые сложно соотнести с якобы оригиналом [3]. Ещё при жизни Л. Кэрролла балладу «Морж и плотник» («The Walrus and the Carpenter») соотносили со стихотворением Томаса Гуда «Сон Юджина Арама». Сам же писатель говорил, что он не имел в виду никакого конкретного стихотворения, сочиняя балладу о морже, плотнике и о съеденных ими устрицах. «Размер его вполне ординарен, – говорил Кэрролл, – и я не думаю, что «Юджин Арам» подходит сюда больше, чем многие другие стихотворения, которые я читал и которые написаны тем же размером» [3].

Таким образом, пародийность накладывает дополнительные ограничения на авторов пересказов «Алисы», поскольку перед переводчиком встаёт выбор – перевести пародию Кэрролла со ссылкой на источник пародии либо предложить свою пародию, взяв за основу широко известный читателю стих.

Рассмотрим, как разные переводчики решают вопрос о передаче квазитекста в стихотворениях Кэрролла.

Обратимся к одному из признанных шедевров поэтического нонсенса – «Папа Вильям», – представляющему собой пародию на нравоучительное стихотворение Роберта Саути «Радости Старика и как он их приобрёл». Текст стихотворения представляет собой квазитекст, мы относим его к квазитексту логического типа, поскольку налицо нарушение логических связей. Однако мы также отмечаем и нарушение стилистических связей: персонаж стихотворения уважительно обращается к папе Вильяму («Father William»: «батюшка Вильям», «отец Вильям»), вопросы же его звучат если и не оскорбительно, то во всяком случае не достаточно уважительно. «You finished the goose, with the bones and the beak»: «Между тем двух гусей за обедом один

ты от клюва до лап уничтожил» (в переводе Н.М. Демуровой) [16, 75]. Итак, мы имеем дело с квазитекстом смешанного – логического и лексического – типов.

В переложении Н.М. Демуровой это стихотворение даётся в переводе С. Маршака. Переводчица, рассказывая историю создания перевода, отмечает её необычность. До того, как Нина Михайловна взялась за перевод «Алисы», «Папа Вильям» уже был известен читателям благодаря С. Маршаку. Чтобы показать иронический подтекст стихотворения, Д.Г. Орловская написала перевод «исходных» стихов Саути, автора «папы Вильяма». Нина Михайловна Демурова отмечает: «Парадоксальный случай, вполне в духе кэрролловских нонсенов... Приобретя «оригинал», «Папа Вильям» Маршака глубже обозначил светотени, стал рельефнее и смешнее. А главное, в нём зазвучал иронический, пародийный смех, столь важный для его правильного восприятия» [15, 353]. Таким образом, в «Алисе» в переложении Н.М. Демуровой мы видим почти дословный перевод кэрролловской пародии. У Владимира Набокова мы находим иной вариант: «Прочитай-ка «Скажи-ка, дядя, ведь не даром», – приказала Гусеница». В. Набоков за основу берёт всем известный отрывок из «Бородино» М.Ю. Лермонтова [9, 9]. Важно, что переводчик не уходит полностью от оригинала. Центральная линия остаётся та же – мальчик спрашивает у старика о странном для его возраста поведении. Сходный перевод мы находим и у А. Кононенко в переводе 1998-2000 гг. [6]. Источником пародии становится то же «Бородино», основная тема также сохраняется. А. Кононенко удаётся передать квазитекст и логического, и стилистического типа:

И молвил он, сверкнув очами:

«Сынок, пусть будет это между нами...»

[6];

Дядя, тебе только жвачку жевать,

Но как ты смог гуся умять?

Вот в чем вопрос! [6].

Мы видим, что в стихотворении соседствует как лексика разговорная – «тебе только

жевать», «жвачку», «умять», – так и возвышенная, поэтическая: «молвил», «очи».

У Михаила Блехмана пародия строится на стихотворении «Что такое хорошо и что такое плохо» В. Маяковского. Интересно, что ирония здесь достигается иными средствами, нежели в вышеупомянутых переводах. Так, переводчик не следует теме, заданной Л. Кэрроллом. Нет здесь и стилистического несоответствия между предметом обсуждения и использованной лексикой. М. Блехман использует квазитекст логического типа, меняя полюсами положительные и отрицательные поступки:

*Если маме нагрубил,
Бабушке и деду,
Мне такой мальчишка мил,
Дам ему конфету!* [12, 41].

В свете вышесказанного мы можем отметить, что при переводе квазитекста в поэтических формах переводчики стараются максимально близко передать авторский замысел. Некоторые прибегают к переводу собственно пародии (как это делает переводчица Н.М. Демурова), другие стараются воссоздать пародию на родном языке, однако мы неизменно находим квазитекст того же либо иного типа в пересказе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Англо-русский словарь / под ред. В.Д. Аракина. М.: Русский язык, 1980. 808 с.
2. Арсеньевский форум ArsCity. Мумсики в мове [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.arscity.ru/lofiversion/index.php/t3567.html> (дата обращения: 28.05.2011).
3. Галинская И.Л. Льюис Кэрролл и загадки его текстов [Электронный ресурс]. URL: http://ilgalinsk.narod.ru/carroll/c_chapt1.htm (дата обращения: 26.05.2011).
4. Кэрролл Л. Алиса в Зазеркалье / Перевод В.А. Азова. Стихи в переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник. Л., 1970. 313 с.
5. Кэрролл Льюис. Алиса в Стране Чудес. Кто такой Бармаглот? [Электронный ресурс]. URL: <http://jabberwocky.ru/kto-takoi-barmaglot.html> (дата обращения: 14.10.2010).
6. Кэрролл Льюис. Алиса в Стране Чудес / Перевод Андрея Кононенко [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/CARROLL/alisa_kononenko.txt (дата обращения: 22.11.2010).
7. Кэрролл Льюис. Приключения Алисы в Стране Чудес / Перевод Юрия Нестеренко [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/CARROLL/alisa_yun.txt (дата обращения: 22.11.2010).
8. Кэрролл Льюис. Приключения Алисы в Стране Чудес / Перевод Николая Старилова [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://lib.ru/CARROLL/alisa_star.txt (дата обращения: 22.11.2010).
9. Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений в 2 томах. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1989. Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1837–1841. С. 9-13.
10. Набоков В.В. Аня в Стране Чудес. М.: Советский композитор, 1991. 80 с.
11. Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х т. / под ред. Ю.Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1993. 2496 с.
12. Приключения Алисы в Стране Чудес, или Странствие в Странную Страну / Пересказ М.С. Блехмана. Харьков: Монреаль, 2005. 88 с.
13. Приключения Алисы в Стране Чудес / Перевод Б. Заходера. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. 176 с.
14. Приключения Алисы в стране чудес / Перевод и предисловие В.Э. Орла; Иллюстрации Г.В. Калиновского. М.: Детская литература, 1988. 144 с.
15. Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало, и что там увидела Алиса, или Алиса в зазеркалье / Н.М. Демурова. М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1991. 353-354 с.
16. Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало, и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье / Перевод и послесловие Н.М. Демуровой. София: Издательство литературы на иностранных языках, 1967. 226 с.
17. Редкозубова А.Н. Проблема перевода квазитекста с английского языка на русский (на материале «Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла) // Вестник МГОУ, серия «Лингвистика». 2011. № 2. С. 170-176.
18. Сапогова Е.Е. Вниз по кроличьей норе: метафора и нонсенс в детском воображении // Вопросы психологии, 1996. № 2. С. 36-44.
19. Carroll Lewis. Alice in Wonderland and Through the Looking-Glass. Kent: Wordsworth Classic, 1993. 264 p.
20. Weaver W. Alice in many tongues. The translations of Alice in Wonderland. Madison: University of Wisconsin Press, 1964. 159 p.

УДК 81

Сухина Е.В.

Московский государственный областной университет

**СПОРТИВНАЯ И ИГРОВАЯ МЕТАФОРЫ В ТЕКСТЕ
АМЕРИКАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ТРИллЕРА И
ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

E. Sukhina

Moscow State Regional University

**SPORTS AND GAME METAPHORS IN THE TEXT OF AMERICAN
LEGAL THRILLER AND PECULIARITIES OF TRANSLATION
OF THESE METAPHORS INTO RUSSIAN**

Аннотация. Статья посвящена выявлению и систематизации особенностей функционирования когнитивной метафоры в тексте американского юридического триллера. В тексте американского юридического триллера судебный процесс ассоциируется с различными видами спорта, азартными играми, рыбалкой, марафонским забегом. Как показало исследование, при переводе юридического триллера на русский язык переводчики чаще всего прибегают к приёму замены, опущения, кроме того, используются такие приёмы, как добавление, генерализация.

Ключевые слова: юридический триллер, когнитивная метафора, спортивная метафора, игровая метафора, переводческие трансформации.

Abstract. The article is devoted to identification and systematization of functions of cognitive metaphor in the text of an American legal thriller. In this kind of text "trial" is associated with different kinds of sport, gambling, fishing, marathon. The study has revealed that translators of such texts use various transformations such as replacement, omission, adding and generalization.

Key words: legal thriller, cognitive metaphor, sports metaphor, game metaphor, transformations.

Метафора остаётся центральной темой когнитивной лингвистики с тех пор, как эта область науки появилась, и термин «когнитивная метафора» был введён в употребление в 1970-х гг. В рамках когнитивистики метафора одновременно рассматривается как языковое явление и как феномен ментальный, отражающий мыслительные процессы. Природу метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон определяют следующим образом: «Суть метафоры – это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [2, 7]. Согласно принятому в теории когнитивной метафоры определению, метафорическая модель – это «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определённой формулой: «X – это Y». Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие» [4: 70].

Анализ метафор отдельного писателя позволяет проникнуть в его концептосферу. Как отмечают представители когнитивистики, «каждая метафора формирует модель восприятия действительности, в которой – как в зеркале – отражаются представления о роли и месте действующего субъекта» [1, 14].

В качестве материала исследования мы выбрали тексты двух романов Дж. Гришэма и их переводы на русский язык. В центре сюжета романа "The Runaway Jury" («Вердикт», пер. с

англ. И.Я. Дорониной) – судебный процесс по делу о правонарушении табачных компаний, а романа “The Rainmaker” («Золотой дождь», пер. с англ. М. Тугушевой, А. Санина) – судебный процесс против страховой компании. Автор этих юридических триллеров – профессиональный юрист, прекрасно знающий все тонкости работы американского правосудия. Дж. Гришэм со знанием дела погружает читателя в подробности всех этапов его действия: начиная с особенностей отбора присяжных для участия в суде присяжных, описания процедуры слушаний по делу, и завершая действием под названием «вынесение приговора». В романах Дж. Гришэма раскрытие тонкостей юриспруденции и её хитросплетений сочетается с глубоким анализом проблем, волнующих обычного американца.

В текстах юридических триллеров нами был выделен 51 случай использования когнитивной метафоры с исходной понятийной сферой «Спорт» и «Игра». Использование «художником слова» метафоры подтверждает мысль Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что «наша понятийная система в основе своей метафорична... мы понимаем мир, думаем и действуем в метафорических терминах» [2, 208], т. е. метафоры непосредственно отражают опыт взаимодействия человека с окружающим его миром. Судебное разбирательство уподобляется нескольким видам спорта и занятиям во время досуга: национальной американской игре – бейсболу, боксёрскому поединку, марафонскому забегу, рыбалке, игре в гольф.

Нам представляется уместным упомянуть о том, что судебное разбирательство можно назвать любимым времяпрепровождением американцев, которых иногда называют нацией «сутяг» – любителей по любому поводу обращаться к блюстителям закона. Так, писательница Стефани Фол замечает: «вообще стремление свалить на кого-либо вину, а потом «отсудить у него последние штаны» превратило Соединённые Штаты в самую юристонасыщенную страну в мире» [3, 60]. Другое любимое национальное времяпрепровождение американцев – бейсбол; за хо-

дом соревнований по бейсболу следит вся Америка, любой американец знает имена и характеристики игроков в бейсбол, названия ведущих команд, стадионов, известных спортивных состязаний, счёт побед и поражений команд и отдельных игроков.

В зале суда царит такая же соревновательная атмосфера, как на соревнованиях по бейсболу, желание победить противника, выиграть игру. Участники судебного заседания подобны игрокам в бейсбол, отбивающим удары мяча и играющим в нападении (*serious hardball, flat pitches, swing from the heels, soft pitch*):

– *He started with this question and this juror because it was an easy warm-up, a soft pitch to show the others how painless it was to raise one's hand and discuss matters* [7, 46].

– *Rohr served up the flat pitches, Bronsky swung from the heels* [8, 123].

– *He froze his face into a mask of non-commitment, and as Harkin droned on he began to take in the rest of the players* [7, 67].

Игроки стремятся «забить гол» (*to score a few minor points*), «заработать очки», «не пропустить гол», переманить присяжных в свою «команду» (*on board*):

– *He was not about to argue science with a scientist, but he hoped to score a few minor points with the jury* [7, 113].

– *If Mason scored a point, no one noticed* [7, 337].

– *All three of the blacks –Lonnie, Angel, and Loreen- were solidly on board* [7, 345].

Помимо уподобления судебного заседания игре в бейсбол, в романах суд ассоциируется с боксёрским поединком (*to spar, to be on the ropes*), во время которого можно получить удар по носу (*blow to the nose*) или увернуться от удара (*jab, duck*), марафонским забегом (*marathon*), рыбалкой (*to tug at the line a bit*) и игрой в гольф (*tee it up*):

– *Rohr sparred with her politely for an hour on cross but didn't land a serious punch* [7, 405].

– *The New York financial press had suddenly declared the defense to be on the ropes and was openly concerned about a plaintiff's verdict* [7, 415].

– *Why sit around the motel room when they could be sitting in the jury box trying to finish the marathon?* [7, 439]

– *He waited, watching and tugging at the line a bit, and finally caught one* [7, 51].

– *I take a second blow to the nose* [8, 375].

– *I jab, he ducks, not a glove is laid on him* [8, 405].

– *Given an even playing field, we're ready to tee it up tomorrow* [8, 409].

В тексте юридического триллера судебный процесс часто сравнивается с азартными играми, например, с игрой в рулетку, в которой принимаются ставки (*stakes*), крутится колесо рулетки (*roulette wheel*):

– *The lawsuit at hand was Wood v. Pynex, so the roulette wheel had placed Jankle on the hot seat* [7, 16].

– *The cost was much greater this time, but so were the stakes* [7, 445].

Кроме того, в романах Дж. Гришема борьба за победу в суде иногда ассоциируется с автомобильными гонками, когда можно резко «переключить скорость» (*to shift gears*), а в случае неудачи – вылететь с трассы (*to be thrown off the track*):

– *Time to move on. He shifted gears* [7, 323].

– *Cable was thrown off the track* [8, 325].

Мы проанализировали тексты романов на английском языке и сопоставили их с текстами переводов на русский язык. Проведённый анализ позволяет выявить различия в структуре и функционировании метафорических моделей, связанные с национально-специфическими особенностями. В некоторых случаях переводчик вынужден прибегать к замене на более привычный читателю образ из-за несовпадения концептуального мышления Дж. Гришэма и читателя, носителя другой культуры.

В романе «The Runaway Jury» («Вердикт») в 44% случаев при переводе спортивных метафор на русский язык связь со спортом утрачивается, переводчик И. Доронина заменяет спортивную метафору на нейтральную лексику, либо на лексику, связанную с войной, либо опускает их. В романе «The Rainmaker» («Золотой дождь») в 38% случаев перевода

связь со спортом утрачивается, однако, отличием перевода этого романа являются случаи использования переводчиками М. Тугушевой и А. Саниным спортивной метафоры при передаче нейтральной лексики:

<i>His purpose becomes plainly obvious</i> [8, 530].	Впрочем, карты Драммонда открываются сразу [6, 497].
<i>No answer will benefit him at this point</i> [8, 508].	Крыть ему нечем [6, 476].

Однако эти случаи немногочисленны (1,8% от общего числа выявленных нами случаев использования спортивной метафоры). Они интересны тем, что в тексте перевода используется ассоциация судебного процесса с карточной игрой, с которой отечественный читатель знаком, а замена нейтральной лексики на метафорический образ может быть объяснена субъективным фактором и желанием переводчиков сделать перевод более образным и выразительным.

Как показал анализ, при переводе спортивной когнитивной метафоры переводчик для достижения эквивалентности использует следующие приёмы: замены (38% случаев), добавления (29% случаев), опущения (21% случаев), несколько реже использовался такой приём, как генерализация (12%).

Проиллюстрируем свои рассуждения примерами перевода спортивной когнитивной метафоры:

<i>The Fund was used for hardball tactics in lawsuits; to hire the best and meanest defense lawyers, the smoothest experts...</i> [7, 14].	Предназначался он для применения самых радикальных мер: чтобы нанять самых лучших и наименее щепетильных адвокатов... [5, 17].
<i>The game was serious hardball, and Fitch had written most of the rules</i> [7, 209].	Между тем игра была крутая, и правила ее в основном сочинял Фитч... [5, 166].

Автор использует метафоры *hardball tactics* и *serious hardball*, которые создают дополнительный образ суда как жёсткой игры. Словарная дефиниция *hardball* – *a word for baseball, used when you do not mean softball* [9,

649] отражает манеру игры в бейсбол, жёсткую и даже жестокую. Поскольку русскому читателю бейсбол малоизвестен и не очень интересен, переводчик И.Я. Доронина прибегает к приёму генерализации и заменяет слово *hardball* словом *игра*, а словосочетание *hardball tactics* заменяется словосочетанием *самые радикальные меры*, и при этом утрачивается связь не только с бейсболом, но и со спортом. В анализируемом отрывке переводчик стремится донести до отечественного читателя общий смысл происходящего в суде и достигает этой цели, но в результате утрачивается ощущение судебного процесса как жёсткой процедуры, во время которой её участники готовы «вырвать» победу у соперника любым, даже самым безжалостным образом.

He started with this question and this juror because it was an easy warm-up, a soft pitch to show the others how painless it was to raise one's hand and discuss matters [7, 46].	Он начал с этой дамы и с этого вопроса, чтобы успокоить аудиторию , показать насколько это безопасно и безболезненно – поднять руку и разрешить все проблемы [5, 42].
--	--

Слово *pitch* имеет следующую дефиницию: *in baseball, a throw of the ball by a pitcher* [9, 1072], «подача». В переводе эта метафора полностью опускается, т. е. метафорический образ подвергся деметафоризации. Метафора заменяется нейтральным безобразным словосочетанием «успокоить аудиторию», поскольку сохранение бейсбольной метафоры не способствует формированию у читателя ассоциации, что ответить на вопросы адвоката – это так же просто, как отбить «слабую подачу».

Rohr served up the flat pitches , Bronsky swung from the heels [7, 123].	Рор подавал товар лицом. Бронски пикировал на зал с научной высоты [5, 100].
---	--

Словосочетание *flat pitch* означает «лёгкая подача», а *to swing – to try to hit something by making a smooth curving movement with a piece of equipment* [9, 1454]. Дж. Гришэм описыва-

ет ситуацию в суде следующим образом: адвокат посылает «слабые подачи» свидетелю, т. е. задаёт лёгкие вопросы, а свидетель с лёгкостью отбивает эти «подачи». Однако переводчик заменяет бейсбольные метафоры на иные, не связанные с бейсболом: *подавал товар лицом* и *пикировал на зал с научной высоты*. Во втором случае использована метафора, связанная с военными действиями.

Переводчики М. Тугушева и А. Санин также прибегают к различным приемам:

Each trial unit works autonomously from the others, with only Jonathan Lake occasionally stepping in to do the quarterbacking [8, 122].	Каждая группа действует самостоятельно и независимо от других, а сам Джонатан Лейк иногда выступает как нападающий [6, 117].
--	---

Здесь при переводе когнитивной метафоры *to do the quarterbacking* – *нападающий* – использован приём генерализации и замены одной части речи на другую. Слово *quarterback* имеет следующую дефиницию: *(in football) the player who decides how the team will play and who passes the ball to other players* [10, 1129]. Переводчик заменяет *quarterbacking* на более привычное русскому читателю наименование игрока *нападающий*, чтобы приблизить текст к читателю и избежать комментирования, одновременно сохраняя суть авторской метафоры.

Как показывает проведённое исследование, в случаях, когда метафоры построены на ассоциациях с видами спорта и деятельности, более знакомыми отечественному читателю (боксом, рыбалкой), переводчику удалось адекватно передать концептуальное видение судебного процесса автором:

– I jab, he ducks, not a glove is laid on him [8, 405].	Я прощупываю Барнса, словно на ринге, он ныряет и уклоняется, ни один удар не достигает цели [6, 377].
– He waited, watching and tugging at the line a bit, and finally caught one [7, 51].	Он ждал, как рыбовод, наблюдая и чуть-чуть подергивая удочку, пока наконец не клюнуло [5, 45].

В приведённом ниже примере для адекватной передачи метафоры, ассоциирующей судебный процесс с боксом, переводчик заменяет глагол **to spar** (который связан с боксом: *to box without hitting hard, especially in practice (between sparring partners) or in testing an opponent's defense* [10, 1334]), поскольку в оригинале автором указывается, что адвокат истца *didn't land a serious punch*, где слово *punch* связано с фехтованием.

<i>Rohr sparred with her politely for an hour on cross but didn't land a serious punch</i> [7, 405].	Рор вежливо фехтовал с ней около часа, но не смог нанести ни одного серьезного укола [5, 318].
--	--

Отметим, что замена когнитивных метафор, базирующихся на спорте, нейтральной лексикой происходит и при сравнении судебного разбирательства с таким не очень близким отечественному читателю видом спорта, как гольф:

<i>Given an even playing field, we're ready to tee it up tomorrow</i> [8, 409].	При равных шансах , мы бы выиграли дело уже завтра [6, 380].
---	---

В приведенном выше примере при переводе сохраняется ассоциация метафоры со спортом (*при равных шансах, выиграли*), однако связь с гольфом (*even playing field, to tee it up*) утрачивается. Нейтральное словосочетание *to have an even playing field* при переводе передаётся нейтральным словосочетанием *при равных шансах* (знакомым отечественному читателю). При передаче на русский язык глагола *to tee up – (in golf) to prepare to hit (the ball) by placing it on a tee* [10, 1427] – переводчик обращается к приёму генерализации. Использование в переводе реалии *ти* (незнакомой широкому российскому читателю: «подготовить мяч к удару, положив его на ти (подставку из дерева или пластмассы, на которую ставят мяч)») затруднило бы восприятие текста.

В текстах романов судебное разбирательство сравнивается с азартной игрой в карты:

<i>Her replacement was a wild card, feared by both sides but especially by the defense</i> [7, 186].	Ее смещение было удалом , опасным для обеих сторон, но особенно для защиты [5, 149].
--	--

Здесь **wild card** – джокер, туз, и нам кажется, что переводчик с успехом мог бы оставить это словосочетание. Мы предлагаем перевести предложение следующим образом: «Замена присяжного была подобно вытасченной из рукава козырной карте, опасной для обеих сторон, и особенно для защиты», что позволяет максимально сохранить используемые автором метафоры. В словаре выражение **wild card** имеет следующую дефиницию: *a card which can present any other card in points or value* [10, 1576]. В анализируемом переводе связь судебного процесса с азартной игрой утрачивается.

Можно утверждать, что в тексте американского юридического триллера метафора принадлежит не одному человеку, а сосредоточивает личный и коллективный опыт, представляет культурный опыт нации. Судебный процесс представлен автором в виде спортивного соревнования, состязания, регламентируемого жёсткими правилами. Зал суда предстаёт перед читателем в виде игрового поля, на котором обвинение и защита – это две спортивные команды, каждая из которых стремится победить. Передача спортивных метафор на русский язык требует использования различных переводческих приёмов, чтобы сделать текст перевода понятным русскому читателю, носителю другой лингвокультуры, сохранить идиостиль писателя, в котором находит отражение концептуальное восприятие мира Дж. Гришэма.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: (материалы к слов.) / АН СССР Ин-т рус. яз. М.: Ин-т рус. яз., 1991. 193 с.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ./ под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
3. Фол Стефани. Эти странные американцы: пер. с англ. Александры Глебовской. М.: Эгмонт, 1999. 72 с.

4. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
5. Гришэм Д. Вердикт. Завещание: Романы / Д. Гришэм; пер. с англ. И.Я. Дорониной. М.: Издательство АСТ, 2003. 814 с.
6. Гришэм Д. Золотой дождь: роман / Д. Гришэм; пер. с англ. М. Тугушевой, А. Санина. М.: Издательство АСТ, 2003. 558 с.
7. John Grisham. The Runaway jury. New York: Random house inc, 2006. 550 p.
8. John Grisham. The Rainmaker. New York: Random house inc, 2003. 598 p.
9. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Bloomsbury publishing PLC, Oxford, 2002. 1692 p.
10. Longman Dictionary of English Language and Culture. Pearson Education Limited, Essex, 2006. 1621 p.

УДК 802.0-561.5

Усманов Ф.М.

*Самаркандский государственный институт
иностранных языков (Узбекистан)*

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУСОСТАВНЫХ БЕЗГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ)

F. Usmanov

Samarkand State Institute of Foreign Languages, Uzbekistan

FUNCTIONAL ANALYSIS OF THE TWO-MEMBER NONVERBAL SENTENCES (IN THE ENGLISH AND UZBEK LANGUAGES)

Аннотация. В статье рассматриваются двусоставные безглагольные предложения английского и узбекского языков на уровне синтаксической семантики в позиции сказуемого, выраженного прилагательными. При изучении функционально-семантических признаков прилагательных в позиции сказуемого выявлены квалитативность, компаративность и стативность и определена их сочетаемость на базе предикативной и субординативной связи. Изоморфный характер функционально-семантических признаков прилагательных свидетельствует об их семантико-синтаксической значимости для адекватной характеристики лица или предмета в роли подлежащего безглагольного предложения в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: синтаксический элемент, стативность, компаративность, субординатив, дифференциальный синтаксико-семантический признак, субстанциальность, квалитативность, локативность, темпоральность.

Abstract. The article deals with two-member nonverbal sentences at the level of syntactic semantics in the position of the predicate, expressed by adjectives. While investigating functional-semantic features of adjectives in the position of the predicate, the author focussed his attention on qualitativeness, comparativeness and stativeness and determined their combinations on the basis of predicative and subordinative syntactical connections. Isomorphic character of functional-semantic features of adjectives testify to their semantic-syntactic significance in characterising a person or thing acting as the subject of the nonverbal sentence in the contrasted languages.

Key words: syntactical element, stativeness, comparativeness, quantitative characteristics, differential syntactic-semantic features, substantiality, qualitativeness, locativeness, temporalness.

Целью данной статьи является сравнительно-типологический анализ двусоставных безглагольных предложений английского и узбекского языков с точки зрения синтаксической семантики. Как известно, конкретные приёмы сопоставительного метода, применяемые в процессе анализа грамматической структуры языков, в основном определяются задачами этого метода, т. е. необходимостью выявления структурно-функциональных особенностей грамматического строя исследуемых языков. Исходя из этого соображения, сопоставительное изучение односистемных и разносистемных языков имеет как чисто теоретико-лингвистические, так и практико-методические цели, и может создать нужные условия для соединения теории и практики в процессе исследования и изучения языков, так как выявление сходства и различий языковых единиц родного и иностранного языков, терминологически определяемых как изоморфизм и алломорфизм языковой структуры, способствует лучшему пониманию и усвоению иностранного языка [1, 3-4].

Двусоставные безглагольные предложения английского языка не отвечают требованиям грамматической нормы, но тем не менее широко встречаются в разговорной речи, как в письменной, так и в устной её формах, в то время как для узбекского языка – это грамматическая норма [4, 212]. Тем значимее представляется возможность проведения синтаксического анализа структуры двусоставных безглагольных предложений английского и узбекского языков на основе теории, разработанной А.М. Мухиным и применяемой в ряде научно-исследовательских работ [3].

Функционально-семантический анализ двусоставных безглагольных предложений в разносистемных языках базируется на определённой семантической категории синтаксических элементов языка, а также комбинировании синтаксических средств, взаимодействующих на основе общности их семантических функций. При изучении функциональных аспектов двусоставных

безглагольных предложений выявляются дифференциальные синтаксико-семантические признаки элементарных синтаксических единиц в позиции сказуемого на уровне синтаксической семантики, и из серии категориальных признаков выделяется квалификативность. А.М. Мухин отмечает, что квалификативность в серии категориальных признаков может быть либо качественной, либо компаративной характеристикой, в серии некатегориальных или частных признаков – либо стативной, либо количественной характеристикой [2, 73].

В результате исследования кваликативных элементов в структуре двусоставных безглагольных предложений английского и узбекского языков мы выявили такие дифференциальные синтаксико-семантические признаки, как кваликативность (качество), компаративность (сравнение) – из серии категориальных признаков, стативность (состояние) – из серии некатегориальных признаков.

Квалитативность выражает характеристику через обозначение качества лица, предмета или явления.

Признак качества обуславливает специфику лексической базы реализации. В качестве таковых выступают имена прилагательные, обозначающие цвет, размеры, свойства, особенности характера и т. д., а также субъективную оценку предмета или явления.

Прилагательные, обозначающие качественные свойства предметов, являются лексической базой кваликативности. Предложения с семантико-синтаксическим признаком кваликативности поддаются трансформациям-заменам или трансформациям-номинализациям.

В свете вышесказанного проанализируем следующие примеры:

1. *Literature silly* [10, 17].
2. *Flags red and white* [15, 91].
3. *Manic depressive* [13, 69].

Благодаря экспликации глагола-связки эти предложения сразу начинают отвечать грамматической норме современного английского языка:

1) *Literature silly* → *Literature is silly*.

2) *Flags red and white* → *Flags are red and white*.

3) *Manic depressive* → *Manic is depressive*.

Синтаксические единицы *is silly, are red and white, is depressive* в зависимости от целей и задач исследования могут получать различные трактовки. С чисто грамматической точки зрения они представляют собой именное составное сказуемое [8, 73-74], с точки зрения актуального членения предложения характеризуются как элементы тема-рематической структуры [6, 84-85] или анализируются как компоненты метода непосредственно составляющих [7, 60-61].

Нами эти синтаксические единицы рассматриваются с точки зрения синтаксической семантики.

Благодаря их реализации в структуре предложения в позиции сказуемого они обладают квалификативностью как категориальным синтаксико-семантическим признаком и квалитативностью – как частным проявлением из серии категориальных признаков. А элементы в позиции подлежащего *literature, flags, Manic* обладают субстанциальностью из категориальных признаков и, одновременно, носителями качественной характеристики за счёт элементов в позиции сказуемого.

На материале узбекского языка эти же синтаксико-семантические признаки в позиции сказуемого представлены также прилагательным:

1. *Иброҳим ҳасис* [16, 355].

2. *Бунинг тарихи узоқ* [17, 63].

3. *Ғозихон ҳам Иброҳимдан яхши* [16, 356].

4. *Суянган деворлари ҳам яшил* [16, 266].

5. *Фронт қатта* [18, 313].

В данных предложениях синтаксические элементы *ҳасис, узоқ, яхши, яшил, қатта* определяются как квалификативная квалитативная синтаксема и на базе предикативной связи сочетаются с субстанциальной синтаксемой носителя качественной характеристики (*Иброҳим, Ғозихон, фронт*), и эти элементы (*тарихи, деворлари*) наделены ещё другими синтаксико-семантическими при-

знаками посессивности.

Все эти предложения английского и узбекского языков поддаются трансформации номинализации:

– *Literature is silly* → *silly literature*;

– *Flags are red and white* → *red and white flags*;

– *Manic is depressive* → *depressive Manic*;

– *Иброҳим ҳасис* → *ҳасис Иброҳим*;

– ... *тарихи узоқ* → *узоқ тарих*;

– *Ғозихон ... яхши* → *яхши Ғозихон*;

– ... *деворлари ҳам яшил* → *яшил деворлар*;

– *Фронт қатта* → *қатта фронт*.

На базе субординативной связи синтаксико-семантический признак квалитативности может сочетаться:

1) с субстанциальными локативными синтаксемами:

Dogs, undistinguishable in mire [9, 7];

2) с процессуальными объективными синтаксемами:

Bert adaptable and capable of looking after himself [14, 92];

3) с квалитативными синтаксемами:

You rotten sod [14, 91];

4) с комитативными (сопровождения) синтаксемами:

Nothing ... wrong with it [12, 71].

В узбекском языке признак квалитативности может сочетаться:

1) с компаративными синтаксемами:

Гулбадан бундан уч ёш кичик [16, 338];

2) с темпоральными синтаксемами:

Дунёнинг ишлари ҳаммиша чигал [16, 289];

3) с локативными синтаксемами:

Ҳиротда Гавҳаршод бегим мадрасаси машхур [16, 285].

Следует заметить, что признак квалитативности на материале английского языка подчёркивается особенностями сочетаемости с элементами *very, rather, so, too*, в узбекском языке – *жуда, ҳам, энг* и т. п.

На материале английского языка О.Е. Филимонова отмечает, что исчерпывающее описание стивности (состояния) должно охватывать все части речи, способные реализовать в предложении стивную синтаксему в той или иной синтаксической позиции, ко-

торую эти части речи могут занимать в предложении [5, 7-8].

В данном случае мы ограничимся рассмотрением в структуре двусоставных безглагольных предложений признака стативности, выраженного прилагательным или фразеологическими единицами.

Например:

1. *Aileen* – *merely faint* [11, 41].

2. *You all right* [15, 240].

3. *You sick* [15, 243].

Эти предложения эксплицируются, как и выше, добавлением глагола-связки:

1) *Aileen* – *merely faint* → *Aileen is ... faint*.

2) *You all right* → *you are all right*.

3) *You sick* → *you are sick*.

Синтаксические элементы *is faint, are all right, are sick* обладают признаком стативности. Здесь стативность становится очевидной при помощи трансформации замены *be* на *feel*:

1) *Aileen* – *merely faint* → *Aileen feels ... faint*;

2) *You all right* → *you feel all right*;

3) *You sick* → *you feel sick*.

И в том, и в другом случае возможно употребление словосочетания *in the state of*:

1) *Aileen felt faint* → *Aileen was in the state of faintness*.

2) *You feel all right* → *you are in the state of being all right*.

3) *You feel sick* → *you are in the state of sickness*.

Таким образом, элементы *faint, all right, sick* выражают стативность в позиции сказуемого. А элементы *Aileen, you* в позиции подлежащего обладают признаком субстанциальности и также являются носителями состояния.

В современной тюркологии, в частности в узбекском языке, дифференциальный синтаксико-семантический признак стативности требует специального исследования, но мы видим, что в проанализированном нами материале узбекского языка признак стативности тоже представляется в позиции сказуемого, выраженного прилагательным:

1. *Бобур жим* [16, 114].

2. *Мен тирикмен* [16, 171].

3. ... *биз тайёр* [18, 85].

4. *Бола-чақаси оч-яланғоч* [16, 398].

В приведённых предложениях *жим, тирикмен, тайёр, оч-яланғоч* выражают состояния элементов *Бобур, мен, биз, бола-чақаси* в позиции подлежащего. Значит, элементы *жим, тирикмен, тайёр, оч-яланғоч* выражают стативность; на базе предикативной связи они сочетаются с субстанциальной синтаксемой носителя состояния.

В результате сопоставительного анализа квалификативности в позиции ядерного предикатирующего компонента в структуре предложений английского и узбекского языков выявлены синтаксико-семантические признаки квалификативности, компаративности и стативности. Эти признаки в узбекском языке представлены только прилагательным, а в английском языке – элементами *to be + Adj.*, хотя в нашем случае в структуре предложения английского языка глагол *to be* опускается. Данные синтаксемы различаются по сочетаемости с другими синтаксемами на базе субординативной связи.

Таким образом, мы видим, что исследование отношений между передачей содержания и средствами языкового выражения следует начинать с изучения синтаксических связей элементов внутри предложения. И в этом плане двусоставные безглагольные предложения английского и узбекского языков могут представлять широкое поле для функционального анализа синтаксических элементов, несмотря на то, что безглагольные предложения в узбекском языке являются нормой, а в английском языке – отступлением от грамматической нормы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аракин В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. М.: Высш.шк., 1989. 158 с.
2. Мухин А.М. Функциональный анализ синтаксических элементов (на материале древнеанглийского языка). М.–Л.: Наука, 1964. 292 с.
3. Мухин А.М. Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. Л.: Наука ЛО, 1976. 282 с.
4. Решетов В.В. Основы фонетики и грамматики

- узбекского языка. Ташкент: Учитель, 1965. 244 с.
5. Филимонова О.Е. Стативная синтаксема в английском предложении: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1978. 24 с.
  6. Шевякова В.Е. Современный английский язык. М.: Наука, 1980. 380 с.
  7. Irtenyeva N.F., Barsova O.M., Block M.Y., Shar-kin A.P. A Theoretical English Grammar (Syntax). Moscow: Higher School Publishing House, 1969. 144 p.
  8. Koshevaya E.G. The Theory of English Grammar. М.: Просвещение, 1982. 336 p.
- ИСТОЧНИКИ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕ-РИАЛА:
9. Dickens Ch. Bleak House. Moscow: Foreign Lang. Publishing House, 1957. 932 p.
  10. Dreiser Th. The Financier. Moscow: Foreign Lang. Publ. House, 1954. 566 p.
  11. Dreiser Th. The Titan. Moscow: Foreign Lang. Publ. House, 1957. 604 p.
  12. Priestley J. Angel Pavement. Moscow: Progress, 1974. 504 p.
  13. Saroyan W. Rock Wagram. London: A Mayflower Paperback, 1961. 224 p.
  14. Sillitoe A. Key to the Door. Moscow: Progress Publishers, 1969. 470 p.
  15. Steinbeck J. The Grapes of Wrath. Moscow: Progress, 1978. 530 p.
  16. Қодиров П. Сайланма: 3 жилдлик. Юлдузли тунлар: Роман. Тошкент: Адабиёт ва санъат нашриёти, 1988. 448 б.
  17. Саид А. Беш кунлик дунё: Роман // Маъсул муҳаррир А. Отабой/. Тошкент: Шарқ, 1996. 368 б.
  18. Ғулом Ҳ. Тошкентликлар. Роман. Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги бадиий адабиёт нашриёти, 1967. 320 б.

УДК: 81'44; 81'342; 81'342.4

Федулова А.Н.

Московский авиационный институт

**КОНСОНАНТНЫЙ ХАРАКТЕР ТЕКСТА.
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ
РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ**

A. Fedulova

Moscow Aviation Institute

**THE CONSONANT NATURE OF THE TEXT. CONTRASTIVE RESEARCH ON
THE MATERIAL OF THE RUSSIAN, GERMAN AND ENGLISH LANGUAGES**

Аннотация. Данная статья посвящена изучению вопроса консонантной насыщенности текстов на русском, немецком и английском языках. В ходе исследования был определён слоговой вес и частота встречаемости согласных фонем в данных языках. По результатам сравнительно-сопоставительного анализа были сделаны основные выводы относительно особенностей консонантного характера русского, немецкого и английского языков. Представленные в статье выводы базируются на полученных экспериментальных данных.

Ключевые слова: консонантный характер текста, консонантная насыщенность, слоговой вес, частота встречаемости согласных фонем, фонетический эксперимент.

Abstract. The present article is devoted to the analysis of the consonant saturation of Russian, German and English texts, which revealed the syllabic weight and frequency of occurrence of consonant phonemes in the given languages. The comparative and contrastive research has made it possible to draw the main conclusions about peculiarities of the consonant nature of Russian, German and English languages. The results obtained are supported by phonetic experiment data.

Key words: consonant nature of the text, consonant saturation, syllabic weight, frequency of occurrence of the consonant phonemes, phonetic experiment.

Разным языкам присуща различная степень так называемой консонантной насыщенности. Наиболее ярко данная консонантная насыщенность проявляется при детальном рассмотрении слоговых структур отдельных языков. Выявление консонантной насыщенности на уровне слога наиболее удобно, так как именно слог, являясь фонетико-фонологической единицей, занимает промежуточное положение между звуком и речевым тактом. Так, например, в немецком языке функционируют следующие типы фонологической структуры слога: СГ, ССГ, СССГ, ГС, СГС, ГСС, ГССС, ГСССС, СГССС, СГСССС, СГССССС, СГСС, ССГС, ССГСС, ССГССС. В конечной позиции максимальным является пятиэлементное сочетание согласных, например в слове *röntgst* (2 л. ед.ч. от *röntgen* – *делать рентген*) [1, 63]. В английском языке также функционирует тип слога с большим числом согласных: -ССС, -СССС, -ССССС в конечной позиции, например *facts* (*данные*), *twelfths* (*двенадцатые*), *sixths* (*шестые*) [8, 8]. Для английского языка вместе с тем характерно, что слог может быть образован одними согласными, где ядром слога является сонант. Сонант является слогаобразующим, если он следует за шумным согласным и оказывается конечным в слоге или замыкается шумным согласным, например *written* (прич. прош. вр. от *write* – *писать*), *sanctions* (*разрешения*). Однако ни в немецком, ни в английском языках в начале слога не встречаются четырёх- и

пятифонемные сочетания согласных, как это бывает в русском языке, например в слове *встретить*. Наличие определённых слоговых структур в одних языках и их отсутствие в других объясняется, в первую очередь, особенностями фонетической системы того или иного языка.

Определение консонантной насыщенности языков на уровне слога имеет ряд особенностей. В тексте, так же, как и в потоке речи, инвентарь слоговых структур имеет тенденцию к уменьшению. Так, например, чем сложнее структура слога, тем больше его консонантная насыщенность, тем реже он употребляется в тексте, а тем более в речи. Таким образом, для более точного определения консонантной насыщенности языков необходимо не только рассматривать особенности фонологической структуры слога в различных языках, но и уделять особое внимание формулам структуры речевого потока. Исходя из того, что поток речи представляет собой, в конечном счёте, квазирегулярную последовательность двух элементов – согласного и гласного, можно установить характерные для того или иного языка типы комбинаций этих элементов [6, 35]. Так, для русского языка была выведена формула структуры речевого потока СГСССГ..., количественно точно описывающая статистические закономерности в области звуков, слогов, слов. Аналогичные формулы были выведены и для других языков: английского СГССГ..., немецкого СГССГССГ... Из приведённых структур ясно видно, что русский язык, по сравнению с немецким и английским языками, обладает меньшей степенью консонантной насыщенности, так как в нём, в основном, преобладают слоговые структуры типа СГ.

Чем больше частота встречаемости согласных в языке, тем больше его «слоговой вес». Исходя из этого, различают языки с лёгким слоговым весом, где СГ-структуры выступают в качестве доминирующих, и языки с тяжёлым слоговым весом, где в большей степени распространены СГС-структуры [9]. Показателем принадлежности к языку с

лёгким или тяжёлым слоговым весом является коэффициент соотношения Г : С. Языки, характеризующиеся лёгким слоговым весом, имеют коэффициент, величина которого приближается к единице, т. е. гласные представлены в языке почти в том же количественном соотношении, что и согласные ($G : C \approx 1,0$). Иная картина наблюдается для языков с тяжёлым слоговым весом, где коэффициент приблизительно равен 0,5, т. е. согласные встречаются в языке в два раза чаще, чем гласные ($G : C \approx 0,5$) [6, 33].

Из всего вышесказанного можно сделать заключение о том, что в тексте индоевропейские языки в отношении консонантной насыщенности не характеризуются стабильностью, так как здесь вступают в силу другие факторы, в частности синтетичность того или иного языка, морфологический показатель, некоторые тенденции, действующие в том или ином языке, и экстралингвистические факторы [1, 41]. Так, более синтетический немецкий язык по данному параметру значительно превышает родственный ему английский. В русском языке вследствие действующего в нём закона открытого слога этот показатель самый низкий. Следовательно, немецкий и английский языки имеют больший консонантный коэффициент, чем русский, что объясняется характером слога (закрытый) в данных языках.

В ходе расчёта коэффициента отношения гласных к согласным было установлено, какие из рассматриваемых языков (русский, немецкий, английский) обладают большей консонантной насыщенностью, а какие – меньшей. В связи с этим правомерным можно считать вопрос о том, какие именно согласные фонемы и в каком языке встречаются чаще, а какие – реже, и с чем это связано. Здесь также необходимо упомянуть о том, что хотя консонантные системы сравниваемых языков во многом являются схожими, т. е. аналогичные согласные фонемы встречаются во всех трёх языках, также наблюдаются и некоторые различия [7, 72]. Так, например, в русском языке согласные фонемы делятся на мягкие и твёрдые, чего нет ни в немецком, ни в английском

языках. В английской системе согласных звуков есть такие фонемы, как [ð] и [θ], в немецкой и английской есть согласный [ŋ]. Однако, несмотря на эти различия, консонантные системы данных языков похожи. Проведение в дальнейшем сравнительно-сопоставительного изучения может обеспечить выявление степени их схожести и различия.

Для установления характера консонантной насыщенности в трёх сравниваемых языках был проведён фонетический эксперимент, состоящий в следующем: методом сплошной выборки на данных языках были отобраны отрывки из текстов разных жанров (во всех трёх языках соответственно). Затем в словах подсчитывалось количество согласных фонем. Кроме того, слова делились на слоги и определялся тип слога. Далее был применён метод количественного анализа, что позволило определить частотность встречаемости (в %) каждой согласной фонемы в текстах русского, немецкого и английского языков. Всего было проанализировано:

- в немецком языке 232 слова, 397 слогов;
- в английском языке 325 слов, 567 слогов;
- в русском языке 200 слов, 657 слогов.

Проведённое исследование по определению слогового веса русского, немецкого и английского языков на текстовом материале показало, что в немецком языке коэффициент соотношения Г : С ≈ 0,35, в английском языке – Г : С ≈ 0,61, в русском языке – Г : С ≈ 0,93.

По результатам проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

- 1) немецкий и английский языки относятся к языкам с тяжёлым слоговым весом, так как в них коэффициент отношения гласных к согласным приближается к 0,5;
- 2) в немецком и английском языках в большей степени распространены СГС-структуры слога;
- 3) по сравнению с английским языком, немецкий язык обладает большим слоговым весом;
- 4) русский язык в этом плане отличается от немецкого и английского, он относится к языкам с лёгким слоговым весом;
- 5) в русском языке преобладают СГ-струк-

туры слога;

б) меньшая консонантная насыщенность текста русского языка, по сравнению с немецким и английским, объясняется следующими причинами: во-первых, распространённостью в тексте менее консонантно насыщенных служебных слов (междометий, предлогов, союзов и т. д.); во-вторых, тем, что в русском языке личные и падежные окончания, в основном, оканчиваются на гласные, что, несомненно, влияет на консонантную насыщенность слов; в-третьих, тем, что в русском языке на уровне текста преобладают двух- и однофонемные открытые слоги.

Проведённое исследование случаев встречаемости согласных фонем в русском, немецком и английском языках на текстовом материале позволило получить следующие результаты, которые наглядно представлены в таблицах (см. ниже).

Сравнительно-сопоставительный анализ случаев встречаемости согласных фонем в русском, немецком и английском языках выявил следующее:

- 1) во всех трёх языках чаще всего встречается одна и та же согласная фонема – носовой сонант [n] (в русском – 9,05%, в немецком – 16,19%, в английском – 13,21%);
- 2) наибольшая схожесть прослеживается между немецким и английским языками, где наиболее часто употребляются смычный носовой сонант [n] (в немецком – 16,19%, в английском – 13,21%), смычные взрывные [t] (в немецком – 11,37%, в английском – 11,13%) и [d] (в немецком – 8,84%, в английском 8,22%), латеральный сонант [l] (в немецком – 5,42%, в английском – 6,95%) и дрожащий сонант [r] (в немецком – 10,76%, в английском – 6,45%);
- 3) значительно более редкое употребление щелевого шумного [s] (в немецком – 4,72%, в английском – 12,5%), и значительно более частое употребление щелевого шумного [ʃ] (в немецком – 4,49%, в английском – 1,14%) в немецком языке, по сравнению с английским, объясняется тем, что в немецком языке такие сочетания согласных в анлауте, как *sp-*, *st-*, произносятся как [ʃp], [ʃt], и /s/ в анлауте

Таблица 1

Частота встречаемости согласных фонем в русском языке

в ранговом порядке	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
согласная фонема	н	в	р	к	т	з	с	п	т'	л'
%	9,05	8,77	8,49	7,36	6,08	5,52	5,23	4,53	4,5	4,24
в ранговом порядке	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
согласная фонема	н'	д	м	ш':	с'	х	й	ч	ц	л
%	3,11	3,1	2,83	2,12	2,1	2,03	2,01	1,98	1,95	1,84
в ранговом порядке	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
согласная фонема	б	г	д'	р'	м'	ф	ш	ж	б'	к'
%	1,7	1,6	1,5	1,41	1,13	0,99	0,85	0,83	0,71	0,56
в ранговом порядке	31	32	33	34	35	36				
согласная фонема	в'	п'	ж':	г'	з'	ф'				
%	0,52	0,28	0,23	0,14	0,11	0,07				

Таблица 2

Частота встречаемости согласных фонем в немецком языке

в ранговом порядке	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
согласная фонема	n	t	r	d	l	ʃ	τ	s	m	p
%	16,19	11,37	10,76	8,84	5,42	4,99	4,9	4,72	3,85	3,32
в ранговом порядке	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
согласная фонема	g	x	f	b	k	z	ts	v	ç	tʃ
%	2,97	2,95	2,71	2,45	2,3	2,1	2,01	2,05	1,9	1,49
в ранговом порядке	21	22	23	24	25					
согласная фонема	h	η	j	pf	з					
%	1,14	1,05	0,52	0,26	0,09					

Таблица 3

Частота встречаемости согласных фонем в английском языке

в ранговом порядке	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
согласная фонема	n	s	t	d	l	r	k	ð	f	z
%	13,21	12,5	11,13	8,22	6,95	6,45	6,32	5,56	5,06	3,54
в ранговом порядке	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
согласная фонема	b	v	m	p	w	tʃ	ʃ	g	η	h
%	3,03	3	2,91	2,78	2,5	2,15	1,14	0,88	0,8	0,76
в ранговом порядке	21	22	23	24						
согласная фонема	dз	θ	j	з						
%	0,63	0,51	0,38	0,1						

во всех исконно немецких словах произносятся как [z], чего не происходит в английском языке;

4) сходство между немецким и английским языком проявляется, если сравнивать наиболее редко употребляющиеся фонемы, которыми в обоих языках являются щелевые шумные [z] (в немецком – 0,09%, в английском – 0,1%), [j] (в немецком – 0,52%, в английском – 0,38%), [h] (в немецком – 1,14%, в английском – 0,76%) и носовой сонант [ŋ] (в немецком – 1,05%, в английском – 0,8%);

5) в немецком и английском языках чаще употребляются сонорные, чем шумные, противоположная картина наблюдается в русском языке;

6) среди шумных во всех трёх языках чаще всего употребляются взрывные [t] (в русском – 10,58%, в немецком – 11,37%, в английском – 11,13%) и [d] (в русском – 4,6%, в немецком – 8,84%, в английском – 8,22%);

7) интересным является также и тот факт, что в немецком языке первые шесть – [n], [t], [r], [d], [l], [f], а в английском первые пять – [n], [s], [t], [d], [l] из наиболее часто встречающихся согласных фонем являются переднеязычными по активному артикуляторному органу, такой картины нет в русском языке.

По результатам исследования можно сделать вывод ещё о том, что частотность употребления той или иной согласной фонемы в языке, точно так же, как и частотность употребления согласных по отношению к гласным, зависит не только от особенностей фонетической системы данного конкретного языка, но также и от её грамматических особенностей. Например, образование множес-

твенного числа имён существительных посредством суффикса -(e)n, окончания форм причастия II, существование особенностей слабого склонения имён существительных и слабого склонения имён прилагательных обеспечивают в немецком языке частотность употребления фонемы /n/. Сравнительно-сопоставительный анализ показал большую схожесть немецкого и английского языков, по сравнению с русским языком, как в плане консонантной насыщенности, так и в плане частоты встречаемости определённых согласных фонем. Данное обстоятельство ещё раз подтверждает, что языки одной генеалогической семьи могут проявлять большую типологическую схожесть.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авазбаев Н. Структура слога в языках различных типов. Ташкент: Фан, 1986. 105 с.
2. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 311 с.
3. Козьмин О.Г., Богомазова Т.С. Теоретическая фонетика немецкого языка. М.: НВИ – Тезаурус, 2002. 254 с.
4. Леонтьева С.Ф. Теоретическая фонетика современного английского языка. М.: Менеджер, 2002. 336 с.
5. Никонов В.А. Консонантный коэффициент // *Lingua Poznaniensis*, VIII, 1960. С. 228-235.
6. Потапова Р.К. Слоговая фонетика германских языков. М.: Высшая школа, 1986. 143 с.
7. Торсуев Г.П. Фонетика английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1950. 310 с.
8. Торсуев Г.П. Строение слога и аллофоны в английском языке. М., 1975. 238 с.
9. Meinhold G., Stock E. *Phonologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1982. 256 с.

РАЗДЕЛ IV. РОМАНО-ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.133.1'373

Васильева Н.М.

Московский государственный областной университет

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ПОДЛЕЖАЩЕГО В ТЕМАТИЧЕСКОЙ И РЕМАТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ)

N. Vasilieva

Moscow State Regional University

LEXICO-GRAMMATICAL FEATURES OF THE SUBJECT IN THEMATIC AND RHEMATIC POSITIONS (ON THE MATERIAL OF SUBORDINATE CLAUSES IN THE FRENCH LANGUAGE)

Аннотация. В статье даётся характеристика основных признаков подлежащего на уровне лексики, морфологии и синтаксиса, отражающих коммуникативный аспект придаточного предложения во французском языке. Задача статьи – показать взаимосвязь и различные формы взаимодействия лексико-морфологической природы подлежащего и тема-рематической структуры в придаточных предложениях разных типов.

Ключевые слова: актуальное членение предложения, коммуникативная функция высказывания, порядок слов, роль определённого и неопределённого артиклей, придаточные предложения.

Abstract. The article is concerned with the characterization of the subject as head of a sentence or a clause, at the level of lexis, morphology and syntax, with special reference to the subjects features reflecting the communicative aspect of the subordinate clause in the French language. The aim of the article is to show the interaction of lexico-grammatical nature of the subject and the theme-rheme structure of different types of the subordinate clause.

Key words: functional sentence perspective, communicative function of the utterance, word order, the role of definite and indefinite articles, subordinate clause.

Тема-рематическая структура предложения, отражающая так называемое актуальное членение (или функциональную перспективу) высказывания, предполагает определённую последовательность её компонентов: основная часть высказывания, содержащая новую и наиболее важную информацию (рема) характеризуется, как принято считать, конечной позицией, или, точнее, постпозицией, по отношению ко второй части, представляющей известный, т. е.

менее важный предмет с точки зрения процесса коммуникации (тема). Для французского языка, аналогично другим языкам, типичной является конструкция тема + рема (Т-Р).

Если с этой точки зрения рассматривать синтаксическую организацию предложения, а именно позицию его главных членов, то функцию ремы, согласно мнению большинства лингвистов, выполняет чаще сказуемое, занимающее, как правило, конечную позицию.

Однако данное соответствие не является единственно возможным, и употребление в конечной позиции (т. е. в функции ремы) подлежащего не исключается: *Il ment comme mentait sa sœur* (Ch. Exbrayat). Можно, таким образом, говорить о двух синтаксических конструкциях, отражающих тема-рематическое членение высказывания: подлежащее + сказуемое (так называемый прямой порядок слов) и сказуемое + подлежащее (так называемая инверсия).

В придаточных предложениях французского языка возможны обе конструкции, но их употребление характеризуется рядом особенностей по сравнению с простым независимым предложением.

Влияние коммуникативного фактора (Т-Р-структура) на расположение главных членов в придаточном предложении может блокироваться факторами грамматическими, одним из которых является морфологическая природа подлежащего. Так, если именно подлежащее способно занимать позицию до и после сказуемого, то подлежащее, выраженное личным местоимением, характеризуется строго фиксированной позицией, а именно препозицией (можно отметить, что употребление личного местоимения в качестве подлежащего в придаточном предложении распространено гораздо шире, что может быть связано с преобладанием в составе сложноподчинённого предложения моносубъектных структур). В результате единственно возможной синтаксической структурой французского придаточного предложения с местоименным субъектом

является прямой порядок слов: *Et Jojo disparut avec sa laine et sa femme, tandis que je restais songeur...* (P. Daninos); *Il me semblait que j'étais à la fois ici et là-bas, très près, très loin* (J.M.G. Le Clézio). Личное местоимение (в роли подлежащего) не обязательно находится в контактной позиции с союзом, но в любом случае оно предшествует сказуемому: ... *mais il savait que pour rien au monde il n'eût voulu être ailleurs* (F. Sagan). Таким образом, позиция субъектного местоимения в придаточном предложении является грамматически обусловленной¹. Этот факт связан с тем, что инверсия личного местоимения в роли подлежащего в независимом предложении реализуется в основном в вопросительном предложении, в функции которого придаточное предложение не употребляется.

Другим грамматическим фактором, обуславливающим прямой порядок слов, является наличие в составе придаточного предложения прямого дополнения, выраженного именем существительным: *Loiseau proteste quand Anthony prend l'œuf dans son nid* (J.M.G. Le Clézio); *Les mariniers les regardaient sans que les nouveaux venus manifestassent la moindre gêne* (G. Simenon). Конструкция с инверсией, со своей стороны, может быть грамматически (синтаксически) обусловленной, как, например, в предложениях с ограничительным оборотом "ne... que": *Ils traversèrent la salle d'attente où ne brûlait qu'une petite lampe* (G. Simenon); *Il semblait que ne pouvaient habiter là que des familles heureuses et vertueuses* (G. Simenon).

При отсутствии строгих грамматических правил структура придаточного предложения в значительной мере зависит от коммуникативного характера высказывания, который обуславливает либо инверсию подлежащего, либо прямой порядок слов. В первом случае, как уже было отмечено, подлежащее обычно употребляется в функции ремы, во втором

¹ То же самое относится и к неопределённо-личному местоимению "on", которое по своим грамматическим признакам совпадает с личным местоимением: *On peut pas dire qu'on a été très régulier* (R. Merle), а также к местоимению среднего рода "ce": *Je pense que ce sera pour demain matin* (H. Troyat).

случае – в функции темы, которая считается основной для подлежащего: «De par sa position initiale dans la phrase canonique le sujet grammatical assure normalement la fonction de thème dans les phrases isolées et dépourvues d'accentuation particulière» [7, 131].

В каждой из своих коммуникативных функций подлежащее (как, впрочем, и сказуемое) характеризуется комплексом лексических и грамматических признаков, некоторые из которых составляют специфику французского языка. Так, одной из характерных черт именного подлежащего в тематической позиции является значение предметной определённости. При этом в качестве наиболее распространённого типа подлежащего выступают антропонимы, обозначающие конкретное лицо, хорошо известное из контекста или ситуации, информация о котором (его действие, состояние, признак) содержится в постпозитивном, т. е. рематическом, сказуемом. Очевидно, что наиболее высокая степень определённости свойственна именам собственным, для которых тематическая позиция является не только основной, но иногда и единственно возможной. Например: *Quand Jadi et Sangor sont arrivés à Campos, ils l'ont goûtée (= la plante) pour la première fois* (J.M.G. Le Clézio); *Elle ne pensait pas que Maigret la voyait dans la glace* (G. Simenon); *Il se paya le luxe d'allumer une cigarette que Maigret lui retira des lèvres* (G. Simenon); *Maintenant, il admettait que Désiré Lanvallay ne viendrait pas* (Ch. Exbrayat); *Pendant toute une semaine Elisabeth avait pu croire que Boris ne pensait plus à sa promesse* (H. Troyat).

Значение грамматической определённости имён нарицательных находит своё выражение в оформлении существительных определённым артиклем. Например: *L'inspecteur Zampol convint que, décidément, le commissaire ne raisonnait pas mal du tout* (Ch. Exbrayat); ... *une enveloppe que le commissaire reconnut aussitôt* (G. Simenon); *Peut-être tout simplement parce que l'expéditeur veut être certain que je les lirai (= les lettres) moi-même?* (Ch. Exbrayat). По сравнению с антропонимами, существительные неодушевлённые употребляются в

тематической функции реже, но значение определённости (контекстуальной или ситуативной) им свойственно также: *J'ai appuyé deux fois sur la gâchette avant que le coup ne parte* (F. Sagan); *Comme les statuts excluèrent un étranger, il a opté pour la naturalisation* (J.M.G. Le Clézio); *Je ne pense pas que l'idée (= cette idée) lui en serait venue* (G. Simenon). Значение определённости может выражаться также при помощи притяжательных и указательных детерминативов: *Tandis que mon pilote somnole sur le siège de l'avion, je marche le long des récifs noirs jusqu'à la pointe la plus au nord* (J.M.G. Le Clézio); *Tyler intervint avant que son supérieur se remit à hurler* (Ch. Exbrayat); *Imagine que cette nuit est la plus longue de la vie* (J.M.G. Le Clézio)¹.

Подлежащему в рематической позиции, т. е. в конструкции с инверсией, свойственно в большинстве случаев значение неопределённости. Соответственно, имена существительные в функции ремы оформляются чаще всего неопределённым артиклем. Например: *On conçoit le supplice quotidien que peut représenter pour M. Lippcott un voyage en Gaule* (P. Daninos); *Nul ne prêta une attention particulière à cette jolie femme qu'accompagnait une infirmière* (Ch. Exbrayat). Очевидно, что инвертированное подлежащее в данных примерах образует коммуникативный центр высказывания, поскольку обозначает новый в данной ситуации предмет или лицо. Подлежащее в функции ремы часто сопровождается определениями, способствующими, со своей стороны, употреблению неопределённого артикля (в отличие от тематических подлежащих, выраженных наиболее часто антропонимами, рематические подлежащие представлены не менее часто неодушевлёнными существительными): *Celle-là était la bonne maison. Celle où l'attendait un vrai repas* (G. Simenon); *On étouffait dans la pièce où flottait un parfum entêtant* (G. Simenon); ... *ces lettres où*

¹ Помимо имён существительных со значением определённости, тематическая позиция типична для местоимений в самостоятельной функции: *Bah! Je ne crois pas cela signifie grand-chose* (H. Bazin); ... *jusqu'à ce que tout devienne clair* (J.M.G. Le Clézio).

s'épanchait une hargne à forme plus ou moins dé-livrante (Ch. Exbrayat). Вообще для подлежащих в позиции ремы характерны различные формы распространения, как, например: ... *Sur la route qu'éclairait un croissant de lune entouré d'un épais halo* (G. Simenon). Некоторые грамматисты отмечают в качестве типичного признака инвертированного подлежащего большой синтаксический объём, по сравнению с подлежащим в препозиции.

Таким образом, подлежащие в функции темы и ремы характеризуются определёнными лексическими, морфологическими и синтаксическими признаками. Данные признаки, однако, не носят абсолютного характера и могут меняться в зависимости от коммуникативной цели высказывания. Так, например, имя собственное, для которого тематическая позиция является основной, может в известных условиях употребляться в позиции ремы: ... *du genre de fille qu'avait été Louise Filon* (G. Simenon); *la pièce qu'occupait Ouéni* (G. Simenon); *il fallait une mentalité spéciale, celle qu'avait peut-être Désiré Lanvallay* (Ch. Exbrayat). Имена нарицательные, оформленные определённым артиклем и детерминативами, также могут занимать рематическую позицию: ... *d' une famille unie, où règne la joie de vivre* (G. Simenon); *il plaque sur la toile blanche les touches de couleur que lui dictait le rappel de vacances ensoleillées* (Ch. Exbrayat); *Sur ces mots, il éclata d'un rire que ne parut pas apprécier son rigide vis-à-vis* (P. Daninos); *J'ai un hôtel particulier que connaît d'ailleurs votre fille* (F. Sagan). Значение определённости в данных и аналогичных им примерах может достаточно эксплицитно вытекать из ситуации. Так, в предложении «Et brusquement, Tarchininise se souvint de ce que lui avait confié le prêtre» (Ch. Exbrayat) очевидно, что речь идёт не о каком-то священнике, а о хорошо известном конкретном лице. Рематизация инвертированного подлежащего может усиливаться за счёт контекстуальных средств, достаточно разнообразных. Например, в предложении «On connaît les quartiers à coups de coûteau, ceux où l'on se sert d'une matraque et ceux, comme Montmartre où dominant les armes à feu» (G. Simenon)

рематическая позиция подлежащего усиливается благодаря лексическому значению инвертированного существительного «les armes à feu», которое противопоставляет данное существительное другим подлежащим в составе сложного предложения (огнестрельное оружие / другие виды оружия). В предложении «... un document très officiel que lui avait remis le préfet de police en personne» (G. Simenon) усилению рематической позиции подлежащего способствует местоименная конструкция «en personne» (*вручил сам префект*).

С другой стороны, и существительное с неопределённым артиклем может занимать тематическую позицию, как, например, в предложении «... il faudra que je file à l'usine où une machine est tombée en panne» (H. Troyat), в котором в качестве ремы выступает сказуемое.

Несомненно, что артикль, в тех языках, где он существует, играет существенную роль на уровне актуального членения. Тем не менее оппозиция «определённый артикль / неопределённый артикль» не всегда адекватно отражает тематическую и рематическую позицию подлежащего, как считают многие. В своей известной статье, посвящённой функции артикля как важнейшего средства выражения FSP (функциональной перспективы высказывания), Ян Фирбас вносит существенные коррективы в распространённое положение о соответствии определённого артикля тематическому характеру подлежащего (обозначение известного предмета), а неопределённого – его рематическому характеру (обозначение нового, неизвестного ранее предмета). Признавая данное соответствие наиболее типичным, Фирбас в то же время стремится показать на конкретном языковом материале, что коммуникативная природа существительного зависит не только от формы артикля, но и от условий употребления артиклевого существительного: структура предложения, синтаксическая функция имени, его стилистический (эмотивный) аспект, композиционная форма речи и т. д. [5, 246, 247–249 и далее]. Все анализируемые

автором факторы вступают при этом в тесное взаимодействие в акте коммуникации [5, 253–254].

Примером взаимодействия различных языковых факторов, влияющих на коммуникативную функцию подлежащего, может служить соотношение коммуникативной роли подлежащего и сказуемого. Очевидно, например, что в предложении «Elle sut, dès lors, qu'elle avait résolu le problème que le commissaire Prizzi ne parvenait pas à résoudre» (Ch. Exbrayat) сказуемое содержит более важную информацию для высказывания, в связи с чем оно закономерно употребляется в позиции ремы. Напротив, в предложениях типа: «Jamais encore Elisabeth ne s'était sentie plus éloignée du monde où vivaient ses parents» (H. Troyat), «A Anvers et à Amsterdam où se tiennent les principales bourses du diamant» (G. Simenon) – коммуникативная функция сказуемого является менее значимой (в этом случае, как считают многие исследователи, сказуемое выражено “семантически ослабленными” глаголами), по сравнению с подлежащим, рематическая природа которого обуславливает постановку глагола в позицию темы. Естественно, что соотношение коммуникативной нагрузки подлежащего и сказуемого в тема-рематической структуре предложения не всегда очевидно, и его трактовка может быть достаточно субъективной. Так или иначе, связь лексической и грамматической природы сказуемого с его коммуникативным аспектом может, со своей стороны, быть предметом отдельного исследования.

Симптоматичным является тот факт, что с точки зрения тематической и рематической позиций подлежащего французские придаточные предложения не представляют единства. Так, для подлежащего в составе придаточных дополнительных наиболее типична тематическая позиция, а в составе придаточных относительных – рематическая. Придаточные обстоятельственные в этом плане также различны. В частности, условные и причинные придаточные характеризуются, как правило, тематической позицией подлежащего, тогда как в сравнительных

придаточных употребление подлежащего в позиции ремы явно преобладает. В силу указанного различия синтаксическая организация придаточного предложения также не обнаруживает единства: придаточные дополнительные строятся в большинстве случаев с прямым порядком слов, в то время как придаточные относительные – с инвертированным подлежащим¹. В сфере обстоятельственных придаточных существуют также объективные различия: предложения причины и условия, в связи с характерной для них тематической позицией подлежащего, оказывают, как отмечают некоторые авторы, явное сопротивление инверсии (“*sont très réfractaires à l'inversion*” [14, 134, 155]), тогда как предложения сравнения (некоторые их типы) обнаруживают ярко выраженную тенденцию к инверсии².

Внутри отдельных типов обстоятельственных придаточных, т. е. в их структурно-семантических разновидностях, существуют свои различия (см. подробнее: Васильева Н.М., монография о порядке слов [1]).

В целом, преобладание прямого порядка слов в придаточных предложениях французского языка (в абсолютных цифрах) связано с широким распространением в придаточных личного субъектного местоимения, для которого, как было отмечено выше, препозиция является единственно возможной.

Различия в тема-рематической (и, соответственно, синтаксической) структуре придаточных предложений связаны, по всей вероятности, с различным распределением коммуникативной нагрузки их составных компонентов. Так, если в придаточных дополнительных основная информация содер-

¹ Инверсия именного подлежащего как специфический признак относительных предложений отмечается многими французскими грамматистами. Не случайно Шарль Балли считал относительные придаточные основным препятствием для свойственного французскому языку прямого порядка слов [4, 224].

² В некоторых придаточных инверсия подлежащего является их грамматическим признаком, как, например, в придаточных уступительных присловного типа: *Quelles que soient les brouilles qui en résultent, j'aime bien rendre service* (P. Daninos); ... *pour si graves que soient les conséquences* (Ch. Exbrayat).

жится в сказуемом (глагольной группе), то в придаточных относительных коммуникативный акцент смещается в сторону подлежащего. Данная точка зрения отражена и в работе Керстин Валл, согласно которой основная информация в дополнительных придаточных сосредоточена на действии, а в относительных придаточных – на субъекте: *Ainsi c'est normalement le segment substantival qui comporte l'information essentielle dans les relatives du type suivant: la maison où vit cet enfant, tandis que dans les complétives l'intérêt s'oriente vers le message transmis par le verbe: Dieu pouvait faire que cet enfant vive* [14, 14-15].

Не исключено, что аналогичное положение вещей в смысле соотношения субъект–действие в T–R-структуре предложения имеет место и в придаточных обстоятельственных.

Отметим в заключение, что конфликт, в который могут вступать грамматический и коммуникативный аспект предложения, разрешается в ряде случаев в пользу последнего. Например, чётко выраженная тенденция к прямому порядку слов в предложениях с относительным местоимением “dont”, отмечаемая всеми французскими грамматистами, может нарушаться, если подлежащее приобретает рематическую функцию: *Les Américains savent comme personne susciter le rêve, l'inaccessible étoile dont parlait Brel* (St. de Pasquale). В приведённом примере инверсия подлежащего, представленного именем собственным, обусловлена его употреблением в позиции ремы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Васильева Н.М. Порядок слов в современном французском языке (сложноподчинённое предложение). М.: МГОУ, 2010. 97 с.
2. Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2007. 390 с.
3. Сложное предложение. Традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. М., 2001. 453 с.
4. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. 4e éd. Berne: Francke, 1965. 440 p.
5. Firbas J. Non-thematic subjects in contemporary English, 1966. TLP № 2. P. 246-254.
6. Fuchs C. (éd.) La place du sujet en français contemporain. Paris: Duculot, 1997. P. 135-178.
7. Grammaire méthodique du français / M. Riegel, J.-C. Pellat, R. Rioul. Paris: PUF, 2008. 646 p.
8. Grobet A. L'identification des topiques dans les dialogues. Paris: Duculot, 2002. 348 p.
9. Korzen H. L'unité prédicative et la place du sujet dans les constructions inversées // Langue française, 1996. № 111. P. 59-82.
10. Martinet A. Grammaire fonctionnelle du français. Paris: Crédit, 1984. 267 p.
11. Novak P. On the three-level approach to Syntax // Travaux linguistique de Prague, 1966. № 2. P. 219-233.
12. Šabršula J. Transformations-translations-classes potentielles syntactico-sémantiques // Travaux linguistique de Prague, 1968. № 3. P. 53-65.
13. Skutta Fr. Perspective communicative dans la phrase complexe // Actes du XXIV Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes. Communications: Résumés. 1-6 août 2004. P. 190.
14. Wall K. L'inversion dans les subordonnées en français contemporain. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 1980. № 30. P. 14-155.
15. Wilmet M. Grammaire critique du français. Paris: Hachette, Duculot, 1997. 758 p.

УДК 811.131.1'367.355.2

Полякова Н.В.

Московский государственный областной университет

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФРАНЦУЗСКИХ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГИПОТЕТИЧЕСКИМ ПРИДАТОЧНЫМ**

N. Polyakova

Moscow State Regional University

**FUNCTIONAL AND PRAGMATIC PECULIARITIES OF FRENCH DECLARATIVE
COMPOUND SENTENCES WITH A HYPOTHETICAL SUBORDINATE CLAUSE**

Аннотация. В данной статье даётся характеристика сложноподчинённых предложений с придаточным условия как коммуникативных единиц, а также предпринимается попытка анализа связи порядка частей и актуального членения с семантикой условных предложений. Задача статьи – рассмотрение семантико-функциональных особенностей сложноподчинённых предложений с гипотетическим придаточным с позиций грамматического, коммуникативного и логико-прагматического подходов.

Ключевые слова: актуальное членение предложения, сложноподчинённое предложение с гипотетическим придаточным, коммуникативная единица, порядок частей сложного предложения, логико-прагматический подход.

Abstract. This article is devoted to the description of compound sentences with subordinate clauses of condition as units of communication and also makes an attempt of analysing connection of order of parts and functional sentence perspective with semantics of conditional sentences. The aim of the article is to show semantic and functional peculiarities of compound sentences with a hypothetical subordinate clause using grammatical, communicative, logic and pragmatic approaches.

Key words: functional sentence perspective, compound sentence with a hypothetical subordinate, unit of communication, order of parts of compound sentence, logic and pragmatic approach.

На современном этапе развития лингвистической науки, когда текст рассматривается в рамках функциональной парадигмы, изучение и описание актуального членения предложения приобретает чрезвычайную важность.

Следует отметить, что в лингвистике сложилась традиция многостороннего изучения простого предложения. Что касается сложного предложения, то в лингвистической литературе неоднократно предпринимались попытки анализа актуального членения полипредикативных конструкций на материале русского и английского языков, однако, на материале французского языка глубокое и всестороннее исследование не предпринималось.

В соответствии с наметившимся направлением изучать порядок частей сложного предложения в его взаимоотношениях с актуальным членением, в данной статье даётся характеристика сложноподчинённых предложений с придаточным условия как коммуникативных единиц, а также предпринимается попытка установления связи порядка частей и актуального членения с семантикой условных предложений.

Для выражения условности французский язык располагает различными ресурсами, которые проявляются в многообразии структурных форм. В данной статье будет рассмотрена ведущая структура, выражающая условие во французском языке, – *сложноподчинённое предло-*

жение с обстоятельственным придаточным, вводимым условным союзом.

Во французском языке в сложноподчинённых предложениях условное придаточное может вводиться союзами *si, quand, à (la) condition que, pourvu que, à moins que, à supposer que, supposé que, pour peu que, en admettant que, mettons que, au cas où, pour le cas où*. Вместе с тем основным и наиболее распространённым типом являются конструкции с *условными придаточными, вводимыми союзом si* – “la conjonction de condition par excellence”, по определению М. Гревиса [17, 1666].

Сложноподчинённые предложения с условным придаточным, вводимым союзом *si*, чётко противопоставляются по совокупности своих признаков, в частности по употребляемым в них модально-временным формам, условным сложноподчинённым предложениям с другими союзами, в силу чего они, по-видимому, и получили отдельное название – «сложноподчинённые предложения с гипотетическим придаточным»¹. В соответствии с этим термины «сложноподчинённое предложение с гипотетическим придаточным», «сложноподчинённое предложение с условным *si*-придаточным», «условное сложноподчинённое предложение с союзом *si*» будут употребляться в данной работе как абсолютные синонимы.

В специальных франкоязычных исследованиях повествовательные сложноподчинённые предложения с гипотетическим придаточным представляются в виде формулы «*Si p, q*» / «*Q, si p*», где «*si p*» – обуславливающее придаточное предложение, или протазис, а «*q*» – обусловленное главное предложение, или аподозис².

¹ “On appelle hypothétique une subordonnée conditionnelle introduite par *si*” [14, 237].

² Исходя из этимологии «протазисом» называют препозитивное придаточное, а «аподозисом» – постпозитивное главное предложение [6, 35, 240]. Однако на материале условных сложноподчинённых предложений данные греческие термины расширили своё значение: в современных работах, посвящённых данной проблеме [19, 215-227; 13, 78-98], этими терминами обозначаются гипотетическое придаточное и главное предложение соответственно, независимо от взаимной позиции последних в условном сложноподчинённом предложении с союзом

Представляется, что характеристика сложноподчинённого предложения с придаточным условия как семантико-функциональной единицы невозможна без комплексного подхода: *грамматического, коммуникативного и логико-прагматического*.

Морфолого-синтаксический подход

В современной лингвистической литературе существует деление повествовательных сложноподчинённых предложений с условным придаточным на собственно-условные и несобственно-условные³ [4; 3, 139-175; 21, 98-125].

В связи с тем, что сложноподчинённые предложения с гипотетическим придаточным относятся к «гибким структурам» [2, 199], то есть для них характерна относительная свобода в позиции протазиса по отношению к аподозису, одной из основных синтаксических проблем указанных конструкций является установление особенностей позиции придаточного предложения по отношению к главному.

На материале французского языка детальное исследование этого вопроса впервые проводится в книге А. Лориана “L’expression de l’hypothèse en français moderne: antéposition et postposition”. Как заявлено уже в самом названии данной работы, автор выделяет для условного *si*-придаточного только два возможных варианта позиции в сложноподчинённом предложении – 1) *препозицию* и 2) *постпозицию* по отношению к главному предложению. При этом А. Лориан приходит к выводу, что во французском языке ведущей позицией гипотетического придаточного в повествовательном сложноподчинённом предложении является препозиция: в среднем, в двух случаях из трёх [20, 108].

Что касается интерпозиции протазиса, то у А. Лориана мы находим упоминание о том, что во французском языке гипотетические придаточные, представляющие собой различные формы смягчения высказывания *si*. По-видимому, это объясняется тем, что в данном типе сложноподчинённых предложений условие в придаточном всегда логически предшествует следствию в главном предложении.

³ По другой терминологии – «псевдоусловные» или «мнимоусловные» сложноподчинённые предложения.

(например: *si j'ai bonne mémoire, si je ne me trompe, si je peux le dire, s'il est possible, si Dieu le permet* и др.), чаще всего не находятся «ни в чистой препозиции, ни в настоящей постпозиции, интеркалируясь в главное предложение» [20, 35].

С. Аллер выделяет данные случаи интеркаляции в отдельный тип позиции гипотетического придаточного, обозначая его как «мобильная позиция» (*position mobile*) и рассматривая его наравне с пре- и постпозицией [12, 157]. Автор мотивирует выбор этого термина тем, что гипотетические придаточные, являющиеся формами смягчения высказывания, могут находиться как внутри главного предложения – после его подлежащего или после его сказуемого, так и после всего главного предложения.

Однако при идентификации собственно интерпозитивных гипотетических придаточных нам представляется более целесообразным опираться на критерии, выделенные С.К. Бедановой на материале французских повествовательных сложноподчинённых предложений с временным придаточным: 1) размещение придаточного между структурно-обязательными элементами главного предложения; 2) отсутствие синтаксических связей на границе включения придаточного [1, 11-13]. Вследствие этого в интерпозиции мы будем рассматривать не только приводимые А. Лорианом и С. Аллер возможные типы интеркалированных условных *si*-придаточных, но и любое гипотетическое придаточное, если оно одновременно отвечает двум выдвинутым требованиям.

Коммуникативный подход

Коммуникативный анализ сложноподчинённых предложений с гипотетическим придаточным, как правило, строится лингвистами на основании либо теории «актуального членения предложения», либо теории пресуппозиции.

По концепции актуального членения предложения, разработанной В. Матезиусом, любое высказывание семантически состоит из двух частей: темы («основы») и ремы («ядра») [7, 239-245].

На материале повествовательных сложноподчинённых предложений с гипотетическим придаточным коммуникативный анализ предпринимается Дж. Хайманом, который делает вывод о том, что все условные придаточные – «темы» (“Conditionals are topics”) [19, 564-589], то есть что они всегда содержат данную, известную обоим собеседникам информацию. Соответственно, главное предложение условных конструкций рассматривается автором как рема (*focus*), то есть как компонент, всегда несущий новую информацию.

Подобная точка зрения на распределение данной и новой информации между компонентами условных сложноподчинённых предложений встречается и в работах романистов. Так, например, О.Г. Образ на основании проведённого коммуникативного анализа французских повествовательных и побудительных условных высказываний приходит к выводу, что условное сложноподчинённое предложение всегда выступает в качестве коммуникативного ядра контекста, при этом «каузирующая часть (условие, посылка) условного высказывания представляет тему всего текстового фрагмента, а вводная часть (следствие, вывод) представляет ремю текстового фрагмента» [3, 4].

Однако большинство лингвистов [11, 342-348; 16, 356; 13, 86, 97; 15, 233-262] подвергают критике постулат Дж. Хаймана об обязательном содержании данной, известной информации в условном придаточном, справедливо указывая на то, что тема-рема-членение не может быть универсальным для всех сложноподчинённых предложений с условным придаточным. Оно определяется целым рядом факторов, а именно: *типом выражения условного значения, позиционной дистрибуцией компонентов и, наконец, конкретным контекстом, в котором употребляется сложноподчинённое предложение*. На взаимосвязь актуального членения предложения и порядка компонентов в условных сложноподчинённых предложениях в русском языке указывается и в статье Т.В. Елфиновой [5, 68-71], а также в типологическом исследовании В.С. Храковского [10, 30-31].

Логико-прагматический подход

В прагматическом плане все повествовательные сложноподчинённые предложения с гипотетическим придаточным делятся на прямые и косвенные речевые акты, в зависимости от того, как в них выражается условие [18, 485-502].

Прямоусловными являются такие сложные высказывания с союзом *si*, в которых ситуация в главном предложении напрямую обуславливается ситуацией в гипотетическом придаточном. Например: *Si l'enfant se penche encore plus à la fenêtre, il va tomber*.

Под косвенноусловными сложноподчинёнными предложениями понимаются такие высказывания, в которых содержащееся в гипотетическом придаточном условие никак, на первый взгляд, не связано с ситуацией в главном. Например: *Si tu as soif, il y a de la bière dans le frigo*.

Довольно высокой степенью синтаксической и семантической независимости гипотетического придаточного в косвенноусловных сложноподчинённых предложениях объясняется, по мнению многих лингвистов, независимое от изменений временного плана аподозиса употребление времён в протазисе в данном типе условных высказываний, а также отсутствие модально-временных корреляций между гипотетическим придаточным и главным предложением.

Как отмечалось ранее, для гипотетического придаточного возможны все три позиции по отношению к главному предложению: пре-, пост- и интерпозиция. Например:

– *Si j'avais pu supporter cet homme, j'aurais pu aussi bien supporter ma vie passée* (Fr. Sagan);

– *Papa s'impatientait. – Nous n'en finirons jamais, Paul, si tout le monde m'interrompt* (H. Bazin);

– *Et pourtant, moi, si les neuf ans que je lui avais consacré, je les aurais consacrés à l'étude du russe, j'aurais pu lire Tolstoï dans le texte* (R. Merle).

При отсутствии факторов, обуславливающих обязательную препозицию протазиса¹,

¹ Лингвистами выделяются два случая обязательной препозиции гипотетического придаточного во француз-

как правило, наблюдается чёткая корреляция между распределением данной и новой информации в условном сложноподчинённом предложении с союзом *si* и позиционной дистрибуцией компонентов. Например: *Si tu t'enfermes dans un cabinet de travail, dans un an tu écriras des livres de professionnel, admirablement construits et parfaitement ennuyeux* (A. Maurois). Такого рода высказывания строятся по принципу нарастания коммуникативного динамизма, они отражают переход от части, менее насыщенной информацией, к части, более насыщенной.

Согласно теории актуального членения предложения, данная позиционная дистрибуция компонентов условного сложноподчинённого предложения с союзом *si* является нормативной.

При постпозиции протазиса препозитивное главное предложение, как правило, приобретает тематическое значение, а гипотетическое придаточное выражает новую по отношению к содержанию главного предложения информацию, в частности, привносит в предложение ограничительный характер. Например: *Tu pourrais l'être, si tu n'avais pas renoncé à te servir de ton intelligence pour autre chose que ta vie privée* (F. Sagan).

В подобных высказываниях препозитивная главная часть имеет коммуникативную незавершённость. Целью предложений данного типа является обозначение условия, необходимого для осуществления того или иного действия (рема – придаточная часть).

Что касается интерпозиции гипотетического придаточного, то подобная позиция протазиса встречается в данном случае довольно редко (в отличие от вопросительных

ских повествовательных сложноподчинённых предложениях с условным союзом *si* [20, 30-32; 12, 155-156]:

1) если гипотетическое придаточное содержит факт, объясняющийся в главном предложении, то есть если условная конструкция имеет дополнительное причинное значение (например: *S'il n'rien trouvé aujourd'hui, c'est qu'il n'y a rien à trouver* (G. Simenon));

2) если французские сложноподчинённые предложения с условным *si*-придаточным имеют дополнительное значение противопоставления (например: *Si l'on parle franchement, nous ne disposons d'aucune information* (M. Tournier)).

сложноподчинённых предложений с гипотетическим придаточным, см. подробнее: Минова М.В., 2003 [8]). Анализ фактического материала показал, что в повествовательных сложноподчинённых предложениях встречаются отдельные случаи интеркалирования гипотетического придаточного между подлежащим и сказуемым главного предложения. Например: *Moi, si j'avais été à la place de Philippe, ne l'aurais pas permis* (Н. Troyat). В приведённом примере придаточная часть содержит характеристику субъекта. В связи с этим можно предположить, что придаточная часть, обозначающая свойство субъекта (объекта), входит в тему высказывания и позволяет её акцентировать без каких-либо особых для этого условий.

Таким образом, подводя итог, следует ещё раз отметить, что изучение сложноподчинённого предложения с гипотетическим придаточным как коммуникативной единицы возможно только в аспекте взаимодействия его грамматических, логико-семантических и функционально-прагматических признаков.

Условное придаточное чаще всего рема-тизируется, находясь в постпозиции к главной части. В коммуникативно-смысловом отношении условные придаточные характеризуют или уточняют информацию, содержащуюся в главном предложении. Если придаточное предложение находится в препозиции к главному, то в большинстве случаев оно выражает тему, рема же заключена в главном предложении. Возможность интерпозитивной придаточной части целиком вызвана потребностями динамического аспекта предложения.

ЛИТЕРАТУРА:

- Беданоква С.К. Позиция придаточного предложения как синтаксическая проблема (на материале временных придаточных в современном французском языке): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1980. 19 с.
- Белашапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977. 248 с.
- Велла Т.М. Структурно-семантические типы гипотетических конструкций в современном французском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1974. 247 с.
- Гавришина К.С. Сложные мнимоусловные предложения в современном французском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1971. 160 с.
- Елфимова Т.В. О взаимоотношении актуального членения и порядка частей в условных сложноподчинённых предложениях // Русский язык за рубежом. 1976. № 3. С. 68-71.
- Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 436 с.
- Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М: Прогресс, 1967. С. 239-265.
- Минова М.В. Сложноподчинённое вопросительное предложение с гипотетическим придаточным: грамматический, логико-семантический и функционально-прагматический аспекты (на материале французского и испанского языков): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 199 с.
- Образ О.Г. Контекстная реализация условных высказываний в современном французском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1989. 25 с.
- Храковский В.С. Типология условных конструкций. СПб: РАН, Наука, 1998. 583 с.
- Akatsuka N. Conditionals are discourse-bound // Traugott E.Cl., Meulen ter A., Reilly J.S., Ferguson Ch.A. (eds.). On conditionals. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 333-351.
- Allaire S. La subordination dans le français parlé devant les micros de la radiodiffusion. P.: Librairie C. Klincksieck, 1973. 237 p.
- Comrie B. Conditionals: a typology // Traugott E. Cl., Meulen ter A., Reilly J.S., Ferguson Ch.A. (eds.). On conditionals. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 77-99.
- Dictionnaire de linguistique / Dubois J., Giacomo M., Guespin L., Marcellesi Ch., Marcellesi J.-B., Mével J.-P. P.: Larousse-Bordas/HER, 2001. 514 p.
- Dik S.C. On the Semantics of Conditionals // Layers and Levels of Representation in Language Theory. A Functional View. Amsterdam: J. Benjamins, 1990. P. 233-262.
- Ford C.E., Thompson S.A. Conditionals in discourse // Traugott E.Cl., Meulen ter A., Reilly J.S., Ferguson Ch.A. (eds.). On conditionals. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 353-372.
- Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française. 13-e éd., 5-e tirage. P.: Editions Duclot, 2000. 1762 p.
- Haegeman L. Pragmatics Conditionals in English // Foreign Linguistics, 1984. T. XVIII/3-4. P. 485-502.
- Haiman J. Conditionals are topics // Language, 1978. V. 54. P. 564-589.
- Lorian A. L'expression de l'hypothèse en français moderne: antéposition et postposition. P.: M.J. Mi-

- nard/Lettres modernes, Collection "langues & styles", 1964. P. 35-108.
21. Renchon H. Etudes de syntaxe descriptive. I vol. La conjonction si et l'emploi des formes verbales. Bruxelles: Palais des Académies, 1967. 197 p.
22. Tragott E. Cl. Conditionals markers // Iconicity in Syntax. Amsterdam: J. Benjamins, 1985. P. 289-307.

УДК 1751

Руденко Е.С.

Московский государственный областной университет

**ПОНЯТИЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА
«ПРЕКРАСНОЕ» В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
НА МАТЕРИАЛЕ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ**

E. Rudenko

Moscow State Regional University

**THE NOTIONAL COMPONENT OF THE CONCEPT „BEAUTY” IN THE
GERMAN LINGUOCULTURE ILLUSTRATED BY ADJECTIVES**

Аннотация. В статье анализируется понятийная составляющая концепта «прекрасное» в немецкой лингвокультуре на материале имён прилагательных. Концепт рассматривается как сложное системное образование, обнаруживающее синергетические черты. Исследование проводится на основе предложенной В.И. Карасиком модели взаимодействующих способов познания, включающей образный, понятийный и ценностный компоненты. Моделирование понятийной составляющей концепта «прекрасное» осуществляется методом компонентного анализа с последующим установлением общих и дифференциальных семантических признаков.

Ключевые слова: концепт, модель взаимодействующих способов познания, понятийный компонент концепта, общие и дифференциальные признаки.

Abstract. In the article the emphasis is placed on the notional component of the concept „beauty” in the German linguoculture illustrated by adjectives. The concept is considered as a complex systematic formation, which reveals its synergetic nature. The research is based on the model of interacting methods of cognition, proposed by V. I. Karasik. This model includes the image component, the notional component and the value component. The modelling of the notional component is carried out by the method of component analysis with the following determination of general and differential features.

Key words: concept, model of interacting methods of cognition, notional part of the concept, general and differential features.

В современной науке широкое распространение получила синергетика – «новое, быстро развивающееся направление, привлекающее большое число учёных из самых разных областей своими научными и мировоззренческими перспективами. Эту привлекательность создают широта самого предмета синергетики, её междисциплинарный характер, содержание её методологии, универсальный язык. Синергетика исследует сложные нелинейные системы, состоящие из большого числа элементов. Эти элементы наделены такими свойствами, как устойчивость и изменчивость, линейность и нелинейность, активность и пассивность, однородность и неоднородность, чувствительность к резонансному воздействию и т. д. Весь

этот набор свойств элементов приводит при определённых условиях к полной непредсказуемости в поведении сложной системы как единого целого. И эта же система при изменении внешних условий может вести себя совершенно логично, предсказуемо, закономерно» [8]. Подобная смена фаз предсказуемого и непредсказуемого поведения представляет собой процесс эволюционного перехода динамичной синтетической системы из одного состояния в другое.

Идея синтетических знаний и междисциплинарных методик вызвала к жизни возникновение в лингвистике такого явления, как концепт. Г.Г. Слышкин в статье «Лингвокультурный концепт как системное образование» констатирует: «При изучении концепта произошло обобщение ряда аспектов лингвокогнитивной деятельности, прежде рассматривавшихся изолированно. В лингвоконцептологическом исследовании в неразрывном единстве стали рассматриваться следующие феномены:

1. Языковое и энциклопедическое значения слова. Данное обобщение основывается на выдвинутом А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским постулате о нерелевантности противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания в рамках когнитивного исследования: «Когнитивная лингвистика, обращаясь к категории знания как базовой, снимает противопоставление лингвистического и экстралингвистического, позволяя исследователю использовать один и тот же метаязык для описания знаний различных типов» [3, 11-21]¹.

2. Результаты логико-понятийного и образного осмысления действительности. Первоначально возникло противопоставление «познавательный концепт – художественный концепт» [1, 267-279], затем понятийный и образный элементы стали включаться в структуру единого концепта [9; 11; 5; 6]. При этом отмечается возможность неравномерной реализации данных элементов в различ-

ных типах дискурса: если в бытовом общении обычно доминирует понятийный элемент, то для поэтического дискурса более актуален элемент образный [7; 17].

3. Различные моделируемые структуры сознания (фрейм, гештальт, схема, сценарий (скрипт), пропозициональная структура и т. д.). Данные феномены стали рассматриваться как гипонимы концепта [2; 14; 4] или как части по отношению к целому [12, 11-35; 10, 35-80; 15]» [16, 29-30].

Синергетика выявляет «общие закономерности самоорганизации, становления структур, которые образуются в сложных системах в процессе перманентного потокового обмена веществом, энергией и информацией с окружающей средой в неравновесных условиях» [16]. *Синергетические* черты наблюдаются и в различных моделях концепта, стремящихся структурировать разнообразный семантический материал. Как полагает Г.Г. Слышкин, «основные характеристики лингвокультурного концепта могут быть выявлены при комплексном изучении его в рамках трёх моделей» [16]:

- 1) модель взаимодействующих способов познания;
- 2) модель ассоциативных связей языковых единиц и значений;
- 3) модель разноуровневого языкового воплощения.

Модель взаимодействующих способов познания основывается на предложенной В.И. Карасиком триаде понятийного (фактуального), образного и ценностного элементов в структуре концепта [9, 98]. Наличие первых двух элементов «сводит воедино два основных способа осмысления действительности» [16]. Третий (ценностный) элемент, который, «собственно, и делает концепт концептом, даёт возможность включить данную единицу в общий культурный контекст» [16].

«Внутри ценностного элемента могут быть выделены аспекты оценочности и актуальности. Аспект оценочности находит выражение в наличии оценочной составляющей в денотате языковой единицы, являющейся именем концепта, в свойственных этой еди-

¹ Здесь и далее источники, приведённые в затекстовом списке литературы и в ссылках, соответствуют изданиям, на которые ссылается Г.Г. Слышкин.

нице оценочных коннотациях, в сочетаемости этой единицы с оценочными эпитетами. Аспект актуальности реализуется в количестве языковых единиц, являющихся входами в данный концепт, в частотности их употребления в реальной коммуникации, в способности данных единиц становиться источником метафорического переноса.

Акцентуация ценностной составляющей в структуре концепта сближает концепт с философской категорией ценности. Однако между философской и лингвистической репрезентацией ценностей есть существенное различие. Философия, в основном, рассматривает позитивные ценности (сравните, например, известную ценностную триаду «истина – добро – красота»). Для языка же, с его утилитарной направленностью, более актуальными оказываются антиценности.

Понятийная составляющая, моделируемая как совокупность пропозиций, включает информационные совокупности трёх видов:

- 1) повседневное знание, воплощённое в языковых дефинициях;
- 2) элементы научного знания и общей эрудиции;
- 3) стереотипные и прототипические структуры.

Образная составляющая включает две группы элементов:

- 1) внутренние формы языковых единиц;
- 2) образы, закреплённые в авторских или фольклорных прецедентных текстах» [16, 30, 31].

Рассмотрим фактуальную (понятийную) составляющую на примере концепта «прекрасное» в немецкой лингвокультуре на материале имён прилагательных. В нашем анализе мы используем методику Мещеряковой Ю.В., совершенствуя её и учитывая специфику немецкого языка [13, 8]. Проанализируем словарные дефиниции слова, называющего имя концепта:

schön: 1. **a)** von einem Aussehen, das so anziehend auf jemanden wirkt, dass es als wohlgefällig, bewundernswert empfunden wird: *ein schöner Mann*; **b)** in seiner Art besonders reizvoll, ansprechend, sehr angenehm oder

wohltuend auf das Auge oder Ohr wirkend: *schöne Farben, Kleider, Weingläser*; **c)** von einer Art, die jemandem sehr gut gefällt, die jemandes Geschmackenspricht: *ein Bild, Buchschönfinden*; **d)** in einer Weise verlaufend, die angenehme Gefühle auslöst: *wir haben einen schönen Urlaub verlebt*; **e)** (besonders norddeutsch) gut: *das schmeckt schön*. 2. **a)** von einer Art, die Anerkennung verdient, die als positiv, erfreulich empfunden wird: *das ist ein schöner Zug an ihr*; **b)** so beschaffen, dass Lob durchaus angebracht ist: *er hat eine sehr schöne Arbeit geschrieben*. 3. **a)** verblasst in Höflichkeitsformeln: *schöne Grüße an Ihren Mann*; 4. Verblasst als Ausdruck des Einverständnisses: *[also, na] schön!* 5. (in Verbindung mit «so») verblasst als Ausdruck kritischer oder ironischer Distanz. 6. <als verstärkende Partikel besonders in Aufforderungen>(ugs.) wie es gewünscht, erwartet wird, wie es angebracht ist: *passt schön auf!* 7. (ugs.) im Hinblick auf Anzahl, Menge, Ausmaß beträchtlich: *einen schönen Schrecken bekommen*. 8. (ugs. iron.) wenig erfreulich, zu Unmut, Verärgerung Anlass gebend: *das sind ja schöne Aussichten* [19, 488].

Как явствует из словарной статьи, приоритетной областью при определении меры прекрасного является внешняя форма объекта. Далее понятие прекрасного связывается с положительными эмоциями, вызываемыми объектом. От основных значений далеко отстоит добавочное усилительное значение слова *schön*, а также пейоративное значение, используемое в фигуре иронии.

Для расширения понимания понятийной стороны концепта «прекрасное» обратимся к немецкому синонимическому словарю *DUDEN, das Synonymwörterbuch*. В нём мы находим лексические группировки, *структурированные* на семантической основе и обладающие как общими, так и дифференциальными признаками.

Общий признак в семантической структуре слов: *эстетическое удовольствие, доставляемое субъекту восприятия*.

Дифференциальные смысловые признаки в семантической структуре слов сгруппированы в следующих направлениях:

1) высокая степень экспрессивности: anziehend, attraktiv, betörend, bewundernswert, bezaubernd, charmant, erotisch, fesselnd, gut aussehend, gut gewachsen, hübsch; *gehoben*: берückend; *umgangssprachlich*: gut gebaut, sexy, toll; *österreichisch, sonst umgangssprachlich*: fesch; *emotional verstärkend*: bildhübsch, bildschön, wunderschön;

2) менее высокая степень экспрессивности: angenehm, ansprechend, behaglich, erfreulich, gemütlich, nett, positiv, reizvoll, wohlilig, wohltuend; *gehoben*: erquicklich;

3) вкус, утонченность: ansprechend, apart, ästhetisch, elegant, gefällig, geschmackvoll, stilvoll; *gehoben*: auserlesen;

4) чистота, ясность: heiter, klar, lau, mild, sonnig, strahlend, warm, wolkenlos; *gehoben*: lind;

5) призрачность, нереальность: idyllisch, malerisch, märchenhaft, paradiesisch, romantisch; *gehoben*: friedvoll; *bildungssprachlich*: arkadisch, bukolisch, pittoresk; *dichterisch*: elysish; *umgangssprachlich*: traumhaft;

6) экспрессия похвалы, одобрения: anerkanntenswert, ausgezeichnet, begrüßenswert, bestens, erfreulich, fabelhaft, genial, grandios, herrlich, lobenswert, löblich, positiv, vortrefflich, vorzüglich; *bildungssprachlich*: superb; *emotional*: wunderbar; *umgangssprachlich emotional verstärkend*: supertoll; *oft scherzhaft*: göttlich;

7) гармоничность: ebenmäßig, gleichmäßig, symmetrisch, regelmäßig, harmonisch, ausgewogen, proportioniert, wohlproportioniert, wohlgeformt;

8) чувственная телесность: attraktiv, aufregend, aufreizend, erotisch, erotisierend, fesselnd, genussfreudig, hübsch, körperlich, mit Sex-Appeal, reizend, reizvoll, sinnlich, sinnhaft, verführerisch; *gehoben*: берückend, faunisch, wollüstig; *bildungssprachlich*: lasziv, voluptuös; *umgangssprachlich*: antörnend, appetitlich, gut gebaut, knackig, knusprig, lecker, schnuckelig, sexy, toll; *österreichisch, sonst umgangssprachlich*: fesch;

9) исключительность: ansprechend, apart, ästhetisch, elegant, gefällig, geschmackvoll, stilvoll; (geh.): auserlesen; ausgesucht, ausgewählt, ausgezeichnet, de luxe, edel, erstklassig, exquisit [18, 504].

Рассмотрим словарные толкования некоторых языковых единиц:

– apart – 1. a) von eigenartigem Reiz; besonders reizvoll, geschmackvoll, b) ungewöhnlich, pikant 2. einzeln, gesondert;

– auserlesen – a) erlesen, fein, von besonderer Güte, b) (intensivierend bei Adj.) sehr, ausgesucht;

– elegant – 1. a) (von der äußeren Erscheinung) durch Vornehmheit, erlesenen Geschmack, besonders der Kleidung oder ihrer Machart, auffallend, b) in gewandt und harmonisch wirkender Weise ausgeführt, c) kultiviert, erlesen [19, 482].

В этимологической справке к данным словам мы находим информацию о том, что в латинском языке корневые морфемы этих единиц обозначали выбор и поиск (*exquisit* – lat. *exquisitus*, adj. 2. Partizip von: *exquirere* = *aussuchen*; *elegant* – frz. *élégant* < lat. *elegans* = *wählerisch, geschmackvoll*) [19, 482].

Словарные дефиниции вышеупомянутых единиц акцентируют признаки «вкус», «изящество», «исключительность», «интенсивность эмоционального удовлетворения». Они соотносятся с идеей выбора („ausgesucht“, „ausgewählt“), так как хороший вкус подразумевает умение выбрать лучшее.

Таким образом, понятийная сторона концепта «прекрасное» в немецкой лингвокультуре охватывает сложные смысловые структуры, отражающие отношения и связи действительности. Глубинным ядром этой структуры является имя концепта «*schön*», вокруг которого группируются синонимы, указывающие на дифференцированные признаки объекта. К основным дифференцированным признакам можно отнести следующие:

– интенсивное эмоциональное удовлетворение при восприятии объекта;

– «вкус», «исключительность»;

– «чистота», «ясность»;

– «призрачность», «нереальность»;

– «чувственная телесность»;

– «гармоничность».

Таким образом, концепт не существует изолированно, а образует разветвлён-

ную систему взаимосвязей, дающих выход на другие концепты и интегрирующихся в концептосферу нации. Концепты вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами, которые полнее раскрывают сущность исходного концепта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / С.А. Аскольдов; под ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. 320 с.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1996. 103 с.
3. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 1. 80 с.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. 123 с.
5. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С.Г. Воркачев. Краснодар: Техн. ун-т КубГТУ, 2002. 142 с.
6. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов "любовь" и "счастье" (русско-английские параллели) / С.Г. Воркачев. Волгоград: Перемена, 2003. 164 с.
7. Зусман В.Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка / В.Г. Зусман. Нижний Новгород: Деком, 2001. 168 с.
8. Калинина Н.М. Оправдание синергетики: синтез науки, философии и религии. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2003. Информационный интернет-портал [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Kalinina502.htm> (дата обращения: 15.04.2011).
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
10. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. 182 с.
11. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
12. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода / С.Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центрконцепта. Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета, 1997. Вып. 1. 437 с.
13. Мещерякова Ю.В. Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дисс.... канд. филол. наук / Ю.В. Мещерякова. Волгоград, 2004. 24 с.
14. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие "концепт" в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж, 1999. 30 с.
15. Прохвачева О.Г. Лингвокультурный концепт "приватность" (на материале американского варианта английского языка): Автореф. дисс.... канд. филол. наук / О.Г. Прохвачева. Волгоград, 2000. 24 с.
16. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г.Г. Слышкин. Волгоград, Вестник Волгоградского государственного университета. Серия "Лингвистика и межкультурная коммуникация", 2004. № 1. 144 с.
17. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект / И.А. Тарасова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. 280 с.
18. Duden. Das Synonymwörterbuch. Dudenverlag: Mannheim; Wien; Zurich, 2006. 1104 S.
19. Duden. Deutsches Universal Wörterbuch. Dudenverlag: Mannheim; Wien; Zurich, 1989. 1196 S.

УДК 81

Шамраева К.В.

Ростовский государственный экономический университет

СЛОЖНОСТРУКТУРИРОВАННЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

K. Shamraeva

Rostov State University of Economics

COMPLEX-STRUCTURAL INSTITUTIONAL ECONOMIC DISCOURSE AS A LINGVOCOGNITIVE PHENOMENON

Аннотация. В статье рассматривается сложно-структурированный статусно ориентированный (институциональный) экономический дискурс как лингвокогнитивный феномен, специфическим образом преломляющий отражение окружающей действительности и конструирующий особую реальность, выделяются структурообразующие параметры (интенциональная база, коллективное когнитивное пространство, субъект дискурса и лингвистическая составляющая) и описываются лингво-когнитивный и собственно лингвистический планы экономического дискурса. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что экономический дискурс образует некое «рамочное пространство», накладывающее сильные ограничения на возможные высказывания и «координирует» текстовую систему высказываний.

Ключевые слова: экономический дискурс, лингвокогнитивный и собственно лингвистический планы дискурса, интенциональная база дискурса, коллективное когнитивное пространство, субъект дискурса.

Abstract. Structurally complex and status-oriented (institutional) economics discourse is considered as a lingvo-cognitive phenomenon. In a specific way it reflects the surrounding reality and constructs a special reality. The author investigates structure-forming parameters such as intentional base, collective-cognitive field, subject of discourse and linguistic component as well as lingvo-cognitive and linguistics proper planes of economics discourse. This study suggests that economics discourse creates a sort of “framework space” imposing strong constraints on a prospective utterance and “coordinates” a system of textual utterances.

Key words: economics discourse, lingvo-cognitive and linguistics proper planes of discourse, intentional base of discourse, collective-cognitive field, subject of discourse.

В настоящем исследовании дискурс понимается (в соответствии с позицией В.В. Чернявской, О.Л. Михалевой и других исследователей) как вербализация определённой ментальности, языковой коррелят определённой общественной практики, специфическим образом преломляющий отражение окружающей действительности и конструирующий особую реальность.

Согласно классификации, предложенной В.И. Карасиком [1], все виды дискурсов, с позиции участников общения, распадаются на лично ориентированные и статусно ориентированные дискурсы. Экономический дискурс является статусно ориентированным дискурсом, поскольку он находится в определённых институциональных рамках, накладывающих сильные ограничения на акты высказывания и определяющих условия действия актов высказывания. Таким образом, экономический дискурс можно определить как статусно ори-

ентированный дискурс, за которым встаёт особая ментальность, упорядоченная и систематизированная представителями экономического института как формы общественного устройства.

Е.Ю. Махницкая [4, 275-278] пишет о целесообразности использования нескольких уточняющих терминов при описании институционального экономического дискурса и предлагает для этого следующие: *общий дискурс – частный дискурс – конкретный дискурс*, – отмечая, что «каждый подвид дискурса соотносится с другим, как микрокосм с макрокосмом», то есть всё, что присуще макрокосму, отражается в микрокосме, и наоборот.

Так, в рамках экономического дискурса можно выделить, например, частный (промышленный) дискурс, в рамках которого в зависимости от критериев (отрасли, вида деятельности, рода продукции и т. д.) выделяются конкретные дискурсы, которые, в свою очередь, структурируются на субдискурсы (табл. 1):

Каждый из перечисленных дискурсов – общий, частный, конкретные дискурсы и субдискурсы – представляет собой «экспликацию определенной когнитивной модели, в рамках которой не только специфическим образом отражается окружающая действительность, но и конструируется присущий определенному социуму способ видения мира» [4, 277]. Каждый из них является «ог-

раничивающим индивидуальную свободу фактором речевой деятельности, своеобразной “границей свободе языка”» [4, 277]. Каждому из дискурсов «соответствует свое коллективное когнитивное пространство» [4, 277]. Каждый из «поддискурсов» имеет свои собственные цели, которые, тем не менее, так или иначе, соотносятся с целью общего экономического дискурса.

Таким образом, мы определили, что экономический дискурс представляет собой сложноструктурированный статусно ориентированный (институциональный) дискурс, представленный как институциональными, так и неинституциональными формами общения на каждом из своих уровней – общий дискурс, частные дискурсы, конкретные дискурсы и субдискурсы.

Очевидно, что существуют параметры, присущие всем конституантам (поддискурсам) общего экономического дискурса и позволяющие отграничить его от других институциональных дискурсов.

Проблема определения и классификации структурообразующих (или, у некоторых исследователей, системообразующих) параметров (признаков, характеристик) уже давно находится в фокусе интересов всех исследователей различных типов дискурса, и каждый решает её по-своему, применительно к изучаемому объекту.

Подчеркнём, что в настоящем исследовании дискурс понимается как вербализация

Таблица 1

<i>общий дискурс</i>	<i>экономический дискурс</i>	
<i>частный дискурс</i> (один из многих)	<i>промышленный</i>	
<i>конкретные дискурсы</i>	<i>легкая промышленность</i>	<i>тяжелая промышленность (индустрия)</i>
<i>субдискурсы</i> (лишь некоторые из входящих в конкретные дискурсы)	<i>текстильный швейный обувной меховой пищевой и т. д.</i>	<i>металлургический машиностроительный горный нефтяной деревообрабатывающий и т. д.</i>

определённой ментальности, языковой коррелят определённой общественной практики, *специфическим образом преломляющий отражение окружающей действительности и конструирующий особую реальность*. Это означает, что в структурообразующих параметрах должны быть отражены такие конституанты, которые, с одной стороны, представляют собой «центр притяжения» для тематически близких, «своих» текстов, а, с другой стороны – позволяют говорить о дискурсе как о «предзаданном способе мышления» (по М. Фуко).

Итак, учитывая предыдущий опыт и в чём-то обобщая его, мы можем предложить следующий подход к определению структурообразующих параметров институционального экономического дискурса как лингво-когнитивного феномена:

1) **Интенциональная база**, или цель дискурса, которую, применительно к экономическому дискурсу, можно сформулировать как удовлетворение биологических (в еде, жилье, одежде и др.) и социальных (в образовании, защите, развлечениях и др.) потребностей, возникающих вследствие материальных, духовных, денежных и имущественных интересов субъектов экономического дискурса.

Во-первых, интенциональность любого дискурса представляет собой «центр притяжения», тот самый критерий, который позволяет определить целесообразность того или иного речевого действия и разграничить «свои», тематически близкие, и «чужие», нерелевантные для данного дискурса, тексты.

Во-вторых, интенциональность позволяет определить конститутивные функции одного дискурса в противопоставление другим видам дискурса. Так, к *конститутивным функциям экономического дискурса* можно отнести следующие:

а) установление и регулирование отношений между людьми в процессе производства и обмена товаров;

б) вербальные действия по анализу, планированию, контролю и регулированию экономических процессов;

в) интеграция и дифференциация экономических субъектов;

г) создание «языковой реальности» поля экономики и её интерпретация с целью манипуляции сознанием (как способа контроля за действием экономических субъектов).

2) **Коллективное когнитивное пространство**. По образному замечанию А.В. Олянича, «дискурс – это пространство для реализации концептов» [6, 71]. Из этого следует, что каждому из дискурсов соответствует своё коллективное когнитивное пространство как определённым образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум [2, 61]. Это пространство детерминирует как понимание, усвоение, осознание текстов, так и создание, продуцирование, выбор языковых единиц.

Доминантную конституанту коллективного когнитивного пространства экономического дискурса представляет собой *концептуальная картина мира*.

Базовым концептом концептуальной картины мира субъектов экономического дискурса является концепт «экономика» во всей его экстенсии, то есть экономика как совокупность средств, объектов, процессов, используемых людьми для обеспечения жизни путём создания необходимых человеку условий и средств существования с применением труда; экономика как организация, структура и состояние хозяйства страны (региона и т. д.) или какой-либо отрасли хозяйственной деятельности; экономика как научная дисциплина, изучающая какую-либо отрасль производственной или хозяйственной деятельности и экономика как система экономических отношений, экономический базис.

Концептуальная картина мира современного экономического дискурса в эпоху рыночных отношений претерпела значительные изменения по сравнению с концептуальной картиной мира в эпоху советской плановой экономики. Следствием смены доминантных концептов явилась *смена ценностных установок*. В настоящее время основ-

ной ценностью в дискурсивных стратегиях и тактиках стал индивидуализм, при котором интересы отдельных экономических субъектов ставятся выше интересов общества, коллектива. В социокультурных сценариях приоритетные позиции занимают принципы рационализма, прагматизма, индивидуализма в условиях конкуренции, соперничества с целью самореализации и обогащения. В итоге «смысловой доминантой дискурсивной нормы современного экономического дискурса можно считать обман, обеспечивающий возможность сохранения наличных коммуникативных структур в условиях расходящихся или практически несовместимых интересов» [3, 51].

Интересно отметить, что господствующий социокультурный сценарий предопределил появление субъекта, действующего в соответствии с ним, который получил обозначение «экономический человек» – «условное общее понятие, представление о человеке как о рационально мыслящем субъекте, строящем свои планы и действия исходя из принципа получения максимальной выгоды» [7, 405].

3) **Субъект дискурса**, который определяет когнитивное и оценочное пространство дискурса и его коммуникативную и структурную организацию, поскольку «каждый член языкового социума вносит вклад в материальную субстанцию дискурса своим языковым опытом и каждый член языкового социума является потребителем дискурса» [8].

Экономический дискурс относится к институциональному виду общения, то есть осуществляется в общественных институтах, общение в которых является составной частью их организации. Социальный институт внешне представляет собой совокупность лиц, учреждений, снабжённых определёнными материальными средствами и осуществляющих конкретную социальную функцию. С содержательной стороны социальный институт представляет собой «определённый набор целесообразно ориентированных стандартов поведения в определённых ситуациях» [9, 235].

Институциональное общение является статусно ориентированным, в котором обычно участвуют две стороны – представители институтов (сотрудники) и клиенты, нуждающиеся в их услугах [11, 59]. Участник общения в экономическом дискурсе – это *экономический субъект* – «лицо, осуществляющее экономическую хозяйственную деятельность, будь то человек, семья, предприниматель, предприятие, государство» [7, 334] – как представитель одной из сторон коммуникации. В общем виде формула коммуникации в институциональном экономическом дискурсе выглядит следующим образом:

экономический субъект	↔	экономический субъект
(человек, семья, предприниматель, предприятие, государство и т.д.)	↔	(человек, семья, предприниматель, предприятие, государство и т.д.)

Варианты при этом могут быть самые разнообразные, например: человек ↔ предприятие, предприятие ↔ предприятие, предприятие ↔ государство, государство ↔ государство и т. д.

Кроме предложенного подхода к рассмотрению участников коммуникации в дискурсе, существует и другой [5], согласно которому в дискурсе присутствуют адресант, прямой адресат и адресат-наблюдатель. Прямой адресат (или слушающий) в экономическом дискурсе может быть как коллегой, товарищем, союзником, напарником, так и конкурентом, соперником, оппонентом, противником. Ключевыми в данном списке являются коллега и конкурент. В качестве адресанта и прямого адресата здесь выступает либо самостоятельный субъект в социально-экономическом плане, либо социопрагматически связанный с ним коммуникант (под которым понимается как физическое, так и юридическое лицо). Адресат-наблюдатель в экономическом дискурсе более конкретен – это потребитель (тот, кто пользуется товаром или услугой) или покупатель (человек, принимающий решение о покупке), на максимальное удовлет-

ворение потребностей которых направлена любая экономическая деятельность.

Таким образом, субъектом экономического дискурса логично считать участника дискурса (*экономический субъект*), который может выступать как *продуцент (говорящий)*, *реципиент (слушающий)* (коллега или конкурент)) или *наблюдатель* (покупатель или потребитель)).

4) Эмпирический базис, или *лингвистическая составляющая* экономического дискурса как языковое выражение определённой общественной практики, или код-язык (по О.Г. Ревзиной), или языковой коррелят (по В.Е. Чернявской) в форме социолекта как подъязыка экономики, реализующегося в различных текстах различных жанров и стилей.

Отдельно оговорим, что *специфический хронотон*, выделяемый многими исследователями как структурообразующий параметр, таковым, по нашему мнению, не является, хотя, безусловно, должен учитываться при исследовании любого дискурса. Дело в том, что, с одной стороны, он не является конституирующим признаком собственно дискурса и не влияет на интенциональную базу и функции экономического дискурса, которые, по сути, являются вневременными, надвременными, а, с другой стороны, пространственно-временные рамки как социально-исторический фон, на котором функционирует тот или иной дискурс, помогают лучше понять, например, коллективное когнитивное пространство соответствующего временного периода и доминирующие в нём концепты, которые в значительной степени влияют на ценностные ориентиры и предопределяют дискурсивные стратегии и тактики.

Таким образом, структурообразующими параметрами *сложноструктурированного статусно ориентированного (институционального)* экономического дискурса можно считать: *интенциональную базу*, детерминирующую функции экономического дискурса, *коллективное когнитивное пространство*, доминантной конституантой которого является *концептуальная*

картина мира, базовые концепты которой актуализируют те или иные *ценности* в качестве приоритетных и соответствующие им *дискурсивные стратегии и тактики* в достижении целей и задач, а также *субъект дискурса* (*экономический субъект*, который может выступать как *продуцент, реципиент* или *наблюдатель*) и *лингвистическую составляющую экономического дискурса* как языковое выражение определённой общественной практики.

По замечанию В.В. Красных, любой дискурс имеет два плана – лингвокогнитивный и собственно лингвистический [2, 114-115]. *Лингвокогнитивный план дискурса* связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение и восприятие текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции. В настоящее время уже научно подтверждена точка зрения, согласно которой человек описывает окружающую действительность только так, как она спроецирована в его мозг. В то же время субъективный образ окружающего мира объективно ограничен идиомом, в котором эксплицирован опыт определённого социума в целом. Идиом, как опыт общества в целом, формирует и детерминирует личный жизненный багаж индивидуума, но, с другой стороны, здесь нет жёсткой детерминированности, поскольку каждая ситуация может быть описана языковыми средствами по-разному, так как существует возможность использовать неидентичные подходы к трактовке ситуации и разноструктурные единицы номинации.

Собственно лингвистический план дискурса составляют языковая система в виде соответствующего подъязыка и дискурсивные тексты.

Лингвокогнитивный план любого дискурса первичен по отношению к собственно лингвистическому плану, поскольку в значительной степени детерминирует отбор и сочетаемость языковых единиц, и имеет процессуальный характер. Собственно лингвистический план выступает как следствие (в соответствии с целями и задачами определённого дискурса) формируется опре-

делённый социолект) и представляет собой результат в виде образования формальной структуры – текста.

Лингвокогнитивный план дискурса прежде всего включает в себя интенциональную базу, представляющую собой некий «стержень» дискурса, коллективное когнитивное пространство, концептуальную картину мира и ценностные ориентиры. Все перечисленные составляющие детерминируют дискурсивные стратегии и тактики, в том числе речевые, субъектов дискурса.

Собственно лингвистический план включает в себя языковые средства общенационального языка, представляющего собой «строевой материал» дискурса, и определённого социолекта, служащего для выражения определённой общественной практики, реализующиеся в различных текстах различных жанров и стилей.

Отметим, что мы разделяем точку зрения исследователей, считающих, что любой дискурс представляет собой систему ограничений, некое «рамочное пространство», предопределяющее такие, а не иные стандарты коммуникативно-речевого поведения отдельных лиц в типичных ситуациях. Так, например, В.Е. Чернявская пишет, что «дискурс – это система ограничений, накладываемых на возможные высказывания в силу определённой социальной, идеологической, в том числе научной позиции» [10, 79], и утверждает, что дискурс выражает «надындивидуальное, коллективное речевое действие, которое институционализировано, то есть связано с относительно устойчивыми типами и формами социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества» [10, 79].

Это означает, что дискурс, как «предзаданный способ мышления» или языковой коррелят определённого сегмента человеческой коммуникации и познания, способен «координировать» текстовую систему высказываний, образуя «рамочное пространство» вокруг «своего» – неких однородных идей,

смыслов, теорий и т. д. – и отсекая всё то, что не попадает в «рамку дискурса».

Применительно к экономическому дискурсу можно говорить о том, что «рамочное пространство» сложноструктурированного институционального экономического дискурса образуют следующие границы:

– *пространственно-временные*, не являющиеся конституантой собственно дискурса, но в значительной степени предопределяющие появление тех или иных концептов, ценностей и, как следствие, социокультурных сценариев;

– *институциональные границы*, предполагающие использование определённого набора целесообразно ориентированных стандартов поведения в определённых ситуациях;

– *ограничения, связанные с субъектом дискурса*, с личностью говорящего, его профессиональной и лингвистической компетенцией, занимаемого им социального положения и выполняемой им социальной ролью, предполагающие определённую позицию коммуниканта в дискурсном поле экономики;

– *лингвистические границы*, зависящие как от внутрисистемных факторов, так и внелингвистических, и обусловленные особенностями подъязыка экономики как языкового коррелята определённой ментальности и эксплицирующиеся, проявляющиеся в дискурсивных текстах.

Таким образом, сложноструктурированный статусно ориентированный (институциональный) экономический дискурс представляет собой лингвокогнитивный феномен, образующий некое «рамочное пространство», накладывающее сильные ограничения на возможные высказывания и «координирующее» текстовую систему высказываний. Лингвокогнитивный и собственно лингвистический планы экономического дискурса свидетельствуют о его процессуальном характере, приводящем в результате к образованию дискурсивных текстов, составляющих эмпирический базис для описания дискурса, которое требует включения данных об организации комму-

никативно-когнитивных процессов, приведших к созданию этих текстов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
2. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
3. Махницкая Е.Ю. Смысловая доминанта дискурсивной нормы современного экономического дискурса // Филологический вестник. Ростов-на-Дону: РГПУ, 2010. № 3. С. 51-59.
4. Махницкая Е.Ю. Взаимосвязь термина и дискурса в аспекте гипо-гиперонимических отношений // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: 5-я Международная научная конференция. Челябинск, 2010. С. 275-278.
5. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: Дисс...канд. филол. наук. М., 2004. 289 с.
6. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. Монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
7. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с.
8. Ревзина О.Г. Понятийный аппарат лингвистики дискурса // II Международный съезд русистов-исследователей. М.: МГУ им. Ломоносова, Филол. ф-т, 18-21 марта 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philol.msu.ru> (дата обращения: 01.05.2011; 19.05.2011).
9. Социология. Основы общей теории / Г.В. Осиповская, Л.М. Москвичева. М.: Аспект пресс, 1996. 461 с.
10. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006. 132 с.
11. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография. М.; Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ханс Цетмайер

*Председатель Фонда им. Ханнса Зайделя,
министр в отставке, почётный доктор наук, профессор*

НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (лекция в Московском государственном областном университете 20 октября 2010)

Уважаемые коллеги!

Я очень рад замечательной возможности прочитать сегодня лекцию в Московском государственном областном университете – крупнейшем образовательном центре Московской области. Как известно, в университете обучается свыше 13500 студентов, 900 аспирантов и соискателей учёной степени, работают 150 профессоров и доцентов и более 800 преподавателей. Университет поддерживает партнёрские отношения с университетами Германии, Франции, Швейцарии, Чехии, Китая, Великобритании, Греции и других стран. Таким образом, университет является активным участником международной научной политики – именно об этом пойдет сегодня речь.

Говоря о нашей национальной научной политике в эпоху глобализации, я, разумеется, исхожу из представлений, которые существуют на этот счёт в Германии, и с нетерпением жду последующей дискуссии, в ходе которой надеюсь больше узнать о взглядах России на обсуждаемую тему.

Введение

Теоретические знания и их применение являются ключевым ресурсом для повышения производительности, экономического роста и социального благополучия в постиндустриальном обществе. Поэтому задачей национальной политики, в том числе в Германии, является поиск ответа на вопрос: как мы должны (и как можем) ответить на вызовы в связи с возникновением глобальной сети знаний и ростом международной конкуренции в области инноваций.

Фактом является то, что в условиях глобализации потоков товаров, услуг и информации значительно повысилась конкуренция в борьбе и за этот «ресурс благосостояния» (по-видимому, автор имеет в виду науку – прим. переводчика). В то время как во второй половине прошлого столетия холодная война всё ещё продолжала оказывать влияние на эту конкуренцию, сегодня ведущие страны прошедшей индустриальной эпохи соревнуются уже не только между собой, но и с целым рядом новых участников соревнования. Такие страны, как Китай, Индия и Южная Корея быстро осуществили индустриализацию. Образовательные и науч-

ные системы этих стран в настоящее время стремительно развиваются.

Итак, в начале XXI в. возникает новая конкуренция – за креативный научный потенциал, – конкуренция, к которой причастен, хоть и в скромных масштабах, и Фонд Ханнса Зайделя, конкуренция за талантливых студентов, богатых идеями аспирантов, молодых и признанных учёных. Московский государственный областной университет, безусловно, может здесь сыграть свою роль!

Эта конкуренция есть проявление борьбы за научные идеи, но также и за инвестиционные решения компаний, которые по всему миру ищут оптимальные места для размещения своих производственных подразделений.

Глобальная экономическая, политическая и культурная взаимозависимость ставит перед наукой также и политические требования, поскольку без указующих научных решений, без международного научного сотрудничества невозможно справиться с нищетой, голодом и инфекционными заболеваниями, с проблемами изменения климата и будущего энергообеспечения.

Военные конфликты, а также миграционные потоки в XXI в. указывают на то, какие глобальные последствия могут иметь эти факторы для будущего сосуществования человечества.

Какой ответ даёт научная политика на этот перечень требующих своего решения научных, экономических, политических и мировых проблем? В индустриальную эпоху Федеративная Республика Германия (как страна с «экспортной экономикой») столкнулась с международными проблемами, которые она должна была решить. В новую эпоху глобальных сетей знаний и инновационной конкуренции определение и формулирование «научной политики» определяется логикой времени. Как должна выглядеть сегодня эта политика?

1. Интернационализация науки

Рассмотрим подробно ситуацию с интернационализацией науки. Научные познания

интернациональны по своей сути. Современная научная культура строится на открытости, сотрудничестве и интернационализме. Эти принципы и формируют здоровую конкуренцию за новые познания. Конец идеологической межблоковой конкуренции, возможность перемещения между экономическими и научными центрами по всему миру и «цифровая революция» в области телекоммуникаций способствовали возникновению новой формы интернационализации, которая коренным образом изменила положение науки внутри своей собственной страны. Кооперация и мобильность стали требованием времени. Почему так?

85 процентов имеющихся во всём мире знаний находятся за пределами Германии. Научное сообщество отвечает на это интенсивным международным сотрудничеством и международной мобильностью. Так, например, за последние десять лет почти вдвое увеличилось число научных публикаций немецких учёных в соавторстве с иностранными коллегами. Обмен студентами и учёными по всему миру постоянно растёт. Если в 2002 г. было около 1,8 млн. студентов, получавших образование за границей, то в 2025 г. их число должно составить порядка 7,2 миллионов. Германия является единственной страной, которая входит в группу из пяти стран и привлекает около 80 процентов из числа студентов, учащихся за границей, и в то же время посылает на учёбу за границу наибольшее количество студентов. И ещё одна цифра: в 2009 г. на средства германских научных организаций у нас находилось около 20000 учёных со всего мира. Число тех, кто находился в Германии в рамках других, финансируемых на международном уровне, совместных мероприятий, многократно увеличилось.

2. Политические измерения в научной глобализации

Такая интернационализация науки лишь частично отражает собственную динамику национальных научных систем страны. В условиях постоянно растущей международной

кооперации в современном мире она является также результатом давления интернационализации, которая постоянно бросает вызов национальным системам науки, и маловероятно, что в России дело обстоит иначе, чем в Германии. Научная политика имеет стратегическую релевантность для различных других областей политики. Что же представляют собой те вызовы, с которыми столкнулась Германия? В качестве примера можно назвать пять из них.

В первую очередь – это культурный и социальный вызов.

Наука является культурной формой выражения и интерпретации того общества, в котором она процветает, позитивно влияя на него. Учёные объясняют и рефлектируют не только условия возникновения собственного поля деятельности и работы в нём и вносят тем самым вклад в самонастройку научной системы. В лучшем случае они привносят силу своего воображения, креативность и предвидение в общественные и в частные дискуссии, которые способствуют принятию рациональных решений и разумному распределению ограниченных финансовых средств. Превращение индустриального общества в общество сферы услуг и информационное общество, последствия демографических изменений в этих обществах и последствия глобализации для жизни общества и мира труда, национальное и интернациональное расслоение обществ из-за неравного доступа к информации, неравные возможности для получения образования и профессиональных умений, – всё это нуждается в научном объяснении, чтобы была возможность сформировать требуемые политические ответы на эти вызовы времени.

К другому вызову следует отнести научно-этические требования времени. Недавние оживлённые дискуссии в Германии на тему «использование человеческих эмбриональных стволовых клеток» словно в фокусе увеличительного стекла продемонстрировали, что произошла также и глобализация проблематики этических требований в науке. Представления о зарождении жизни и чело-

веческом достоинстве определяют условия и возможности генетических исследований в каждой отдельной стране. Выясняется, что довольно сложно определить и ввести в практику соответствующие общеобязательные стандарты. Вместо этого в процессе конкуренции за научные познания и получение преимуществ в экономико-инновационной области разрабатываются такие системы стимулирования, которые приводят к игнорированию научных стандартов (например, сенсационный случай с корейским учёным Hwang Woo Suk в 2005 г.). Международные конвенции, национальные стандарты и государственные законодательства должны соответствовать этим вызовам.

В качестве третьего пункта назову вызов в области внешней политики и политики безопасности. Уже давно требования глобального характера приобрели значимость для политики в области обеспечения безопасности. Так, например, миграционное движение ставит перед европейскими странами новые проблемы в этой области. Доступ к жизненно важным энергетическим ресурсам, таким, как углеводороды и вода, также таит в себе источники разных международных конфликтов. Поэтому вклад науки в решение этой проблемы также имеет огромное значение для политики в области безопасности. Помимо всего этого, наука также создаёт арену для международного сотрудничества и согласования интересов (так, не в последнюю очередь – путём создания институтов для поддержания международного научного сотрудничества).

В четвёртом пункте я остановлюсь на вызовах в области развития.

Некоторые из актуальных глобальных проблем нельзя решить без участия беднейших стран нашего континента. Около одной пятой населения мира вынуждены жить менее чем на один доллар в день. «Цели тысячелетия», провозглашённые ООН, могут быть достигнуты только с помощью научного прогресса и применения научных знаний. Для стран третьего мира особенно важно в ближайшие годы выстроить и усовершенс-

товать продуктивную научную систему и структуры, необходимые для проведения прикладных исследований. Поэтому помощь в развитии этим странам в XXI в. будет играть не последнюю роль: необходимо привлечь их к участию в глобальном развитии науки.

И, наконец, последним, пятым пунктом назову «европейский вызов». В настоящее время во всей Европе члены Европейского союза, объединяя свои усилия, работают над созданием единого европейского образовательного и научного пространства. Так, в седьмой рамочной научно-исследовательской программе на период с 2007 по 2013 гг. выделено на европейскую кооперацию в области научных исследований (на европейские научные исследования) около 50 миллиардов евро. Эта европеизация политики в области научных исследований существенно влияет на национальную научную политику государств-членов ЕС. Надлежащее представительство интересов Германии при формировании европейской политики в области науки и участие немецких научных институтов, а также предприятий в её реализации является одним из ориентиров для немецкой политики в области науки, которая среди прочего должна учитывать также и федеральное устройство Германии.

3. Научная политика под влиянием глобализации

Учитывая эти вызовы, не стоит удивляться тому, что в последнее время в научной политике Германии происходит смена парадигм. Если до сего времени про науку нельзя было сказать, что она находилась среди традиционных приоритетов внешней политики, то в настоящее время это положение явно изменилось.

Два десятилетия после падения железного занавеса и объединения Германии показали, что одних только методов жёсткого осуществления власти, частично с применением военной силы, недостаточно для того, чтобы найти эффективные решения. Столкновения на национально-культурной почве (или,

по крайней мере, выдаваемые за таковые), а также их эскалация террористическими или военными способами, предполагают также использование «мягкой силы», отчасти в качестве альтернативы, отчасти – в дополнение к «жёсткой силе» и с целью найти долговременные решения. Идеи использования этой «мягкой силы» завоёвывают популярность через собственную культуру, свои духовные ценности и идеи с помощью политики своей политической системы. Решающим «ресурсом власти» является достоверность, которая является ключом к взаимному доверию.

Фактом является то, что международная конкуренция с участием политических сил XXI в., таких, как Китай и Индия, всё в большей мере находит своё выражение также в сфере образования, науки и инновационных систем. Именно на поприще соревнующихся научных исследований и на фоне достигнутого уровня благосостояния оцениваются достигнутые исследовательские и технологические преимущества. Кроме того, международные конфликты сейчас и в будущем будут восприниматься как следствие комплексных глобальных вызовов, в преодоление которых наука может внести решающий вклад.

Иными словами, в контексте «мягкой силы» наука приобретает международное значение в сфере внешней политики и политики безопасности. Притягательность учреждений науки и образования, вера в их эффективность в настоящем и будущем превратились в фактор, определяющий направление потоков мобильных, играющий важнейшую роль при принятии решений о кооперации университетов и исследовательских центров при выделении инвестиций мультинациональными компаниями. Этому обстоятельству Федеративная Республика Германия будет уделять всё больше внимания.

4. Основные участники и адресаты германской внешненаучной политики

Любопытство и страсть к открытиям движут научной деятельностью индивида. Эти качества ищут себе приложение и в

международном сотрудничестве. Научно-политический масштаб, однако, научная кооперация приобретает лишь тогда, когда она координируется, направлена на стратегические цели и согласована с деятельностью международных партнёров. Кто является действующими лицами на этом политическом поле, и кто является получателем поддержки со стороны Германии в рамках её внешненаучной политики?

Мы являемся субъектами в этой области политики, а кто же – объект германской внешней политики в области науки?

Фундаментальные, а также другие виды научных исследований осуществляются в Германии в основном без участия государства. Немецкое научно-исследовательское сообщество является наиболее крупной самоуправляющейся организацией германской науки, осуществляющей финансирование и поддержку научных исследований в германских высших школах. Наряду с ним поддержку иностранным учёным в области фундаментальных исследований оказывают в своих институтах и исследовательских центрах такие всемирно известные организации, как Общество имени Макса Планка и Общество им. Гельмгольца. Среди организаций, поддерживающих учёных и проводящих исследования, следует также назвать сообщества имени Лейбница, им. Фраунгофера и немецкие Академии наук.

Научные учреждения, опирающиеся на поддержку государства, также всё активнее принимают участие в международном сотрудничестве. Так, немецкие вузы в настоящее время стали непосредственными конкурентами вузов других стран. В рамках так называемого Болонского процесса они должны согласовать с международными стандартами свои требования к выпускникам и – впоследствии – также и учебные программы, обеспечить гарантии качества в соответствии с международными установленными стандартами.

Немецкие вузы и исследовательские учреждения получают поддержку от таких учреждений, как Фонд содействия научной

мобильности и интернационализации науки им. Александра фон Гумбольдта и Германская служба академических обменов. Эти посреднические организации, осуществляющие внешнюю развивающую культурную и образовательную политику, созданы на основе частного права и поддерживаются Министерством иностранных дел.

Федеральное министерство образования и научных исследований является важнейшим участником описанных процессов со стороны государства. Оно руководит международными отношениями немецких образовательных учреждений на межправительственном уровне. Основными инструментами двусторонних отношений являются так называемые договоры о научно-техническом сотрудничестве. Кроме того, это федеральное министерство представляет немецких исследователей в ряде международных органов и направляет советников по науке в некоторые немецкие посольства. Также и Федеральное министерство по вопросам экономического сотрудничества и развития в последние годы признало важность оказания поддержки образованию и науке в области сотрудничества в целях развития и способствует повышению международной образовательной мобильности с целью построения эффективных образовательных структур в странах Африки, Южной Америки и Азии.

Есть, наконец, ряд правительственных и негосударственных субъектов, участвующих в формировании немецкой внешней научной политики, например, экономические объединения по интересам в экономике или отдельные мультинациональные компании. Опыт показывает: чем в меньшей степени научная работа является основной деятельностью этих организаций, тем в большей степени она пересекается с другими областями международной политики – такими, как внешнеэкономическая политика в области средств массовой информации.

Кому адресована деятельность вышеупомянутых субъектов? Во-первых, разумеется, соответствующим партнёрским организациям, перспективным дружественным

правительствам, соответственно, с которыми ведутся переговоры и поддерживается сотрудничество. Во-вторых, существуют международные ассоциации, в которых определяются рамочные условия для научной деятельности, утверждаются научные стандарты, определяются приоритеты и совместные научно-исследовательские проекты.

5. Цели внешней научной политики Германии

Уже давно полным ходом идёт международная конкуренция за лучшие национальные стратегии в области развития науки. Речь идёт об идеях относительно оптимальной подготовки молодых учёных и мерах по борьбе с утечкой научных талантов в другие сферы деятельности и другие страны. Фонд Ханнса Зайделя вносит в решение этой проблемы свой, хоть и небольшой, но тщательно продуманный и, конечно, заслуживающий уважения, вклад.

В Германии и других странах ищут новые модели сотрудничества в области научных исследований между университетами и не-университетскими научно-исследовательскими организациями, финансируемыми как государством, так и из частных источников. По мере роста экономической значимости результатов исследований возникают новые вопросы относительно открытости и доступности результатов научных исследований и защиты интеллектуальной собственности. Различные субъекты научной системы преследуют различные цели в этих вопросах и придерживаются различных стратегий. Они вырабатываются в соответствующих областях деятельности, в том числе и в бизнесе, и становятся, таким образом, компонентом государственной научной политики. Однако в Германии можно определить также и главные, общегосударственные цели. В заключение назову шесть основных целей.

Первой целью я называю *научные консультации и приоритет научных исследований и проблем развития для правительства*. Сравнения на международном уровне помогают

выявить недостатки в собственной научной системе и в организации помощи науке. Во многих случаях это является методологическими предпосылками для формулирования целей внешней научной политики. Эти сравнения приобретают собственную значимость, когда речь заходит о вопросах, касающихся структуры правительства. Так, к примеру, выясняется, что именно те страны, которые занимают ведущие позиции в различных международных рейтингах в области научных исследований и темпов развития (США, Финляндия, Южная Корея), осуществляют обсуждение научных вопросов и принятие решений по проблемам научных исследований и развития на высоком правительственном уровне.

Вторую цель можно сформулировать так: *«Сохранить и повысить престиж науки»*. Важной предпосылкой международного успеха научной системы является её репутация и, соответственно, вера в то, что ожидаемые научные достижения данной страны состоятся. Выдающиеся научные достижения и прорывные инновации возникают только на условиях международной конкуренции. Для этого необходимы соответствующие научно-исследовательские инфраструктуры, а также международно признанные и зарекомендовавшие себя учёные. Речь идёт о вопросах оснащения, квалифицированном управлении научно-исследовательскими учреждениями и вузами, наборе молодых перспективных кадров, оплате труда руководящего персонала. В международном контексте нашей задачей является обеспечение доступа немецким учёным в ведущие научно-исследовательские учреждения мирового уровня и к результатам их исследований. Этой цели служит поддержка индивидуальных инициатив мобильных учёных, а также международных научно-исследовательских проектов. В этом деле государство может и должно оказывать учёным помощь при получении информации в вопросах о правилах выезда в соответствующую страну для учёных или признания дипломов и сертификатов. В Германии это дело налажено.

Третью цель я называю *повышением инновационного потенциала*. Поощрение инно-

вационной деятельности в международной перспективе подразделяется на два основных аспекта. Первый аспект – участие немецких инновационных компаний в наиболее перспективных мировых научных процессах, в работе научно-исследовательских учреждений и получении её результатов в создании инженерно-технических изобретений, в развитии технологий и их применении. Второй аспект – это стремление создать стимулы для инновационных предприятий, которые побуждали бы их «оседать» в Германии, связывая с ней свою исследовательскую, изобретательскую и производственную деятельность. И в том, и в другом случае решающую роль играют компании и предприятия. Роль государства при этом заключается в предоставлении информации о перспективных рынках, о рамочных условиях для интернационализации предпринимательской деятельности в соответствующей области и предоставлении инвестиционных льгот иностранным компаниям для переселения в Германию.

Четвёртую цель обозначим как *формирование научно обоснованной политики учёта интересов (и её внешнеполитическая реализация)*. Преодоление глобальных проблем, таких, как климатические изменения, всё в большей мере приобретает внешнеполитические, политико-экономические масштабы и становится элементом политики в области обеспечения безопасности. В связи с этим результаты научных исследований приобретают небывалую релевантность для осуществления политики в её традиционных областях. Поэтому важной задачей государства становится получение доступа к результатам соответствующих исследований в мировом масштабе и создание структур, способных транспортировать эти результаты в обязывающие политические рекомендации.

Пятая цель называется *«создание серьёзного отношения к научной кооперации как элементу сотрудничества в целях развития»*. Уже упомянутая мной программа ООН «Цели тысячелетия», а также инициатива по искоренению в мировом масштабе малярии и туберкулёза показывают, что для эффек-

тивной борьбы с бедностью, голодом и болезнями необходимы как целенаправленные научные познания с их последующим непосредственным использованием, так и создание соответствующих научных и технологических структур. Как председатель Фонда им. Ханнса Зайделя, осуществляющего свыше 90 проектов почти в 60 странах мира, я достаточно хорошо знаю, о чём идёт речь. Традиционно инструменты германской политики сотрудничества в целях развития должны в связи со сказанным быть в будущем усовершенствованы и дополнены инструментами научно-технологического сотрудничества.

Неправительственные организации, участвующие в этом, должны в данном контексте получить возможность посредством мобильности учёных и расширения кооперации внести свой вклад в дело обучения и последующего повышения квалификации национальных интеллектуальных элит в соответствующих регионах мира, а также в создание научно-исследовательских структур и структур по подготовке научных кадров. В этом могут и готовы принять участие также и политические фонды.

Последняя, шестая, из сформулированных мною целей звучит так: *«Продолжать и использовать международное научное сотрудничество как инструмент передачи культурных и иных ценностей»*. Международная научная кооперация может послужить интересам также и в структурном плане – в двух аспектах. Самоуправление в науке проявило себя как защитное устройство от попыток управлять ею из-за рубежа, а также от возможного злоупотребления властью со стороны политических кругов. Сильные, не связанные с государством, существующие на общественные средства научные организации и институты, занимающиеся научным обменом, защищают интересы своих членов и целевых групп. Во всемирном научном сообществе они пользуются признанием и доверием.

Кроме того, Германия как страна, несущая особую историческую ответственность, имеет возможность продолжить традиции своей политики в области культурных и академи-

ческих обменов, базирующейся в области внешних контрактов на доверии и сотрудничестве. Поддержка международных научных элит создала для Германии целую сеть фундаментов доверия во всём мире, которая расширяется во многих странах, выходя даже

за пределы науки. Эту сеть опорных пунктов доверия мы намереваемся по мере наших сил сохранять, поддерживать и расширять – в том числе и силами Фонда имени Ханнса Зайделя.

Благодарю вас за внимание!

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ЛИНГВИСТИКЕ Бухарест (Румыния) 5-6 ноября 2010 года

5-6 ноября 2010 года в г. Бухаресте состоялся IV Международный симпозиум по лингвистике при содействии Румынской академии и Института лингвистики «Йоргу Йордан – Ал. Росетти».

В работе симпозиума приняли участие 84 человека, заслушано 79 докладов. 9 заявленных секций были посвящены актуальным вопросам современного романского языкознания.

Как известно, исследования в области романских языков всё больше привлекают внимание учёных разных стран.

Так, секция «Диалектология, лингвистическая география» охватывала широкий круг проблем – от старых верований и народной этимологии в поэзии Марины Сореску, образований слов в истро-романском диалекте до говоров Мэнэстиря Хуморулуй уезда Сучава (небольшой румынский город). Интересными были сообщения, посвящённые инструментарию итальянского лингвистического атласа, а также морфологическим аспектам марамурешанской антропонимии (Марамуреш – одна из исторических областей Румынии).

В секции «Грамматика, орфография» поднимались вопросы диахронического и синхронического подходов к использованию диакритических знаков, отрицания и модальности в современном румынском языке, семантико-синтаксического значения глаголов движения, специальных типов соединительной координации, например **что** и **как**, **где** и **когда**.

Секция «История языка, лексикология» была посвящена различиям между письменным и литературным аспектами старорумынского языка, средствам *нюансирования* лексики в «Проповедях» (1742) Илие Миньята, грамматической терминологии XVIII века, на примере «Румынской грамматики» Раду Темпя. Особый интерес вызвали доклады, затронувшие перспективы информатизированных лексикографических исследований, в частности румынско-французского фразеологического словаря.

В секциях, посвящённых **этимологии** и **ономастике**, затрагивались вопросы происхождения отдельных румынских слов, рассматриваемых как германизмы (*burta* (живот, брюхо)), а также заимствованных из французского языка (- et (-eta)).

Секция «История языка, ономастика» сосредоточила внимание участников симпозиума на проблемах географических названий, появившихся из антропонимов латинского происхождения, ономастике неолатинского происхождения в Трансильвании и Банате (исторические названия румынских провинций), городской топонимии, на примере торговых фирм Бухареста, названий кондитерских изделий, унаследованных из латинского, в романских языках, а также на изменении кода в румынских текстах XVII-XVIII веков.

Интересные и содержательные доклады прозвучали в секции «Стилистика, прагматика», а именно: «Экзистенциальные конструкции в современном разговорном румынском языке», «Язык продуктов питания:

метафоры в разговорном румынском языке», «Стратегии «агрессивного нападения» на имя собственное в современной румынской прессе», «Современные структурные категории в печатающихся периодических изданиях: гиперструктура, папка, мультитекст».

На секции «**Стилистика, социолингвистика**» были затронуты вопросы, связанные с языком как фактором, объединяющим государство на немецком и английском языках, статусом румынского языка в Мадриде (Испания), его социолингвистическим аспектом, а также актуальными изменениями в использовании предлогов румынского языка в аудиовизуальных и печатных средствах массовой информации. Следует приветствовать обращение участников конференции к изменению кода в общении румын, проживающих в Испании, на английском языке, а также к языку мотоциклистов, при использовании которого возникают различия между техническими терминами и аргю. Вместе с тем, немаловажная роль была отведена направлениям, затрагивающим проблемы межкультурной коммуникации через Интернет.

На секции «**Грамматика**» остро обсуждались вопросы, связанные с типологической моделью синтаксиса современного румынского языка, грамматическими аспектами предлогов, входящих в структуру речевых оборотов, наречными выражениями образа действия в плане синхронии и диахронии в румынском языке, звательным падежом терминов, обозначающих родственные связи в старорумынском языке, критериями

классификации глаголов, управляющих дательным падежом.

Наконец, в секции «**Лексикография, словообразование**» были рассмотрены проблемы, связанные с фразеологическими выражениями, имеющими значение подчинённых предложений, суффиксами, вернувшимися из «забвения», типа *-eala*, заметками о словарном составе двух современных текстов молитвы, относительно семантического поля диких животных в романских языках, так называемому *лексематическому* словообразованию в современной фразеологии (*свисток в церкви* или *свистун в церкви?*), а также первым толкованиям слов в «Словаре румынского языка» на примере Димитрия Кантемира.

На заключительном заседании симпозиума под председательством Николае Сараманду были подведены его итоги и обозначены дальнейшие перспективы в разработке основных направлений современного состояния романских языков.

Оргкомитет выразил благодарность всем участникам прошедшего форума в надежде на продолжение конструктивного диалога по насущным проблемам романистики не только европейского, но и мирового масштаба.

*Зав. кафедрой романской филологии
Московского государственного областного
университета
доктор филологических наук,
профессор* *Скуратов И.В.*

НАШИ АВТОРЫ

Антипов Андрей Алексеевич, ассистент кафедры теории языка и англистики Московского государственного областного университета; e-mail: algenking@mail.ru

Болотова Юлия Сергеевна, соискатель кафедры грамматики и истории немецкого языка, преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медiateхнологий Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета; e-mail: yulia.bolotova@yandex.ru

Брунов Алексей Владимирович, аспирант Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова; e-mail: baron_brunov@mail.ru

Васильева Наталия Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: af-romfil@mgou.ru

Володина Ксения Александровна, аспирант кафедры германистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: bananzza@hotmail.com

Герасименко Дарья Викторовна, соискатель кафедры английского языкознания, преподаватель английского языка факультета мировой политики и социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: daryaguerasimenko@gmail.com

Ершов Максим Валерьевич, аспирант кафедры теории и методики преподавания Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, ассистент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного социального гуманитарного института (г. Коломна); e-mail: botan-06vic@mail.ru

Закирова Юлия Александровна, аспирант кафедры германистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: fox113105@mail.ru

Зарудняя Елена Владимировна, декан факультета лингвистики Международного института менеджмента ЛИНК; e-mail: lenor11@inbox.ru

Зимин Станислав Викторович, ассистент кафедры западноевропейских языков и методики их преподавания Московского педагогического государственного университета; e-mail: stanislavzimin@mail.ru

Зубарева Галина Сергеевна, аспирант кафедры германской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: galinaz1987@rambler.ru

Казюлина Марина Анатольевна, соискатель, старший преподаватель кафедры лексики английского языка Московского педагогического государственного университета; e-mail: foreinder@mail.ru

Киосе Мария Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики Международного института менеджмента ЛИНК; e-mail: eaa_kmi@mail.ru

Ковригина Ирина Анатольевна, аспирант кафедры теории языка и англистики, ассистент кафедры теории и практики английского языка Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: irusik_sm@mail.ru

Кожемякина Лилия Викторовна, аспирант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета, учитель английского языка Октябрьской средней общеобразовательной школы; e-mail: L_Kozhemyakina@mail.ru

Кондракова Юлия Николаевна, доцент кафедры древнееврейского языка и литературы Государственной классической академии им. Маймонида (Москва); e-mail: kondrakova.yulia@rambler.ru

Коробкова Мария Анатольевна, соискатель кафедры германистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: korma83@rambler.ru

Лиходкина Ирина Александровна, ассистент кафедры романистики и германистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: ilizka@rambler.ru

Люльчева Елена Михайловна, соискатель кафедры иностранных языков, старший преподаватель кафедры № 4 Института иностранных языков Российского университета дружбы народов; e-mail: suchkova.elena@mail.ru

Маликов Илья Геннадьевич, аспирант кафедры лексики английского языка Московского государственного педагогического университета; e-mail: imalikov@yandex.ru

Мышковая Ирина Борисовна, аспирант кафедры германских языков и культур Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: convolvulus@yandex.ru

Намычкина Елизавета Валентиновна, соискатель кафедры грамматики английского языка Московского педагогического государственного университета; e-mail: aunt_elsa@inbox.ru

Новак Ирина Петровна, аспирант Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; e-mail: bel.irina@rambler.ru

Овсянникова Марина Анатольевна, аспирант кафедры лексики английского языка Московского педагогического государственного университета; e-mail: ma.ovs@mail.ru

Острик Наталья Николаевна, лаборант кафедры английского языка, соискатель кафедры современного русского языка Ставропольского государственного университета; e-mail: ostriknat@yandex.ru

Пичугина Анна Анатольевна, аспирант кафедры русского и иностранного языков Поволжского государственного университета сервиса (Тольятти); e-mail: anna_pichugina@mail.ru

Полякова Наталия Владимировна, старший преподаватель кафедры романской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: movistar@hotmail.com

Редкозубова Анастасия Николаевна, соискатель кафедры теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: anastasia1706@inbox.ru

Руденко Елена Сергеевна, аспирант кафедры германской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: rudenko_elena1988@yahoo.de

Самохвалова Екатерина Владимировна, аспирант романо-германской филологии Института гуманитарного образования и информационных технологий (Москва); e-mail: kate19864@rambler.ru

Сергеева Юлия Михайловна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии Института гуманитарного образования и информационных технологий (Москва); e-mail: zork_lipa@mail.ru

Сухая Елена Владимировна, аспирант кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: elena.sukhaya@mail.ru

Сухина Елена Валерьевна, аспирант, ассистент кафедры английской филологии, Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: lissoni@yandex.ru

Усманов Фаррух Мусоевич, преподаватель, соискатель кафедры истории и грамматики английского языка Самаркандского государственного института иностранных языков (Самарканд); e-mail: farux.usmanov@mail.ru

Федосеева Марина Юрьевна, аспирант кафедры грамматики английского языка Московского педагогического государственного университета, преподаватель кафедры английской филологии Самарского государственного университета; e-mail: marinaf@sama.ru

Федулова Анна Николаевна, кандидат филологических наук, преподаватель Института иностранных языков Московского авиационного института; e-mail: anna-fedulowa@yandex.ru

Шамраева Карина Васильевна, соискатель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Ростовского государственного экономического университета (РИНХ); e-mail: karina-shamraeva@mail.ru

Юдина Ирина Юрьевна, методист научной части Московского государственного областного гуманитарного института; e-mail: irine7104@yandex.ru